

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока РАН
Центр изучения Вьетнама и АСЕАН

ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

**МАТЕРИАЛЫ
СОВМЕСТНОГО
РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Препринт

Москва
ИДВ РАН
2014

УДК [327+339.9](5-012)
ББК 65.9(55)+66.4(55)
П90

Ответственный редактор:
доктор экономических наук В.М. Мазырин

П90 Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. Материалы совместного российско-вьетнамского исследования : Препринт. — М. : ИДВ РАН, 2014. — 344 с.

ISBN 978-5-8381-0287-4

Сборник объединяет материалы исследования, которое проводится совместно учеными Института Дальнего Востока РАН и Института китаеведения Академии общественных и гуманитарных наук Вьетнама с привлечением специалистов из других научных учреждений РФ и СРВ. Материалы данного выпуска подготовлены в 2014 г.

Сборник состоит из двух частей: в первую входят статьи, посвященные политическим аспектам заявленной темы, во вторую — экономическим, причем наряду с проблемами безопасности здесь рассматриваются также состояние и перспективы сотрудничества и экономической интеграции стран региона и внерегиональных держав в новой международной обстановке. Представлены как авторские статьи, подготовленные в рамках исследования, так и доклады, прочитанные на двух круглых столах в ИДВ, которые были организованы с целью проведения широкой дискуссии по тематике проекта.

Материалы сборника рекомендуются к использованию специалистам, изучающим восточноазиатский регион, а также широкому кругу читателей.

Исследования проводятся по гранту РГНФ № 14-27-09001.

УДК [327+339.9](5-012)
ББК 65.9(55)+66.4(55)

ISBN 978-5-8381-0287-4

© ИДВ РАН, 2014

Содержание

Раздел первый

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА И МИРА

Академик РАН М.Л. Титаренко,

директор Института Дальнего Востока

Участие России в решении проблем безопасности

и сотрудничества в Восточной Азии 7

Портяков В.Я.

Контуры внешней политики пятого поколения лидеров

Китайской Народной Республики 31

Чан Кхань

Тенденции стратегии перебалансировки американских

военных сил в Юго-Восточной Азии 40

Локшин Г.М.

Вьетнам и восточноазиатское турне президента США 55

Кобелев Е.В.

Диалоговое партнерство «Россия—АСЕАН»:

состояние, проблемы, перспективы развития 81

До Минь Као

Влияние некоторых политических и региональных

изменений на безопасность Вьетнама 103

Уянаев С.В.

Политика Индии в Восточной Азии:

курсом безопасности и интеграции 125

Доклады на круглом столе в ИДВ 25 июня 2014 г.**ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ РЕГИОНА***Мазырин В.М.*О новых тенденциях в сфере безопасности
в ведущих странах Восточной Азии . . . . . 146*Портяков В.Я.*Новые подходы руководства КНР к обеспечению
собственной и региональной безопасности . . . . . 153*Виноградов А.В.*

Место США в Восточной Азии 159

*Кистанов В.О.*Политика Японии в сфере национальной безопасности:
проблемы и тенденции . . . . . 164*Жебин А.З.*Состояние ядерной проблемы на Корейском
полуострове . . . . . 170*Уянаев С.В.*Политика Индии в Восточной Азии:
мотивы и направления . . . . . 178*Локшин Г.М.*Механизмы коллективной безопасности
в Восточной Азии и опасность возврата региона
к состоянию холодной войны . . . . . 185*Кобелев Е.В.*Проблемы безопасности Вьетнама в свете современных
российско-вьетнамских отношений . . . . . 194*Ларин В.П.*Оценка текущих проблем безопасности в ведущих
странах региона . . . . . 200**Раздел второй****СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНЕ***Суслина С.С.*Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество
в свете «евразийской инициативы» Республики Кореи . . . . . 202*Мазырин В.М.*

Новые формы экономической интеграции между РФ и СРВ 228

Доклады на круглом столе в ИДВ 27 октября 2014 г.**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ***Мазырин В.М.*Экономические перспективы Восточной Азии до 2020 г. —
предварительная оценка . . . . . 253*Локшин Г.М.*Экономические позиции США в регионе и возможность
их укрепления или ослабления, концепция
«Возвращение в Азию» . . . . . 261*Портяков В.Я.*Возвышение Китая и его экономическая роль в регионе:
современные тенденции и перспективы . . . . . 267*Рогожина Н.Г.*Экологическая безопасность как неотъемлемый компонент
безопасности экономической . . . . . 273*Гордиенко Д.В.*

Понятие экономической безопасности на современном этапе . . . 281

*Федоровский А.Н.*Взаимодействие и столкновение экономических интересов
региональных держав (Китай, США, Япония и Россия) 289

<i>Островский А.В.</i> Изменения торгово-экономических связей КНР с РФ и АСЕАН в новых условиях	294
<i>Станран Н.В.</i> Интеграционная повестка форума АТЭС — 2014: возможности для России	302
<i>Рогожин А.А.</i> Некоторые параллели в прединтеграционных процессах в Восточной Азии	307
<i>Тавровский Ю.В.</i> Экономическая зона Шелкового пути как интеграционный проект	315
<i>Суслина С.С.</i> Ряд проблем экономической безопасности и сотрудничества в Восточной Азии	324
Краткое содержание статей	331
Summary of core papers	337
Краткие данные об авторах	342

Раздел первый

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА И МИРА

---

*Академик РАН М.Л. Титаренко,
директор Института Дальнего Востока*

УЧАСТИЕ РОССИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

**Растущая роль Восточной Азии в мире
и пути обеспечения безопасности и стабильности
в регионе**

В последние десятилетия значительно возросли роль и значение Восточной Азии и всего АТР в международных делах. Обладая мощным потенциалом политических, экономических и людских ресурсов, АТР становится одним из главных полюсов формирующегося нового многополярного миропорядка. Факторами, определяющими эту тенденцию, являются энергичный рост новых мировых центров экономического развития и политического влияния, прежде всего Китая, Индии и группы стран АСЕАН, интенсификация региональной интеграции, стремление к гармонизации взаимозависимых ин-

тересов и, как результат, активизация двусторонней и многосторонней дипломатической активности в регионе.

Сегодня это — наиболее динамично развивающийся регион мира, в котором сформировался новый центр экономики и политики и который по масштабам производства и объемам финансовых и научно-технических ресурсов значительно превосходит Европейский союз. На 21 страну из числа входящих в форум АТЭС приходится почти 57 % мирового ВВП, 48 % мировой торговли и более 40 % прямых иностранных инвестиций. В 10 самых больших государствах АТР проживает свыше половины населения Земли. На 8 наиболее крупных стран АТР приходится более трети глобального спроса на энергию и энергоносители — эти потребности продолжают стремительно возрастать¹. Из пяти мировых центров высоких технологий и инновационных разработок четыре (США, Китай, Япония, Южная Корея) находятся в зоне АТР. Такой статус АТР создает огромные возможности для устойчивого развития российской экономики, для укрепления российской государственности, увеличения ее вклада в мировое развитие.

Несмотря на глобальный экономический кризис, фундамент экономики АТР в целом сохраняет устойчивость. По прогнозам Азиатского банка развития (АБР), содержащимся в отчете «Asian Development Outlook 2014» в 2014 г. темпы роста ВВП 45 азиатских государств без учета Японии достигнут 6,2 %, а в 2015 году 6,4 %. Иными словами, АТР остается живой движущей силой глобального экономического роста. Его вклад в глобальный экономический рост превысит 40 %, в том числе более 20 % этого увеличения обеспечивает КНР, хотя темпы роста ВВП Китая в связи с переходом от экстенсивной модели экономической стратегии к инновационной, интенсивной модели снизились примерно с 9 % до 7 %².

Однако, наряду с перемещением центра мировой экономики и политики в АТР, там остаются нерешенными серьезные международные проблемы. В Восточной Азии, в непосредственной близости от границ России, сосредоточены мощные вооруженные группировки ряда крупнейших государств, тлеет ряд опасных локальных конфликтов, сопровождающихся практически неконтролируемым наращиванием вооружений. Обстановка усугубляется тем, что чрез-

вычайно богатые природными ресурсами дальневосточные просторы России мало населены и освоены.

Вызывают тревогу взрывоопасная ситуация на Корейском полуострове, вызовы ядерному нераспространению, значительно обострившиеся в последнее время территориальные споры, трансграничная преступность, киберпреступность, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и т. д. Заметно усилилось противоборство между ведущими державами региона. Ситуацию усугубляет тот факт, что в АТР отсутствует надежная система обеспечения стабильности и безопасности, а наметившаяся несколько лет тому назад объединительная повестка дня поставлена под угрозу и фактически заморожена.

Необходимость стабилизации обстановки в Восточной Азии имеет большое мировое значение в силу геостратегического и геоэкономического положения региона, расположенного на важнейших морских путях.

Не ослабляют усилий по утверждению своего лидерства в мире Соединенные Штаты. Провозгласив новую стратегию «возвращения в Азию», они пытаются активно использовать эти противоречия в своих интересах. Заявлено, что XXI век будет «тихоокеанским веком» в политике США³.

Политические декларации сопровождаются предпринятыми Соединенными Штатами в последнее время масштабными шагами по дальнейшему укреплению своего военного присутствия в АТР. Объявив о свертывании американских военных операций в ряде районов мира и о сокращении военных расходов США, Б. Обама в выступлении в Пентагоне указал, что эти меры никак не затронут АТР⁴. В частности, предусматривается дальнейшее усиление американской военной группировки на Тихом океане с упором на военно-морские и военно-воздушные компоненты; применение в военной сфере современных достижений информатики и электроники; дальнейшее развертывание широкомасштабной глобальной и нацеленной на Восточную Азию региональной системы ПРО; укрепление военных баз на о. Гуам и на Окинаве с выделением для этого крупных денежных средств; увеличение военной помощи американским союзникам в АТР.

При определенном свертывании своих военных операций в других районах мира Соединенные Штаты осуществляют масштабную переброску в АТР своих сухопутных частей, поставлена задача сосредоточения в регионе 60 % американских ВМС и расположенных за рубежом либо ориентированных на Азию соединений ВВС. На конференции «Шангри-Ла Диалог» в Сингапуре в июне 2012 г. американский министр обороны заявил, что Вашингтон будет делать все для сохранения своего военного превосходства в АТР, планируя через несколько лет сконцентрировать здесь 6 из 11 авианосных групп ВМС США⁵.

Формируется, по сути, новый мощный военный комплекс в юго-западной части Тихого океана — размещение 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) и флотских и авиационных соединений (называются, в частности, истребители F-22 и транспортные самолеты C-17, а в будущем, возможно, и стратегические бомбардировщики), создаются либо укрепляются опорные пункты на Филиппинах, в Сингапуре и в Новой Зеландии⁶.

С начала 2014 года Соединенные Штаты активизировали создание системы ПРО для Восточной Азии, максимально приблизив строящуюся сеть РЛС ПРО к границам КНР. До конца 2014 года будет полностью введен в строй второй радар американской системы противоракетной обороны в Японии. Радар X-диапазона будет размещен рядом с базой Воздушных сил самообороны Японии в префектуре Киото и станет еще одним звеном в уже существующей системе противоракетной обороны страны. Ведется строительство объектов системы ПРО в Южной Корее⁷.

По оценкам многих специалистов, эта деятельность осуществляется с явным прицелом на Китай и на регион Южно-Китайского моря, где США берут курс на открытое противостояние с КНР. США, фактически, заняли сторону Японии и стран ЮВА в их споре с КНР из-за островов в акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, пытаются мобилизовать эти страны на более решительное отстаивание — при поддержке Вашингтона — своих позиций.

В середине апреля 2012 г. состоялись совместные американо-филиппинские военные маневры вблизи спорных островов в

Южно-Китайском море, в которых также приняли участие военно-служашие Австралии, Японии и Южной Кореи⁸.

Фактором, существенно осложняющим выполнение стоящих перед Россией задач, стало обострение американо-китайских противоречий в АТР. Попытки США навязать свои взгляды на Восточноазиатском саммите (ноябрь 2011 г., о. Бали), вынести на общее обсуждение проблемы территориального разграничения в Южно-Китайском море вызвали сильнейшее недовольство Китая. Все это затрудняет использование Восточноазиатского саммита как головной общерегиональной площадки для обсуждения проблем безопасности и сотрудничества стран АТР. Не способствует оздоровлению ситуации в АТР и настойчивость США по созданию в противовес АТЭС организации Транстихоокеанского партнерства (ТТП) без включения в нее Китая и России.

Серьезным раздражителем являются и территориальные претензии Японии к России, приобретающие все более жесткий характер. Токио рассчитывает на поддержку со стороны Вашингтона и союзников США. Определенные круги в Японии стремятся окончательно сбросить наложенные на нее ограничения в развитии вооруженных сил. Вашингтон с нарастающей настойчивостью вовлекает Японию в свои военные планы в Восточной Азии.

Существенные риски исходят с Корейского полуострова, ввиду нерешенности ядерной проблемы Северной Кореи, нестабильного положения КНДР на уровне межкорейских связей, напряженности в отношениях КНДР с США и Японией — вплоть до планов Вашингтона ликвидации северокорейского режима путем поглощения КНДР Южной Кореей.

Наряду с этим, в мире нарастают новые вызовы и угрозы. Невиданные размеры принял международный терроризм, начинают сбываться пророчества о «столкновении цивилизаций», нищета и голод, охватывающие все новые и новые регионы, политика насилия над собственным народом порождают масштабные протестные движения, справиться с которыми все труднее, а применяемые для этого методы зачастую лишь усугубляют ситуацию. Задача России и ее союзников — не допустить развития опасных тенденций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, превращения АТР в еще один эпи-

центр противоречий и конфликтов, продолжив усилия по строительству здесь новой архитектуры, основанной на сотрудничестве, взаимном доверии, равной безопасности всех стран региона.

Быстрый рост глобальных и региональных центров силы — Китая, Японии, стран АСЕАН и др. — сопровождается интенсивным развитием экономической интеграции в АТР. Здесь активно формируются зоны свободной торговли, которые в ближайшие годы могут охватить практически все страны региона.

Особого внимания с позиций интересов России требует Северо-Восточная Азия — один из наиболее значимых и перспективных регионов мира с точки зрения его геополитической роли. В Северо-Восточной Азии непосредственно сходятся интересы четырех крупнейших держав — США, Китая, России, Японии. Имеются все необходимые предпосылки для превращения региона в высокоразвитый индустриально-промышленный и финансово-экономический центр общемирового значения. Быстрое развитие Северо-Востока Китая, где появились мощные промышленные кластеры, нуждающиеся в расширении обслуживающей их инфраструктуры, в значительной мере способствует этому процессу.

Северо-Восточная Азия представляет первостепенный интерес также и для Японии и Республики Корея с их крупными промышленными потенциалами и большими инвестиционными возможностями. Активные связи с регионом развивают и США. На повестке дня стоит осуществление в Северо-Восточной Азии масштабных ресурсных, энергетических, инфраструктурных проектов с участием России, Китая, других заинтересованных стран. Эффективные шаги по разработке собственной сырьевой, промышленной и сельскохозяйственной базы осуществляет Монголия.

Учитывая растущий интерес Вашингтона и Токио к Индии, их явные попытки перетянуть Дели на свою сторону, важно и дальше уделять первостепенное внимание развитию российско-индийских связей, что также способно внести большой вклад в дело интеграции РФ в экономику АТР. Полезную роль для выработки стратегии соразвития играет крепнувший формат трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая (РИК). Имея в виду мощный совокупный потенциал трех стран, совпадение или близость их подходов к

фундаментальным проблемам современности, можно утверждать, что сотрудничество в структуре РИК может стать важным фактором укрепления позиций трех государств в Восточной Азии и в АТР в целом.

Немалые возможности для укрепления международных позиций России для построения многополярного, справедливого и демократического мира открывает сотрудничество в рамках такой уникальной структуры, как БРИКС. На пять стран БРИКС приходится более 40 % населения, а их доля в мировом ВВП с начала нынешнего столетия увеличилась в 2,4 раза с 8,7 % до 20,7 %. Экономика этой группы стран в сравнении со среднемировыми показателями развивается опережающими темпами. В 2010—2013 гг. средние темпы экономического роста составили 5,36 %, в то время как в развитых странах Запада этот показатель составлял 1,85 %⁹. В статье В.В. Путина подчеркнута значимость формата БРИКС: «Придаем и будем придавать приоритетное значение взаимодействию с партнерами по БРИКС. Это уникальная структура, созданная в 2006 г., нагляднее всего символизирует переход от однополярности к более справедливому мироустройству»¹⁰. Новые горизонты открывает начало работы с января 2015 г. Евразийского экономического союза, призванного стать мостом между странами СНГ и Восточной Азией.

Пути обеспечения безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе обсуждались на состоявшихся в Сингапуре 12-й конференции «Шангри-Ла Диалог» (май—июнь 2013 г.) и заседании в Куала-Лумпуре 27-го Азиатско-Тихоокеанского «круглого стола» (июнь 2013 г.), в которых приняли участие представительные официальные делегации стран региона, включая Россию, Китай, США. Было высказано немало ценных предложений. Общий тон дискуссий сводился к тому, что нужно стремиться избегать конфронтации и силовых решений, добиваться урегулирования имеющихся проблем на основе диалога, взаимной уступчивости и сотрудничества.

Основная цель, которую ставит перед собой российская дипломатия в Азиатско-Тихоокеанском регионе — *запуск широкого диалога по формированию эффективной региональной архитектуры*. Потребность в этом возрастает по мере повышения роли региона в мировых

делах. Россия, как и Китай, выступает за сохранение ведущей роли АСЕАН и АРФ, созданных в их рамках механизмов, в том числе с участием других ведущих стран региона, крупных внерегиональных акторов, в решении проблем региона, дальнейшем продвижении интеграционных процессов в АТР. Вместе с тем, в качестве ведущей региональной площадки для диалога руководителей стран-участниц по проблематике региональной стратегической стабильности и безопасности можно было бы использовать механизм Восточноазиатских саммитов.

Принципиальную позицию занимает Россия в отношении *территориальных споров в АТР*: решения по территориальным вопросам по итогам Второй мировой войны являются незыблемыми и пересмотру не подлежат. В принятом во время визита в Китай президента РФ (2010 г.) «Совместном заявлении в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны» Россия и Китай с близких позиций оценили итоги и уроки войны, осудили попытки фальсификации ее истории, героизации нацистов, милитаристов и их пособников.

Что касается территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ), то Россия полагает, что все вовлеченные в эти споры государства должны строго следовать принципу неприменения силы или угрозы силой, продолжать настойчивый поиск путей политико-дипломатического урегулирования имеющихся проблем на основе норм международного права, зафиксированных в Уставе ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Консультации и переговоры по территориальным проблемам ЮКМ должны вести непосредственные участники споров в определенном ими самими оптимальном формате. Россия поддерживает усилия государств АСЕАН и Китая по выработке юридически обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ.

Позиция и интересы России в Восточной Азии и АТР

Огромное влияние на внешнюю политику РФ оказывает геополитическое местоположение России как евроазиатской и тихоокеанской державы. Именно этот объективный фактор диктует ей

необходимость поддерживать равнозначность, с одной стороны, «евроатлантической», западного направления, а с другой — азиатско-тихоокеанского, восточного вектора. По оценке президента РФ В.В. Путина азиатско-тихоокеанский вектор является одним из приоритетных в политике России.

В целом ситуация в АТР для РФ достаточно благоприятна: ныне здравомыслящие политики не ставят под сомнение принадлежность России к этому региону, наша страна является активным членом наиболее важных организаций и структур АТР. Большинство азиатских стран, да и США, судя по отдельным их заявлениям, приветствуют конструктивное участие России в решении имеющихся в регионе проблем, рассматривают ее как важный стабилизирующий фактор.

В то же время слабым звеном являются экономические позиции РФ в АТР, для которого экономический вес и роль страны в интеграционных процессах имеют первостепенное статусное значение. К сожалению, на Россию приходится сегодня не более 1,5 % внешнеэкономических операций АТР. Несопоставимы объемы ВВП ведущих стран региона с ВВП России: в 2013 г. объем ВВП США составил 16,724 трлн долл. (около четверти мирового ВВП), КНР — 8,939 трлн долл., Япония, 5,007 трлн долл., а России — лишь 2,118 трлн долл.¹¹

Дальнейшее освоение и развитие Сибири и Дальнего Востока имеет принципиальное значение для реализации экономической стратегии России в целом, модернизации российской экономики, ее реиндустриализации, придания инновационного характера развитию страны, с последующей интеграцией в экономическое пространство АТР. В Сибири и на Дальнем Востоке сконцентрированы гигантские природные, минерально-сырьевые и энергетические ресурсы, что создает для региона неоспоримые преимущества. Этот огромный ресурсный потенциал не только во многом определяет статус России как великой державы, но и является неотъемлемым элементом дальнейшего развития и модернизации всей страны, важным стимулом подъема экономики азиатских и европейских районов России. Однако, несмотря на громадный потенциал России, ее реальная доля в экономике региона составляет лишь около 1 %.

Нынешнее руководство РФ ставит задачу подъема восточных регионов в тесной увязке с решением проблем углубления интеграции России в политико-экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона и развития всестороннего сотрудничества с нашими соседями, прежде всего с КНР. *Развитие Востока страны, интенсивное углубление ее связей с соседями рассматриваются в РФ как две взаимосвязанные цели или, точнее, как одна двуединая задача.* С одной стороны, наращивание сотрудничества с дальневосточными соседями рассматривается как мощный инвестиционный и кооперационный инструмент подъема Сибири и Дальнего Востока; с другой — этот подъем должен стать катализатором интеграции РФ в пространство АТР, а также фактором совместного развития с нашими соседями и партнерами.

Можно напомнить в связи с этим, что в канун проведения саммита АТЭС во Владивостоке в ряде интервью президент РФ заявил о необходимости усилить внимание к Азии, на которую приходится 2/3 территории России и только 24 % ее товарооборота¹². По словам президента, *«полноформатный выход на азиатско-тихоокеанское пространство» Москва рассматривает «как важнейший залог успешного будущего России, развития сибирских и дальневосточных регионов»*¹³.

Одна из главных задач, которые ставит перед собой российская дипломатия в регионе, — активное содействие созданию в АТР комплексной системы региональной безопасности, учитывающей интересы всех его государств.

Интеграционные задачи и возможности России

Следует отметить, что полный учет геополитической реальности и евроазиатско-тихоокеанской идентичности российского государства имеет принципиальное значение для выработки реалистической стратегии развития региона АТР, для выстраивания межцивилизационного диалога, диалога культур, являющихся сегодня важным элементом международных отношений. Активная деятельность России в АТР, ее полноценное подключение к идущим интеграционным процессам в регионе напрямую связаны с решением задач,

направленных на создание благоприятных условий для социально-экономического подъема восточных районов РФ и повышения геополитической роли России.

В Концепции внешнеполитической стратегии России приоритетное развитие экономических взаимоотношений и других форм сотрудничества со странами АТР рассматривается как одна из главных ключевых задач внешней политики Российского государства.

Российская Федерация обеспечивает свои интересы в АТР на основе участия в качестве полноправного члена в таких региональных организациях, как Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС, 1998 г.), Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС, 1991 г.), Экономический совет стран Тихоокеанского бассейна (ТЭС, 1995 г.), а также на основе участия в качестве партнера по диалогу в Форуме региональной безопасности АСЕАН (АРФ). РФ имеет статус «нерегионального члена» в Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО).

Россия является неотъемлемой частью АТР. Жизненное значение для нашей страны имеет использование азиатско-тихоокеанских капиталов, рынков и интеграционного потенциала в интересах подъема российской экономики, в первую очередь дальневосточной. Ориентация на страны Азиатско-Тихоокеанского региона придает экономике Дальнего Востока и всей России большую устойчивость, а также является дополнительным стимулом ее развития.

На фоне динамично поднимающегося Азиатско-Тихоокеанского региона резким контрастом выглядит ситуация в Дальневосточном федеральном округе России. Для российского Дальнего Востока характерны инфраструктурная неразвитость; отсталые технологии производства и доставки товаров; изношенность основных производственных фондов; низкий уровень вложений в основной капитал; недостаточность базы для производства и внедрения инноваций. Острейшая проблема — малочисленность и отток населения, острый дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной. В таких условиях предложения об осуществлении в этой части страны крупных транснациональных проектов (например, в области

связи и телекоммуникаций, портовых хозяйств и пр.) вызывают сдержанную, а то и откровенно скептическую реакцию у потенциальных инвесторов. К тому же у России как участника международного экономического сотрудничества в АТР обозначаются проблемы и в областях, где, как принято считать, она обладает солидными конкурентными преимуществами, а именно — в добывающих сырьевые ресурсы отраслях.

Осознание стратегической необходимости в кратчайшие сроки решить застарелую проблему преодоления отсталости Восточной Сибири и Дальнего Востока в российских руководящих кругах присутствует. Президент В.В. Путин в одном из своих первых указов «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» поставил задачу: «наращивать участие в интеграционных процессах в АТР в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹⁴. Образовано министерство по развитию Дальнего Востока.

К сожалению, в настоящее время в производимой российским Дальним Востоком продукции доминируют сырьевые необработанные ресурсы. Именно они и являются главным товаром в нашем экспорте в страны АТР. По словам бывшего полпреда-министра Виктора Ишаева, структура экспортно-импортных отношений между российским Дальним Востоком и странами АТР сейчас совершенно удручающая: 80 % российского экспорта — это сырье, а 80 % импорта в регионе — высокотехнологичная продукция... страны АТР уже контролируют 40 % ресурсов российского Дальнего Востока (март 2013 г.), ... китайские компании уже владеют 40 % биоресурсов ДФО и 50 % общего объема лесозаготовок¹⁵.

В рамках АТР необходимо углублять двухстороннее и многостороннее сотрудничество. Для ДФО последние 10—15 лет основными внешнеторговыми партнерами являются лишь три страны региона: КНР, Япония и Республика Корея, на долю которых приходится порядка 80 % товарооборота¹⁶. Взаимодействие с каждой из этих стран имеет свои особенности. Руководство РФ приоритетное внимание в настоящее время уделяет китайскому направлению.

Вместе с тем следует признать, что социально-экономический и культурный подъем Дальнего Востока является одной из наиболее сложных стратегических задач территориального развития России. Решение этой задачи, особенно на фоне глобализации и роста роли АТР, во многом, если не в решающей степени, лежит в плоскости активного регионального экономического сотрудничества и включения России в интеграционные процессы в Азии.

В последние годы правительство РФ выдвинуло масштабные задачи и активизировало курс на *ускоренный подъем экономики Восточной Сибири, российского Дальнего Востока и Байкальского региона* как главного направления интеграции России в Северо-Восточной Азии и, следовательно, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В декабре 2009 г. была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года». Осуществляются практические меры, направленные на улучшение климата для иностранных инвестиций, рассматривается вопрос о присоединении России к зонам свободной торговли, охватывающим все новые и новые пространства в Восточной и Юго-Восточной Азии. Первостепенное значение для развития восточных регионов РФ имеет создание международной транспортной инфраструктуры и международной топливно-энергетической системы СВА, охватывающей Сибирь, Дальний Восток и наших соседей по региону, подключение к разрабатываемым по линии региональных организаций АТР экономическим программам, привлечение к азиатским проектам российского бизнеса.

Существо российских предложений, в частности, выдвигаемых экспертами ИДВ РАН, по повышению эффективности двустороннего межрегионального сотрудничества, могут быть сведены к следующим основным положениям.

1. Прежде всего, речь идет о необходимости изменения ситуации, когда консервируется «сырьевой, ресурсный характер» российского участия в двустороннем сотрудничестве. Лишь крайне незначительная часть проектов Программы, как отмечалось, предполагает *создание на территории РФ совместных высокотехнологичных перерабатывающих сырье производств*.

Понимая, что в одночасье проблему не решить, российские эксперты предлагают для начала сосредоточить усилия на меньшем, но на оптимальном для обеих стран количестве проектов, отдавая при этом предпочтение проектам одновременно и высокотехнологичным, и представляющим естественный двусторонний интерес.

2. Такими сферами и направлениями сотрудничества, по меньшей мере, на начальном этапе — могли бы стать следующие:

а) огромные масштабы может приобрести сотрудничество РФ и КНР в области *развития транспортной инфраструктуры* на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири — создание единых транспортных линий через пункты пропуска на российско-китайской границе, модернизация российских железных дорог (Транссиб, БАМ), ведущих от Транссиба к российско-китайской границе, строительство мостов через реки Амур и Уссури.

Крайне важной стала задача по созданию надежной межрегиональной и внутрирегиональной транспортной инфраструктуры, охватывающей железнодорожный, автомобильный, воздушный и водный транспорт и значительно облегчающей межрегиональное общение между сибирскими и дальневосточными регионами нашей страны;

б) *осуществление транспортно-логистических услуг*, создание принципиально новой быстрой, экологически чистой, экономичной и безопасной транспортно-коммуникационной системы, использующей возможности российского оборонного машиностроения двойного назначения, а также мощности смежного оборонного комплекса. Особое внимание следует уделить также развитию сферы современных услуг, включающих компьютерные и информационные, медицинские и образовательные услуги;

в) *долговременное стратегическое сотрудничество в различных сферах энергетики* (нефть, газ, электро — и атомная энергетика, добыча и поставка высококачественных углей) с Китаем и другими партнерами АТР имеет для России и наших партнеров особое значение. Исключать ресурсные поставки из Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока в КНР, Японию, Южную Корею российских энергоносителей, прежде всего углеводородов, электроэнергии, а также леса, металлов — было бы, по меньшей мере, не по-хозяйски.

При этом важно помнить, что именно возможности РФ как страны-экспортера и потребности Китая в качестве государства-импортера составляют основу того благоприятного феномена, который называют взаимодополняемостью экономических секторов двух стран. Но одновременно речь должна идти и о диверсификации такого сотрудничества — о решительном дополнении торговли производственной кооперацией: газо- и нефтепереработка, участие на взаимовыгодной основе компаний РФ в соответствующей розничной сети в КНР, совместное строительство электростанций и ЛЭП, глубокая переработка леса;

г) большие потенциальные возможности для развития и сотрудничества имеются также в сферах фармацевтики, в деле возрождения зверохозяйств (клеточных) пушных зверей, в освоении рекреационных ресурсов и взаимного туризма, производстве дешевых потребительских товаров повышенного спроса, создании зон межрегионального и приграничного сотрудничества и т. д.

Очевидно, что реализация упомянутых и не упомянутых здесь проектов связана с *активизацией инвестиционного сотрудничества*, включая осуществление соответствующего российско-китайского межгосударственного плана. В этой связи возрастает значение создания в РФ благоприятного инвестиционного климата. Речь идет о снижении налоговой нагрузки на инвесторов, дебюрократизации процедур, создании льгот для долгосрочных прямых инвестиций.

Развитие региональной экономики повлечет за собой решение всего комплекса задач, которые сегодня стоят перед сибирскими и дальневосточными субъектами Российской Федерации. Среди этих задач — развитие промышленно-производственной базы, транспортной инфраструктуры, формирование рынка занятости, решение социальных вопросов, повышение благосостояния населения, привлечение дополнительных трудовых ресурсов из европейских районов России, решение демографических и иных проблем.

Необходимо учесть также, что в Сибирском регионе существует серьезный научно-технический и научно-образовательный потенциал. В Сибири работает более 100 институтов и исследовательских

центров, многие из которых являются головными в стране по важнейшим отраслям современной науки и техники. Здесь подготовлено к применению свыше 300 научных разработок. Их реализация позволит в разы сократить материалоемкость и энергоемкость производства, повысить производительность труда.

В этих условиях в мировом сообществе крепнет убеждение, *что нужны принципиально иные подходы к урегулированию мировых проблем*, такие решения, которые отвечали бы потребностям всех стран, способствовали стабильности и равной безопасности. Все большее влияние на ход мировых событий оказывает группа стран с быстро развивающейся экономикой, добивающихся справедливого миропорядка, изменения сложившейся финансово-экономической системы, обеспечивающей ныне в первую очередь интересы развитых стран.

Взаимодействие РФ и КНР как фактор стабильности в АТР

Центральным звеном, способствующим упрочению национальной безопасности и позиций России в АТР, является *российско-китайское стратегическое взаимодействие и доверительное партнерство* — одна из несущих опор современного миропорядка. Обе стороны придерживаются общих либо близких взглядов по наиболее важным проблемам мирового развития, выступают за многополярность международных отношений, построение справедливого, рационального и демократического мирового политического и экономического порядка.

По инициативе лидеров России и Китая возник целый ряд диалоговых структур и организаций нового типа, которые позволяют продвигать и отстаивать жизненные интересы безопасности, территориальной целостности и суверенитета наших стран политическими средствами, не прибегая к методам военной конфронтации, кроме, разумеется, случаев появления прямой военной угрозы. Примером таких совместных реализованных инициатив является создание

Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), образование диалоговых структур Россия—Индия—Китай (РИК), а затем БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—Китай—Южная Африка).

ШОС имеет исключительное значение для России. Имея огромный потенциал, она пока мало чем может похвастаться в плане достижения значимых практических результатов, тогда как тревожная ситуация в мире и в Центральной Азии, как зоне ответственности ШОС, требует более активных действий. Представляется целесообразным подвергнуть специальному анализу нынешние процессы в Центральной Азии, разработав (возможно, в сотрудничестве с ОДКБ) конкретные меры по стабилизации обстановки в регионе, оказанию помощи странам, переживающим особые трудности (Киргизия, Таджикистан). В связи с этим, на первый план выдвигаются задачи упрочения взаимодействия РФ с Китаем, тем более что многие наблюдатели обращают внимание на усиливающееся негласное соперничество двух стран за влияние в Центральной Азии. Возникла настоятельная необходимость изыскания путей эффективного сотрудничества между ШОС, ЕАЭС, ОДКБ.

БРИКС и РИК играют возрастающую политическую роль в современных международных отношениях, содействуют углублению взаимопонимания между крупнейшими странами этих диалоговых платформ. В.В. Путин и Си Цзиньпин на встрече в мае 2014 г. подчеркнули, что «Россия и Китай выступают за трансформацию БРИКС в механизм сотрудничества и координации по широкому спектру глобальных финансово-экономических и международно-политических проблем, включая установление более тесного экономического партнерства, скорейшее создание в рамках БРИКС Банка развития и формирование пула валютных резервов; за расширение совместными усилиями представительства и права голоса государств с формирующимися рынками и развивающихся государств в системе глобального экономического управления, за формирование открытой мировой экономики; за углубление сотрудничества в сфере внешней политики, в том числе в урегулировании региональных конфликтов»¹⁷.

Кардинальное значение для поддержания стабильности в мире имеет *дальнейшее упрочение российско-китайских связей, расширение*

взаимодействия РФ и КНР на международной арене и в АТР. В ходе встречи в Дели в марте 2012 г. руководители двух стран заявили, что будут прилагать совместные усилия для «вывода китайско-российских всеобъемлющих отношений стратегического взаимодействия и партнерства на новый, более высокий уровень»¹⁸.

Четкую установку на приоритетное развитие российско-китайских отношений дал В.В. Путин в своей статье от 27 февраля 2012 г. «Россия и меняющийся мир»: «Китайский голос звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка. Будем продолжать оказывать друг другу поддержку на международной арене, сообща решать острые региональные и глобальные проблемы, наращивать взаимодействие в Совете Безопасности ООН, БРИКС, ШОС, «двадцатке» и других многосторонних механизмах»¹⁹. Немаловажное значение для Китая имеет постоянно подтверждаемая позиция российской стороны, что для России неприемлемо участие в каких-либо коалициях и схемах, направленных на «сдерживание» КНР.

В 2012 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао заявил: «Китайское правительство и народ окажут решительную поддержку России в выборе пути развития, который отвечает ее реалиям, а также поддержку усилиям, прилагаемым Россией для обеспечения государственного суверенитета, безопасности и продвижения экономического роста»²⁰.

Стороны осуществляют решительные шаги по реализации принятого Россией и Китаем во время визита в КНР президента РФ (2010 г.) решения совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР «в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и взаимодействия»²¹.

Стороны, в частности, подчеркнули, что они выступают за создание в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех сторон. В Совместном заявлении по итогам визита Ху Цзиньтао в Россию стороны указывали, что они «придают особое значение механизму Восточноазиатских саммитов как важному форуму, объединяющему государства АТР. Стороны продолжают, как

было сказано, укреплять роль Восточноазиатских саммитов как основной площадки стратегического диалога с участием лидеров государств АТР в интересах развития региона и поддержания в нем безопасности». Было также подчеркнуто намерение «продолжать прилагать усилия в целях создания в Северо-Восточной Азии многостороннего механизма обеспечения мира и безопасности»²².

Сейчас на первый план в наших отношениях с Китаем выходят задачи интенсификации долговременного экономического сотрудничества. Хотя за последние годы и в этой области достигнуты неплохие результаты — объем торговли в 2014 г. приблизится к 90 млрд долл. — однако в целом российско-китайские торгово-экономические связи уступают по степени активности и масштабам российско-китайскому политическому сотрудничеству. Крайне низки объемы взаимных инвестиций (по состоянию на начало 2014 г. китайские нефинансовые прямые инвестиции составили 4,08 млрд долл., а общий объем накопленных инвестиций достиг 7 млрд 661 млн долл.; суммарный объем российских прямых инвестиций к этому же периоду составил 869,79 млн долл.)²³.

Особо следует выделить планы по осуществлению разработанной сторонами «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 годы», реализация которой на основе принципов взаимного выигрыша будет иметь огромное значение для ускоренного подъема восточных регионов России, а также Северо-Востока и Запада Китая.

К сожалению, эта программа в своем первоначальном виде имела не самый оптимальный для РФ сугубо ресурсный уклон. После доработки программы на приграничных территориях обеих стран до 2018 г. предполагается осуществить 205 совместных проектов. Из 87 проектов, запланированных к осуществлению на территориях дальневосточных и восточносибирских субъектов РФ, около 60 % — это добыча или первичная переработка сырья. В то же время из 125 запланированных предприятий на территории Северо-Востока КНР к сырьевым проектам (с упором на переработку, а не на добычу) относится не более 15 %²⁴. Прочие же ориентированы на производство высокотехнологичной продукции.

В настоящее время в российской части программы большое место занимают добывающие отрасли и отрасли первичной переработки сырья, а отрасли, производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью, занимают незначительное место. Очевидно, что такое положение может повести к консервации нынешнего (сырьевого) экспортного потенциала восточных регионов России. Таким образом, Россия рискует превратиться в территорию, на которой будут сконцентрированы главным образом добыча минерального сырья и экологически обременительные производства. Это ставит нашу страну в серьезную зависимость от конъюнктуры на мировых рынках. Видимо, не без учета этого обстоятельства руководство РФ в 2012 г. высказалось решительно в пользу реиндустриализации России.

Высокий уровень отношений между двумя странами, в частности, в политической и межгосударственной областях, не означает, что эти отношения свободны от ряда проблем. По мнению китайских экспертов, наблюдается определенная недооценка со стороны некоторых российских кругов значения отношений с Китаем. В КНР отмечают, что в российских СМИ все еще тиражируются надуманные заявления о «китайской угрозе», нередки проявления недоброжелательства в отношении китайских граждан, работающих в России. Тезис о «желтой опасности», вбрасываемый, в том числе и извне, часто связан с предвзятостью информационных источников по вопросам масштабов и мотивов китайской миграции в РФ и базируется на сугубо алармистской трактовке вырванных из общего контекста целей «возвышения» и мирного развития Китая.

Тем не менее, огромный потенциал взаимовыгодного сотрудничества и благоприятные возможности реализации российско-китайского партнерства, безусловно, превалируют над надуманными «угрозами». Отношения сторон освобождены от антагонистических притязаний, и существовавшие «наносы» и противоречия разрешены на взаимоприемлемой основе. Таким образом, проблемы могут решаться на пути конструктивного и целенаправленного взаимоуважительного диалога в рамках созданной многоуровневой уникальной структуры политических консультаций.

Визит президента России В.В. Путина в Китай 20 мая 2014 г. вывел российско-китайские отношения на совершенно новый этап всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Практические результаты российско-китайского саммита в Шанхае превзошли ожидания, открыв новые горизонты в развитии политических, торгово-экономических, военно-технических и гуманитарных связей между РФ и КНР. Его итоги стали также важным элементом дальнейшего реформирования современных международных отношений и движения в направлении многополярного мироустройства и укрепления стабильности.

Во время встречи лидеров РФ и КНР в Шанхае было подписано около 50 соглашений, контрактов, меморандумов и проч. Они охватывают такие практические отрасли двустороннего экономического взаимодействия, как финансы, энергетика, гражданское авиастроение, строительство крупных инфраструктурных объектов, расширение взаимных инвестиций, сотрудничество в области развития информационных и телекоммуникационных технологий и многие другие. Большие надежды стороны связывают и с расширением торговых связей.

Специалисты полагают, что складывающиеся перспективы в торгово-экономической области весьма благоприятны. Сферы взаимодействия постоянно расширяются, а уже имеющиеся получают дополнительные стимулы для развития. Особое значение в российско-китайском взаимодействии приобретают вопросы долгосрочного энергетического сотрудничества.

Москва и Пекин заключили один из самых ожидавшихся контрактов: о поставках в Китай российского природного газа. Речь идет о транспортировке «голубого топлива» в КНР с восточного направления. Поставки газа рассчитаны на 30 лет. Ежегодные объемы в 38 млрд кубометров природного газа — не предел, так как следующим этапом станет введение в строй западного направления доставки газа в КНР, что позволит довести общие поставки до 60 млрд кубометров газа в год²⁵.

Расширение сотрудничества в области газа в сочетании с увеличением поставок российской нефти повышает для Китая уровень его энергетической безопасности, а для России создает стабильный,

диверсифицированный и надежный канал сбыта энергоресурсов. До настоящего времени Китай импортирует львиную долю энергоресурсов из стран Ближнего Востока. Удаленность региона, сложности доставки углеводородов по морскому пути, который может быть ограничен в любой момент, создают очевидные риски для китайской энергетической безопасности. Новые договоренности с Россией в максимальной степени повышают уровни энергетической безопасности Китая.

Безусловно, также, что большое значение в двустороннем российско-китайском экономическом сотрудничестве будут приобретать планы Китая по выстраиванию экономического пояса «шелкового пути» из Азии в Европу. Его южная и северная части будут проходить через Россию, поэтому взаимодействие двух стран в реализации этих планов выгодно обоим государствам. «Китайско-российское сотрудничество стало очень важным элементом установления взаимосвязей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. — считает директор Института России при Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь. — Соединение Транссибирской магистрали и нового «экономического пояса Шелкового пути» также может сыграть весьма конструктивную роль»²⁶. На переговорах в Шанхае президент России В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин договорились о том, что «стороны продолжат поиск путей возможного сопряжения проекта «Экономического пояса Шелкового пути» и создаваемого Евразийского экономического союза»²⁷. Для этого они намерены и дальше углублять сотрудничество между компетентными ведомствами двух стран.

Чрезвычайно важны и политические компоненты российско-китайского саммита в Шанхае. Россия и Китай заявили о том, что «будут и далее углублять взаимодействие в рамках Восточноазиатского саммита (ВАС), Регионального форума АСЕАН по безопасности и других многосторонних механизмов диалога и сотрудничества в регионе». Они договорились координировать позиции в рамках СВМДА и продвигать согласованные подходы в сфере построения архитектуры безопасности и обеспечения устойчивого развития в АТР.

Аналитики уже назвали майский саммит прорывным. Его действительно можно называть прорывным как с точки зрения дальней-

шего укрепления и насыщения реальным содержанием российско-китайского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, так и с позиций решения стратегических задач по обеспечению безопасности, укреплению доверия между государствами на обширном евразийском континенте.

Примечания

¹ URL: <http://ria.ru/politics/20091114/193480225.html>; Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012. № 2 (26). С. 31.

² URL: <http://www.interfax.ru/business/398626>

³ URL: http://www.foreignpolicy//articles/2011/10/11/americas_pacific_century

⁴ URL: http://russian.news.cn/wprld/2012-01/06c_131347060.htm

⁵ Коммерсантъ. 17.04.2013.

⁶ URL: http://www.krsphbc.ru/2011/11/blog-post_29.html

⁷ URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1447401>

⁸ Коммерсантъ. 17.04.2012.

⁹ URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBrics/B48C7A2A9FB4D01944257B020026CB7D>

¹⁰ Московские новости. 27.02.2012.

¹¹ URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/37453>

¹² URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-03/02/content_28106183.htm

¹³ URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/16390>

¹⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/news/15256>

¹⁵ URL: <http://www.rbar.ru/full548658>

¹⁶ URL: <http://ecrin.ru/2006--69/130-2-s.html?start=1>

¹⁷ URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642

¹⁸ Председатель КНР Ху Цзиньтао и президент России Дмитрий Медведев встретились в Нью-Дели. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7772805.html>.

¹⁹ Московские новости. 27.02. 2012.

²⁰ URL: [Russian .china.org.cn 07-03-2012.](http://russian.china.org.cn/07-03-2012)

²¹ *Титаренко М.Л.* Россия и Китай. Стратегическое партнерство и вызовы времени. М., 2014. С. 56.

²² Совместное заявление РФ и КНР от 16 июня 2011 г. по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам. URL: www.kremlin.ru/ref_notes/967.

²³ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/

²⁴ См.: План российско-китайского инвестиционного сотрудничества и Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Восточными регионами КНР на 2009—2018 гг.: URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/rus+china%20plan.pdf>

²⁵ URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/1202314>; <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/911-rossijsko-kitajskij-sammit-2014-novyy-etap-strategii-vzaimodejstviya>

²⁶ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-11/05/content_33974829.htm

²⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642

В.Я. Портяков

КОНТУРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ ЛИДЕРОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Внешняя политика Китая в первые полтора года пребывания у власти пятого поколения лидеров КПК и КНР представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения того, насколько она позволяет судить об особенностях и приоритетах курса Си Цзиньпина — Ли Кэцяна на мировой арене на весь период их ожидаемого нахождения во власти, то есть на десятилетие 2013—2022 гг. Представляется, что к маю 2014 г. «критическая масса» деклараций нового китайского руководства и его практической международной деятельности, минимально необходимая для комплексного анализа обновленного внешнеполитического курса КНР и первых прогнозов его дальнейшей эволюции, накопилась.

Одним из первых возникает естественный вопрос о «чертах преемственности и новизны»¹ во внешней политике Пекина после XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая.

Однозначно сохраняет свою действенность общая конфигурация страновых приоритетов взаимодействия КНР с внешним миром. Основным из них остаются отношения с великими державами, при этом в подавляющем большинстве комментариев китайских политологов поставленная съездом задача формирования отноше-

ний нового типа между державами понимается как выстраивание Китаем конструктивного партнерства с США на основе равноправия и взаимного уважения. В отдельных публикациях в категорию «междержавных отношений» включаются и отношения КНР с Россией.

Последовательная политика добрососедства приобретает особую важность в свете того обстоятельства, что наблюдавшаяся в предыдущие несколько лет повышенная жесткость Китая в отношении ряда государств, входящих в его «соседское окружение», поколебала имидж Пекина в регионе.

Наконец, КНР продолжает позиционировать себя на мировой арене как все еще и прежде всего развивающуюся страну, подкрепляя соответствующие декларации налаживанием связей с новыми для нее партнерами и углублением сотрудничества со старыми.

Главной внешнеполитической новацией Си Цзиньпина стал лозунг о необходимости достижения «китайской мечты». В самом общем плане под этим понимается «возрождение китайской нации» в два шага — к столетию КПК (2021 г.) достичь уровня «средней зажиточности», а к столетию КНР (2049 г.) войти в число развитых государств мира.

«Китайская мечта» является понятием комплексным, охватывающим различные аспекты функционирования государства. В КНР превалирует мнение, что на сегодняшний день еще рано говорить о возрождении китайской нации как о событии свершившемся. Для этого необходимо, прежде всего, восстановление единства китайского государства и китайской нации, то есть восстановление юрисдикции Пекина над Тайванем. Кроме того, по ретроспективным расчетам Агнуса Маддисена, в начале 19-го века доля Китая в мировом валовом продукте составляла одну треть. Возможно, достижение такого же уровня в перспективе может рассматриваться как своеобразный критерий возрождения страны и нации.

Ведущие политологи КНР указывают, что как само понятие «китайской мечты», так и ее осуществление на практике имеют существенное международно-политическое измерение. Как полагает вице-президент Академии общественных наук Шанхая Хуан Жэньвэй, для достижения «китайской мечты» нужно мирное окружение,

и Китай, несмотря на рост его мощи и влияния, следует курсом мирного возвышения. Следует также ожидать увеличения роли Китая в глобальном управлении, существенного укрепления международных позиций китайского юаня как одной из крупнейших мировых валют, беспрецедентного роста «мягкой силы» страны вслед за ее «культурным возрождением»².

Новацией калибром поменьше, чем «китайская мечта», но также способной породить серьезные геополитические последствия, стало предложение Си Цзиньпина о создании «инновационной модели сотрудничества» — совместном строительстве экономического пояса «шелкового пути»³. Предложенный проект предлагает соединение интеграционных усилий Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества, включая государства, имеющие в ней статус наблюдателей. Еще одной инициативой, привлекающей широкое внимание, стало предложение о возрождении «морского шелкового пути», начинающегося в южных портах КНР и следующего через Южно-Китайское море и Индийский океан к Аравийскому полуострову и Ближнему Востоку в целом. Таким образом, благодаря инициативам Си Цзиньпина КНР может превратиться в главного экономического и политического игрока обширного региона, охватывающего Центральную, Южную и Западную Азию. В целом политика Китая в Азии, в которой до сей поры преобладало восточноазиатское направление, получает определенный шанс стать географически более сбалансированной и комплексной.

Появились первые признаки модификации некоторых «фундаментальных опор» внешнеполитического курса четвертого поколения лидеров КНР. Именно так следует оценить публикации, констатирующие определенную обусловленность приверженности Китая пути мирного развития. Как полагают шанхайские эксперты Хуан Жэньвэй и Лю Хунсун, стратегия мирного развития страны будет успешной в том случае, если удастся добиться «мирного объединения двух берегов Тайваньского пролива, обеспечить благоприятное развитие китайско-американских отношений и добиться признания в качестве равноценных институциональных основ и системы ценностей Китая большинством государств международного сообщества». Напротив, «если Америка бросит все свои силы

на противодействие Китаю, то его подъем может прерваться на середине пути»⁴.

Объективно степень новизны внешнеполитических новаций команды Си Цзиньпина не следует преувеличивать, ведь та же «китайская мечта» генетически прямо связана с доминантой предшествующего десятилетия — концепцией «мирного возвышения» Китая⁵.

Однако в разъяснениях и комментариях китайских официальных лиц и политологов акцент в настоящее время делается не на преемственности, а именно на новизне внешнеполитического курса пятого поколения страны. Показательна в этом отношении статья Ян Цзечи — члена Госсовета КНР, курирующего в правительстве внешнюю политику, — «Инновации в теории и практике дипломатии»⁶. По его словам, «будучи более комплексной и лучше сбалансированной, дипломатия Китая в новых условиях демонстрирует такие черты, как богатство идей, ясные приоритеты, твердая позиция, гибкие подходы и самобытный стиль». Это позволило ей, полагает Ян Цзечи, «добиться в короткие сроки ряда крупных прорывов», в числе которых — выдвигание понятия «китайской мечты», начало строительства новой модели отношений с США — неконфликтной, неконфронтационной, основанной на принципах обоюдного выигрыша и взаимного уважения, и т. д.

Один из ведущих специалистов по современным международным отношениям Китая профессор Ван Ичжоу из Пекинского университета особо подчеркнул то обстоятельство, что Си Цзиньпин и Ли Кэцян представляют первое поколение лидеров страны, родившихся после основания КНР в 1949 г. В силу этого они «несут меньшее историческое бремя, чем их предшественники, и обладают иным мироощущением — более уверенным, амбициозным и предприимчивым»⁷.

И в самом деле, отличие внешнеполитического стиля Си Цзиньпина от манеры поведения в международных делах его предшественника бросается в глаза и проявляется буквально во всем — от динамичности и диапазона действий до большей личной эмоциональности.

В то же время, нельзя забывать, что в первый год пребывания у власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао их внешнеполитическая актив-

ность была заметно приглушена вследствие чрезвычайных обстоятельств — эпидемии атипичной пневмонии. Однако даже в тех сложных условиях удалось сделать немало. Состоялся важный для обеих сторон визит Ху Цзиньтао в Россию; поездка в Эвиан для встречи с лидерами большой «восьмерки» стала первым шагом в приобщении Пекина к «элитному клубу» мирового глобального управления, наконец, в конце года была выдвинута концепция «мирного возвышения» Китая.

В любом случае, однако, очевидно, что команда Си Цзиньпина—Ли Кэцяна демонстрирует готовность к большей, чем у предшественников, активности, а подчас и жесткости внешнеполитического курса, к расширению диапазона и более гибкому использованию внешнеполитического инструментария страны.

Обращает на себя внимание употребление в статье Ян Цзечи понятия «красная черта» («bottom line») в контексте декларируемой решимости Китая защищать свои законные интересы. Симптоматично и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода»⁸.

В этом плане показательно изменение подхода Китая к проблеме разногласий с рядом соседних государств о линии прохождения границы. Если раньше данная тема особо не обсуждалась, то теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 14 государствами по суше и с 8 по морю, имеются «споры о суверенитете» с 10 из них. Нередко положение о приверженности страны «защите суверенитета и территориальной целостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения Китая в мощную морскую державу»⁹.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Китай начал чаще использовать потенциал своей экономической дипломатии, регулярно прибегая здесь к методам не только «пряника», но и «кнута». Например, на какое-то время были заморожены контакты Пекина с Европейским союзом на высшем уровне. Это подавалось как реакция на встречи официальных лиц европейских государств с Далай-ламой, однако очень похоже, что не менее существенным фактором было применение ЕС повышенных тарифов к импортируемому из КНР солнечным батареям. Высокая заинтересованность

переживающей экономическую стагнацию Европы в стабильных торгово-экономических связях с Китаем обусловила в конечном счете решение чувствительного вопроса в пользу Пекина, что расчистило путь для проведения очередного саммита ЕС—КНР, а затем и для триумфального визита Си Цзиньпина в ряд европейских государств в марте 2014 г.

Создается также устойчивое впечатление, что Китай сознательно несколько тормозит двустороннюю торговлю с Японией, наказывая Токио за отстаивание им своей позиции по островам Сенкаку-Дяоюйдао. Так, по данным китайской таможенной статистики, в 2013 г. ее объем сократился на 5,1 % по сравнению с 2012 г., в т.ч. импорт КНР из Японии упал на 8,7 %. При этом внешнеторговый товарооборот Китая в целом вырос в этот период на 7,6 %, в т.ч. импорт увеличился на 7,3 %.

В то же время Пекин демонстрирует жесткий подход¹⁰ далеко не по всем тем азимутам своей внешней политики, где имеются трения и несовпадение позиций. Так, больший, чем в предшествующие годы, настрой на поиск компромиссных решений просматривался в отношениях Китая с Индией и с Вьетнамом. Можно сказать, что в целом внешняя политика Пекина становится более тонко нюансированной и по-настоящему дифференцированной, что, помимо прочего, говорит и о повышении класса китайской дипломатии.

Вполне закономерно, что в экспертных кругах набирающего и все более явственно ощущающего собственную силу Китая достаточно активно обсуждаются возможные параметры и качественные характеристики формирующегося внешнеполитического курса страны на среднесрочную перспективу.

Примером такого рода служит дискуссия группы политологов-международников, организованная журналом МИД КНР «Шицзе чжиши» («Знания о мире»)¹¹. Их совокупный прогноз ориентирует на повышение международной ответственности, рост влияния как «твердой», так и «мягкой силы» страны и поступательное наращивание вклада Китая в общемировые процессы. В то же время, в числе конкретных сфер международной жизни, где КНР может инициативно предложить мировому сообществу общезначи-

мый «общественный продукт», называется только «денуклеаризация и обеспечение стабильности на Корейском полуострове», трансформация шестисторонних переговоров в механизм обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии¹². Примечательно, что схожий сюжет развивает и Ван Ичжоу, полагающий, что Китаю по силам «попытаться создать новую систему безопасности в Азии»¹³.

В целом же прогнозы китайских политологов относительно внешнеполитического курса страны в предстоящее десятилетие выглядят еще несколько размытыми, недостаточно конкретными и, пожалуй, менее смелыми, чем можно было бы ожидать, исходя из реалий внешнеполитической деятельности нынешнего руководства КНР в первый период его нахождения у власти.

Здесь сказываются разные факторы: и вполне понятное стремление не подхлестнуть ненароком «погоню за скороспелыми успехами» — недостаток, в который Китай легко впадает, и желание не давать каких-либо дополнительных аргументов многочисленным сторонникам теории «китайской угрозы». Вместе с тем, похоже, главное в другом: Китай еще находится на пути к превращению в державу с всеобъемлющими глобальными функциями, именно поэтому многие конкретные аспекты и параметры его позиционирования в мире в настоящее время еще не поддаются корректному прогнозированию. Ведущий американский специалист по внешней политике КНР Дэвид Шамбо недавно квалифицировал Китай как «частичную державу», которая уже является «глобальным игроком», но пока еще не стала подлинно «глобальной силой»¹⁴.

Представляется, что именно продвижение от статуса «частичной державы» к положению и роли полноценной глобальной державы и составит стержень внешней политики пятого поколения лидеров Китая на весь период его пребывания у власти.

Последние годы правления Ху Цзиньтао ознаменовались активной дискуссией в стране об актуальности для нее внешнеполитических заветов Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х годов. Хотя мнения разделились, в целом складывалось впечатление, что международная деятельность Китая объективно выходит за рамки ограничительных по своей сути заветов Дэн Сяопина. При новом руководстве страны какие-либо упоминания о них полностью пре-

кратились. Китай, в противоположность главному завету Дэна, окончательно «вышел из тени» и все более активно проявляет себя во всех регионах мира и сферах международной жизни.

Примечания

¹ Выражение «черты преемственности и новизны» уже довольно давно широко используется китаеведами. Насколько нам известно, впервые оно было сформулировано Э.П. Пивоваровой в 1977 г. в докладе «Черты преемственности и новизны в экономической политике Хуа Гофэна».

² Хуан Жэньвэй. Шисянь «Чжунго мэн» ин цзюйбэй дэ гоцзи тяоцзянь : [Международные условия, необходимые для осуществления «китайской мечты» // Чжунго шэхуэй кэсюэ бао. Пекин. 21.10.2013.

³ Предложение о «совместном строительстве экономического пояса Шелкового пути» было высказано Си Цзиньпином 7 сентября 2013 г. в выступлении в Университете Назарбаева в Астане. См.: Beijing Review, 24.10.2013. Раздел «Documents».

⁴ Хуан Жэньвэй, Лю Хунсун. Чжунго хэпин фачжэнь даолу нэнфоу чэнгун дэ сань да бяочжунь : [Три крупных показателя успешности или нет мирного пути развития Китая] // Чжунго вайцзяо. Пекин. 2013. № 1. С. 3—7.

⁵ Как следует из лекции о мирном пути развития Китая, с которой бывший проректор Центральной партийной школы профессор Ли Цзюньжу выступил перед делегацией российских специалистов по БРИКС 23 сентября 2013 г. в Пекине, оба термина — и «мирное возвышение», и «китайская мечта» — были впервые сформулированы одной и той же группой исследователей под руководством Чжэн Бицзяня, в состав которой входили также Хуан Жэньвэй и сам Ли Цзюньжу.

⁶ См.: Yang Jiechi. Innovations in diplomatic theory, practice // China Daily. Beijing. August 17, 2013.

⁷ Wang Yizhou. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World — Global Asia. Seoul. Vol. 8. No 3, fall 2013. URL: <http://www.globalasia.org/issue/ArticleDetail/457/Opportunities-and-Challenges-for-China's-New-Leaders-in-Building-Mutual-Trust-with-the-World-.html>

⁸ Yang Jiechi. Op. cit.

⁹ Wang Yizhou. Op. cit.

¹⁰ В Китае появились публикации, где выражается несогласие с распространенным в мире тезисом об «ужесточении» внешней политики Пекина в послед-

ние годы. См., например: Ван Фань, Лиин Шэнли. Чжунго дэ вайцзяо чжэнцэ бянь цянин лэ ма? — Жухэ лицзе Чжунго синь вайцзяо : [Стала ли внешняя политика Китая более жесткой? — Как понимать новую дипломатию Китая] // Дандай шицзе. Пекин. 2013. № 3. С. 23—27.

¹¹ Чжунго вайцзяо дэ «гэсин» : [«Отличительные особенности» дипломатии Китая] // Шицзе чжиши. 2013. № 12. С. 14—24.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Wang Yizhou. Op. cit.

¹⁴ Shambaugh David. China Goes Global: The Partial Power. Oxford University Press, 2013.

Чан Кхань

ТЕНДЕНЦИИ СТРАТЕГИИ ПЕРЕБАЛАНСИРОВКИ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ СИЛ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Китай обогнал Японию и стал второй экономической державой в мире, продолжая стремительно модернизировать вооруженные силы и применять жесткие шаги на международной арене, особенно в споре о суверенитете над островами в Северо- и Юго-Восточной Азии, что осложнило ситуацию с безопасностью в регионе. Все это быстро меняет геополитическую среду и мировой порядок, бросая вызов статусу США как сверхдержавы. Это побудило правительство США сменить внешнеполитическую стратегию, в том числе осуществить поворот в сторону Азии, перераспределить силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего в Юго-Восточной Азии, в рамках стратегии перебалансировки, особенно в военной области.

Настоящая статья дает обзор тенденций американского военного вмешательства в сферу безопасности ЮВА, уделяя особое внимание периоду с конца первого десятилетия XXI века.

1. Обзор тенденций американского участия в сфере военной безопасности в Юго-Восточной Азии в течение первых 15 лет после холодной войны

После того, как холодная война закончилась в начале 90-х годов XX века, США взяли на себя обязательство по сокращению

вооруженных сил и уменьшению военного присутствия во многих районах мира, в том числе в Юго-Восточной Азии. С этого времени США начали выводить войска с таких важных военных баз, как Субик-бей и Кларк на Филиппинах, Корат и Удон в Таиланде. Тем не менее, США по-прежнему сохраняют здесь определенный уровень военного присутствия. Прежде чем принять решение о выводе войск из Субик-бей и Кларк (1991 г.), в 1990 г. США с Сингапуром подписали Меморандум о взаимопонимании (The 1990 US-Singapore Memorandum of Understanding) по использованию американскими войсками военных баз Сингапура. К 1998 г. США и Сингапур подписали еще Приложение к этому Меморандуму, по которому американские транспортные самолеты и военные корабли, в том числе подводные лодки, получили право использовать военную базу Чанги (Changi), где есть материально-техническая база 7-го флота США.

Таким образом, с военной базы Changi в Сингапуре ВМС США могут развивать деятельность и контролировать Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря и Индийский океан. В 1998 году США также достигли Соглашения с Филиппинами (US-Philippine Visiting Forces Agreement), по которому временно разрешено размещение американских войск в этой стране.

Новые моменты в военной политике США, наверное, вызваны тем, что Китай направил свои военно-морские силы захватить некоторые рифы типа Mischief Reef архипелага Спратли в Южно-Китайском море в первой половине 1995 г., провел военные учения в Тайваньском проливе, угрожал правительству Ли Дэнхуэя в начале 1996 г. АСЕАН заявила опасения в связи с китайскими действиями в Южно-Китайском море. Но и США вскоре после этого — в марте 1995 г. выступили с заявлением, что «право свободного плавания в Южно-Китайском море есть национальный интерес США»¹. В 1998 г. адмирал ВМС США Джозеф Прюэр (Joseph Prueher) заявил перед парламентом США, что Филиппины занимают «важное геополитическое место в регионе» и предупредил, что «ряд государств в АТР расширил зону своего морского суверенитета, и это создает потенциальные вызовы для свободного мореплавания США, влияет на стабильность в регионе»².

Наряду с поддержанием присутствия США в Юго-Восточной Азии, особенно на Филиппинах и в Сингапуре, со второй половины 90-х годов США активно принимают меры по укреплению союзов с Японией, Южной Кореей, Тайванем в Северо-Восточной Азии. Например, в 1996 г. США и Япония подписали Совместную декларацию по «безопасности американо-японского альянса на XXI век», в которой подтвердили, что альянс этих двух стран является краеугольным камнем для поддержания безопасности в Восточной Азии. Эти две страны скорректировали «Руководящие принципы военного сотрудничества между США и Японией» в 1997 г., заменив положения этого документа в редакции 1978 г. Примечательно, что по итогам этой корректировки их общий сектор совместной обороны охватил весь Азиатско-Тихоокеанский регион, позволяя Силам самообороны Японии переходить от активной самообороны в атаку на противника. Таким образом, США шаг за шагом дали зеленый свет возрождению министерства обороны и модернизации вооруженных сил Японии. Что касается Тайваня, то США усиливают военную поддержку этому острову, в том числе регулярно посылают авианосцы в Тайваньский пролив, продают современные самолеты и разрешают Ли Дэньхуэю — новоизбранному президенту Тайваня, посетить США.

Усиление американского участия в сфере военной безопасности Юго-Восточной Азии лежит в русле общей политики США в отношении Китая, которую президент Билл Клинтон проводил во второй срок своего правления, а президент Джордж Буш продолжал активно осуществлять с начала 2001 г. после вступления в должность. Эта политика по принципу «интервенция — участие и окружение», «окружение со всех сторон — всестороннее участие» направлена на то, чтобы, с одной стороны, вовлечь Китай в систему мировой демократии, которая находится под контролем США, а с другой, направлена на сдерживание Китая, чтобы обеспечить безопасность союзников США в Северо- и Юго-Восточной Азии. Тем не менее, после событий 11 сентября 2001 г., мобилизуя силы на борьбу с терроризмом, США менее активно проводили такую политику в отношении Китая. Однако они воспользовались этим предлогом для того, чтобы закрепить отношения в сфере обороны и безопасности со многими

странами Юго-Восточной Азии, включая страны, которые не являются традиционными американскими союзниками, такими как Индонезия и Вьетнам. В 2002 г. США вернули свои войска на базы в Таиланд и Филиппины и с 2003 г. дали этим странам статус стратегического союзника вне НАТО. При этом США выдвинули относительно новые инициативы в области безопасности, в том числе согласно Договору о материально-технической помощи (ACSA) от 2004 г., чтобы справиться с пиратством в Малаккском проливе и Южно-Китайском море.

Кроме того, США укрепили двусторонние военные связи с традиционными союзниками, а именно подписали с Филиппинами «Соглашение о взаимном материально-техническом обеспечении» (Mutual Logistics Support Agreement) в 2002 г., договорились с Таиландом о создании новой военно-морской базы около Саттахипа и Утапао (Sattahip and Utapao) и антитеррористического центра (Counter Terrorism Intelligence Centers) в 2003 г. С Сингапуром были подписаны «Рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве в сфере обороны и безопасности» (2004 г.) и «Стратегическое рамочное соглашение» (2005 г.). Одновременно в 2005 г. США восстановили комплексные военные связи с Индонезией и решили расширить сотрудничество в области безопасности со странами, которые ранее были враждебными к ним, такими как Вьетнам. Вместе с тем, с этого момента США увеличили частоту и масштаб совместных военных учений со многими странами Юго-Восточной Азии, особенно в Южно-Китайском море³.

Чтобы расширить участие в решении проблем военной безопасности и укрепить связи со стратегическими союзниками в регионе, в 2005 г. США и Япония подписали новый двусторонний договор гарантии безопасности Тайваня, вместе построили противоракетный щит для защиты Японии от баллистических ракет (NMD — National missile defense). США одновременно поощряли Японию играть большую роль в обеспечении безопасности в регионе, в том числе поддерживали воссоздание Министерства обороны Японии.

Обогнав Японию, став второй по величине мировой экономикой, Китай быстро модернизирует войска и проводит жесткий курс в решении международных вопросов, бросает вызов положе-

нию и стратегическим интересам США в регионе. Это время регулирования стратегии участия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

2. Активизация мер по реализации стратегии перебалансировки американских военных сил в Юго-Восточной Азии с конца первого десятилетия XXI века

Для сохранения своих позиций в Юго-Восточной Азии перед лицом «наступления очарования» Китая⁴, США с конца первого десятилетия XXI века, особенно с 2011 года, усилили стратегическую ставку на Азиатско-Тихоокеанский регион. Они назвали эту политику «поворотом» или «возвращением в Азию»⁵, затем «перебалансировкой»⁶, в которой Юго-Восточная Азия занимает главное место, т. к. здесь можно контролировать возрождение региона и Китая.

Для реализации стратегии «перебалансировки», считая «умственные силы» главными, США стремятся использовать синтез сил, т. е. сочетание дипломатических, военных и экономических методов, и распространять демократические ценности. Однако больше всего США уделяют внимание перебалансировке военных сил в Юго-Восточной Азии. Хиллари Клинтон неоднократно напоминала на международных форумах в 2010—2012 гг. о том, что Азиатско-Тихоокеанский регион, в том числе Юго-Восточная Азия, является крайне важным регионом для поддержания безопасности и сотрудничества США, и США должны крепить и распространять военное присутствие в этом регионе. Вместе с тем, по случаю основания военной базы на Дарвине в Австралии в ноябре 2011 г. министр обороны США Леон Панетта подчеркивал, что «в определенной нами области Азиатско-Тихоокеанского региона расположены достаточные вооруженные силы, это и есть главное наше обязательство для этого региона». По его словам, «США давно принимают глубокое участие в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, будь то в военное или мирное время..., мы здесь присутствовали раньше, присутствуем сейчас и будем присутствовать в будущем»⁷.

Чтобы реализовать стратегию перебалансировки военных сил, с начала второго президентского срока Буша США пришлось коррек-

тировать и реорганизовывать военные силы и направлять их в Восточную и Юго-Восточную Азию. Планируется, что к 2020 г. 60 % подводного и авианосного флота США будет присутствовать в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁸. Наряду с этим со второй половины первого десятилетия XXI века США усиленно проводят военные учения со своими союзниками в Юго-Восточной Азии и создают механизм стратегического диалога по безопасности с Вьетнамом (в октябре 2008 г.).

Следует отметить, что с этого времени, особенно с 2009 г. США стали больше обращать внимания на Юго-Восточную Азию с целью сдерживать Китай. В это время Китай проводит жесткие меры в Южно-Китайском море: препятствует проходу американских кораблей вопреки международному морскому праву; усиливает действия в спорных районах, в т.ч. оказывает давление на многие транснациональные компании, которые сотрудничают в разведке и добыче нефти и газа с Вьетнамом и Филиппинами; создает новую военную базу на острове Хайнань; непрерывно проводит масштабные учения в Южно-Китайском море; в одностороннем порядке ежегодно вводит запрет рыбной ловли и мешает рыбакам законно заниматься здесь своим делом. Среди этих акций наиболее серьезная — объявление с мая 2009 г. официального требования суверенитета над Южно-Китайским морем (ЮКМ, вьет. — Восточное море): Китай объявил 9-пунктирную линию в форме «коровьего языка» (U-образной формы), отведя этой зоне на карте 80 % площади ЮКМ.

С 2010 г. США стали публично критиковать «дипломатию принуждения», которую Китай прикрывает требованием суверенитета над Южно-Китайским морем. Отношение США к этой проблеме отражается в «необычном» и прямом комментарии командующего силами США в Тихоокеанском регионе адмирала Р. Уилларда, данном парламенту США 13 января 2010 г. Он заявил, что «военные действия Пекина бросают вызов праву свободной навигации США в регионе»⁹. С этого момента США заявили, что свобода судоходства в Южно-Китайском море является «национальным интересом» США¹⁰. Более того, США решили направить обсуждение проблемы Южно-Китайского моря со многими странами региона по пути интернационализации, внесли их в повестку дня конференции о безо-

пасности и региональном сотрудничестве, несмотря на возражения Китая¹¹. На самом деле это всего лишь повторное, четкое и сильное подтверждение стратегических интересов США в Южно-Китайском море¹².

Можно сказать, что «активное участие» США в делах Южно-Китайского моря есть осуществление их стратегии «Возвращение в Азию». В своих выступлениях госсекретарь Хиллари Клинтон, министр обороны Леон Панетта и президент Барак Обама, особенно во время исторической поездки в Азию и Австралию в ноябре 2011 г., все время утверждали, что важнейшей задачей США в следующем десятилетии является увеличение инвестиций в устойчивое развитие дипломатии, экономики, и решение других вопросов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эти стратегические и политические решения США тщательно взвесили¹³.

Для осуществления стратегии военного сдерживания Китая США усиленно проводят масштабные совместные военные учения в этом регионе¹⁴, укрепляют ось США—Япония—Южная Корея—Австралия, создают новые военные базы поблизости к Южно-Китайскому морю, в том числе военную базу в Дарвине в Австралии (создана в ноябре 2011 г.). Это была первая военная база, которая находится рядом с Южно-Китайским морем и которую США вновь открыли после окончания войны во Вьетнаме. Вместе с тем, США ведут переговоры с Филиппинами об использовании некоторых военных баз вблизи островов Спратли, например, в Устричном заливе на острове Палаван¹⁵. Это, наверное, один из «свежих» ответов США на захват Китаем рифа Скарборо (Scarborough Shoal) в Южно-Китайском море в апреле 2012 г.

С этого времени США усилили сотрудничество в сфере военной безопасности с другими странами Юго-Восточной Азии, такими как Таиланд, Индонезия, Вьетнам и Мьянма. В ноябре 2012 г. США и Таиланд подписали «Декларацию об общей перспективе военного альянса США — Таиланд». Впервые, начиная с 1962 г. эти страны взяли на себя общее обязательство повысить уровень двусторонних отношений, развивать оборонительный союз в XXI веке. Аналогично, в 2010 г. США подняли отношения с Индонезией на новый уровень, в 2013 г. перевели отношения с Вьетнамом на уровень Всеобъ-

емлющего партнерства, предоставили военную помощь обеим этим странам. С 2012 г. США также повысили уровень дипломатических отношений с Мьянмой, где теперь присутствует посол вместо представителя. Госсекретарь Хиллари Клинтон в декабре 2011 г. и президент Барак Обама в ноябре 2012 г. совершили исторические визиты в эту страну после более чем полувека холодных отношений.

США также активно улучшают отношения с Камбоджей в сфере военной безопасности, хотя влияние Китая в этой стране преобладает. С 2005 г. США сняли эмбарго на военную помощь Камбодже, а с 2009 г. открыли должность военного атташе в этой стране. С этого времени многие американские военные корабли посетили порт Сиануквиль, где не были много лет.

Военные отношения между США и Вьетнамом достигли больших успехов в первом десятилетии XXI века. С 2008 г. начали действовать механизмы политического диалога по вопросам безопасности и обороны между сторонами. С 2010 г. ведется ежегодный диалог по вопросам оборонной политики на уровне зам. министров обороны. В конце 2013 г. США предоставили Вьетнаму новую помощь на 18 млн долл., чтобы он расширил отряд кораблей береговой охраны, в том числе купил 5 высокоскоростных патрульных катеров морской полиции. Мы рассматриваем это как одно из проявлений доброй воли со стороны США в отношении Вьетнама, а также как реакцию США на провокационные действия Китая в Южно-Китайском море, особенно когда Китай спустил на воду свой первый авианосец (Ляонин) и помешал действиям ракетного крейсера США USS Cowpens в этом море в декабре 2013 г.

Одновременно с институционализацией военного сотрудничества и расширением помощи с 2012 г. США стали активизировать двусторонние и многосторонние масштабные совместные военные учения со многими странами АСЕАН в Южно-Китайском море и рядом с Южно-Китайским морем, в том числе со странами, которые раньше мало проводили военные учения с США, такими как Камбоджа, Индонезия и Малайзия. Это время отличается от предыдущего десятилетия, когда США обращали внимание только на совместные военные учения с Филиппинами и Таиландом и вели их в меньших масштабах¹⁶. По мнению Вашингтона, усиление военного

присутствия делает более эффективными его дипломатические и экономические меры в регионе.

Чтобы поддержать стратегию перебалансировки военных сил в Юго-Восточной Азии, прежде всего в Южно-Китайском море, США неоднократно подтверждали свое обязательство обеспечить безопасность Тайваня. Об этом свидетельствует то, что США по-прежнему регулярно продают ему большое количество оружия, несмотря на противодействие или сильную критику со стороны Китая. Последняя сделка была в начале 2010 г., когда США решили продать оружия Тайваню на сумму до 6,5 млрд долл. Одновременно США поддерживают растущую роль Японии в вопросах глобальной, региональной безопасности, в том числе выступают за обновление сил самообороны Японии, поощряют ее активное участие в обеспечении военной безопасности Юго-Восточной Азии¹⁷.

США также усиливают стратегическое сотрудничество с Индией. Об этом свидетельствует то, что впервые в ноябре 2011 г, США, Япония, Индия создали в Вашингтоне механизм «Диалога по безопасности США—Япония—Индия». В этом Диалоге три страны главным образом обсуждают сотрудничество по защите своих интересов, борьбе с растущими угрозами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которые исходят из Китая¹⁸.

Наряду с этими действиями с 2010 г. Министерство обороны США реализует Концепцию совместного оперативного доступа (Joint Operational Access Concept), включающую такие элементы, как «воздушно-морской бой» (Air-Sea Battle)¹⁹, «проникновение и поддержание» и «стратегическая сила»²⁰. В ней США сочетают бой в море и в воздухе, Интернет, координацию действий между ВМС, ВВС, сухопутными и космическими войсками; создавая объединенные современные «умные» силы; приглашая союзников совместно участвовать в борьбе с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности.

Чтобы поддержать этот план, правительство и Конгресс США выделяют значительные средства из бюджета для содержания своих ВМС и ВВС, особенно расположенных в Южно-Китайском море или на Восточном побережье²¹. Это одно из звеньев политики США по реализации поворота в Азию, перебалансировки военных сил в

ответ на ускоренную модернизацию военно-морских сил Китая и повышение их активности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и, особенно, в ответ на стратегию Китая по созданию зоны «Антидоступа и отказа» (Anti-Access and Area Denial-AA/AD или A2/AD) с середины первого десятилетия XXI века.

Одним из проявлений стратегии «совместного оперативного доступа» является поддержка Филиппин со стороны США и их союзников в устранении последствий после шторма Хайянь в ноябре 2013 г. Впервые в своей истории США направили большое количество военных кораблей, включая авианосец «Джордж Вашингтон», 8 других военно-морских судов и тысячи морских пехотинцев участвовать в оказании этой гуманитарной помощи. Япония и Австралия также поддержали «операцию Damayan», не только оказав помощь на десятки миллионов долларов, но и направив много военно-морских судов и тысячи военнослужащих на Филиппины, чтобы помочь устранить последствия стихийных бедствий. Через гуманитарную помощь США хотят послать меседж странам региона, что они несут ответственность за безопасность и развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и хотят укрепить стратегический альянс во главе с США для эффективного осуществления «стратегии совместного оперативного доступа», в том числе в области нетрадиционной безопасности²².

В заключение можно сказать, что политика «поворота», «возвращения в Азию» и стратегия «перебалансировки военных сил» в Азиатско-Тихоокеанском регионе активно разворачивается с конца первого десятилетия XXI века для того, чтобы частично контролировать возрождение Китая. Перебалансировка военных сил США касается географического пространства и военных возможностей, причем Юго-Восточная Азия является главным регионом в этом регулировании.

В своей стратегии перебалансировки военных сил в Юго-Восточной Азии США уделяют внимание укреплению альянса или традиционного партнерства не только с Филиппинами, Таиландом, Сингапуром и с менее дружественными странами, такими как Индонезия, Малайзия, Вьетнам, но также с внерегиональными странами — Японией, Индией, Австралией и Южной Кореей. В реализа-

ции этой стратегии стратегический альянс США—Япония—Австралия является ядром, главным фактором в укреплении, объединении и развитии военной мощи США в регионе.

Наряду с укреплением стратегических альянсов США довольно быстро используют инциденты, возникающие проблемы в области безопасности, в том числе споры за острова, особенно споры в Южно-Китайском море, для того чтобы создать дугу стратегического окружения, или, по крайней мере, предотвратить расширение китайских военных действий на морских просторах, в том числе в Южно-Китайское море.

Кроме того, США расширяют военное присутствие и военные возможности, реализуют новый боевой план, в котором сочетают военно-морские и военно-воздушные силы, объединяют США с союзными странами, а также оснащают Тихоокеанское командование более современным оружием.

Вместе с тем, США все больше используют дипломатические и экономические рычаги в Юго-Восточной Азии, чтобы заручиться поддержкой «перебалансировки военных сил» и, главное, осуществить общую цель сохранения доминирующего положения США в мире, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где Китай и ряд других стран укрепляют свои позиции. Кроме того, внутренние проблемы США, такие как бюджетный кризис, долговой кризис, кризис на Украине в начале 2014 г. и усиление противостояния между США и Россией по этому вопросу создают трудности в реализации стратегии США по «повороту», «перебалансировке» сил в Юго-Восточной Азии²³.

Примечания

¹ Конгресс США выступил с таким заявлением в марте 1995 г.: см. Чан Кхань. Роль АСЕАН в предотвращении конфликтов в Южно-Китайском море // Изучение Юго-Восточной Азии. 2012. № 10. С. 5.

² *Simon Tow. Southeast Asia in the Sino-US Strategic Balance // Contemporary Southeast Asia Vol. 26. № 3, December 2004. P. 445.*

³ В период с 2001—2008 гг. США провели почти 40 совместных военных учений с некоторыми азиатскими странами, в том числе 70 % в Восточном море.

⁴ В книге «Charm offensive: how china's soft power is transforming the worlds (Йельский университет, 2007 г.) ее автор Joshua Kurjaiirzieк написал, что «наступление очарованием» Китая на Юго-Восточную Азию происходит в экономической и политико-дипломатической сферах, и том числе усиливается мягкое влияние посредством создания механизмов стимулирования дружественного и всестороннего, двустороннего и многостороннего сотрудничества. При этом доля торговли и инвестиций между Китаем и странами АСЕАН в мире быстро развивается, как не было никогда в первом десятилетии XXI века.

⁵ Словосочетание «США вернулись» было использовано госсекретарем Хилари Клинтон в Таиланде в июле 2009 г.: см.: *Hillary Clinton. Remarks with Thai deputy prime minister Korbsak Sabhavas. US Department of State, 21 July 2009, littpi/www.state.gov.* А словосочетание «возвращение в Азию» было применено ею же в выступлении на Гавайях в январе 2010 г. В действительности США никогда не покидали Юго-Восточную Азию. Борьба с терроризмом после событий сентября 2001 г. просто замедлила этот процесс.

⁶ Концепция перебалансировки была выдвинута президентом Б. Обамой на форуме АТЭС на Гавайях в ноябре 2011 г. Эта концепция имеет две главных идеи: экономическую перебалансировку, где главное — реструктуризация отечественной экономики и институциональной системы глобального экономического управления, а второе — перебалансировку международных отношений с акцентом на «возвращение в Азию». Это выражается в военной и экономической сферах.

⁷ В выступлении под названием «Тихоокеанский век Америки (America's Pacific century)» 10 ноября 2011 г. на Гавайях Хилари Клинтон назвала 6 действий США в Тихоокеанском веке: укрепление двусторонних альянсов безопасности; расширение отношений с быстро развивающимися странами, включая Китай; участие и содействие в региональных и многосторонних организациях; расширение торговли и инвестиций; создание крепкого фундамента военного присутствия; расширение демократии и прав человека.

⁸ См. также: «Американские военные меры. Стратегический фокус США смещается на Восток. Китайская стратегия // Вьетнамское информационное агентство. № 312 — ТТХ. 17 ноября 2013 г.

⁹ С 2006 г. штаб 1-й пехотной дивизии США переместился из Вашингтона в Канагаву, Япония, а Объединенное командование ВВС — на Гуам и в Йокоту, Япония. США создали военно-морскую и военно-воздушную базы на острове Гуам вместо Гавайев, чтобы быть ближе к Китаю.

¹⁰ См. также: Если Китай продолжает вести себя так... // Vietnamnet, 20.01.2010.

¹¹ 23 июля 2010 г. в Ханое на Региональном форуме АСЕАН госсекретарь США Хилари Клинтон заявила, что свобода судоходства в Южно-Китайском

море является национальным интересом США. На этом форуме США и 11 других государств подвергли критике действия Китая в Южно-Китайском море. Это привело к дипломатической войне с Китаем. На конференции Диалог Шангри-Ла в Сингапуре в июне 2011 г. министр обороны Роберт Гейтс подтвердил позицию США по этому вопросу, подчеркнул национальные интересы США в свободе навигации, беспрепятственном развитии экономики и торговли, соблюдении международного права в регионе, и заявил, что США готовы в то же время содействовать проведению переговоров по реализации «Декларации о правилах поведения сторон в ЮКМ (Declaration on Conduct of the Parties in the South China Sea — DOC)» и разработке Кодекса о правилах поведения сторон в ЮКМ (COC).

¹² Среди 18 стран, принявших участие в саммите стран Восточной Азии (ВАС), проведенном на Бали в Индонезии в ноябре 2011 г., 15 стран заявили о своей озабоченности по поводу жестких действий Китая и его претензиях на суверенитет в спорных районах.

¹³ Во время холодной войны главным двигателем США являлся антикоммунизм, а приоритетной целью — борьба против советско-вьетнамского альянса. Тогда США не беспокоили жесткие действия Китая в Восточном море. Однако после того, как Китай захватил некоторые скалы Филиппин в архипелаге Спратли в Южно-Китайском море, США стали реагировать более четко.

¹⁴ См.: *Carlyle A. Thayer. The United States, China and Southeast Asia // Southeast Asian Affairs 2011, Singapore: ISEAS, 2011; Hillary Clinton. America's Pacific Century//Foreign Policy, November, 2011 URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century_page=full; Чонг Нгиа. Новая стратегия обороны США. США переориентируются на Азию. URL: <http://www.viet.rfi.fr/quoc-te/20120106-chien-luoc-quoc-phona-moi-cua-hoa-ky-chinh-thuc-chuven-trong-tam-ve-chau-a>.*

¹⁵ В декабре 2012 г. в 50-летний юбилей американо-японского альянса США и Япония провели крупнейшие совместные военные учения, в которых участвовали 1 авианосец, 40 военных кораблей и 44 тысяч солдат. В 2012 г. США и Япония непрерывно проводили совместные военные учения. Впервые с 2006 г. они объявили, что «американо-японский альянс является краеугольным камнем мира, безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

¹⁶ Ежегодно происходят совместные военные учения между США и Филиппинами под названием «плечом к плечу» (The Balikatan). В 2012 и 2013 гг. проводились беспрецедентные по масштабам совместные военные учения на островах Южно-Китайского моря. Также ежегодно имеют место совместные военные учения между США и Таиландом под названием «Cobra Gold». Мьянма, Камбоджа и Вьетнам приняли участие в совместных военных учениях «Cobra Gold» в 2013 г. в качестве наблюдателей. В 2012 г. ВМС США и Индонезии организовали совместные военные учения под названием «сотрудничество в подготовке кадров и по-

вышению готовности к реагированию целевой группы в море» (CARAT) в городе Сурабая, Situbondo Восточной Явы. Были проведены совместные военные учения между ВМС США и ВМС Камбоджи в порту Сиануквилль. Одновременно в августе и сентябре 2012 г. ВМС США вместе с ВМС Филиппин, Брунея, Индонезии, Малайзии и Таиланда организовали совместные военные учения под названием «Обучение кадров и сотрудничество в Юго-Восточной Азии» (SEACAT).

¹⁷ При поддержке США с 2005 г. Япония начала участвовать в совместных военных учениях «Кобра Голд» с США, Сингапуром, Филиппинами и Таиландом. С 2007 г. Япония впервые вместе с США, Индией, Австралией и Сингапуром участвовала в военных учениях «Малабар-07» в Бенгальском заливе. Это военное учение было организовано по японской инициативе для укрепления военных связей с Индией и США. В 2010 г. Япония вместе с США, Индонезией, Филиппинами и принимающей страной Камбоджей участвовали в военных учениях под названием «охранники храма Ангкор». С 2011 г. Япония по программе Официальной помощи развитию (ODA) поставляет Филиппинам 12 военных кораблей, в том числе большой патрульный корабль водоизмещением около 1000 тонн, чтобы помочь этой стране улучшить защиту морского побережья и т.д.

¹⁸ В ходе визита госсекретаря США Хиллари Клинтон в Индию в июле 2010 г. Индия предложила создать «трехсторонний диалог США—Япония—Индия», и США поддержали ее. Уже в апреле 2011 г. в Токио в рамках встреч замминистров обороны и иностранных дел США и Индия достигли Соглашения о создании трехстороннего диалога США—Япония—Индия. Второй трехсторонний диалог в этом формате был проведен в апреле 2012 г. в Токио, и третий в октябре 2012 г. в Нью-Дели. В двух диалогах в 2012 г. главной темой обсуждения был рост напряженности в отношениях между Китаем и окружающими странами, особенно в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Очевидно, что США пытаются собрать силы, чтобы создать и укрепить пояс военной безопасности от Персидского залива до Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Японского моря с тем, чтобы сдерживать Китай.

¹⁹ Эти понятия США предложили в обзоре оборонной политики за 2010 г. (выходит один раз в 4 года). После этого министерство обороны США сразу создало Бюро воздушно-морских сражений.

²⁰ После формирования концепции «Битва в воздухе и на море», сухопутные войска и морская пехота США выдвинули концепцию «Стратегическая сила», развивали понятие «Спецоперация силы» и считали это неотъемлемой частью «Смешанных сил» американской армии. Это позволяет США сократить количество американских солдат и расходов на оборону, но не влияет на совместный бой.

²¹ Согласно оборонному бюджету 2014 г. США будут инвестировать 12,9 млрд долл. для создания нового авианосца Gerald R. Ford (это самый дорогой военный корабль) и покупки 8 прибрежных боевых кораблей (Littoral Combat

Ship), чтобы развернуть эти корабли в акватории Сингапура. Для оснащения ВВС в 2014 г. США купят 29 истребителей F-35, одновременно используют 1,3 млрд долл. на покупку лучших самолетов-разведчиков E-2D Hawkeye, и они частично будут использоваться в западной части Тихого океана — см. Конгресс США позволил ВМС и ВВС повысить потенциал. URL: <http://www.viet.rfi.fr/print/88667?print=now>, 20.12.2013.

²² См.: Гуманитарная помощь Филиппинам — способ защиты интереса США к Азии. URL: <http://www.viet.rfi.fr>, 14.11.2013; Реальные военно-морские силы США и Китая подвергались шторму Хаянь. URL: <http://vnexpress.net>, 16.11.2013.

Г.М. Локшин

ВЬЕТНАМ И ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЕ ТУРНЕ ПРЕЗИДЕНТА США

В последнюю неделю апреля 2014 г. президент США Б. Обама совершил свой визит в четыре страны Восточной Азии — Японию, Южную Корею, Малайзию и Филиппины. Это была уже вторая его поездка в регион после посещения Таиланда, Австралии и участия в Восточноазиатском саммите (ВАС) в Пномпене в октябре 2012 г.

В ноябре 2013 г. намечалось участие президента США в саммите АТЭС на о. Бали (Индонезия) и посещение ряда стран ЮВА, но она не состоялась из-за бюджетного кризиса. Отмена визита усилила и без того возникшие серьезные сомнения в странах ЮВА в состоятельности провозглашенного США курса на возвращение («разворот») в АТР. В этой связи состоявшемуся в апреле визиту президента в Восточную Азию придавалось особое значение.

В обоих своих состоявшихся визитах в регион президент США проехал мимо Китая и Вьетнама. Посещение Вьетнама не было запланировано и на предстоявшие осенью 2014 г. визиты в КНР (на саммит АТЭС) и в Мьянму (саммит ВАС), хотя и обещал это сделать до конца своего срока у власти. Однако итоги и последствия апрельского визита Б. Обамы 2014 г. оказались для Вьетнама особенно ощутимыми.

Последовавшие за ним события в Южно-Китайском (по-вьетнамски Восточном) море наглядно продемонстрировали зависи-

мость региональной безопасности и китайско-вьетнамских отношений от соперничества США и Китая. Анализу этих событий посвящается предлагаемая статья. В ней рассматриваются некоторые итоги второго восточноазиатского турне президента США, реакция на него в Китае, новый раунд напряженности в китайско-вьетнамских отношениях и политика СРВ в создавшихся условиях.

1. Затормозившийся «разворот» США в АТР

Администрацию Б. Обамы еще на первом сроке обвиняли в недостатке внимания к этому региону, где, как писали в прессе, «Китай доедает американский ланч». Провозглашенный им после выборов на второй срок «разворот» в АТР вскоре оказался довольно сомнительным ввиду осложнившегося экономического положения самих США. К этому добавились труднейшие проблемы в Сирии, Ираке, Ливии и Афганистане, а главное — ухудшение отношений с Россией и кризис в Украине. В ноябре 2013 г. Б. Обама из-за бюджетного кризиса в США пропустил саммиты АСЕАН и АТЭС в Брунее и на индонезийском острове Бали, где его ждали, и это вызвало новую волну критики в его адрес со стороны многочисленных оппонентов в США. Во многих странах региона правящие элиты разочаровались в ожиданиях быстро прошедшего периода «обамомании». Его администрация оказалась более занята своими внутренними делами и другими проблемами, чем пока еще потенциальными кризисами в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

Уход проблем Восточной Азии на второй план подтвердило и приглашение Председателя КНР Си Цзиньпина в Калифорнию летом 2013 г., т. е. в самом начале второго срока Б. Обамы. Оно показало, что одним из главных вызовов текущего десятилетия для США стала необходимость избежать разорительного стратегического соперничества между Китаем, с одной стороны, и США вместе с их союзниками, с другой.

А тем временем с начала 2013 г. в Восточной Азии развертывалось нечто подобное новой холодной войне между Китаем и двумя военными союзниками США — Японией и Филиппинами. Началом

ее можно считать двухмесячное противостояние Китая и Филиппин еще весной 2013 г. из-за песчаной отмели Скарборо вблизи от архипелага Спратли, а также с вызова японскому суверенитету на 5 крохотных островков Дяоюйдао/Сенкаку, расположенных в 445 км к юго-западу от о. Окинава. Все закончилось фактической аннексией Скарборо Китаем. А в мае 2013 г. китайские полувоенные корабли в сопровождении фрегата ВМФ НОАК появились у второй гряды Томаса, чтобы воспрепятствовать попыткам филиппинцев отремонтировать свой десантный корабль, который был там специально оставлен на мели еще в 90-е годы и служил базой для небольшой группы морских пограничников, обозначавших суверенитет Филиппин. Кстати там впервые китайские корабли применили против филиппинцев водяные пушки.

Спор с Японией вылился в установление Китаем в ноябре 2013 г. своей зоны ПВО (ADIZ), включившей о-ва Дяоюйдао/Сенкаку и часть морской акватории и воздушного пространства над Восточно-Китайским морем, которые Южная Корея считает своими. Через неделю после этого власти китайского о-ва Хайнань приняли постановление, по которому все иностранные рыболовные и исследовательские суда должны запрашивать у них разрешение на промысел и любую деятельность в районе, охватывающем большую часть зоны, ограниченной известной «линией U». И в тот же день в ЮКМ вошел первый китайский авианосец «Ляонин» с эскортом других кораблей.

Эти действия Китая, по мнению многих наблюдателей, сводились к тому, чтобы доказать Японии, Филиппинам и другим странам региона неэффективность и бесполезность военных союзов с США, у которых нет ни желания, ни возможности ответить Китаю на его постоянные демонстрации своего суверенитета на все эти островки и отмели в ВКМ и ЮКМ. Это вскоре и подтвердилось на практике. А администрация Б. Обамы, по мнению известного австралийского эксперта Карла Тэйера, действительно оказалась не готова к такому повороту событий и оставалась в растерянности¹.

Как писал в гонконгском журнале «Азия таймс» содиректор журнала «Внешняя политика в фокусе» Дж. Фэффер, «в действительности, «перебалансировка» как существенное изменение политического курса администрации Б. Обамы остается пока больше на

словах и выглядит скорее фикцией, в которую уже мало кто верит. Ведь наступили времена, когда Пентагону приходится затягивать пояс, и Вашингтону будет крайне трудно вложить в нее сколько-нибудь значительные дополнительные средства»².

Пока «перебалансировка» значительных изменений в расстановке сил не вызвала. Если до нее ВМФ США распределялся между Атлантикой и Тихим океаном в соотношении 50×50, то к 2020 г., как было заявлено шефом Пентагона Л. Паннетой в 2012 г., это будет 60×40 в пользу Тихого океана. Но реально общее число кораблей сокращается с 285 до 250 и меньше. Часть самолетов F-22s, B-52s, B-2s уже переведена с о. Окинава на о. Гуам. В целом наблюдается значительный рост совместных военных учений с армиями союзников и приближение американских вооруженных сил ближе к потенциальному театру военных действий в западной части Тихого океана.

Усиление напряженности в ЮКМ, начавшееся с приходом к власти нового поколения китайских руководителей, в представлениях китайских политологов и пропагандистов, является результатом объявленного «разворота» США в АТР и того, что малые и средние государства региона почувствовали поощрение со стороны США в их сопротивлении территориальным требованиям Китая. И потому никакие уверения американских политиков, что этот «разворот» никак не направлен против Китая, не смогли ослабить их убеждения в противном.

В последнее время роль США как главного гаранта безопасности для его союзников в ЮВА действительно возросла на фоне мощного подъема Китая. Однако все они с растущей тревогой наблюдают за сокращениями военного бюджета и задумываются над тем, хватит ли у США средств на поддержание необходимого военного потенциала в быстро меняющейся международной обстановке. К тому же, наблюдая за событиями последних лет, элиты стран региона пришли к выводу, что США могли бы действовать более решительно в поддержку своих союзников и партнеров.

При всем этом АТР слишком важен для США, чтобы позволить кому-нибудь усомниться, что они готовы отстаивать там интересы свои и своих союзников. Поэтому визиту президента США в страны Восточной Азии на этот раз придавалось особое значение.

2. Перезагрузка «разворота» в АТР

22—29 апреля 2014 г. давно ожидавшийся визит президента США Б. Обамы в страны Восточной Азии с остановками в Японии, Южной Корее, Малайзии и на Филиппинах, наконец, состоялся. Посещение Китая не планировалось, но тема Китая доминировала во всех переговорах американского президента, а сам визит, несомненно, должен был иметь первостепенное значение для американо-китайских отношений, и следовательно, для всех стран ЮВА и для Вьетнама прежде всего.

Перед визитом президента в апреле министр обороны США Ч. Хагел принимал всех министров обороны стран АСЕАН на Гавайях. Эта первая встреча военных министров в формате АСЕАН + США преподносилась в американской прессе как «историческая». Она должна была определить пути дальнейшего сотрудничества в сфере безопасности, а также наладить взаимодействие военных с гражданскими службами безопасности на море и при оказании помощи в ликвидации последствий стихийных бедствий. В итоге участники договорились проводить такие встречи ежегодно, т. е. фактически превратили их в еще один институт АСЕАН. А в прессе появились даже прогнозы превращения его в будущем в некую «Организацию безопасности АТР» (APSO) по образу и подобию НАТО.

Вслед за этим Ч. Хагел вылетел в Токио и Пекин. В обоих случаях он подчеркивал верность США своим обязательствам перед союзниками в Азии и заявлял о необходимости сохранять статус-кво в отношении идущих территориальных споров. Эти заявления явно не понравились в Пекине, где его китайский коллега генерал Чан Ваньцюань прямо сказал ему: «Китайский народ, включая меня самого, крайне не доволен такими замечаниями»³.

Тем не менее, несмотря на все жалобы и недовольство Китая, в своих выступлениях во время состоявшегося визита Б. Обама повторил почти все, что говорилось раньше в США на разном уровне по поводу политики Китая в регионе. Но характерно, что все его уколы и критика в адрес Китая были тщательно взвешены, и чаще всего он вообще обходился без упоминания самого Китая.

Турне президента началось с поддержки Японии в споре за острова Дяоюйдао (Сенкаку). Он заверил, что Договор безопасности 1961 г. распространяется и на эти острова. Но через день прозвучали комментарии Б. Обамы в Сеуле, где он сказал: «Договор безопасности между США и Японией был подписан еще до моего рождения, так что я никогда не представлял его как «красную линию» для себя». Как писала в этой связи китайская газета «Эпок таймс», эти слова «вылили ведро холодной воды на головы японских ястребов»⁴.

В Сеуле стороны много говорили об экономических санкциях против Северной Кореи, но это был скорее публичный нажим на Китай, который, мол, должен более настойчиво добиваться от КНДР прекращения ядерных и ракетных испытаний. На случай войны ими было создано объединенное командование вооруженных сил. Однако настойчивые попытки президента США добиться примирения двух рассорившихся главных союзников в Азии — Южной Кореи и Японии — остались без ответа.

Малайзия имеет большой авторитет в исламском мире. США остаются ее одним из главных торговых партнеров и важнейшим источником инвестиций. Она весьма заинтересована в сотрудничестве с США в области высоких технологий. Визит в Малайзию, которая никогда не была близким союзником США, стал первым с 1966 года. В территориальных спорах в ЮКМ она занимает исключительно осторожную позицию, уклоняясь от противоречий с Китаем. К тому же китайцы составляют более трети населения страны. В итоге стороны все же договорились поднять уровень отношений до «всеобъемлющего партнерства», но ограничились восстановлением личного контакта и поддержкой более жесткой позиции в отношении территориальных претензий Китая на фоне резкого охлаждения отношений с КНР после исчезновения малайзийского пассажирского «Боинга» в Индийском океане, в котором большинство пассажиров были китайцы. Во время визита был подписан также целый ряд контрактов различных корпораций США с местными компаниями. Однако вовлечь Малайзию в переговоры о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) США так и не удалось. Она вместе с другими странами АСЕАН участвует в формировании конкурирующего торгового

блока — Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (РСЕП), продвигаемого Китаем.

На Филиппинах в присутствии президентов было подписано давно готовившееся 10-летнее расширенное Соглашение по сотрудничеству в обороне (EDCA). Оно предусматривает значительное увеличение числа американских военных на территории Филиппин, которые могут находиться там «по приглашению и при полном уважении Конституции и законов Филиппин». По новому соглашению, крупнейшая в регионе база ВМС Субик Бэй и база ВВС Кларк, хорошо известные и освоенные американцами со времени войны во Вьетнаме, были вновь предоставлены в распоряжение США. Стороны договорились, что США не будут осуществлять постоянного военного присутствия на этих базах, которые останутся под юрисдикцией Филиппин, но они смогут ввозить туда необходимое оборудование и материалы, за исключением оружия массового уничтожения. Вооруженные силы США будут закупать все необходимое для снабжения своих вооруженных сил на местном рынке.

Подписанное соглашение представлялось сторонами как «образец новых, более зрелых отношений» между союзниками». Возвращение более крупного контингента американских войск в страну рассматривалось как средство «сдерживания» Китая, наращивающего свою морскую мощь в регионе. Соглашение с Филиппинами стало самым заметным событием всего турне. Главная особенность его в том, что оно не является базовым договором, а военное присутствие США на Филиппинах будет отличаться от их присутствия в Японии и Южной Корее, где они содержат на постоянной основе значительный контингент своих вооруженных сил.

И все же заключительные высказывания Б. Обамы на пресс-конференции в Маниле 28 апреля опять прозвучали двусмысленно. На прямой вопрос, можно ли рассчитывать на обещания поддержки Филиппин в случае конфликта с Китаем, он уклончиво сказал: «Наша цель не в том, чтобы сдерживать Китай». Это сразу вызвало немало сомнений в местных СМИ. В Маниле оказалось много критиков подписанного Соглашения, и сразу после его подписания начались споры, требуется ли его ратификация в Сенате. Отмечалось, что оно было подписано не главами государств, как надеялись филиппинцы,

а только послом США Голдбергом и министром обороны Филиппин, и сроком всего на 10 лет.

Многие наблюдатели обратили внимание на то, что Обама во время всего визита в страны Восточной Азии явно говорил одновременно с разными аудиториями и как бы на разных языках. С одной стороны, он пытался заверить своих союзников в непоколебимой поддержке США. С другой, он выражал надежды на то, что они все же сумеют вести себя достаточно сдержанно, и даже высказывался в том смысле, что США подумывают о прочных отношениях с Пекином и рассчитывают найти с ним вместе решение спорных проблем.

Трудно сказать, нашел ли он баланс между своими заверениями в поддержке союзников и нежеланием разжигать антагонизм против Китая. Но в целом нельзя считать, что визит завершился провалом и никаких целей не достиг, хотя и проходил в тени событий в Европе и совпал с двумя национальными трагедиями — в Южной Корее (затонувший паром) и в Малайзии (пропавший «Боинг»). Тем не менее, он стал еще одним подтверждением намерений стратегической переориентации внешней политики США, т. е. той самой «перезагрузки» в АТР, и открыл двери для их более заметного военного присутствия в регионе. Налажено было и сотрудничество с Японией в укреплении обороноспособности стран ЮВА. А вот с торговым соглашением о ТПП, на которое тоже делалась ставка администрации Б. Обамы, ничего не получилось.

В этой связи можно сказать, что если была задача подкрепить духом союзников и удержать Китай от дальнейших агрессивных действий в ВКМ и ЮКМ, то решить ее тоже не удалось. Для Вьетнама, как и для всех других стран региона, выводы из визита лишний раз подтверждали, что ожидания от «разворота» США в Азию должны быть значительно поумерены. Военные союзы и базы они, несомненно, будут укреплять. Более того, вырисовывается главная и пока не афишируемая цель — создание системы коллективной безопасности в АТР по модели НАТО и под руководством США. Но втягиваться в конфликт с Китаем из-за нескольких необитаемых островов в ЮКМ они, конечно, не будут. Внешняя политика США всегда будет нацелена на недопущение появления другой доминирующей державы в АТР, ибо такова уж география этой страны, одинаково зависящей от безопасности и стабиль-

ности в Атлантическом и Тихом океанах. И, хотя влияние США несколько ослабло по сравнению с Китаем, они будут делать все возможное для сохранения статус-кво, как это было и раньше. И они останутся на весь обозримый период важным военным и экономическим партнером для малых и средних государств региона.

Визит президента показал, что «разворот» в АТР как стратегическая инициатива еще жива. При всех слабостях и недостатках «разворот» в Азию свое дело делает, особенно для тех, кому выгодно в него верить. В США «ястребы» приветствуют возвращение США в Азию в стиле Рэмбо, тогда как «голуби» оплакивают растущую милитаризацию политики Б. Обамы. Пентагону открывается новое направление. ВПК ждет весьма привлекательных контрактов. Расходы на вооружения в странах ЮВА должны достичь в 2016 г. 40 млрд долл., тогда как в 2009 г. они были 25 млрд долл. Военный бюджет Вьетнама за последние 10 лет тоже вырос в три раза⁵. Другие корпорации ждут более свободного доступа на рынки региона через Транстихоокеанское партнерство. США политикой укрепления военных союзов в АТР стремятся выдвинуть своих союзников вперед, на первую линию, а самим оставаться на шаг сзади. Проводится так называемая азиатизация АТР (по образу и подобию пресловутой «вьетнамизации» войны) через экспорт вооружений и соглашения о временной дислокации войск. Все это только разгоняет в регионе и без того самую значительную гонку вооружений в мире. Так что «поворот» не только не несет мира в регион, а, наоборот, раздувает бурю и оставляет опасную нестабильность на своем пути.

Для Китая он дает рациональное оправдание укрепления обороны, закупки и создания все новых вооружений для защиты от господства США в воздухе и на море. Для союзников США он тоже дает дополнительную страховку от опасного роста китайской военной мощи, хотя и заставляет их вносить и свою немалую плату за строительство вооруженных сил⁶.

3. Новая эскалация напряженности в ЮКМ

Китайское руководство, разумеется, внимательно отслеживало визит Б. Обамы, тщательно выверяя каждое слово, каждое взятое

американцами обязательство и их намерения в АТР. Визит в целом явно укрепил убежденность китайского руководства в том, что рекламируемая США стратегия «перебалансировки» в АТР — это вариант политики «сдерживания» Китая, что означает на практике стратегию противодействия росту его военного, политического и экономического влияния в регионе. Сам маршрут этого турне президента США — Япония, Южная Корея, Малайзия и Филиппины как бы говорил: «Мы на их стороне!» И не случайно, редакционная статья в газете «Пиплз дейли» (английский вариант газеты «Жэньминь жибао»), посвященная этому визиту, категорически отвергла все утверждения американского президента, что США являются нейтральными в территориальных спорах и обвинила их в том, что они «поддерживают и поощряют Японию и Филиппины в их провокационных действиях против КНР»⁷.

Вместе с тем, визит Б. Обамы довольно ясно показал Китаю, что можно смело двигаться вперед в своей наступательной политике в ЮКМ. А тут и события в Украине подоспели. И 1 мая 2014 г. Китай выдвинул свою гигантскую платформу для глубоководного бурения на нефть и газ на 80 миль в пределы исключительной экономической зоны (ИЭЗ) Вьетнама в районе Парасельских островов. Платформа шла в сопровождении 80 вспомогательных судов, включая несколько кораблей ВМС НОАК и множества судов пограничной охраны и рыбнадзора. Сопровождавшие корабли активно пользовались специально подготовленными водяными пушками и нередко шли на таран вьетнамских кораблей морской полиции и гражданских рыболовных судов, направленных вьетнамскими властями навстречу всей этой армаде. Ряд из них был поврежден, а члены экипажей получили ранения.

Это был первый случай, когда Китай столь откровенно и так далеко пошел на нарушение сложившегося статус-кво в ЮКМ и установил свою буровую платформу глубоко в пределах континентального шельфа и ИЭЗ одной из стран АСЕАН. Акция эта не была совсем неожиданной. О появлении у Китая глубоководной буровой установки, предназначенной для бурения на нефть в ЮКМ, сообщалось уже давно.

Место в районе Парасельских островов, где была установлена китайская буровая платформа, известно не тем, что там много нефти

и газа, а скорее тем, что там их нет или очень мало. По данным американской энергетической компании АЕИС, подсчитанные запасы там составляют всего около 1 млн баррелей⁸.

Район установки китайской буровой в правовом отношении остается неурегулированным и спорным, хотя Китай тут никакого спора не признает и категорически отказывается его обсуждать. Но даже в таких районах, по действующему международному праву, односторонние меры, радикально меняющие статус-кво, считаются недопустимыми. И потому, по мнению Вьетнама, это было грубейшим нарушением международного права, Конвенции 1982 г. по морскому праву (UNCLOS) и Декларации 2002 г. о поведении сторон в ЮКМ (DOC), под которыми стоит подпись Китая, а также совместного Заявления сторон из 6 пунктов, подписанного в 2011 г. в Пекине лидерами КПВ и КПК. Эта исключительно опасная акция создала, по официальному мнению МИД СРВ, прямую угрозу миру, стабильности и безопасности судоходства в ЮКМ.

Введение буровой установки последовало ровно через день после возвращения Б. Обамы в США. Ясно, что в данном случае «после» не означает «по причине». Столь дорогостоящие и масштабные акции не делаются за один день. Она планировалась и готовилась задолго до этого. Но как повод визит Б. Обамы, конечно, был использован. А момент был выбран весьма благоприятный, ибо внимание всего мирового сообщества было отвлечено кризисом в Украине.

Эта мобильная демонстрация китайского суверенитета, по подсчетам некоторых наблюдателей стоила не одну сотню тысяч долларов в день. В Китае представитель МИД КНР заявила, что речь идет об обычной деловой практике китайской нефтяной корпорации, которая начала бурение в 17 км от крайнего из Парасельских островов и в 150 км от берегов Вьетнама. Следовательно, в ИЭЗ Китая, которую, правда, он никогда официально не заявлял. Но это позволяло представить именно Китай жертвой агрессии Вьетнама. Чем и занимались все СМИ Китая на протяжении более двух месяцев.

В чем же была причина эскалации напряженности со стороны Китая? Некоторые наблюдатели считали ее попыткой еще раз проверить решительность как США, так и АСЕАН, испытать возможный международный ответ на дальнейшее ужесточение территори-

альных требований в окружающих морях. Это был хорошо обдуманый шаг. Решение выдвинуть нефтяную платформу стоимостью в 1 млрд долл. в район с сомнительными запасами нефти и газа и вызвать тем самым серьезный дипломатический кризис говорит о запланированном политическом характере этой акции. Никто добывать нефть или природный газ там, похоже, и не планировал. Это был стратегический ход, направленный на подтверждение территориальных претензий в ЮКМ. Он также говорит о намерении нового поколения китайских руководителей поддерживать контролируемую напряженность в регионе, и повышать цену, которую придется заплатить малым и средним государствам ЮВА, если они позволят США соблазнить себя планами усиления американского военного присутствия.

Официальные представители китайской национальной оффшорной компании (CNOOC) не скрывали, что им было приказано вывести буровую в 143-й блок вьетнамской ИЭЗ, несмотря на все их возражения по чисто экономическим соображениям. Они указывали на невероятную цену содержания установки с сотней сопровождающих кораблей с 1 мая до 15 августа, как было объявлено. Тем более, что многие эксперты-нефтяники предупреждали что там нефти или газа нет или их крайне мало для экономически оправданной добычи.

Почему начали с Вьетнама? Эффект внезапности тут, несомненно, имел место. Ничего не предвещало столь радикальной смены политической погоды. Этот новый и неожиданный для соседей шаг, если исходить из вьетнамо-китайских отношений, которые после визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Ханой в октябре 2013 г. явно шли в гору. Тогда обе стороны указывали, что они договорились продолжить обсуждение спорных проблем на море. Он был весьма неожиданным и потому, что Вьетнам не предпринимал никаких шагов, которые могли бы стать оправданием столь беспрецедентного шага Китая. Но установка буровой платформы говорила о том, что Китай отказывается от «дипломатии улыбок» и переходит к оказанию прямого давления с помощью силы и политико-дипломатического наступления на Вьетнам.

Провокационный характер этой акции подчеркивало и то, что буровую платформу сопровождали около сотни кораблей, включая

боевые корабли ВМФ НОАК. И когда Вьетнам развернул более 30 своих кораблей береговой охраны и рыбнадзора, китайская сторона начала применять против них водяные пушки и даже идти на таран против деревянных вьетнамских судов, что привело к их повреждению и даже затоплению одного из вьетнамских кораблей и ранениям членов их экипажей.

Масштаб и интенсивность конфликта были значительно выше, чем это имело место с Японией вокруг островов Дяоюйдао/Сенкаку. Но Китай не ввел в действие свои военные корабли, находившиеся рядом. Авиация тоже почти не применялась. Явно не было намерения начинать войну с Вьетнамом. Это было бы слишком невыгодно для Китая в настоящее время. Как всегда, использовались только полувоенные и гражданские суда, а военные стояли в запасе.

С позиций международного права эта акция КНР была явно незаконной. Объявленная в ее оправдание граница китайской ИЭЗ, отмеряемая от одного из необитаемых Парасельских островков, налагалась на половину ИЭЗ Вьетнама, отмеряемую от базовой береговой линии. В этих случаях Конвенция 1982 г. требует, чтобы стороны вступили в переговоры, а предварительно воздерживались от каких-либо действий, нарушающих статус-кво, и от применения силы или угрозы силой.

Зачем это было нужно Китаю? Разведанные запасы нефти менее 1 млн баррелей при значительных трудностях экономически оправданной добычи никак не могли покрыть политический ущерб от того, что Китай в одностороннем порядке начал все-таки разработку месторождений в чужой ИЭЗ.

Наблюдатели разошлись в трактовке мотивов и целей Китая в этой истории. Некоторые считали ее ответом Китая на принятие Вьетнамом своего Морского закона в июне 2012 г. До его принятия Китай безуспешно пытался оказать давление на Ханой. Когда это не удалось, CNOOC объявила тендер на 9 блоков в прибрежной зоне ЮКМ, входящих в ИЭЗ Вьетнама. Никто на это не откликнулся, и тогда CNOOC якобы решила начать разведывательное бурение сама. Но эти предположения не подтверждаются даже заявлениями самих руководителей CNOOC.

Основное объяснение действий Китая сводилось к тому, что это был заранее подготовленный ответ на визит президента США. Так или иначе, но в ходе этого визита Б. Обама публично высказался против разрешения территориальных споров в ВКМ и ЮКМ путем запугивания и давления. Китай был возмущен критикой пресловутой «линии У» и поддержкой со стороны США обращения Филиппин в Международный арбитраж с иском против Китая. Гневную реакцию вызвало и заявление Б. Обамы в поддержку Японии по островам Дяоюйдао/Сенкаку и соглашение по базам на Филиппинах.

События в Украине в определенной мере повлияли на действия Китая, если учесть, что внимание США и стран ЕС было приковано в это время к отношениям с Россией. Но наступление Китая в ЮКМ началось задолго до этого и вписывается в цепь событий, связанных с Вьетнамом, Филиппинами после возбуждения ими дела в Международном арбитраже и Малайзией (высадка десанта на гряде Джеймса, на которую она претендует). Но, будучи занят украинским кризисом и вновь произошедшим обострением на Ближнем Востоке, внешний мир, на наш взгляд, пока не очень адекватно воспринимает происходящее в Восточной Азии.

Многие наблюдатели посчитали эту акцию Китая попыткой еще раз проверить решимость, как США, так и АСЕАН в противодействии давлению Китая, испытать возможный международный ответ на дальнейшее ужесточение его территориальных требований в окружающих морях. Оно было как бы посланием всему миру о силе и решимости самого Китая заставить США и АСЕАН ощутить и признать, что именно Китай доминирует в этом регионе, а США там делать нечего.

В Пекине были уверены, что в ответ последуют осуждающие заявления, пусть и громкие, но без реальных мер противодействия. И не ошиблись. Ответ США на действия Китая был довольно туманным. Хотя, государственный секретарь Дж. Керри обвинил Китай в «провокационных действиях», но в его заявлении не было ни слова о том, что эти действия являются агрессивными и нарушающими букву и дух Конвенции 1982 г. по морскому праву. Содержался лишь призыв к неприменению силы и мирному решению спора. Но Вашингтон практически от всякого вмешательства или посредничества

в возникшем конфликте воздержался. Ни о каких санкциях против Китая и речи не было. В район противостояния не был направлен ни один военный корабль США, и они не отменили свой запрет на продажу Вьетнаму современного вооружения.

Так что это был хорошо обдуманый шаг. Решение выдвинуть глубоководную буровую платформу стоимостью в 1 млрд долл. в район с сомнительными запасами нефти и газа и вызвать тем самым серьезный дипломатический кризис говорит о запланированном политическом характере этой акции. Никто добывать нефть или природный газ там, похоже, и не планировал. Слишком дорого было бы тянуть трубопровод на ближайший остров Хайнань. Это был сильный стратегический ход, направленный на подтверждение территориальных претензий в ЮКМ. В целом Китай бросил вызов США по основным направлениям американской стратегии. Он решил продемонстрировать разрыв между риторикой Б. Обамы и неспособностью США эффективно ответить на ужесточение территориальных требований Китая. Многие наблюдатели также указывали на то, что Китай учел неспособность США эффективно ответить на кризис в Сирии, Ираке, а затем и в Украине. И поэтому он решил показать странам региона, что США — это всего лишь «бумажный тигр».

Однако возникает вопрос, почему действия Китая были предприняты за неделю до саммита АСЕАН в столице Мьянмы, хотя в марте и апреле был достигнут небольшой, но все же прогресс на консультациях по разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ.

Послание АСЕАН было очевидным: «Не ждите, наша позиция остается неизменной».

10 мая министры иностранных дел стран АСЕАН выразили «серьезную озабоченность продолжающимися событиями в ЮКМ, которые привели к росту напряженности в регионе»⁹. Это было сделано в отдельном Заявлении и означало однозначную поддержку Вьетнама в сложившейся ситуации, хотя в нем Китай не был назван, и повторялась известная позиция АСЕАН, неизменно выступающей за мирное урегулирование споров путем переговоров. И все-таки АСЕАН впервые за много лет столь однозначно выступила вместе против действий Китая в ЮКМ.

Развернувшийся кризис привлек внимание мирового сообщества. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун обратился к обеим сторонам с призывом проявить сдержанность и разрешить конфликт миром. Ни одна страна, ни одно правительство не выступили в поддержку действий КНР. Не все, конечно, выразили протест, но поддержки акция Китая в мире явно не встретила. Похожее заявление сделали Франция и другие страны ЕС. В поддержку Вьетнама выступил премьер-министр Японии С. Абэ. Госдепартамент США, как уже сказано выше, выступил с заявлением, а помощник государственного секретаря Д. Рассел направился во Вьетнам для выяснения обстановки. По возвращении он сделал заявление в Конгрессе с осуждением действий Китая, в котором также подробно остановился на необоснованности и неправовом характере территориальных требований Китая, выраженных в его пресловутой «линии U»¹⁰.

15 мая сделал заявление МИД России на уровне своего представителя А. Лукашевича. В нем говорилось, что Россия выражает надежду, что Китай и Вьетнам сумеют найти мирное решение спора путем переговоров¹¹. Эта в общем нейтральная позиция логично вытекает из того факта, что Россия — стратегический партнер Китая и Вьетнама одновременно. Ее отношения с ними отличаются от отношений США с Японией или Южной Кореей. Россия и Китай не являются союзниками. Стратегическое партнерство — это не военный союз против некоего общего противника. Между стратегическими партнерами нет военного соглашения, подобного договору 1951 г. между США и Филиппинами или США и Японией. Отношения России и Китая имеют ряд важных особенностей, сближающих обе стороны и обеспечивающих нормальное взаимовыгодное сотрудничество в самых разных областях, но они не содержат обязательства во всех случаях поддерживать политику и разделять национальные интересы друг друга. Эти интересы могут иногда и не совпадать. Они не союзники, у них много разных интересов, которые иногда даже сталкиваются друг с другом, но они оба бросают вызов мировому порядку, в котором США были единственным распорядителем и арбитром в одном лице. И то, что Россия воздержалась от одобрения акции Китая в ЮКМ лишний раз доказывает независимость и самостоятельность ее политики в регионе¹². У России хорошие отноше-

ния со всеми прибрежными странами ЮКМ, и у нее нет никаких мотивов для противостояния им. Вряд ли в сложившейся ситуации России нужен был и еще один фронт противостояния с США. Ее главные проблемы сейчас в Европе, и иметь еще один конфликт в ЮВА слишком нерационально.

В ходе нового кризиса китайское руководство пошло на беспрецедентный для него шаг. Китай на протяжении многих лет категорически возражал против попыток интернационализации конфликта в ЮКМ и вмешательства какой-либо международной организации в свои споры с другими претендентами на суверенитет в ЮКМ. А тут он впервые обратился к ООН, направив Генеральному секретарю пространное послание с изложением своих «исторических прав» на острова в ЮКМ и протестом против действий Вьетнама, препятствующего работе его нефтяных компаний. Китай потребовал распространения этого документа среди всех членов ООН. Вьетнам через некоторое время тоже обратился к ООН с посланием прямо противоположного содержания. И хотя это все имело скорее пропагандистский характер, но могло и означать отход от прежней установки на исключительно двусторонние переговоры с каждой заинтересованной страной в отдельности.

Китай долго отмалчивался и на все эти дипломатические шаги никак не реагировал. В Китае началась мощная пропагандистская кампания в СМИ и на международной арене с обвинениями Вьетнама в агрессии и препятствии законной деятельности его нефтяной корпорации. В прессе вновь появились призывы «преподать Вьетнаму достойный урок», напоминающие установку Дэн Сяопина на войну 1979 г.

Вьетнамское руководство почти две недели хранило молчание, сохраняя выдержку и не желая драматизировать обстановку. По мнению некоторых наблюдателей, это могло означать и отсутствие единства среди высшего руководства страны по отношению к действиям КНР. 8 мая начал работу 9-й пленум ЦК КПВ. В докладе генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга на открытии пленума это событие не обсуждалось. И только на его закрытии он сказал: «Обстановка в Восточном море развивается сложно и исключительно серьезно для нас. Это требует от всей партии, народа и армии ис-

ключительной стойкости, мудрости, сплоченности и единомышленной готовности решительно защищать независимость, суверенитет и территориальную целостность Родины при сохранении мира и стабильности в регионе, необходимых для строительства и развития страны»¹³.

Никакого заявления правительства тоже не было. 18 мая премьер-министр Нгуен Тиен Зунг вылетел на Филиппины для участия в международном экономическом форуме. В то же время вьетнамские СМИ много и охотно публиковали высказывания иностранных обозревателей и политиков с критикой действий Китая.

Вместе с тем, были сразу задействованы все «горячие линии» связи министерств обороны и иностранных дел. 13—17 мая в Ханое прошли переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел. Позднее такие же переговоры прошли в Пекине. И как уже было не раз в трудных обстоятельствах, активно задействованы межпартийные каналы связи. Как сообщала из своих источников «Нью-Йорк таймс», китайское руководство отклонило предложение КПВ о срочной встрече партийных лидеров на высшем уровне. Вместо этого в Ханой был направлен постоянный член Политбюро ЦК КПК государственный советник Ян Цзечи, курирующий вопросы внешней политики. Однако его переговоры с вьетнамскими руководителями ни к чему не привели, и стороны остались на своих прежних позициях.

В этих условиях Вьетнам не ограничился только дипломатическими средствами. Главное было не допустить ситуации свершившегося факта. Государству-жертве в современных условиях практически жаловаться некому — ни ООН, ни АСЕАН в их нынешнем положении оказать практическую помощь не могли. Надо было выходить на международную арену и через голову правительств, используя весь большой опыт работы с мировой общественностью в годы войны Соппротивления против агрессии США. Общественное мнение на Западе в целом было явно настроено более благосклонно к Вьетнаму, как к стране, подвергшейся открытому давлению со стороны своего столь могущественного соседа.

В самом Вьетнаме действия Китая вызвали небывалый взрыв возмущения общественности. К нему добавилось мощное давление

вьетнамской диаспоры в США и в других странах. 13—14 мая в Ханое, Хошимине и в ряде других городов страны прошли массовые демонстрации протеста. На этот раз они проходили с разрешения и даже по инициативе местных властей, что оказалось серьезной ошибкой. События вышли из-под контроля и в ряде мест произошли выступления рабочих предприятий, принадлежащих как Китаю, так и Тайваню, Сингапуру и другим странам. Прорвалось общее недовольство условиями труда и низкой зарплатой. Митинги и демонстрации превратились в погромы с жертвами и пострадавшими, вызвали закрытие некоторых предприятий, нанесли немалый ущерб экономике страны. Из Вьетнама было эвакуировано 3,5 тысячи китайских рабочих.

В стране развернулась активная дискуссия, в которой многие ученые и политики выступали за то, чтобы по примеру Филиппин возбудить иск против Китая в Международном арбитражном суде. С этим предложением выступали и многие зарубежные эксперты на ряде международных конференций, прошедших в это время во Вьетнаме и в других странах. Но, в конечном счете, Вьетнам на это не пошел.

В международном научном сообществе высоко оценили действия вьетнамского руководства в ходе кризиса. Оно не дало втянуть себя в ловушку, проявило выдержку и хладнокровие. Любое неосмотрительное действие могло быть использовано Китаем, тем более в атмосфере нагнетавшегося там национализма. Это могло привести к конфликту, которого, скорее всего, никто и не хотел.

4. Кризис завершен, но согласия нет

Тем не менее, время шло, и ситуация продолжала ухудшаться. Поступали все новые сообщения о столкновениях патрульных катеров, а также о приказах китайским подрядчикам прекратить работы на различных объектах и не заключать никаких новых контрактов. Напряженность в отношениях сохранялась. Кто-то должен был первым сделать шаг назад. Это сделал Китай. 16 июля буровая платформа HD981 со всем сопровождением снялась с места и взяла курс на территориальные воды КНР.

При этом корпорация CNOOC сделала заявление для печати, в котором говорилось, что разведочное бурение завершено досрочно, потому что все поставленные задачи решены. Буровая выводится по экономическим соображениям, а вовсе не под давлением извне. Следующий этап работы будет зависеть от полученных данных. Так что на место выведенной вполне может быть введена эксплуатационная и возможно не одна.

Многие усомнились в том, что досрочный (за месяц) вывод буровой означает отступление Китая, но так или иначе, это решение стало признаком очередной коррекции курса и перехода на более мирные позиции. Продолжавшийся 75 дней острейший кризис миновал.

Вряд ли можно считать случайным тот факт, что вывод буровой произошел менее чем через неделю после очередного Диалога по стратегическим и экономическим проблемам с США в формате 2×2 (т. е. с участием министров обороны и иностранных дел), прошедшего в Пекине 9—10 июля 2014 г. Немалое значение имело и то, что в ноябре в Пекине должен был начаться саммит АТЭС, на котором ждали президента США и лидеров других стран АТР. В преддверии такого важного события Китай, конечно, не был заинтересован в продолжении кризиса в ЮКМ. Нельзя исключать и того, что в Пекине поняли, что сильно «переборщили» с ужесточением своих позиций, а это толкает соседей в объятия США. Самым неприятным было изменение курса Японии, ее попытки пересмотра своей мирной конституции и постепенное формирование союзов с Индией, Австралией и Вьетнамом. Элементарная осторожность требовала корректировки курса, что и было сделано.

С уходом HD981 градус напряженности начал спадать, что облегчало ведение переговоров. Свою роль стабилизатора китайско-вьетнамских отношений вновь сыграли и многолетние связи двух правящих компартий Китая и Вьетнама. 27 августа в Пекин в качестве специального посланника генерального секретаря был направлен член Политбюро и постоянного Секретариата ЦК КПВ Ле Хонг Ань, занимающий пятое место в иерархии вьетнамского руководства после генерального секретаря, президента, премьер-министра и председателя Национального собрания. В партийном руководстве — это второй человек после генерального секретаря. Этот пер-

вый визит в ходе кризиса на таком уровне имел целью разрядить обстановку в отношениях двух партий и государств.

Принимая вьетнамского гостя, Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай и Вьетнам являются соседними социалистическими государствами. Соседа нельзя передвинуть на другое место, и потому они, прежде всего, заинтересованы в мирных отношениях друг с другом.¹⁴

Принятое по итогам переговоров Заявление свидетельствовало, что стороны решили нормализовать свои отношения и восстановить сотрудничество. Они условились держать под контролем все разногласия по ЮКМ, не допускать впредь никаких действий, которые осложняли бы положение и усиливали споры. Обе партии обязались усилить руководство межпартийными и межгосударственными отношениями, принять все меры к неукоснительному исполнению договоренностей высших руководителей. Ле Хонг Ань передал председателю КНР Си Цзиньпину приглашение посетить Вьетнам, которое было с благодарностью принято¹⁵.

Принятый документ фактически повторил основные положения совместного Заявления, принятого в октябре 2011 г. после визита в Китай только что избранного генерального секретаря ЦК КПВ, особенно договоренностей из 6 пунктов об основных принципах разрешения споров на море. Стороны условились «терпеливо вести переговоры по спорным проблемам по принципу сначала легкое, потом трудное», стремиться к фундаментальному и долгосрочному решению, приемлемому для обеих сторон. Они условились взять под особый контроль свои разногласия на море, избегать осложнений обстановки, влияющих на отношения двух стран, совместно поддерживать мир и стабильность в Южно-Китайском море и тенденцию к улучшению отношений между двумя партиями и государствами.

Особое внимание наблюдателей привлекла договоренность сторон активно изучать возможности для промежуточных решений переходного порядка без изменения позиций и политических установок сторон. Это включало «изучение и обсуждение проблемы сотрудничества в совместном развитии». Одновременно было решено активизировать созданные сторонами Рабочие группы по заливу Бакбо (Тонкинскому) и по сотрудничеству по ряду вопросов на море.

По сути, это напоминает известную инициативу Дэн Сяопина отложить споры по суверенитету на будущее и перейти к совместной эксплуатации ресурсов ЮКМ. Но ресурсы в пределах исключительной экономической зоны Вьетнама по Конвенции 1982 г. являются его собственностью. Любая другая страна или компания может заключить соглашение о совместной разведке и добыче углеводородов по принципу раздела продукции. Но нельзя считать эту акваторию моря как нечто общее и принадлежащее обеим сторонам. Так что реализовать эту идею без договоренностей о правовом статусе ЮКМ будет нелегко.

Таким образом, китайско-вьетнамские отношения как бы вновь встали на путь оздоровления и нормализации. Как долго это продлится, покажет время. При всем том, что некоторые из целей, которые ставил перед собой Китай, были достигнуты, 75-дневный кризис все же имел для него и немало негативных последствий, а именно:

1. Кризис отбросил вьетнамо-китайские отношения до самого низкого уровня со времени войны 1979 г. От принципов «4 хорошо» и «16 золотых иероглифов», на которых должны были строиться их отношения, не осталось почти ничего.

2. Он подтолкнул Вьетнам к более активному военному сотрудничеству с другими странами, прежде всего, с США. 13—18 августа во Вьетнаме побывал с визитом председатель Объединенного комитета начальников штабов США Мартин. Е. Демпси. Это было первое посещение Вьетнама военным руководителем США столь высокого ранга со времени окончания войны. Визит должен был засвидетельствовать, что Вьетнам хочет установить более тесное сотрудничество с США в военной сфере.

3. Он усилил сомнения стран региона в политике Китая и их опасения, что он может двинуться и дальше на Юг. Это вызвало изменения в позиции АСЕАН, содействовало восстановлению единства в Ассоциации, подорванного в 2012 г. с помощью Камбоджи. Ответом на действия Китая, по мнению некоторых аналитиков, вообще может стать сближение стран Восточной Азии в одну группу и формирование нового баланса сил для контроля Китая. Хотя, конечно, китайское руководство сделает все, чтобы этого не допустить.

4. Независимо от того, как пойдет дальше развитие событий, стало очевидным, что территориальный спор в ЮКМ выходит на многостороннее обсуждение, чему Китай противился многие годы.

5. Китай утратил оправдание модернизации своих вооруженных сил. Она превращается в глазах соседей не в укрепление обороны, а в угрозу, которая дестабилизирует региональную безопасность, что может ему тоже стоить дорого.

Вывод буровой платформы не помешал Китаю одновременно направить два своих военных корабля в ИЭЗ Филиппин, начать строительство маяка на о. Фумай — самом большом из Парасельских островов, развернуть работы по расширению площади занятых им островов в архипелаге Спратли для строительства причалов и посадочных полос. На прошедшей 8—10 августа 2014 г. в столице Мьянмы сессии АРФ Китай категорически отклонил все предложения США, Филиппин и других стран о моратории на любые провоцирующие односторонние действия. Министр иностранных дел КНР Ван И потребовал от США прекратить всякое вмешательство в территориальные споры в ЮКМ, заметив, что Тихий (он же Великий) океан достаточно велик для обеих держав, но ЮКМ слишком мало, чтобы его делить между Китаем и США.

5. Заключение

Итак, очередной раунд противостояния США и Китая в Восточной Азии можно считать завершившимся вничью. Визит президента США и развернувшиеся после него события в ЮКМ показали, что цель установления «отношений великих держав нового типа», выдвинутая Председателем КНР Си Цзиньпином на встрече в Калифорнии летом 2013 г. оказалась более труднодостижимой, чем год назад.

Пекин и Вашингтон недовольны политикой друг друга, но полномасштабный конфликт между ними остается маловероятным. Слишком велика их взаимозависимость. И после всех критических речей и заявлений в адрес друг друга на очередном Диалоге по безопасности и экономическим проблемам в Пекине 9—10 июля стороны решили вернуться к более мирной атмосфере в двусторонних от-

ношениях. Они стараются не допускать, чтобы напряженность в отношениях между ними становилась слишком высокой и выходила за определенные рамки. Это подтвердил и досрочный вывод китайской буровой.

Китай постоянно объявляет, что главной причиной растущей напряженности в ЮКМ является «разворот» США в АТР, который подтолкнул Вьетнам и Филиппины занять более жесткие позиции в отношении Китая, что делает споры в ЮКМ бесконечными. Этот постулат, однако, многими наблюдателями оспаривается. Даже если допустить, что «разворот» как-то подкрепил позиции оппонентов Китая, в наступательной манере в спорных водах вот уже несколько лет действуют все-таки не они, а Китай. Мировой опыт свидетельствует, что ни одна страна просто так свои территории даже более сильному соседу не отдаст. Но даже если бы не было «разворота», а Вьетнам и Филиппины без борьбы отдали бы свои территории Китаю, это не снимает с него ответственности за новый раунд напряженности в ЮКМ.

Выдвижение буровой платформы в ИЭЗ Вьетнама подтвердило, что соображения стратегической и энергетической безопасности в китайской политике превалируют над всеми правовыми ограничениями. Можно с достаточной уверенностью говорить, что не будет стабильной обстановки в ЮКМ, пока там постоянно курсируют корабли 7-го Тихоокеанского флота США, проходят их военные маневры с армиями союзников. Не будет искомой стабильности и до тех пор, пока Китай не обеспечит энергетическую безопасность для своего устойчивого развития.

Политика Вьетнама в сложившемся для него треугольнике Китай — Вьетнам — США, как она была утверждена XI съездом КПВ в январе 2011 г., заключается в неуклонном проведении независимой, суверенной внешней политики при одновременной разнонаправленности и диверсификации международных отношений. Вьетнам в последние годы активно интегрируется в региональную и мировую экономику на основе этих принципов и в целях укрепления своего международного положения, что требует сохранения и развития отношений с важнейшими партнерами, какими для Вьетнама являются Китай и США.

В сложившейся ситуации на руководство Вьетнама оказывалось мощное давление извне и изнутри с целью радикальной перемены курса. Много зарубежных «советчиков» по всем каналам доказывали, что курс на неучастие ни в каких военных союзах против Китая в новой обстановке устарел и необходим военный союз с США. Более 60 в прошлом партийных деятелей выступили с обращением к ЦК КПВ, в котором призывали принять все меры для освобождения страны от китайской зависимости. Они потребовали возбуждения иска против Китая по примеру Филиппин и пересмотра политики «три нет», т. е. неучастия ни в каких военных блоках, недопущения иностранных военных баз на своей территории и неучастия в союзах с другими странами против Китая. С аналогичным обращением выступила большая группа отставных генералов и старших офицеров, также призвавших к военному союзу с США. Как всегда бывало в моменты кризисов с Китаем, пошли слухи о расколе в руководстве КПВ на прокитайские и прозападные реформистские группы. Хотя среди политической элиты страны мало тех, кто верит, что в обозримом будущем радикально изменятся к лучшему отношения с северным соседом, но так называемых «проамериканцев» или «прокитайцев» среди них нет, а есть скорее «провьетнамцы», которые озабочены, прежде всего, сохранением независимости, политической стабильности и власти КПВ в стране, но пути к этому они видят по-разному.

Однако в конечном итоге стало очевидно, что вьетнамское руководство проявило выдержку и ни на какие провокации не поддавалось. Вьетнам продолжил свою тактику маневрирования для разрешения споров в ЮКМ на двусторонних и многосторонних переговорах. Одновременно он развивает сотрудничество с государствами региона и со всеми другими странами, которые заинтересованы в сохранении мира в ЮКМ и могут помочь ему в решении этой проблемы. Другой разумной альтернативы ему нет.

Примечания

¹ *Carlyle A. Thayer*. A Maritime Test of Strength // *The Security Times*. 31.01.2014.

² *John Feffe*. The US pivot: Rebalancing as Retreat. URL: www.atimes.com. 30.01.2014.

³ *Shanon Tiezzi*. Why Obama's Asia Tour is bad news for China // *The Diplomat*. 23.04.2014.

⁴ *The Epoch Times*. 25.04.2014.

⁵ *Thanh nien news* (Ho Chi Minh City). 18.08.2014.

⁶ *John Feffer*. *Op. cit.*

⁷ *People's Daily*. 29.05.2014.

⁸ EIA. Contested areas of South China Sea likely have few conventional oil & gaz resources. December 26, 2013 by PennEnergy Editorial Staff.

⁹ URL: www.MOFA.vn. 11.05.2014.

¹⁰ Линия «U» официально появилась на карте, представленной в ООН в 2009 г. Она обозначает претензии КНР почти на 90% акватории ЮКМ со всеми его островами

¹¹ URL: www.MID.ru. 15.05.2014.

¹² См. подробнее: *Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: Россия держит курс на мир и развитие // *Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко*. М., 2014. С. 284—299.

¹³ *Nhan Dan*. 15.05.2014.

¹⁴ *Thong Tan Xa Viet Nam* : [Телеграфное агентство Вьетнама]. 29.08.2014.

¹⁵ *Ibid.*

Е.В. Кобелев

ДИАЛОГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО «РОССИЯ—АСЕАН»: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в мировой политике и экономике неуклонно возрастает. Здесь даже в условиях глобального финансово-экономического кризиса наблюдается динамичный рост большинства экономик, а процессы интеграции не только не затухают, но и усиливаются. За этим регионом — будущее, и в этом сегодня единодушно все мировое научно-политологическое сообщество. Именно здесь формируется новый мировой полюс экономической мощи, именно здесь расположено большинство наиболее динамично развивающихся государств мира. Доля АТР в суммарном мировом ВВП стремительно растет и, по прогнозам международных экспертов, к 2025 г. может составить 45—50 %.

После распада СССР лидеры России совершенно неоправданно развернули внешнюю политику страны в сторону Запада. Они почему-то видели в США и Западной Европе главных политических и идеологических союзников, важнейших доноров и образец социально-экономического развития для России. Но жизнь показала, что все это не больше, чем иллюзии. Как было ясно еще в XVIII—XIX веках, Америка и Запад всегда относились враждебно к России, то есть и до Октябрьской революции. И в XX веке они боролись не столько против Советской власти, как казалось многим, сколько против России — мощной православной державы.

Поэтому нельзя не приветствовать тот факт, что с избранием президентом России В.В. Путина Москва сделала, наконец, единственно разумный и рациональный шаг — «повернулась лицом» к АТР.

Российская политическая элита наконец-то осознала очевидный факт, что Россия исторически неразрывно связана с АТР, имеет в этом регионе жизненно важные политические и экономические интересы — 2/3 нашей территории находятся в Азии. Более того, выяснилось, что и в АТР, а не только в США и Европе, можно получить и необходимые кредиты, и передовые технологии. Был сделан логический вывод, что модернизация отсталых восточных районов России, кладовой природных ресурсов, невозможна без участия азиатских соседей. В итоге азиатско-тихоокеанское направление выдвинулось на роль одного из основных в российской внешней политике. Особенную важность для России АТР обрел в 2014 г., когда из-за трагических событий на Украине Запад встал на путь жестких и необоснованных санкций против России.

Благодаря взаимополезному сотрудничеству России и Китая, в 2001 г. в Восточной Азии появилась мощная региональная группировка — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). На сегодняшний день население стран ШОС вместе со странами-наблюдателями составляет более 3 млрд человек. Стратегический потенциал ШОС — 4 ядерные державы: Россия и Китай, а также де-юре — Индия и Пакистан — де-факто¹.

Не менее важным регионом АТР является и Юго-Восточная Азия (ЮВА), которая с началом XXI века вырвалась на позиции одного из наиболее важных геополитических и геоэкономических регионов мира. Регион ЮВА занимает уникальное место в АТР, прежде всего за счет того, что расположен на стыке различных цивилизаций и экономических потоков. В результате усиления политического влияния и впечатляющих темпов экономического роста, значительно превышающих среднемировые, ЮВА заняла в последние годы видное стратегическое место на шахматной доске мирового устройства. С учетом этого фактора в настоящее время перед нашей страной стоит весьма серьезная задача — обеспечить ее активное и эффективное участие в международном сотрудничестве в регионе ЮВА, причем на новой платформе, не зависимой от идеологии, как

это было во времена СССР, а на платформе национальных интересов.

Своему политико-экономическому взлету ЮВА по праву обязана крупнейшей и влиятельной региональной группировке, играющей, помимо всего прочего, важнейшую роль *ядра интеграции в АТР*, — *Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)*. Эта успешно развивающаяся субрегиональная политико-экономическая организация стала в последние годы одной из наиболее авторитетных не только в Восточной Азии, но и во всем мире.

В своей учредительной Декларации (1967 г.) АСЕАН представила себя как «региональное объединение», которое будет добиваться решения задач преимущественно в социально-экономической сфере. Однако в реальности с момента ее возникновения, и особенно после вступления в нее Вьетнама (1995 г.), в деятельности АСЕАН *на первое место вышли задачи обеспечения мира и стабильности в ЮВА*.

АСЕАН играет все более важную роль как фактор мира и безопасности не только в ЮВА, но и в АТР в целом. Поэтому вполне естественно стремление АСЕАН к установлению рабочих отношений с другими региональными объединениями в АТР, прежде всего с ШОС. Так, в январе 2007 г. в г. Себу в ходе Восточноазиатского саммита (ВАС) Филиппины выступили с инициативой установить тесные отношения с ШОС, а затем, по предложению России, был подписан Протокол о сотрудничестве между АСЕАН и ШОС, где обе стороны высказались в поддержку устойчивого развития отношений между двумя организациями².

В нынешних условиях, когда правительство России наконец приняло долгожданное решение об «опережающем развитии» районов Дальнего Востока, все более важное значение приобретают отношения нашей страны не только с Китаем, Японией и Республикой Корея, которые проявляют готовность к инвестированию капиталов в выгодные для них проекты, **но и с наиболее развитыми государствами-членами АСЕАН**. Отсюда растущее внимание российской дипломатии к этой по-своему уникальной, системообразующей региональной группировке.

В практическую плоскость отношения нашей страны с АСЕАН вступили с окончанием холодной войны и эры биполярного проти-

востояния. В июле 1991 г. впервые в истории АСЕАН делегация СССР была приглашена в качестве гостя для участия в 24-й конференции министров иностранных дел Ассоциации в Куала-Лумпуре в качестве гостя правительства Малайзии.

В 1994 г. между Россией и АСЕАН были установлены отношения консультативного партнерства, и фактически уже тогда начался двусторонний диалог. Наконец, в июле 1996 г. Россия получила статус полномасштабного партнера по диалогу с АСЕАН. Тем самым было положено начало формированию нормативно-правовой базы и созданию многостороннего механизма партнерства «Россия — АСЕАН». Одной из первых важных акций после этого стало создание в 1997 г. Рабочей группы Россия—АСЕАН, приоритетами которой были заявлены взаимосвязи и сотрудничество в областях науки и технологий, окружающей среды, развития людских ресурсов.

В последующем были поочередно подписаны еще два важных документа: Совместная декларация о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в АТР (19 июня 2003 г., Пномпень) и Совместная декларация о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом (2 июля 2004 г., Джакарта). В 2006 г. согласована и утверждена Концепция научно-технологического сотрудничества между Россией и странами АСЕАН³.

Министр иностранных дел РФ ежегодно участвует в министерских совещаниях с диалоговыми партнерами в форматах «АСЕАН+10» и «АСЕАН+1». 23 июля 2008 г. в Сингапуре состоялось очередное совещание министров иностранных дел Россия—АСЕАН, в ходе которого были обсуждены вопросы развития диалогового партнерства. Министры одобрили «дорожную карту», включающую конкретные меры по активизации взаимодействия в приоритетных секторах и высказались в пользу проведения в скорейшем будущем второго саммита Россия—АСЕАН.

Важной составляющей отношений Россия—АСЕАН являются также межпарламентские контакты. Делегации российских парламентариев регулярно участвуют в качестве наблюдателей в заседаниях Межпарламентской ассамблеи АСЕАН (АИПА).

С началом XXI века Россия развернула активную политико-дипломатическую деятельность в отношениях с АСЕАН. В 2004 г. Рос-

сия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ТАС), который более трех десятилетий определяет фундаментальные основы обеспечения мира и стабильности в регионе. Затем Россия подписала Совместное заявление о сотрудничестве в борьбе против международного терроризма, Наконец, наша страна также заявила о своем позитивном отношении к усилиям АСЕАН по созданию в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, рассматривая их как реальный вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия, в упрочение региональной и глобальной безопасности.

13 декабря 2005 г. произошло, вне всякого сомнения, историческое для нашей страны событие — состоялся первый саммит Россия—АСЕАН (Куала-Лумпур, Малайзия) с участием президента Российской Федерации В. В. Путина. На нем был принят основополагающий документ, регулирующий все аспекты отношений между Россией и АСЕАН — «Совместная декларация главы Российской Федерации и глав государств и правительств стран Юго-Восточной Азии о развитом и всеобъемлющем партнерстве». Основной целью Декларации было объявлено обеспечение «экономического роста, устойчивого развития, процветания и социального прогресса Российской Федерации и АСЕАН на основе принципов равенства, взаимной выгоды и общей ответственности, а также содействия миру, стабильности, безопасности и процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁴.

Одновременно участники саммита приняли Комплексную программу действий по развитию сотрудничества на 2005—2015 гг., конкретизировавшую содержание и параметры партнерства. Специальный раздел Программы был посвящен проблемам развития сотрудничества в сфере экономики, включая торговлю и инвестиции, промышленность, энергетику, транспорт, финансы, малое и среднее предпринимательство, науку и технику, информационно-коммуникационные технологии. Важное место в Программе отводилось сотрудничеству в области предупреждения и преодоления последствий стихийных бедствий, природопользования, восстановления и охраны окружающей среды. В документе была также закреплена договоренность о расширении сотрудничества в сфере культуры, ин-

формации, туризма, спорта, продовольствия, сельского и лесного хозяйства⁵.

Принципиально важной является достигнутая в Куала-Лумпуре договоренность о том, чтобы саммиты Россия — АСЕАН проводились на регулярной основе, не реже чем 1 раз в 2—3 года, а в перспективе они должны были стать ежегодными. К сожалению, эта договоренность, как это часто бывает, не была реализована. Только в апреле 2009 г. на встрече представителей России и АСЕАН в Маниле на уровне заместителей министров иностранных дел была достигнута договоренность о практической проработке организационных и содержательных аспектов подготовки второй встречи «Россия—АСЕАН» на высшем уровне.

Второй саммит Россия—АСЕАН состоялся в Ханое 30 октября 2010 г. и стал еще одной важной вехой в развитии отношений диалогового партнерства между двумя сторонами. Саммит продемонстрировал общую политическую волю руководителей России и стран АСЕАН добиваться дальнейшего углубления партнерского сотрудничества. Он позволил выявить новые возможности для активизации взаимодействия на приоритетных направлениях сотрудничества в интересах модернизации и инновационного развития наших государств, укрепления мира, безопасности и стабильности в ЮВА и АТР.

Второй саммит Россия—АСЕАН, для подготовки и успешного проведения которого в качестве председателя этой организации очень много сделал Вьетнам, подтвердил, что российско-вьетнамское стратегическое партнерство становится все более важным, ключевым фактором, работающим в пользу укрепления позитивных тенденций, набирающих силу в ЮВА и АТР.

Таким образом, если первый саммит «Россия—АСЕАН» открыл новый этап активного, многоуровневого, разнопланового диалога по самому широкому кругу проблем в многостороннем и двустороннем форматах, то второй, прошедший в Ханое, поднял сотрудничество между Россией и АСЕАН на качественно новый уровень.

Ключевое значение для развития диалогового партнерства «Россия — АСЕАН» имеют ежегодные конференции министров иностранных дел двух сторон в формате «АСЕАН+1», а также встречи

диалоговых партнеров в формате «10+10». В подготовку таких встреч, как правило, включается значительное количество министерств и ведомств, а также деловые круги, что позволяет делать переговоры насыщенными, направленными на реализацию договоренностей, достигнутых по итогам двух саммитов «Россия—АСЕАН».

В настоящее время Россия участвует практически во всех мероприятиях АСЕАН, связанных с партнерским диалогом по проблемам безопасности и сотрудничеству, по вопросам установления мирного и стабильного порядка в регионе и во всем мире. Страны-члены АСЕАН также высоко оценивают важный вклад России в обеспечение энергетической, экологической и региональной безопасности в ЮВА⁶.

Россию объединяет с АСЕАН общность позиций по большинству актуальных и международных проблем, что убедительно подтверждает 15-летний опыт участия России в деятельности Регионального форума АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ). Странам АСЕАН экономически и политически сильная Россия нужна прежде всего потому, что она проводит конструктивную, ориентированную не на односторонние преимущества, а на взаимное уважение и равные выгоды для всех политику в области безопасности. Такая политика оказалась сегодня высоко востребованной в этом обширном и конфликтном регионе, где АСЕАН уже приспособилась маневрировать в треугольнике США—Китай—Япония, а теперь многие ее члены не против того, чтобы добавить сюда и четвертый угол — Россию.

По мнению вьетнамских экспертов, «многоплановое сотрудничество России и АСЕАН — это важный фактор укрепления стабильности и процветания в регионе АТР. Россия считает АСЕАН своего рода «ядром» процесса интеграции региона АТР и укрепление сотрудничества с АСЕАН — это одна из первостепенных задач России. Сознвая конструктивную и все более важную роль России в мировых делах, страны АСЕАН выступают за все более широкое участие России в процессах интеграции в Азии и в решении важных проблем этого региона»⁷.

В Указе президента РФ В.В. Путина № 605 от 7 мая 2012 г. сформулирована четкая позиция России в отношении АТР и АСЕАН. Задача российских внешнеполитических организаций, подчеркивается

в Указе, — «продвигать инициативы по формированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на коллективных внеблоковых началах, нормах международного права и принципе равной и неделимой безопасности; разработать дополнительные предложения для включения в повестки дня Восточноазиатских саммитов и диалогового партнерства Россия—АСЕАН»⁸.

Позиции России подкрепляет то обстоятельство, что в составе АСЕАН мы имеем очень важного союзника — Вьетнам, который является сегодня одним из ведущих членов этой организации. На современном этапе российско-вьетнамские отношения являются, бесспорно, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в ЮВА, так и в целом в АТР. Особенно их международная значимость возросла после подписания в 2001 г. исторического двустороннего документа — *Декларации о стратегическом партнерстве* между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.

Важно при этом отметить, что Россия стала первой страной, с которой Вьетнам установил отношения принципиально нового для вьетнамской внешнеполитической практики формата — отношения стратегического партнерства. В то же время и для России Вьетнам является сегодня единственной страной ЮВА, с которой наша страна установила и развивает отношения стратегического партнерства.

Россия и Вьетнам весьма гармонично дополняют друг друга по многим важнейшим позициям государственных интересов каждой стороны. Так, по мнению вьетнамских экспертов, в России вьетнамцы видят, прежде всего, дружественную внерегиональную державу, которая не только сохранила, но и наращивает дальше весомый политический, экономический и военный потенциал, и которая может быть и на деле является полезной для «балансировки» отношений Вьетнама с другими мировыми державами и политико-экономическими центрами.

Что же касается Вьетнама, то с точки зрения российского научно-политологического сообщества, — это крупная, динамично развивающаяся, дружественная России страна, являющаяся одним из ведущих членов влиятельной региональной группировки — АСЕАН. В Указе президента РФ В.Путина № 605 от 7 мая 2012 г. СРВ при-

знана *одним из трех наиболее важных (наряду с Китаем и Индией) стратегических партнеров России* в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁹.

Одним из приоритетных направлений своей внешней политики СРВ рассматривает активное участие в деятельности АСЕАН, в формировании политического курса этой региональной группировки, направленного на создание единого и сплоченного Сообщества в сфере политики и безопасности, в экономике и социально — культурной области, на укрепление роли АСЕАН как движущей силы в вопросах обеспечения мира, безопасности и развития в Юго-Восточной, Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В 2010 г. Вьетнам успешно исполнил роль председателя АСЕАН и в этом качестве провел большую работу по организации 2-го саммита «Россия—АСЕАН», прошедшего в Ханое 30 октября 2010 г. Кроме того, с 1 января 2013 г. представитель Вьетнама Ле Лыонг Минь сроком на 5 лет избран генеральным секретарем Ассоциации.

Сотрудничество Вьетнама с АСЕАН через *Региональный форум по вопросам мира и безопасности (АРФ)* с участием стран-партнеров по диалогу, таких, как США, Китай, Япония, Индия, Россия, играет позитивную роль в поддержании стабильности и безопасности в АТР. СРВ регулярно выступает с инициативами, направленными на укрепление взаимодоверия, единства этой организации, активизацию взаимовыгодного сотрудничества в ЮВА, упрочение позиций Ассоциации на международной арене. Вьетнам считает, что АСЕАН, АРФ, а также другие региональные форумы, инициированные АСЕАН, в том числе и такие, как Форум Шангри-Ла, играют важную роль в укреплении мира и безопасности как в Юго-Восточной Азии, так и в АТР в целом.

В связи с обостряющейся дискуссией о территориальном суверенитете над архипелагом Спратли и Парасельскими островами в число внешнеполитических приоритетов АСЕАН в последние годы вошла *ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ)*. Позиция СРВ состоит в том, что территориальные споры в ЮКМ должны решаться мирным путем, без применения силы или угрозы ее применения, на основе международного права, прежде всего Устава ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Вьетнам выступает за полную и

эффективную реализацию Декларации о поведении сторон в ЮКМ от 2002 г. (ДОС), Декларации о 6 принципах АСЕАН по ЮКМ и предлагает как можно скорее продвигаться к принятию Кодекса поведения государств в ЮКМ (СОС), иными словами, к созданию четкого механизма обеспечения безопасности и свободы мореплавания в регионе¹⁰.

Россия не является участником конфликтных споров о суверенитете в ЮКМ и, естественно, стремится избежать втягивания в них. Позиция России состоит в том, что все вовлеченные в эти споры государства должны строго следовать принципу неприменения силы или угрозы ее применения, терпеливо и настойчиво искать пути политико-дипломатического урегулирования спорных проблем на основе международного права и Конвенции ООН по морскому праву.

Выступая на Международной конференции «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом — АСЕАН и Российской Федерацией: современное состояние и перспективы» (Ханой, 15—16 сентября 2014 г.), ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока Г.М. Локшин изложил весьма разумные, на наш взгляд, рекомендации: «Проблемы суверенитета в ЮКМ на данном этапе вроде бы кажутся неразрешимыми. Но на Востоке с древнейших времен известно: какова бы ни была проблема, ее следует решать путем переговоров и компромиссов. Важно не загонять оппонента в угол, а давать ему возможность выйти из неприятной ситуации без потери лица. За многие годы АСЕАН приобрела уникальный опыт совместного нахождения решений на основе консенсуса, консультаций, терпимости и учета интересов всех участников. Этот метод получил международное признание как «метод АСЕАН» (ASEAN Way). Разумной альтернативы ему нет».

Хотя установление отношений стратегического партнерства между РФ и СРВ в основном нацелено на более эффективное развитие двусторонних отношений сотрудничества в различных областях, вместе с тем обе стороны придают большое значение также вопросам безопасности в регионе ЮВА и АТР. Так, п. 14 Декларации о стратегическом партнерстве гласит: «Стороны придают исключи-

тельно большое значение вопросам обеспечения безопасности и укрепления доверия в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Более того, российская сторона, учитывая растущий международный авторитет АСЕАН как системообразующей региональной группировки и весомую роль Вьетнама в развитии и укреплении этой организации предложила включить в текст Декларации следующий принципиально важный текст: «Россия придает важное значение отношениям с АСЕАН и исполнена решимости развивать всестороннее сотрудничество с АСЕАН на основе равноправия, взаимной выгоды, содействия укреплению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии»¹¹.

Эта принципиальная позиция России была подтверждена в ходе визита В.В. Путина в СРВ в ноябре 2006 г. в Совместном заявлении по итогам визита: «В духе отношений дружбы и сотрудничества Россия и Вьетнам выразили твердый настрой на дальнейшее упрочение взаимодействия в рамках диалогового партнерства Россия — АСЕАН и по каналам контактов ШОС с АСЕАН, а также стремление оказывать друг другу взаимную поддержку в действующих и формирующихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе многосторонних структурах»¹².

С учетом «особого характера» российско-вьетнамских отношений в 1996 г. Вьетнаму Секретариатом АСЕАН было поручено взять на себя роль Координатора отношений АСЕАН с Россией. И Вьетнам с честью справился с этой задачей. Хотя те годы были для России очень трудными: отсутствовала стабильность, экономика находилась в глубоком кризисе, не хватало денежных средств. Все это, естественно, мешало развитию продуктивных отношений с АСЕАН, развитию диалогового партнерства по существу. Вьетнамские сотрудники технических организаций АСЕАН по-дружески помогали российским представителям разобраться в сложных механизмах диалоговой деятельности АСЕАН. Выполняя роль Координатора, Вьетнам добился проведения заседания Комиссии совместного сотрудничества «АСЕАН—Россия» и предложил конкретные меры по уменьшению трудностей для России. И именно в 1996 г. Россия получила статус полномасштабного партнера АСЕАН по диалогу. Тем

самым было положено начало формированию многостороннего механизма диалогового партнерства «Россия—АСЕАН».

Россия и Вьетнам ведут постоянный многоуровневый диалог по широкому спектру проблем, связанных с ситуацией в ЮВА и АТР, вопросов политической и экономической интеграции, проводимой АСЕАН. В связи с этим важно отметить, что само по себе развитие стратегического партнерства России и Вьетнама является фактором, стимулирующим ускорение диалогового партнерства между Россией и АСЕАН. И наоборот, все более активное включение Вьетнама в региональные интеграционные процессы сопровождается дальнейшим укреплением связей России со странами АСЕАН.

Вьетнамские эксперты следующим образом оценивают связку «Вьетнам—АСЕАН—Россия»: «Вьетнам является страной, которую связывают с Россией давние традиционные отношения дружбы и которая играет все возрастающую роль в АСЕАН. Вьетнам занимает важное геополитическое и геоэкономическое положение в Юго-Восточной Азии и стал рычагом в сотрудничестве между Россией и АСЕАН. Вьетнам является «катализатором» в деле распространения российского влияния в регионе»¹³.

Нельзя также не отметить, что Вьетнам, используя свой высокий авторитет в АСЕАН, всемерно способствовал тому, чтобы Россия, одновременно с США, была принята в Восточноазиатский саммит (ВАС) и стала его равноправным участником.

Россия заинтересована в сильном и процветающем Вьетнаме. Во всемерном наращивании комплексного потенциала стратегического партнерства с Россией, как представляется, заинтересован и Вьетнам. Как заявил президент СРВ Чыонг Тан Шанг в июле 2012 г. в Москве, «укрепление и развитие отношений традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства с Российской Федерацией является одним из важнейших приоритетов внешней политики Вьетнама»¹⁴.

В ходе состоявшихся переговоров президенты России и Вьетнама договорились о взаимодействии в целях всемерной поддержки ведущей роли АСЕАН в региональных процессах, ее инициатив по укреплению мира и безопасности, региональной экономической интеграции в ЮВА. В связи с этим, давая интервью «Российской газете»,

Чыонг Тан Шанг весьма эмоционально заявил: «Я очень четко вижу светлое будущее отношений между АСЕАН и Россией... И Вьетнам, и остальные члены АСЕАН горячо приветствуют углубление взаимодействия с Россией. Рост ее роли и укрепление позиций имеют очень большое значение для АСЕАН»¹⁵.

К сожалению, как и в отношениях со многими быстроразвивающимися азиатскими странами, наиболее слабым звеном наших отношений с АСЕАН остается торгово-экономическое сотрудничество, объем которого совершенно не соответствует уровню политических отношений. АСЕАН — это большой интегрированный рынок. В совокупности население стран Ассоциации насчитывает более 650 млн человек, а общий ВВП — более 2,3 трлн долл. По прогнозам международных экспертов, к 2015 г. АСЕАН может стать практически единым экономическим пространством.

Конечно, позитивная динамика есть — с начала XXI века, благодаря, в том числе и неуклонному укреплению политических отношений, объем взаимного товарооборота между Россией и АСЕАН устойчиво растет: всего за 5 лет (с 2009 по 2013 г.) двусторонний товарооборот между Россией и АСЕАН с 6,8 млрд долл. вырос до 17,5 млрд долл. В этот же период общий объем прямых инвестиций из России в страны АСЕАН увеличился почти в 4 раза — со 140 млн до 542 млн долл.¹⁶ Тем не менее, это весьма скромные цифры, совершенно не сопоставимые, например, с Китаем, объем торговли которого с АСЕАН в 2013 г. составил 443,6 млрд долл., а объем инвестиций — 29 млрд долл.¹⁷

Надо сказать, что в начале XXI века, благодаря успешному развитию диалогового партнерства, наметились определенные позитивные сдвиги в сфере торгово-экономического сотрудничества России с АСЕАН. Основой сотрудничества в этой области стала «дорожная карта», утвержденная министрами экономики России и стран-членов АСЕАН в октябре 2012 г. Начаты переговоры по созданию Фонда поддержки инвестиций между Российским фондом прямых инвестиций и Инфраструктурным фондом АСЕАН.

Развиваются связи между представителями деловых кругов обеих сторон. В 1998 г. в Куала-Лумпуре было подписано соглашение о сотрудничестве между ТПП России и Конфедерацией ТПП АСЕАН,

создан Деловой совет Россия—АСЕАН. Под его эгидой организовано два Деловых форума Россия—АСЕАН (в апреле 2000 г. и в декабре 2005 г.).

Это может существенно укрепить позиции российского бизнеса, позволит всерьез говорить о том, что во внешнеэкономических отношениях с АСЕАН начался переход от слов к делу. А главное, откроется возможность реализации крупных совместных инвестиционных проектов как в странах АСЕАН, так и на территории Российской Федерации.

Выступая на Международной конференции «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом—АСЕАН и Российской Федерацией: современное состояние и перспективы» нынешний генеральный секретарь АСЕАН Ле Лонг Минь (представитель СРВ) заявил: «АСЕАН придает большое значение хорошим отношениям с Россией и активно выступает за укрепление сотрудничества с нею во всех областях, представляющих взаимный интерес. И Россия, и АСЕАН успешно проводят интеграционную политику, включая содействие созданию Сообщества АСЕАН (АЕС) и Всестороннего экономического партнерства (РСЕР), что касается региона ЮВА, а также Евро-Азиатского экономического союза (ЕврАзЭС), что касается России... В будущем АСЕАН и Россия могут успешно продолжать двустороннюю интеграцию, укреплять координацию усилий на основе глобальных и региональных механизмов, таких, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), в рамках Восточноазиатского саммита (ВАС), саммитов министров обороны в целях поддержания мира и стабильности ... в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Я уверен в перспективах светлого будущего отношений сотрудничества между АСЕАН и Россией»¹⁸.

Наибольшие перспективы для экономического сотрудничества России и АСЕАН открывают уникальные возможности нашей страны в области энергетики. Российские энергетические компании имеют богатый опыт работы на рынках Юго-Восточной Азии. Так, на протяжении многих лет СССР оказывал всестороннее содействие в создании топливно-энергетического комплекса Вьетнама — основы его современной экономики. При технико-экономическом содействии нашей страны во Вьетнаме были построены современные

гидро- и теплоэлектростанции, линии электропередачи, налажена работа национальной диспетчерской энергослужбы.

В настоящее время Россия активно участвует в реализации намеченного правительством СРВ 10-летнего плана развития всей электроэнергетической отрасли. К 2020 г. совокупная мощность всех ТЭЦ и ГЭС во Вьетнаме должна достигнуть 330 млрд кВт·ч против 100 млрд кВт·ч в 2010 г.¹⁹ В последние годы Россия и Вьетнам объединили усилия для совместного выхода на энергетические рынки третьих стран.

Совсем недавно Вьетнам принял судьбоносное решение использовать атомную энергию в мирных целях, поступательно развивая ядерно-энергетическую инфраструктуру. В соответствии с утвержденной правительством стратегией, к 2030 г. Вьетнам намерен построить и ввести в эксплуатацию 13 блоков АЭС общей мощностью 15 ГВт, что составит около 10 % от общего объема производимой в стране электроэнергии²⁰.

Строительство первой вьетнамской АЭС будет осуществляться при участии ГК «Росатом». Помимо АЭС, «Росатом» построит также во Вьетнаме Центр ядерной науки и технологий, в котором будут исследовательский ядерный реактор, а также ряд лабораторий.

Россия готова обеспечить гарантированные поставки топлива для объектов атомной энергетики во Вьетнаме и других странах ЮВА, если они также примут решение о строительстве АЭС. Об этом заявил в интервью ИТАР-ТАСС коммерческий директор Международного центра по обогащению урана (МЦОУ) Г. Ефремов в ходе 5-й международной конференции по атомной энергетике, состоявшейся в конце 2013 г. в Ханое²¹.

Сегодня в странах АСЕАН все заметнее растет интерес к сотрудничеству с Россией по таким важным направлениям, как энергетическая безопасность, военная техника, воздушный транспорт и космические исследования. Так, в ходе 1-го саммита Россия — АСЕАН (2005) и 2-го (2010) главным пунктом обсуждения содержания многообразного сотрудничества двух сторон на 2005—2015 гг. стал вопрос о сотрудничестве в энергетической сфере. Обе стороны обстоятельно обсудили меры для обеспечения энергетической безопасности АСЕАН путем предоставления Россией нефти, газа, угля,

строительства в странах региона атомных и гидро-теплоэлектростанций. По данным Секретариата АСЕАН, согласно Энергетической стратегии РФ до 2030 г. экспорт российской энергетики в страны региона составит 26—27 % от общего объема российского энергетического экспорта²².

Согласно оценкам зам. директора Института управления Санкт-Петербурга д.э.н. Ю.В. Косова, в предстоящие 15 лет глобальное энергопотребление может возрасти, как минимум, на одну треть. Причем спрос на газ будет опережать спрос на нефть, хотя роль нефти в ближайшее 10-летие останется ведущей в мировом энергоснабжении. Из этого источника будет обеспечиваться 40 % энергопотребления — соответственно 28 % будет приходиться на природный газ, 20 % — на уголь, 7 % — на возобновляемые источники и 5 % — на ядерную энергетику²³.

Понятно, что развитие сотрудничества с Россией в сфере энергетики является приоритетом не только для Вьетнама, но и всех других стран АСЕАН. Все эти вопросы являются постоянной темой обсуждения созданного и регулярно действующего *Энергетического диалога Россия—АСЕАН*.

Неуклонному расширению сотрудничества в столь высокотехнологичных и наукоемких областях во многом благоприятствует то обстоятельство, что в общественном мнении большинства стран АСЕАН доминирует благожелательное отношение и доверие к России. И это касается не только Вьетнама и Лаоса, где еще живы и сильны чувства благодарности за помощь, оказанную народам этих стран в их борьбе за национальное освобождение и независимость, и где успешно работают сотни предприятий, построенных с помощью СССР.

Два года назад произошло важное событие, которое может дать долгожданный мощный толчок развитию торгово-экономического сотрудничества двух сторон. В июне 2012 г. в Торгово-промышленной палате РФ была принята концепция развития Делового совета Россия-АСЕАН. Основными направлениями работы Делового совета были названы поддержка делового взаимодействия и поощрение гуманитарных контактов России и стран-членов АСЕАН. Деловой совет координирует свою работу с профильными департаментами

МИД РФ, Минэкономразвития РФ, тесно взаимодействует с Российским советом по международным делам и Центром АСЕАН при МГИМО, посольствами стран АСЕАН в Москве и российскими посольствами в странах АСЕАН.

За последние годы Деловой совет Россия — АСЕАН, по информации его Секретариата, провел интенсивную работу в экономико-инвестиционном, технологическом, общественно-культурном и политическом блоках, добился организации прямого общения бизнесменов двух сторон, провел мониторинг экономического состояния стран АСЕАН, создал базу данных, в том числе по инвестиционным проектам, проявил инициативу по созданию тематических мероприятий, как двусторонних, так и регионального уровня. Одним из таких мероприятий стал проведенный 22 июня 2013 г. Деловой форум Россия—АСЕАН в рамках Санкт-Петербургского Международного экономического форума. Участниками форума стали более 200 представителей крупного и среднего бизнеса и государственных деятелей из 16 стран мира, включая почти все страны АСЕАН — Бруней, Индонезию, Лаос, Сингапур, Вьетнам, Малайзию, Таиланд, Филиппины²⁴.

Сделаны также важные шаги в информационной и научной сферах. Так, при Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) открыт Центр АСЕАН, который призван содействовать более полному информированию общественности России и государств Юго-Восточной Азии о возможностях и перспективах развития российско-асеановского партнерства, стать базой для налаживания контактов между деловыми и научными кругами сторон, придать импульс расширению гуманитарных связей нашей страны с Ассоциацией. Важную роль в успешном решении указанных задач играет также созданный в 2008 г. в Институте Дальнего Востока РАН Центр изучения Вьетнама и АСЕАН.

2014 год также отмечен рядом важных событий в развитии партнерства Россия—АСЕАН. Так, 24 марта 2014 г. российская бизнес-миссия посетила Секретариат АСЕАН, где заместитель министра экономического развития России А. Лихачев встретился с заместителем генерального секретаря АСЕАН Лим Хонг Хином. Открывая встречу, А. Лихачев отметил, что Россия и АСЕАН тесно взаимодей-

ствуют в процессе реализации Дорожной карты Россия—АСЕАН, в интересах бизнеса обеих сторон успешно работает Деловой Совет Россия—АСЕАН.

«В последние годы стало очевидно, — сказал, в частности, А. Лихачев, — что взаимодействие в рамках Диалогового партнерства Россия—АСЕАН нуждается в выходе на новый этап. Дорожная карта должна превратиться в перечень конкретных проектов». Согласившись со своим российским коллегой, что показатели могут быть намного выше, Лим Хонг Хин сообщил, что у стран региона сохраняется большая заинтересованность к российской наукоемкой продукции, энергетике, фармацевтике²⁵.

Наконец, 1 июля 2014 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров провел в Москве встречу с генеральным секретарем АСЕАН Ле Лыонг Минем, находившимся в России с рабочим визитом. Состоялся обмен мнениями о путях наполнения диалогового партнерства Россия—АСЕАН весомым практическим содержанием, создания необходимых условий для проведения очередного саммита Россия—АСЕАН. Была констатирована взаимная заинтересованность в расширении политических контактов, углублении экономических, научных и культурных связей между Российской Федерацией и АСЕАН. В ходе обсуждения международной проблематики особое внимание было уделено перспективам формирования в АТР новой системы межгосударственных отношений, способной обеспечить надежную безопасность и устойчивое развитие государств региона²⁶.

В ходе дальнейших встреч генерального секретаря АСЕАН с представителями МИД РФ, бизнес-сообщества и российских научных кругов (во встрече в Центре АСЕАН МГИМО приняли участие все сотрудники Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН) были обстоятельно обсуждены перспективы углубления российско-асеановского взаимодействия в контексте подготовки новой Комплексной программы действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на период после 2015 г. Особый упор был сделан на мерах по расширению диалога по вопросам политики и безопасности, а также практической кооперации в сфере экономики, чрезвычайного реагирования, науки и техники, культуры и туризма.

Кроме того, состоялись взаимопользные беседы Ле Лыонг Миня с председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии В.Б. Христенко и генеральным секретарем ШОС Д.Ф. Мезенцевым, в ходе которых обсуждались перспективы налаживания взаимодействия между АСЕАН и этими многосторонними объединениями.

Весьма успешно развивается сотрудничество России и АСЕАН в борьбе против различных видов международной преступности. Так, растущее внимание уделяется обеими сторонами эффективному противодействию терроризму, в том числе на транспорте и в информационной сфере, отмыванию преступных доходов, браконьерству и морскому пиратству, контрабанде наркотических и психотропных средств, предотвращению и ликвидации последствий стихийных бедствий и борьбе против опаснейших эпидемических болезней. В октябре—ноябре 2013 г. МВД и ФСБ России организовали для представителей правоохранительных органов стран — членов АСЕАН курсы по контртеррористической и антиэкстремистской тематике. Дополнительные возможности для расширения контактов между правоохранительными органами обеих сторон открывает предоставление МВД России в феврале 2014 г. статуса наблюдателя при организации полицейских служб «асеановской десятки» — АСЕАНПОЛ.

Судя по тому, какие региональные задачи сегодня выполняет АСЕАН и как она позиционирует себя на международной арене, ее с полным правом можно рассматривать как «коллективную державу», которая включает в себя 10 стран Юго-Восточной Азии с общим населением более 650 млн человек.

В предстоящие годы АСЕАН готовится взять новые важные рубежи. К 31 декабря 2015 г. планируется завершить создание Сообщества АСЕАН, основанного на «трех китах»: сообщества политики и безопасности, экономического сообщества и социально-культурного сообщества. В результате создания триединого Сообщества АСЕАН станет огромным интегрированным пространством с совокупным объемом ВВП — более 2,3 трлн долл., при этом стратегия Ассоциации направлена на создание общего экономического рынка десяти стран-участниц. Положительный опыт выживания в условиях последнего экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., когда на фоне общего падения производства в мире большинство стран

региона продемонстрировали завидную стабильность, сохранив рост экономики за счет масштабного внутреннего потребления, — наилучшее подтверждение жизнеспособности этой экономической модели.

* * *

Какие тенденции возобладают в АТР в предстоящие десятилетия в немалой степени зависит от того, как будут складываться отношения между Россией и АСЕАН. Важно, что между двумя сторонами нет никаких политических разногласий и противоречий. Россия неизменно и последовательно поддерживает усилия АСЕАН по превращению ЮВА в «регион прочного мира, стабильности и устойчивого экономического развития», как это записано в Хартии АСЕАН, принятой в 2008 г. По всем главным проблемам мирового развития позиции России и АСЕАН совпадают либо очень близки.

В условиях нарастания напряженности на евразийском пространстве и проведения со стороны США и ЕС политики необоснованных жестких санкций Россия, естественно, особо заинтересована в укреплении сотрудничества со своими давними и надежными партнерами в Восточной Азии, в том числе и со странами АСЕАН. В политических элитах стран АСЕАН понимают, что Россия в качестве великой мировой и азиатской державы с мощным военным потенциалом и как постоянный член Совета Безопасности ООН была и остается существенным фактором поддержания мира и стабильности в регионе. Она может и должна играть важную роль в формировании будущей системы безопасности в АТР вообще и в ЮВА в частности как в качестве активного участника, так и надежного гаранта договоренностей.

В отношениях с АСЕАН Россия имеет важные морально-политические преимущества в сравнении с другими великими державами. Между нею и странами АСЕАН никогда не было никаких серьезных, тем более вооруженных, конфликтов. После окончания холодной войны Россия никогда не вмешивалась во внутренние дела этих стран, в том числе по таким чувствительным вопросам, как права человека, демократические свободы, территориальные и меж-

конфессиональные конфликты. Все эти преимущества дают России то, что называется «мягкой силой». Важно только использовать эту силу целенаправленно и эффективно.

Внешнеполитическая линия России в АТР направлена на то, чтобы последовательно претворять в жизнь положения Совместного заявления России и АСЕАН, принятом на их 2-м саммите в Ханое: «Мы считаем, что международная безопасность неделима и убеждены в том, что национальную безопасность нельзя обеспечить в ущерб безопасности других. Мы подчеркнули необходимость полностью уважать и принимать в расчет как законные интересы и озабоченности всех государств, так и действующие в них законы и правила»²⁷.

Примечания

¹ Позиции России в АТР // С.Г. Лузянин. Шанхайская организация сотрудничества. М. 2007. С. 84.

² Там же. С. 108.

³ Википедия. Диалоговое партнерство Россия — АСЕАН. 13.10.2014.

⁴ URL: <http://www.mid.ru>. 14.12.2005.

⁵ Там же.

⁶ *Ta Ngoc Tan*. Tai lieu cua Hoi thao quoc te «Hop tac phat trien giua Viet Nam — ASEAN voi Lien Bang Nga»: [Материалы международной конференции «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом, АСЕАН и Российской Федерацией: современное состояние и перспективы»]. Ha Noi. 2014. Тр. 3.

⁷ *Vai tro cua Viet Nam trong ASEAN (Роль Вьетнама в АСЕАН)*. Ha Noi, 2007. Тр. 125.

⁸ Российская газета. 09.05.2012.

⁹ Там же.

¹⁰ *Nhan dan*. 01.06.2013.

¹¹ Цит. по: Это незабываемое слово «Льенсо». М., 2007. С. 412.

¹² Там же.

¹³ *Mai Hoai Anh*. Tai lieu cua Hoi thao quoc te «Hop tac phat trien giua Viet Nam — ASEAN voi Lein Bang Nga». Тр. 15.

¹⁴ *Nghien cuu quoc te*. 2012. № 3. Тр. 66.

¹⁵ Российская газета. 27.07.2012.

¹⁶ Tong thu ky ASEAN Le Luong Minh. Tai lieu cua Hoi thao quoc te «Hop tac phat trien giua Viet Nam // ASEAN voi Lein Bang Nga: Thuc trang va trien vong». Tr. 8.

¹⁷ URL: <http://www.logists.by/news/view/Tovarooborot-Kitaja-i-stran-ASEAN>. 14.10.2014.

¹⁸ Tong thu ky ASEAN Le Luong Minh. Ibid. Tr. 10.

¹⁹ См.: Грани стратегического партнерства Вьетнама с Россией в начале XXI века // Вьетнамские исследования. Вып. 3. М. ИДВ РАН. 2013. С. 25.

²⁰ Tap chi «Bach duong». Ha Noi. 2014. N 3. Tr. 11.

²¹ Ibid. Tr. 11.

²² *Ta Ngoc Tan*. Tai lieu cua Hoi thao quoc te «Hop tac phat trien giua Viet Nam — ASEAN voi Lein Bang Nga: Thuc trang va trien vong». Ha Noi, 2014. Tr. 4.

²³ *Ju. Kosov*. Tai lieu cua Hoi thao quoc te «Hop tac phat trien giua Viet Nam — ASEAN voi Lein Bang Nga: Thuc trang va trien vong». Tr. 13.

²⁴ URL: <http://Russia-asean.com.ru>. 15.10.2014.

²⁵ URL: <http://asean.mgimo.ru/ru/gallery7>. 12.10.2014.

²⁶ Там же.

²⁷ URL: www.mid.ru. 01.10.2010.

До Минь Као

ВЛИЯНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ВЬЕТНАМА

I. Геополитические и региональные изменения в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Мировой порядок XXI века сильно отличается от прежнего. Глобальная многосторонняя интеграция является общей тенденцией развития наряду с возникновением многочисленных мировых и региональных силовых центров. Они кардинально меняют геополитическую карту мира. Мировой финансово-экономический кризис ускоряет этот процесс. В азиатской палитре новой геополитической картины второго десятилетия XXI века ярко выделяется одна страна — КНР с населением около 1,4 млрд человек, которая становится все мощнее. Поэтому Восточная Азия является регионом с двумя стремительными тенденциями развития, но также и полным злосчастий из-за столкновения международных интересов, где Юго-Восточная Азия с Южно-Китайским морем представляют собой самую горячую точку, насыщенную знаками перемен. США, Индия, Россия, ЕС и другие также имеют здесь перед собой различные цели.

1. Пробуждение Китая и «китайской мечты»

После десятилетий реформ и политики открытых дверей Китай с каждым днем становится все могущественнее с перспективой стать сверхдержавой к 2020 г.

В политическом отношении сегодня доминируют неоколониализм Китая, всепроникающий капитализм с конфуцианской спецификой¹. Социализм с китайской спецификой является главным образом китайским национализмом, в основе которого лежит конфуцианская идеология великой династии Хань, смешанная с высокомерием и национальным самоуничижением, вдобавок к перенятым технологиям и технике Запада. Отличительными нюансами руководящей идеологии являются концепции «трех представительств» Цзян Цзэминя, «научного развития» Ху Цзиньтао и «Китайской мечты» Си Цзиньпина.

В экономической области в 2010 г. Китай официально сместил Японию со второй позиции среди ведущих мировых экономик (экономика Японии достигла объема 5474 млрд долл., Китая — 5800 млрд долл.).

В военном отношении достаточно полная картина модернизации китайской армии в ближайшие годы представлена в работе «Подъем военной мощи Китая и вытекающие из этого для Вьетнама проблемы»². Сегодня Китай занимает 3-е место в мире по военной мощи после США и России. В Азиатско-Тихоокеанском регионе по военной мощи Китай превосходит другие государства³.

Совокупная государственная мощь Китая, согласно академику РАН М.Л. Титаренко, оценивается в среднем по 9 критериям (из 9 баллов): управление, территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, внешняя политика. К 2050 г. совокупная государственная мощь Китая составит 8.1. Это — мощь сверхдержавы с армией, оказывающей решающее воздействие на формирование мирового баланса⁴.

Китайцы считают, что их пора настала⁵. Они более не должны «маскироваться в ожидании удобного момента» и мечтать о том, когда же Китай станет номером один в мире⁶. Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая и председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул «Китайскую мечту» в трех основных смыслах: Во-первых, Китай является мировой державой. Во-вторых, «Китай — это

морская цивилизация, идущая по пути быстрого и современного развития, это — морская экономика и главные ворота к океану». В-третьих, китайское национальное единство. Первые два пункта содержат в себе ненасытное желание стать хозяином мира и «построить морскую державу» с выходами ко всем океанам, конкурировать за источники ресурсов и территории. А. Девятов — полковник, заместитель директора Института российско-китайского стратегического взаимодействия называет Си Цзиньпина с его «Китайской мечтой» современным Хубилаем⁷. Китай считает, что «...Государственные интересы Китая выходят далеко за его наземные, воздушные и морские границы и включают в себя необъятные океанические районы, где осуществляется плавание китайских нефтяных танкеров, а также космос... Туда, куда распространяются государственные интересы Китая, распространяется и миссия наших (китайских) вооруженных сил...! Стоя перед новой исторической задачей, наши (китайские) вооруженные силы охраняют не только территориальные границы, но также должны стоять на страже границ наших государственных интересов»⁸. «В ближайшее десятилетие Китай продолжит переходить от своего, относительно сильного, нынешнего положения к еще более сильному положению. Мировое влияние Китая будет возрастать, так же как будет повышаться и мировая обеспокоенность относительно Китая...»⁹.

Возможно, подъем Китая выразится в некотором положительном участии и влиянии в мировых делах, но беспокойство мира по поводу «смерти от рук Китая»¹⁰, особенно соседних с Китаем стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии, с каждым днем будет усиливаться. Им придется искать наиболее подходящие способы реагирования на действия Китая в XXI веке в соответствии с нормами международного права и общей тенденцией прогресса человечества.

2. Стратегические перемены в ряде великих держав и стратегия США «поворота в Азию»

Наряду с мощным подъемом Китая XXI век также демонстрирует подъем и стратегические перемены в ряде других великих и сверхдержав, таких, как Индия, Россия и др.

Стратегические перемены в ряде великих держав

В ряде великих мировых держав явно проявляются стратегические перемены, прежде всего в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Подъем Индии и политика «Look East» (Смотри на Восток)

В книгах «Подъем Индии» и «Индия — подъем великой державы» наглядно продемонстрирован потенциал Индии и описаны шаги, которые необходимо предпринять стране для достижения 8 % ежегодного прироста ВВП во втором десятилетии XXI века, а также для перехода в ранг сильных мировых держав к 2050 г.¹¹

По прогнозам американских ученых, Индия усилит свои позиции в Азии и во всем мире. В течение двух—трех последующих десятилетий уровень национального дохода страны станет третьим по счету после США и Китая. Военная и в особенности «мягкая» сила Индии также значительно возрастут¹².

Со времен премьер-министра Нарасимха Рао в 90-х годах прошлого столетия внешняя политика Индии проводится согласно известной концепции «Look East» (Смотри на Восток). С тех пор эта стратегия заимствуется правительствами разных стран и дорабатывается согласно требованиям времени и общемировой обстановке.

Во времена премьер-министра Манмохан Сингха концепция «Смотри на Восток» была нацелена на Японию и страны АСЕАН, в частности на Вьетнам.

Индия активно участвует в Программе взаимодействия АСЕАН — Индия, рассчитанной на 2010—2015 гг., а также оказывает странам ЮВА поддержку в создании сообщества АСЕАН к 2015 г. По словам замминистра иностранных дел Санджая Бхаттачария, «политика “Смотри на Восток” сейчас обрела новый импульс и способствует развитию все более тесных отношений с соседними странами ЮВА»¹³.

Когда пост премьер-министра занял Моди, целью внешней политики стали Китай и Япония. Тем не менее, непростые отношения с Пекином находились на грани сотрудничества и соперничества, в том числе продолжались приграничные споры. Во время визита министра иностранных дел КНР Ван И в Нью-Дели новое индийское

правительство дало Китаю понять, что Индия не собирается отказываться от намерений играть ведущую роль в регионе ЮА, а также не скрывает своей готовности вести конкурентную борьбу с Поднебесной за влияние в Южной Азии и Индийском океане¹⁴.

Профессор Гарварда и основоположник теории «мягкой силы» Джозеф Най полагает, что, несмотря на то, что в ближайшие 10—20 лет Индия не сможет сравняться с Китаем по своей мощи, есть большая вероятность, что она составит противовес стратегическому преобладанию КНР и не будет союзником Китая¹⁵.

Подъем Индии является важным фактором влияния на общую ситуацию в сфере безопасности в мире и регионе.

Большая азиатская стратегия России

Во время третьего президентского срока В.В. Путина Россия восстановила свою репутацию и статус на международной арене.

Следуя рекомендациям отечественных политических и научных деятелей, российские лидеры начали корректировать внешнеполитические приоритеты и стратегические планы страны. Согласно Новой евразийской теории¹⁶, унаследовавшей многое от традиционной Евразийской теории, «орел» России издавна все больше смотрит в сторону Европы, забывая про Азию, хотя 3/4 территории России расположены именно в этой части света. Как заявил президент В.В. Путин, Россия — одна из держав Азии, имеет свои интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁷.

Во втором десятилетии XXI века Россия реально представляет собой могучую державу. *Экономически* Россия полностью обеспечивает и повышает уровень жизни населения. *В политике* Россия обладает весомым голосом на международной арене, прежде всего в Организации Объединенных Наций и на всех других международных трибунах. Президент Путин неизменно считается самым влиятельным и авторитетным мировым политическим деятелем¹⁸. *В военной области* Россия традиционно занимает 2-е место в мире после Америки¹⁹.

В вопросах политической безопасности Путин давно придерживается «азиатской стратегии». Благодаря ей осуществлено заметное продвижение в отношениях с Китаем, Индией, странами АСЕАН, в особенности с Вьетнамом. Ориентация на АТР призвана поддержи-

вать интересы России в регионе, а также содействовать развитию Сибири и Дальнего Востока. Успехи российской стратегии Путина подтверждаются острой реакцией Запада и Штатов. Автор данной статьи полагает, что для предотвращения активного российского «движения на Восток» Запад (ОБСЕ, НАТО) и США создали фронт своего «движения на Восток» у западных границ России²⁰.

Цветные революции и события 2014 г. на Украине вынудили Россию переключить внимание на Запад и ослабить свою активность на Востоке. Оказалось, что украинские события в 2014 г. связаны с обострением ситуации в Южно-Китайском море²¹.

Россия имеет реальное влияние и оказывает воздействие на политическую карту современного мира.

Америка и стратегия «поворота в Азию»

Феномен победы Б. Обамы на выборах свидетельствует о небывалых со времен Второй мировой войны переменах в стратегии США²².

Самым глобальным изменением стала политика в АТР, имеющая множество различных названий: «поворот» (Pivot) или «изменение баланса» (Rebalancing). В ее основу легло расширение активности и присутствия в АТР с целью защиты интересов Америки в экономической, политической и военной сферах.

Основой этой стратегии стала переориентация на Азию в экономической и военной областях. В экономике США стремятся укрепить торгово-экономические отношения со странами Азии, создать зоны свободной торговли в рамках Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Что касается военной сферы, то США планируют перебросить в АТР до 60 % военно-морских сил в период с 2011 по 2020 г.

На практике стратегия США «поворота в Азию» достаточно успешно разворачивается в последние годы.

Соглашение об учреждении ТТП заключено в 2005 г., и его первыми 4 участниками стали Сингапур, Бруней, Чили и Новая Зеландия. Это соглашение о свободной торговле на высоком уровне. В 2009 г. к соглашению присоединились еще 5 стран: Вьетнам, США, Австралия, Малайзия, Перу. Сегодня Япония также решила принять участие в данном соглашении²³. Совместно со страна-

ми-наблюдателями ТТП реально имеет потенциал распространения и перспективы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отвечая амбициям и интересам США.

ВМФ США в настоящее время имеет порядка 50 кораблей в Тихом океане, и, по прогнозам, это число возрастет до 65 к 2020 г. Таким образом, более 60 % ядерных подлодок США будет сосредоточено в Тихом океане²⁴.

Америка со своей нынешней политикой «поворота» по-прежнему остается фактором номер один в мире по влиянию в глобальном и региональном масштабах.

3. Динамичная и невезучая Восточная Азия

XXI век в АТР и Восточной Азии отличается одновременно динамичностью экономического развития и различными неудачами, в основном из-за того, что в самом центре Восточной Азии всегда существовала «дуга нестабильности»²⁵, связанная с безопасностью, политикой и территориальным суверенитетом отдельных государств.

Динамичная Восточная Азия

В XXI веке региональная интеграция в Восточной Азии, локомотивом которой является АСЕАН, принесла большие экономические успехи. «Восточноазиатско-Тихоокеанский регион играл и продолжает играть роль движущей силы мирового экономического роста, начиная с периода глобального финансового кризиса. Восточноазиатский регион будет удерживать позиции самого быстрого развивающегося региона в мире»²⁶.

К 2015 г. Восточная Азия достигнет и превысит намеченные «Целями тысячелетия» рубежи развития. Со всей своей энергией Восточная Азия, в особенности АСЕАН, с каждым днем приобретает все большее значение для США и всего мира в целом.

Неудачи Восточной Азии

Существует три крупные проблемы безопасности, которые по своему значению вышли за пределы региона: это ядерная проблема в КНДР вкупе с напряженными отношениями между Северной и Южной Кореей, проблема Тайваня и конфликты в Восточно-Китайском, в особенности в Южно-Китайском морях (ЮКМ). Основ-

ная причина этих трех проблем заключается в характере разделения данного региона, связанного с «восточноазиатской дугой нестабильности». Российский ученый Колотов полагает, что сильные страны, постоянно используют свою мощь в целях «укрощения» слабых стран, захвата их территории, а те, в свою очередь, ищут способ как противостоять сильным странам, защищать свои суверенитет и территорию.

В рамках данной статьи сосредоточимся на анализе проблемы ЮКМ.

Геополитическое, геостратегическое и глобальное значение Южно-Китайского моря с каждым днем все возрастает²⁷.

Южно-Китайское море является одним из важнейших звеньев морских логистических путей, связывая моря Тихого океана и одновременно два великих океана, имеющих стратегическую важность — Тихий и Индийский. Более 90 % мирового транспортного торгового потока осуществляется по морским путям, в том числе 45 % через Южно-Китайское море²⁸. Оно имеет богатые запасы природных ресурсов, в особенности нефти и газа, гидрата метана (газовый гидрат) и морепродуктов.

Южно-Китайское море является «вторым Персидским заливом»²⁹, хранит в себе богатые запасы нефти, сопоставимые с ближневосточными³⁰.

В последующие десятилетия XXI века Южно-Китайское море станет «мастерской мира» (но не в смысле того, что Китай — это мастерская мира): «в 2025 г. Южно-Китайское море приобретет большие возможности стать мировым производственным центром или «домашним прудом» в «мастерской мира». «Когда Южно-Китайское море превратится в «домашний пруд» «мастерской мира», борьба за природные ресурсы станет здесь катализатором всех потенциальных конфликтов»³¹.

Таким образом, из-за динамичности или неудач, Восточная Азия, в особенности Юго-Восточная Азия, Южно-Китайское море, были, есть и будут центром притяжения интересов и практических действий как для стран региона, так и находящихся вне его, вследствие геополитических интересов и интересов собственной безопасности. Динамичность Восточной Азии дает благоприятную возмож-

ность, используя которую каждая страна может достичь реальных выгод. И, напротив, несчастья Восточной Азии являются испытанием, которое одновременно заставляет страны региона сталкиваться с трудностями в экономической деятельности и в защите суверенитета и территорий и одновременно вызывает препятствия для экономической деятельности, также как для морского торгового сообщения с внерегиональными странами, если уж есть такая сила, которая может присвоить себе Южно-Китайское море в качестве «домашнего пруда»³².

Короче говоря, благодаря геополитическим и региональным изменениям XXI века, АТР, в особенности Восточноазиатский регион с Южно-Китайским морем, с каждым днем играют все более важную роль в сфере интересов различных стран в регионе и вне его. Они влияют на интересы и безопасность этих стран, особенно Вьетнама, который лежит в центре сегодняшней региональной дуги напряженности.

II. Воздействие и влияние геополитических и региональных изменений в АТР на безопасность Вьетнама

Вступая во вторую декаду XXI века, после определенных успехов в развитии страны, СРВ сталкивается с немалыми испытаниями, вызванными региональными и геополитическими изменениями. В сфере безопасности Вьетнама они выражаются в двух аспектах — позитивном и негативном. Только преодолев негативный и используя позитивный тренды, Вьетнам обеспечит безопасность и суверенитет своей территории.

1. Негативные воздействия и влияние

Негативные воздействия и влияние на безопасность Вьетнама в основном исходят от возвышения Китая и «китайской мечты».

Влияние на нетрадиционную безопасность

Три следующие нетрадиционные сферы безопасности подверглись негативному влиянию и воздействию Китая:

Политическая безопасность

Вследствие схожести политических режимов некоторые политические идеи и установки Китая естественным образом оказали влияние на идеологическую систему и формирование политики Вьетнама. Вьетнам механически повторяет некоторые ошибки Китая, но не оценивает должным образом их негативные последствия. В статье «Отрицательные факторы вьетнамо-китайских отношений» мы приводим несколько существенных примеров этого, среди которых выделяем губительное копирование Вьетнамом «трех сельских вопросов» Китая³³. Сроки и условия решения «трех сельских вопросов» в обеих странах очень различны, и негативные последствия этих вопросов Китая уже четко видны. Вьетнам не осознал этого, и, решая «три сельских вопроса», напрасно тратит и время, и силы, и деньги. Второй пример — это «кадровое планирование», ведущее к догматизму и невозможности найти новые факторы прорыва страны в будущее.

Поверив в «дружбу» и красочные лозунги Китая, многие поколения вьетнамского руководства оказались «в ловушке» в сфере национальной безопасности. Лишь когда уже было поздно, Вьетнам осознал, что эта дружба — всего лишь «иллюзия»³⁴. Эти ошибки привели к падению авторитета партийного и государственного руководства.

Экономическая безопасность

Пользуясь «весом» своей экономики, Китай вовлек Вьетнам в «сферу своего влияния»³⁵. Многие исследования указывают, что Китай выигрывает тендеры по 90 % строительных контрактов, в том числе и во всех энергетических проектах³⁶. Зависимость вьетнамской экономики от китайской достигает более 80 %³⁷, в то время как мировая экономическая теория показывает, что если этот показатель выше 30 %, то это — серьезная зависимость. Торговый баланс с Китаем должен вызывать во Вьетнаме содрогание: отрицательное сальдо за 10 лет выросло в 100 раз. В 2013 г. вьетнамский экспорт в Китай достиг 13,1 млрд долл., в то время как импорт из Китая во Вьетнам по предварительным подсчетам составил 36,8 млрд долл., соответственно он вырос на 26,7 % (на 7,8 млрд долл.) по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. Таким образом, внешнеторговый

дефицит с Китаем является самым крупным (2013 г. — 23,7 млрд долл.). Чрезмерно большой торговый дефицит с Китаем превращает вьетнамскую экономику в экономику «копирующую», отсталую. Как следствие этого, Вьетнам не может импортировать товары хорошего качества, исходные и новые технологии³⁸.

Общественная культура

Имея финансовую базу, многие фильмы, несущие на себе отпечаток китайской культуры, почти что «задаром» преподносятся Вьетнаму. Таким образом, на вьетнамском телевидении большая часть эфирного времени на многих каналах занята разнообразными китайскими фильмами, которые могут смотреть вьетнамцы. Многие китайские «ценности» незримо проникают в духовную жизнь и быт, так же, как и в образ жизни различных слоев населения Вьетнама.

В Китае же, напротив, массовый показ вьетнамских фильмов с каждым днем сокращается. Очень многие китайские издания не освещают положительные стороны духовной жизни Вьетнама, а иногда статьи и вовсе носят осуждающий характер, принижая образ Вьетнама в глазах китайской и мировой общественности.

Влияние на традиционную безопасность — суверенитет над Парасельскими островами и архипелагом Спратли

Осуществляя «китайскую мечту», новое руководство Китая во главе с Си Цзиньпином стало проводить более решительную политику³⁹. Объявив границу «коровьего языка» в Южно-Китайском море зоной «основных интересов» (март 2010 г.), Китай ведет здесь разработку геополитических и природных ресурсов, одновременно наращивает военную мощь, угрожает и оспаривает суверенные права на острова соседних стран, таких как Филиппины и Вьетнам.

Следует также вспомнить, что в 1974 г. Китай захватил принадлежащие Вьетнаму Парасельские острова, а в 1988 и 1992 гг., ведя враждебные действия, захватил некоторые острова и подводные рифы архипелага Спратли, принадлежащего Вьетнаму. В 1979 г. Китай вызвал пограничную войну с Вьетнамом, которая нанесла большой ущерб населению и имуществу Вьетнама.

Ежегодно Китай в одностороннем порядке запрещает рыбную ловлю в Южно-Китайском море, как правило, это сопровождается захватом кораблей, конфискацией рыболовных снастей и даже из-

биением вьетнамских рыбаков. За 2009 г. в четырех таких случаях китайской стороной было задержано 17 судов с 210 вьетнамскими рыбаками⁴⁰.

26 мая 2011 г. недалеко от побережья Вьетнама три китайских патрульных катера перерезали трос с подводным оборудованием судна «Биньминь 02» государственной нефтегазовой группы «Петровьетнам». Китай мешает зарубежным компаниям добывать нефть и газ совместно с Вьетнамом. С 1 мая по 15 июля 2014 г. Китай незаконно установил буровую платформу «Хайзыонг-981» в районе континентального шельфа и особой экономической зоны Вьетнама в Южно-Китайском море. В то же время эта страна привлекла свыше 130 различных кораблей, в том числе военных, и боевых самолетов для защиты своей платформы, осуществив дерзкие обстрелы дежурных кораблей Вьетнама из водометов. Они даже таранили вьетнамские рыболовецкие суда. Вышеперечисленные действия являются вопиющим нарушением суверенитета и юрисдикции Вьетнама в Южно-Китайском море, непосредственно угрожают государственной безопасности Вьетнама, и, конечно, в первую очередь Парасельским островам и архипелагу Спратли.

Российский эксперт по Южно-Китайскому морю Г. Локшин в своей книге «Южно-Китайское море: трудный поиск согласия»⁴¹, а также такие ученые, как Д. Мосяков и Е. Кобелев, выражают мнение, что Китай является главным инициатором конфликтов⁴². Политические круги и ученые США также придерживаются данной точки зрения⁴³.

Экспансия Китая в Южно-Китайском море — лишь одно из проявлений претензий этой страны стать хозяином Тихого и других океанов в рамках «Стратегии нити жемчуга» и «Стратегии синего моря»⁴⁴. Это оказывает воздействие на безопасность Вьетнама, особенно на суверенитет над Парасельскими островами и архипелагом Спратли, а также на общую ситуацию безопасности в регионе и мире.

2. Позитивные воздействия и влияние

Геополитические и региональные изменения оказывают позитивное воздействие на безопасность Вьетнама.

В политике

Бесцеремонное и наглое посягательство Китая на территорию Вьетнама в 2014 г. не принесло Китаю успеха. Напротив, это событие позволило вьетнамскому народу лучше понять себя, а миру лучше понять Вьетнам.

Молодые люди узнали, что Китай занял Парасельские острова и некоторые острова архипелага Спратли, принадлежащие Вьетнаму. Это событие сблизило весь народ, потомков королей Хунгов, живущих как во Вьетнаме, так и в других странах, и обратило их взор к Отечеству. Они единодушно поддержали борьбу за защиту суверенитета и территориальной целостности. Это сила солидарности, сила народной памяти, которая может одолеть любую самую современную военную технику. Каменная стела может рассыпаться, но не любовь к родине⁴⁵. Вместе с народом руководители партии и правительство Вьетнама признали простую истину, что ради интересов одного народа, одной группировки воинственные силы северного соседа готовы пожертвовать более чем двадцатью годами нормализации отношений и захватить Южно-Китайское море, единственные ворота в океан, ради того, чтобы господствовать в регионе, не учитывая искренней дружбы между народами двух соседних стран.

Следующие поколения вьетнамцев и вьетнамских руководителей уже будут знать, как «уживаться с наводнением» — таким близким соседом — «гора к горе, река к реке», и защищать свой суверенитет и территориальную целостность.

Вьетнам смог завоевать симпатию, политическую и духовную поддержку со стороны всех стран в регионе и в мире. Очень много международных научных конференций по Южно-Китайскому морю состоялось во Вьетнаме, на Филиппинах, в Японии, России, Великобритании, США. В них приняли участие известные ученые из многих стран. Общей точкой зрения ученых является, что «U-образная линия», по которой Китай провозгласил свой суверенитет над Южно-Китайским морем, лишена законного обоснования. Действия Китая в Южно-Китайском море вызывают напряженность в сфере безопасности в регионе, не следуют международным законам, особенно нарушают Конвенцию ООН по морскому праву (UNCLOS), угрожают международной морской безопасности⁴⁶.

Впервые саммит стран Юго-Восточной Азии на высшем уровне в совместном заявлении выразил «серьезные опасения» относительно дерзких действий Китая. Высшие официальные лица США, Великобритании, Японии, Индии, Филиппин, Сингапура и других стран осудили «зверские», «вызывающие», «воинственные»⁴⁷ действия Китая, «усиливающие напряженность в Южно-Китайском море», и призвали Китай немедленно прекратить эти действия⁴⁸. Генеральный секретарь АСЕАН Ле Лыонг Минь, президент Филиппин Акино, министр иностранных дел Индонезии Марти Наталегави и другие руководящие лица стран АСЕАН согласились с вышеназванными оценками.

10 июля сенат США единогласно принял постановление под номером S.RES.412 по Южно-Китайскому морю с требованием к Китаю вернуть статус-кво от 1 мая 2014 г. Поддержка этой сверхдержавы, других держав и стран АСЕАН воодушевила вьетнамский народ на защиту суверенитета и безопасности, а также внесла вклад в умирение распавшихся авантюристов, желающих причинить вред Вьетнаму.

В экономике

Фактически экономики Вьетнама представляет соседу большой рынок, в котором реально нуждается простой народ Китая. У многих крестьян, несмотря на частые скачки цен, есть рынок для сбыта своей продукции. Экономика Вьетнама относительно стабильно развивается высокими по среднемировым меркам темпами благодаря связям с рынками АСЕАН и другими динамичными экономиками Восточной Азии.

Вьетнам осознал, что пришло время ускорить реформы экономических механизмов, диверсифицировать рынок и преодолеть прежнюю зависимость от Китая. Многочисленные мнения о том, что нужно «уйти от Китая», вызывают все больше понимания.

В сфере национальной обороны

Из-за проблемы суверенитета страны многие внутренние проблемы временно отошли на второй план перед лицом сплочения народа. Состояние внутренней безопасности в стране стабильное.

Вьетнам вынужден увеличить свой оборонный потенциал с помощью контрактов на покупку вооружений и военного оборудова-

ния. Растет сотрудничество в сфере обороны со странами АСЕАН, США.

Патриотизм во Вьетнаме усиливается. Готовность народа защищать морскую территорию своей родины, Парасельские острова и архипелаг Спратли — он, как волны, нахлынет и потопит тех, кто осмелится посягать на суверенитет Вьетнама.

Заключение

В первые два десятилетия XXI века произошло много геополитических и региональных изменений, которых не предвещали политики и ведущие мировые специалисты. Регион, испытавший наибольшее воздействие и влияние этих изменений — это Азиатско-Тихоокеанский регион, где расположен Вьетнам. Сверхдержавы и другие державы изменили вектор своей стратегии в направлении этого региона для защиты своих геополитических, экономических и стратегических интересов.

В такой общей обстановке многие страны региона, особенно Вьетнам, уже испытавшие позитивное воздействие и влияние, столкнулись с рядом вызовов и бедствий. Самая большая проблема для Вьетнама — это угроза суверенитету и юрисдикции в отношении Парасельских островов и архипелага Спратли, а также других акваторий в Южно-Китайском море из-за притязаний на господство в регионе воинствующих сил Китая.

Определяя свой будущий путь, Вьетнам именно благодаря трудностям полон сил и обязательно найдет подходящие и цивилизованные способы в борьбе за суверенитет и территориальную целостность.

Использованная литература

Книги

1. *Đỗ Minh Cao* (chủ biên). Sự trở dậy về quân sự của Trung Quốc và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam. Nhà xuất bản Từ điển bách khoa, Hà Nội, 2013, 254 tr.

2. *Đỗ Minh Cao*. Chiến lược an ninh năng lượng của Trung Quốc: Tác động và ảnh hưởng. Nhà xuất bản Khoa học xã hội, Hà Nội, 2014, 283 tr.
3. *Kuzyk B.N., Titarenko M.L.* Trung Quốc-Nga 2050: Chiến lược cùng phát triển. M., 2006, tr. 16. (на рус. яз.).
4. *Lưu Minh Phúc*. Trung Quốc mộng. Bắc Kinh. 2010
5. Nghiên cứu so sánh thời kỳ chuyển đổi ở nước Nga, Trung Quốc và Việt Nam. Đỗ Tiến Sâm, Ostrovskij A.V. chủ biên. NXB Từ điển bách khoa. Hà Nội, 2013. 571 tr.
6. Những vấn đề nổi bật trong quan hệ Trung Quốc — Việt Nam 10 năm đầu thế kỷ XXI và triển vọng đến năm 2020. Nguyễn Đình Liêm chủ biên, NXB Từ điển bách khoa. Hà Nội, 2012. 358 tr.
7. *Titarenko M.L.* Nga và Trung Quốc: Đối tác chiến lược và những thách thức thời đại. M. Viện Viễn Đông «Forum», 2014, 224 tr. (на рус. яз.).
8. *Titarenko M.L.* Ý nghĩa địa chính trị vùng Viễn Đông. Nước Nga, Trung Quốc và các nước châu Á khác. Nhà xuất bản «Những công trình bất hủ về tư tưởng lịch sử». Matxcova. 2008. 624 tr.
9. Trung Quốc những năm đầu thế kỷ XXI. M.L. Titarenko, Đỗ Tiến Sâm chủ biên, Nhà xuất bản Từ điển bách khoa. Hà Nội 2009, 726 tr.
10. Colette Mathur, Frank-Jurgen Richter, Tarun Das. India Rising: Emergence of a New World Power Paperback — November 30, 2005; Colette Mathur Frank-Jurgen Richter, Tarun Das. Ấn Độ — Sự Trỗi Dậy Của Một Cường Quốc. Nhà xuất bản: Nxb Từ điển Bách khoa. HN. 2014.
11. *Peter W. Navarro, Greg W. Autry*. Death by China: Confronting the Dragon — A Global Call to Action 'Chết dưới tay Trung Quốc'// The Washington Post, June 23, 2011.
12. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Кобелев Е. В., Локшин Г. М., Воронин А. С., Мазырин В. М., Козлов А. А., Сенин Р. А., Васильев Л. Е. М., 2010. 368 с.
13. *Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013. 15 п.л.
14. Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд с двух сторон. М.: ИДВ РАН, 2013. 416 с.

Авторские материалы

1. *Đỗ Minh Cao*. Trung Quốc và an ninh Biển Đông. Nghiên cứu Đông Bắc Á. 2009 tháng 2. Số 2 (96). Tr. 9—22.

2. *Đỗ Minh Cao*. Nước Nga với học thuyết Á-Âu mới và vị thế của Trung Quốc. Nghiên cứu châu Âu. tháng 7. Số 7 (118). Tr. 14—23. 2010.
3. *Đỗ Minh Cao*. An ninh Biển Đông nhìn từ tranh chấp lợi ích kinh tế giữa các nước liên quan. Tạp chí Quan hệ quốc phòng. số 12. Tr. 59—65. 2010.
4. *Đỗ Minh Cao*. Nhân tố Trung Quốc trong quan hệ an ninh vùng biển châu Á -Thái Bình Dương. Tạp chí Quan hệ quốc phòng. số 14. Tr. 40—45. 2011.
5. *Đỗ Minh Cao*. Những nhân tố tiêu cực trong quan hệ Việt Nam-Trung Quốc. Nghiên cứu Trung Quốc. số 7 (119)). Tr. 45-54-2011. ISN-0863670.
6. *Đỗ Minh Cao*. Sự trỗi dậy về quân sự của Trung Quốc và ảnh hưởng của nó đến an ninh thế giới. Nghiên cứu Trung Quốc. ISSN 0868 3670. số 2 (126)). Tr. 14-30-2012.
7. *Đỗ Minh Cao*. Ý nghĩa địa chính trị của Biển Đông. Tạp chí Nghiên cứu Trung Quốc. Số 6. 2012. Tr. 69—82.
8. *Đỗ Minh Cao*. Sự can dự và hợp tác an ninh của Trung Quốc trong khu vực Đông Á. Tạp chí Quan hệ quốc phòng, ISSN 1859-3739. số 20. Tr. 48-54. 2012.
9. *Đỗ Minh Cao*. Ý nghĩa địa chiến lược của Biển Đông trong thập niên thứ hai của thế kỷ XXI. Nghiên cứu Trung Quốc. ISSN 0868 3670. số 11 (135)). Tr. 58-67-2012.
10. *Đỗ Minh Cao*. Nhân tố năng lượng trong «Đại kế hoạch châu Á» của Nga. Nghiên cứu châu Âu. tháng 2. Số 2 (149). Tr. 22—36. 2013.
11. *До Минь Као*. «Энергетическая дипломатия» Китая и ее влияние в сопредельных регионах // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4.

Примечания

¹ Ferguson, Niall, 2009, «The decade the world tilted east», Financial Times, 27 tháng 12, Goldman, Merle, 2009, «China's Beleaguered Intellectuals», Current History, tháng 9, Cao Huy Thuần, 2009, «An ninh», Thời Đại Mới 17, tháng 11 Nguyễn Trung. Việt Nam trong thế giới của thập kỷ thứ hai thế kỷ 21. Thời đại mới. Số 18 — Tháng 3/ 2010. URL: http://www.tapchithoidai.org/ThoiDai18/201018_NguyenTrung.htm

² Sự trỗi dậy về quân sự của Trung Quốc và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam. Đỗ Minh Cao chủ biên. Nhà xuất bản Từ điển bách khoa, Hà Nội, 2013, 254 tr.

³ Op. cit.

⁴ *Kuzyk B.N., Titarenko M.L.* Trung Quốc-Nga 2050: Chiến lược cùng phát triển. M., 2006. Tr. 16. (на русском языке).

⁵ *Портяков В.Я.* «Китайская мечта»: Поднебесная создает свою систему ценностей в противовес американской. URL: <http://maxpark.com/user/1805715924/content/1797611>

⁶ Lưu Minh Phúc. Trung Quốc mộng». Bắc Kinh. 2010; Tập Cận Bình, Tổng Bí thư Đảng Cộng sản Trung Quốc ngày 19/8/2013, đã tuyên bố: «Việc hiện thực hóa Giấc mộng Trung Hoa về sự phục hưng dân tộc vĩ đại có nghĩa là Trung Quốc trở thành 1 đất nước thịnh vượng, 1 quốc gia được tiếp sức sống mới và có nhân dân hạnh phúc». URL: <http://vov.vn/the-gioi/quan-sat/giac-mong-trung-hoa-tham-vong-cua-trung-quoc-troi-day-338857.vov>

⁷ Ông viết: «...khi tuyên bố «Giấc mộng Trung Hoa», nhà lãnh đạo hiện nay của Trung Quốc Tập Cận Bình, đã học theo học thuyết chính trị Trung Hoa truyền thống về sức mạnh phê quát của «ảnh hưởng tốt vô biên» của Thiên triều đối với các vùng đất chư hầu, trên thực tế là muốn khẳng định vai trò của Hốt Tất Liệt hiện đại». Андрей Девятков. Китайская мечта и стратегическая растерянность России. URL: <http://www.business-gazeta.ru/readblog/36/722/>; Đỗ Minh Cao. «Giấc mộng Trung Hoa» của Trung Quốc trong bối cảnh toàn cầu mới: Quan điểm từ dư luận nước Nga//Tập chí Nghiên cứu châu Âu, số 5 năm 2014.

⁸ *Lam, Willy.* Beijing Learns to be a Superpower // Far Eastern Economic Review. 01.05. 2009. Trích theo: Nguyễn Trung. Việt Nam trong thế giới của thập kỷ thứ hai thế kỷ 21. Thời đại mới. Số 18 — Tháng 3/2010. URL: http://www.tapchithoidai.org/ThoiDai18/201018_NguyenTrung.htm

⁹ Op. cit.

¹⁰ *Peter W. Navarro, Greg W. Autry.* Death by China: Confronting the Dragon — A Global Call to Action 'Chết dưới tay Trung Quốc' // The Huffington Post, June 23, 2011.

¹¹ Colette Mathur, Frank- Jurgen Richter, Tarun Das. India Rising: Emergence of a New World Power Paperback — November 30, 2005; Colette Mathur Frank- Jurgen Richter, Tarun Das. Ấn Độ — Sự Trỗi Dậy Của Một Cường Quốc. Nhà xuất bản: Nxb Từ điển Bách khoa. HN. 2014.

¹² Nhận định của Giáo sư Đại học Harvard là Joseph Nye và chuyên gia Vijay Joshi của Đại học Oxford URL: <http://vtc.vn/311-275216/quoc-te/an-do-se-can-bang-su-troi-day-chien-luoc-cua-trung-quoc.htm>

¹³ URL: <http://www.tinmoi.vn/asean-an-do-nang-tam-quan-he-011183510.html>

¹⁴ URL: <http://www.baohaiquan.vn/pages/trong-tam-chinh-sach-doi-ngoai-huo-ng-dong-cua-an-do.aspx>

¹⁵ URL: <http://vtc.vn/311-275216/quoc-te/an-do-se-can-bang-su-troi-day-chien-luoc-cua-trung-quoc.htm>

¹⁶ *Titarenko M.L.* Ý nghĩa địa chính trị vùng Viễn Đông. Nước Nga, Trung Quốc và các nước châu Á khác. Nhà xuất bản «Những công trình bất hủ về tư tưởng lịch sử».

Matxcova. 2008. 624 trang; Đỗ Minh Cao. Nước Nga với học thuyết Á-Âu mới và vị thế của Trung Quốc // Nghiên cứu châu Âu.- tháng 7. Số 7 (118). Tr. 14—23. 2010.

¹⁷ Xem: Titarenko M.L. Ý nghĩa địa chính trị vùng Viễn Đông. Nước Nga, Trung Quốc và các nước châu Á khác. Nhà xuất bản «Những công trình bất hủ về tư tưởng lịch sử». Matxcova. 2008. 624 trang; Tổng thống V. Putin từng viết: «Từ lâu Nga đã là một phần nội tại của khu vực châu Á — Thái Bình Dương». «Chúng tôi coi khu vực năng động này là nhân tố quan trọng nhất đối với thành công của cả đất nước Nga trong tương lai, cũng như sự phát triển của Siberia và vùng viễn Đông».

¹⁸ Tạp chí danh tiếng Forbes chọn ông Putin là nhân vật có ảnh hưởng nhất thế giới năm 2013. Tổng thống Nga Vladimir Putin được bầu chọn là chính trị gia số 1 trong bảng Xếp hạng Thế giới 2013 (World Ranking 2013) do hãng thông tấn Itar-Tass tổ chức. URL: <http://vietnamnet.vn/vn/quoc-te/160388/putin-duoc-bau-la-chinh-tri-gia-so-1-the-gioi.html>

¹⁹ Xem: Sự trỗi dậy về quân sự của Trung Quốc và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam. Đỗ Minh Cao (chủ biên). NXB Từ điển Bách khoa. Hà Nội, 2013.

²⁰ Đô đốc Robert Willard: cần phải «để mắt» tới hoạt động của Nga ở Thái Bình Dương. Việc Nga «gia tăng hoạt động hải quân và lực lượng không quân chiến lược, các hoạt động không gian cùng hoạt động bán vũ khí khắp châu Á-Thái Bình Dương đang cho thấy sự tập trung» của nước này vào khu vực. URL: <http://www.tinmoi.vn/quan-doi-my-thuc-hien-xoay-truc-sang-chau-a-nhu-the-nao-011212044.html>

²¹ «Kịch bản Crimea» sẽ tái hiện ở châu Á — Thái Bình Dương? URL: <http://infonet.vn/kich-ban-crimea-se-tai-hien-o-chau-a-thai-binh-duong-post123957.info>

²² Nguyễn Trung. Việt Nam trong thế giới của thập kỷ thứ hai thế kỷ 21. Thời đại mới. Số 18 — Tháng 3/2010. URL: http://www.tapchithoidai.org/ThoiDai18/201018_NguyenTrung.htm

²³ Kyodonews đưa tin, ngày 16/03, Thủ tướng Nhật Bản Shinzo Abe chính thức tuyên bố: Chính phủ Nhật bản sẽ gia nhập vòng đàm phán «Hiệp định quan hệ đối tác kinh tế chiến lược xuyên Thái Bình Dương» (TPP), mục tiêu của Chính phủ Nhật Bản là mở rộng khối đồng minh Mỹ — Nhật từ lĩnh vực bảo đảm an ninh sang lĩnh vực kinh tế, từ đó hình thành một «vòng cung» mậu dịch mới do hai nước làm chủ đạo. URL: <http://www.anninhthudo.vn/Binh-luan/Don-doc-cua-Nhat-Dung-cay-gay-kinh-te-lam-mu-i-vu-hoi-va-Trung-Quoc/490218.antd>

²⁴ URL: <http://www.anninhthudo.vn/Multimedia/Quoc-phong/My-dieu-5-tau-san-bay-65-tau-mat-nuoc-den-Thai-Binh-Duong/540119.antd>

²⁵ *Kolotov V.N.* Vòng cung bắt ền Đông Á- nhân tố chính trong hệ thống an ninh khu vực. Nghiên cứu Trung Quốc, số 8 năm 2012, tr. 27—35 (Đỗ Minh Cao dịch). Vòng cung bắt ền Đông Á chạy từ đông — bắc sang tây — nam qua quần đảo Kuril mà Nhật gọi là «lãnh thổ phương Bắc», qua bán đảo Triều Tiên bị phân chia (Bắc Triều Tiên và Hàn

Quốc), qua Trung Quốc bị phân chia (Trung Quốc và Đài Loan), Việt Nam bị phân chia (Việt Nam Dân chủ Cộng hòa và Việt Nam Cộng hòa, hiện tại Việt Nam đã thống nhất nhưng quần đảo Hoàng Sa và một số đảo tại quần đảo Trường Sa của Việt Nam tại Biển Đông đang bị nước ngoài chiếm đóng); Kolotov V. N. Vấn đề biển Đông trong bối cảnh hệ thống an ninh khu vực tại Đông Á. Hội nghị Việt Nam học lần thứ 4 tại Hà Nội tháng 11 năm 2012.

²⁶ URL: <http://www.worldbank.org/vi/news/press-release/2014/04/07/east-asian-economies-expected-to-grow-at-a-stable-pace-in-2014>.

²⁷ Đỗ Minh Cao. Ý nghĩa địa chính trị của Biển Đông // Tạp chí Nghiên cứu Trung Quốc. Số 6.(130) Tr. 69-82-2012.; Đỗ Minh Cao. Ý nghĩa địa chiến lược của Biển Đông trong thập niên thứ hai của thế kỷ XXI // Nghiên cứu Trung Quốc. số 11 (135). Tr. 58-67- 2012.

²⁸ URL: www.chaobuoisang.net/.../vai-tro-va-y-nghia-dia-chinh-tri-cua-bien-dong-9894.htm

²⁹ 陈安刚, 武明 [Chen Angang and Wu Ming], «马六甲: 美国觊觎的战略前哨» [Malacca Strait: The United States Covets a Strategic Outpost]. P. 12; URL: <http://www.toquoc.gov.vn/Thongtin/O-Cua-Chau-A/Toan-Tinh-Cua-Trung-Quoc-Va-Dai-Loan-Ve-Dau-Khi-Bien-Dong.html>

³⁰ Peng Guangqian and Yao Youzhi, eds., The Science of Military Strategy (Beijing: Military Science Publishing House, 2005). P. 441 URL: <http://bauvinal.info.free.fr/songngu/cacnhaphantichhaiquantq02.htm>; URL: <http://bauvinal.info.free.fr/songngu/cacnhaphantichhaiquantq02.htm>

³¹ URL: <http://southchinastudies.org/tin-ncbd/1027-bien-dong-cua-15-nam-sau>

³² Ai làm chủ được Biển Đông sẽ làm chủ được châu Á- Thái Bình Dương, nếu làm chủ được châu Á- Thái Bình Dương sẽ làm chủ được thế giới. URL: <http://luatminhkhue.vn/tranh-chap/binh-luan-bai-tranh-chap-bien-dong-nam-a----.aspx>

³³ Đỗ Minh Cao. Những nhân tố tiêu cực trong quan hệ Việt Nam-Trung Quốc // Nghiên cứu Trung Quốc. số 7 (119). Tr. 45-54- 2011; Bài tham gia Hội thảo khoa học quốc tế: «Những vấn đề thời sự trong nền Việt Nam học của Nga, diễn ra tại Matxcova ngày 18 tháng 5 năm 2011.

³⁴ Trung Quốc bám vào công thư của Cố Thủ tướng Phạm Văn Đồng đề nghị biện hành động chiếm đoạt Hoàng Sa của Việt Nam. Thủ tướng Nguyễn Tấn Dũng: «Không đánh để chủ quyền lấy hữu nghị viên vông». URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/the-gioi/thu-tuong-khong-danh-doi-chu-quyen-lay-huu-nghi-vi-en-vong-2994075.html>

³⁵ Мазырин В.М. Развитие Вьетнама в сфере китайского влияния // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М.: Рубежи XXI, 2007. С. 212—227.

³⁶ URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2010/08/100802_chinese_contractors.shtml; <http://www.baomoi.com/Nghi-ngai-cac-du-an-nang-luong-do-nha-thau-Trung-Quoc-thuc-hien/148/13899075.epi>

³⁷ URL: <http://m.tuanvietnam.net/2014/07/giam-le-thuoc-khong-phai-cho-su-co-moi-thay-doi/>

³⁸ URL: <http://dantri.com.vn/kinh-doanh/giat-minh-can-can-thuong-mai-viet-nam-trung-quoc-nhap-sieu-tang-100-lan-trong-10-nam-890863.htm>

³⁹ См.: Портяков В.Я. «Китайская мечта»: Поднебесная создает свою систему ценностей в противовес американской. URL: <http://maxpark.com/user/1805715924/content/1797611> Xem: Đỗ Minh Cao. «Giải mộng Trung Hoa» của Trung Quốc trong bối cảnh toàn cầu mới- quan điểm từ dư luận nước Nga // Nghiên cứu châu Âu — Số 5—2014. Đây cũng là quan điểm của bà Tôn Vân, Viện Stimson Center, Washington DC. URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2014/07/140724_hoi_luan_bien_dong.shtml

⁴⁰ URL: <http://tuoitre.vn/Ban-doc/616221/tau-trung-quoc-bat-giu-gay-tai-nan-tau-ca-viet-nam-thuong-xuyen.html>; Nga Pham (12 tháng 8 năm 2009). «China releases Vietnam fishermen». BBC News. Truy cập ngày 27 tháng 10 năm 2009.

⁴¹ Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013.

⁴² Мосяков Д.В. На грани фолы: политика Китая в Южно-Китайском море // Индекс безопасности № 4 (107). Т. 19. URL: <http://glasru.ru/na-grani-fola-politika-kitaya-v-yuzhno-kitayskom-more/>; Кобелев Е.В. Южно-китайское море; тлеющий очаг конфликта. URL: http://www.rau.su/observer/N07-08_95/7-8_07.HTM; Xung đột trên biển Đông và quan điểm của Nga. URL: <http://www1.vietinfo.eu/chuyen-muc-bien-dong/xung-dot-tren-bien-dong-va-quan-diem-cua-nga.html>;

⁴³ THUỶNG NGHỊ SĨ JOHN MCCAIN «Trung Quốc làm gia tăng căng thẳng trên biển Đông» URL: <http://phapluattp.vn/20110622091957608p0c1013/trung-quo-c-lam-gia-tang-cang-thang-tren-bien-dong.htm>

Trung Quốc gây căng thẳng ở biển Đông. URL: <http://nld.com.vn/20110621102659603p0c1006/trung-quoc-gay-cang-thang-o-bien-dong.htm>

Tướng Trung Quốc ngạo mạn dọa cho Việt Nam «một bài học» URL: <http://vn.news.yahoo.com/t%C6%B0%E1%BB%9Bng-trung-qu%E1%BB%91c-ng%E1%BA%A1o-m%E1%BA%A1n-%C4%91e-d%E1%BB%8Da-vi%E1%BB%87t-nam.html>

⁴⁴ Xem: Đỗ Minh Cao (chủ biên). Sự trở dậy về quân sự của Trung Quốc và những vấn đề đặt ra với Việt Nam. NXB Từ điển Bách khoa, HN, 2013, 254 tr.

⁴⁵ Đỗ Minh Cao. Kịch bản Trung Quốc sẽ làm tiếp sau hạ đặt giàn khoan? URL: <http://news.go.vn/chuyen-dong/tin-1772282/kich-ban-trung-quoc-se-lam-tiep-sau-ha-dat-gian-khoan.htm>

⁴⁶ Đã có nhiều hội thảo khoa học quốc tế được tổ chức phê phán hành động hạ đặt giàn khoan Hải Dương 981 trái phép ngang ngược của Trung Quốc tại thềm lục địa và vùng đặc quyền kinh tế của Việt Nam tại Biển Đông. Ngày 19-21 tháng 6 năm 2014, Hội thảo quốc tế «Hoàng Sa — Trường Sa: Sự thật lịch sử» đã được tổ chức tại Đà Nẵng, Việt Nam. Ngày 14 tháng 7 năm 2014, một cuộc hội thảo bàn về căng thẳng Biển Đông được tổ chức tại thủ đô Washington DC của Hoa Kỳ, quy tụ các nhóm chuyên gia cao cấp từ chính phủ và giới học giả quốc tế, những người đang nghiên cứu về căng thẳng Biển Đông và chính sách của Hoa Kỳ về vấn đề này

⁴⁷ Quan điểm của Ngoại trưởng Mỹ John Kerry. URL: <http://dantri.com.vn/the-gioi/eu-lo-ngai-cac-hanh-dong-don-phuong-cua-trung-quoc-o-bi-en-dong-873891.htm>

⁴⁸ Quan điểm của Ngoại trưởng Mỹ John Kerry. URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/the-gioi/ngoi-truong-my-noi-hanh-dong-cua-trung-quoc-la-hung-hang-2989804.html>

С.В. Уянаев

ПОЛИТИКА ИНДИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: КУРСОМ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ

Индия по формально-географическим признакам не принадлежит к Азиатско-Тихоокеанскому региону, являясь классической страной бассейна Индийского океана. Тем не менее, с точки зрения реальной политики участие Дели в делах АТР и Восточной Азии достаточно заметно.

Индия — страна, демонстрирующая глобальные интересы и стремление к значимой роли не только в индоокеанском бассейне, но и, в частности, в тихоокеанской Азии. Причем, похоже, что многие ее регионы, прежде всего Юго-Восточную Азию (а в расширительном смысле и всю Восточную Азию), в Дели не без оснований рассматривают как сопредельные, а потому весьма важные для национальных интересов.

Между тем, выступая в сентябре 2014 г. в рамках общеполитической дискуссии на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, премьер министр Индии Нарендра Моди прямо отметил, что «надлежащая работа над отношениями с сопредельными государствами является приоритетной проблемой, которую рассматривает правительство Индии»¹.

Вот почему при анализе здесь региональной обстановки в Восточной Азии, в том числе в контексте проблем безопасности, фактор Индии не только вправде, но и должен учитываться, ибо без него общая картина рискует быть не вполне законченной.

Однако для начала, были бы не лишним иметь в виду некоторые общие характеристики места Индии на нынешней мировой и региональной политической и экономической арене, выделить базовые ценности и задачи ее политики.

Мировая роль и главные приоритеты

Прежде всего, вспомним, что четверть века назад Индия, будучи лидером движения неприсоединения, страной, которая ориентировалась на идеалы социалистического звучания, с распадом Советского Союза — ее объективно главной внешнеполитической опоры — оказалась перед стратегическим выбором. Он был не простым. Но главное, в чем в условиях постбиполярного мира в Дели определились, похоже, без принципиальных сомнений — это необходимость поиска своего собственного, самостоятельного места в меняющемся мире. Места, которое, по мере формирования основ глобальной полицентричности, видится сегодня в Дели как роль самостоятельного центра в будущем многополярном мире.

С 1991 г. начала отсчет направленная на большую свободу и открытость рынка *политика экономических реформ*, имеющая, помимо прочего, целью создать экспортную модель экономики. Этот курс, начиная уже с 1997 г., обеспечил устойчиво «плюсовую» динамику ВВП на уровне свыше 7 % в год². В результате только за последние 15 лет объем экономики страны увеличился (в долларах по текущему курсу) в 4,5 раза, а доля в мировом ВПП выросла почти вдвое — до нынешних 2,5 %³. Стабильно позитивная динамика развития позволила ряду авторитетных экспертов прогнозировать, что к середине столетия экономика Индии опередит американскую⁴.

Постепенно, в ходе продуманной поэтапной выработки прагматичной стратегии защиты национальных интересов стали вырисовываться многовекторные контуры индийского внешнеполитического курса, соответствующего статусу крупной державы с миллиардным населением. В настоящее время о международной политике страны можно говорить как о линии, нацеленной на обеспечение Индии достойного места в глобальных и региональных делах, права участвовать в формировании международной повестки дня. Претен-

дуя на место среди постоянных членов СБ ООН и де-факто являясь членом ядерного клуба, Индия проводит активную политику практически на всех значимых международных площадках международного взаимодействия — G-20, БРИКС, Британское содружество, Движение неприсоединения, АСЕАН (форум Индия—АСЕАН), диалоговые форматы РИК (Россия—Индия—Китай), ИБСА (Индия—Бразилия—ЮАР)⁵, Индия—ЕС, Индия—Африка и целый ряд других.

Как было сказано, уделяя повышенное внимание Южной Азии и зоне Индийского океана, где Индия претендует на признание ее особых интересов, Дели далеко не оставляет за рамками внимания другие регионы Евразии и АТР, включая **Восточную Азию**. Отражением этой политики «по всем азимутам» явилась, в частности, объявленная еще в 1991 г. тогдашним премьер-министром страны Нарасимха Рао и реализуемая по сей день программа *look east policy* («Обращение на Восток» или, для простоты — «Восточная политика»). Официальная цель программы — активное развитие экономических и политических связей со странами Восточной Азии (как США, так и ЮВА), участие в многосторонних структурах АТР. Лежащее в основе этой цели намерение, которое, к слову, также не редко оглашается индийскими экспертами и политиками — стремление обеспечить «разумный баланс региональных сил». Причем многие индийские эксперты и политики практически не скрывают, что главным объектом политики баланса является объективно главный исторический конкурент, основной, как считают в Индии, источник и «субъект потенциальной угрозы» в регионе — поднимающийся Китай.

К примеру, комментируя оглашенные в конце мая 2014 г. новым премьер-министром страны Нарендрой Модии 10 приоритетов политики правительства, влиятельное издание «Таймс оф Индия» сопровождало их перечислением шести приоритетов страны на внешней арене. Первым из них был назван поиск ответа на «большой вызов» со стороны Китая, чей «подъем и агрессивное поведение вызывают озабоченность». С точки зрения географии и геополитики показательным выглядел и следующий пункт — «продвижение индийских интересов в Азии, в том числе за счет связей с Вьетнамом, Индоне-

зией, Сингапуром, также Австралией, которые также обеспокоены территориальной политикой Китая»⁶.

Основные направления Восточной политики: диалог Индия—АСЕАН

Восточная политика Дели носит комплексный характер и реализуется как в действующих в регионе международных, многосторонних форматах, так и на двусторонней основе.

Уже упомянутый формат *АСЕАН—Индия* лежал в основе политики «Обращения на Восток», начинавшейся как проект развития экономических связей прежде всего со странами Юго-Восточной Азии. Начавшись в 1992 г. в виде «секторальных» переговоров по нескольким отдельным темам, встречи АСЕАН—Индия в 1995 г. получили статус полноформатного диалога, охватывающего все сферы системы АСЕАН. А год спустя министр иностранных дел Индии впервые участвовал в официальных мероприятиях организации. Начальное десятилетие развития диалога с АСЕАН в Индии называют первой фазой осуществления «восточной политики».

В 2002 г. встреча Индия—АСЕАН впервые прошла на уровне саммита, тем самым была завершена институционализация данного формата, который с той поры стал охватывать практически все структурные «этажи» и направления взаимодействия между сторонами, в частности в сфере экономики.

С этим моментом связывают вступление «Восточной политики» во вторую фазу, когда в контексте отношений со странами ЮВА в Индии активно заговорили не только об экономических связях, но и задаче взаимодействия по политическим вопросам, прежде всего вопросам безопасности. Новый, теперь уже стратегический, уровень взаимодействия нашел отражение в подписании в 2004 г. Индией Договора с АСЕАН о мире, сотрудничестве и дружбе. Был также принят документ, содержащий дорожную карту сотрудничества до 2020 г., который включил как экономические (трансрегиональная инфраструктура, энергетика, транспорт и связь, инновации и сельское хозяйство, торговля и инвестиции), так и политические (борьба

с терроризмом и пиратством, предотвращение распространения оружия массового уничтожения, продвижение мер доверия и профилактики и мирное разрешение конфликтов) сферы сотрудничества. Таким образом, диалог Индия—АСЕАН приобрел выраженный диверсифицированный характер. Достаточно сказать, что ныне формат Индия—АСЕАН — это механизм из 25 переговорных дорожек, охватывающих широкий спектр проблем, прежде всего вопросов региональной безопасности и экономической интеграции⁷.

В сфере экономического взаимодействия между Индией и АСЕАН действует зона свободной торговли товарами, которую, ныне решено распространить на сферы услуг и инвестиций. Это позволит добиться к 2015 г. объема торговли на уровне 100 млрд долл., а еще через 10 лет удвоить эту цифру. Торговля Индии со странами АСЕАН в 2013/2014 бюджетном году составила 74,8 млрд долл.⁸ Хотя это несколько меньше, чем в рекордном 2010/2011 г. (80 млрд)⁹, для Индии это в любом случае — самый высокий показатель с точки зрения торговли в рамках многосторонних объединений.

Суммой в 43 млрд долл. измеряется объем прямых инвестиций из АСЕАН в Индию и обратно¹⁰. Среди важных многосторонних проектов в регионе, продвигаемых с участием Индии — с сооружением шоссе Индия—Мьянма—Таиланд, с последующим возможным продолжением до Лаоса и Вьетнама¹¹.

Индия активно участвует и в политических проектах АСЕАН — работе форума АРФ, заседаниях Восточноазиатских саммитов (ВАС), форума министров обороны.

Дели подчеркивает свое желание вместе с АСЕАН и созданными на его базе структурами целенаправленно работать для создания в регионе «открытой, сбалансированной, транспарентной региональной архитектуры», расширять круг вопросов глобальной и региональной безопасности и вести по ним более углубленные консультации».

В ВАС Индия активно поддерживает выдвинутые этой структурой инициативы, такие, например, как проект заключения Регионального соглашения о комплексном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership), сама Индия выступила с идеей Азиатского экономического сообщества (АЭС)¹².

Двусторонние связи в ЮВА

Важной задачей многоцелевой «восточной политики» Дели является развитие не только связей с АСЕАН как организацией, но и сотрудничество на двусторонней основе со странами-членами. Такое сотрудничество часто имеет статус стратегического партнерства. Примечательно при этом, что большое внимание в такой двусторонней кооперации Индия и ее партнеры в ЮВА уделяют вопросам обороны и безопасности.

Эксперты обращают внимание на *дифференцированный подход Дели*, в рамках которого выделяются особенности курса в отношении «старых» и «новых» (государства Индокитая) членов АСЕАН: одновременность подключения к работе АСЕАН и особенности политики «новых» участников, согласно этим оценкам, видятся в Дели как фактор общих интересов и близости позиций. Не случайно в рамках МИД Индии действует специальный департамент Мьянмы, Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Тем не менее, с точки зрения интенсивности связей наиболее высокий и разноплановый уровень присутствует в отношениях Индии как раз со «старыми членами» — с Сингапуром, Индонезией, Малайзией, отчасти Таиландом. С самого начала участия в структурах АСЕАН, Индии, по оценкам наблюдателей, удавалось поддерживать наиболее тесные связи с **Сингапуром**. Не случайно Сингапур и сегодня — региональный лидер по объему экономического сотрудничества с Индией (по статистике Индии в 2013/2014 бюджетном году — почти 20 млрд долл. двусторонней торговли)¹³.

При этом весомы двусторонние контакты и в политической сфере и, что особенно примечательно, заметной доверительностью характеризуются связи в оборонной сфере: здесь действует ряд межгосударственных соглашений (об совместных маневрах, обменах, подготовка специалистов) в соответствии с которыми проводятся сухопутные, воздушные и морские учения. Примером служит пятилетнее «учебное» присутствие подразделений сингапурских ВВС на базе Калайкунда в Западной Бенгалии — случай уникальный для Индии, запрещающей наличие иностранных контингентов на своей территории¹⁴.

С точки зрения экономической статистики вторым региональным партнером Индии в АСЕАН является **Индонезия** (двусторонний торговый оборот в 2013/2014 г. — 19,3 млрд долл.)¹⁵. Отношения двух стран поддерживаются и укрепляются во многих сферах, чему способствовал визит премьер-министра Индии в Индонезию в январе 2011 г.

Развивается сотрудничество в сферах безопасности и обороны. Имеется юридическая база такого сотрудничества, налажен регулярный диалог на уровне министров обороны, в Индии активно обучается индонезийский военный персонал различных видов войск, проводятся совместные морские мероприятия (совместное патрулирование).

В отношениях с **Малайзией** также весьма высоки компоненты не только экономического сотрудничества (13,4 млрд долл. двусторонней торговли, 3-й показатель в АСЕАН), но и взаимодействия по вопросам безопасности. Важным событием для связей двух стран был визит в Куала-Лумпур индийского премьер-министра в 2010 г., когда было подписано, в частности, Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве. В рамках ряда соглашений Индия с 1993 г. ведет подготовку малайзийских пилотов для полетов на истребителях МиГ и Су, проводятся совместные военно-морские маневры по борьбе с терроризмом и пиратством.

В контексте обострения территориальных споров в ЮКМ особое значение приобретает **индийско-вьетнамское** сотрудничество. Торговля двух стран, несмотря на не самые крупные в регионе объемы (8 млрд долл.) находится в положительной динамике, лишь за последние три года увеличившись в 2,2 раза.

Вьетнам был первой страной, с которой Индия подписала соглашение о стратегическом партнерстве (Совместная декларация 2007 г.). Налажено несколько дорожек диалога по вопросам безопасности — механизм политических консультаций (с 2006 г.) а также стратегический диалог (с 2009 г.). В оборонной области имеются соглашения о регулярных контактах на уровне высших руководителей военных ведомств, об обменах, обучении персонала, поставках запчастей для военной техники и т. п. На фоне конфликтов по территориальным вопросам в ЮКМ Вьетнам одобрительно относится к присутствию индийских ВМФ в данном регионе, приветствует по-

зицию Индии, выступающей за мирное разрешение региональных территориальных споров¹⁶.

Новым подтверждением развития отношений двух стран стал визит во Вьетнам в сентябре президента Индии П. Мукерджи. В подписанных документах стороны подчеркнули, в частности, намерение сотрудничать в вопросах обеспечения «мира, стабильности и процветания в Азии»¹⁷.

Повышенное внимание — как «мосту» в ЮВА и непосредственному соседу, Индия уделяет **Мьянме**. Дополнительная важность этой страны для Дели определяется также тем влиянием, которое положение в этой стране объективно оказывает на ситуацию в географически достаточно «изолированных» штатах индийского северо-востока. Кроме того, Индия заинтересована в получении из Мьянмы углеводородов, учитывает стратегическое положение Мьянмы сточки зрения поддержания устойчивого баланса сил в Бенгальском заливе и во всей восточной акватории Индийского океана. Вот почему Дели весьма чувствителен к связям с Мьянмой, внимательно наблюдает за ее международными связями и внутренней обстановкой, в частности, с настороженностью относится к активности, которую проявляет здесь КНР. К примеру, индийские наблюдатели с озабоченностью указывают на участие Китая в строительстве ряда стратегических объектов в Мьянме, в частности, модернизации военной базы в пункте Ситве (Sittwe), что находится в непосредственной близости от индийской Калькутты.

С целью укрепления двусторонних связей в 2012 г. в Мьянме побывал индийский премьер-министр. В данном контексте в Индии возлагают надежды на реализацию упомянутых выше транспортных проектов (шоссе Индии—Мьянма—Таиланд). Объем экономических связей между двумя странами сравнительно невелик — 2,2 млрд долл.

При этом заметны связи в сфере безопасности. Поддерживается диалог высокопоставленных военных, Индия предлагает свои услуги по подготовке военных офицеров, проводятся учения. Наблюдатели отмечают тот факт, что единственной страной, куда Мьянма отправляет на маневры свои корабли — это Индия.

Сотрудничество по вопросам экономики и безопасности развивается также с **Таиландом и Филиппинами**. Причем, если торговля

Индии с Таиландом достаточно заметна (9 млрд долл.), то с Филиппинами она впятеро меньше. При этом с обеими странами Дели поддерживает заметный уровень оборонного сотрудничества. В 1995 г. Индия провела с ними первые совместные военно-морские маневры. Позже с Таиландом они стали проводиться регулярно. Причем Таиланду предоставлено право в учебных целях пользоваться нужной индийской инфраструктурой. С Филиппинами с 2012 г. действует соглашение об экспертных обменах в сфере военной подготовки и информации, об обмене инструкторами, визитами подразделений ВМФ и ВВС.

Индия поддерживает определенный объем связей также с **Лаосом и Камбоджей**, хотя он по объективным (историческим и пр.) причинам менее заметен. В частности, действует ряд проектов по оказанию помощи со стороны Индии (восстановление объектов исторического наследия и т. п.).

Картина региональных связей Индии была бы неполной без упоминания **Австралии и Новой Зеландии** (формально находящиеся за пределами ЮВА). Если торговля с Новой Зеландией невелика — менее 1 млрд долл., то Австралия является далеко не последним торговым партнером Индии, причем играет немалую роль в индийском импорте углеводородов и других ресурсных позиций.

Не менее важны и определенные расчеты на сотрудничество в сфере безопасности. По меньшей мере, в 2007 г. имели место совместные индийско-американские военные учения Малабар-2007, в которых также участвовали Австралия, Япония и Сингапур¹⁸.

Свидетельством развития индийско-австралийских отношений стал в сентябре 2014 г. визит в Индию премьер-министра Австралии, в ходе которого были подписаны важные документы по сотрудничеству в энергетике и других сферах¹⁹.

* * *

Иными словами, курс Дели в Юго-Восточной Азии, исторически сложившийся как ядро стартовавшей в начале 1990-х «восточной политики», направлен на обеспечение «двух групп» интересов

Индии — продвижение экономического сотрудничества, а также укрепление ее стратегической, оборонной безопасности.

Курс этот носит комплексный характер, включает как участие в международных структурах, прежде всего в структурах АСЕАН, так и развитие взаимодействия на двусторонней основе.

В АСЕАН Индия полновесно участвует в деятельности всех доступных структур (АСЕАН+1, АРФ, ВАС), испытывает повышенный интерес к региональным транспортным и инфраструктурным проектам, разделяет идеи либерализации региональной торговли и других форм экономической кооперации, поддерживает другие интеграционные проекты, в том числе нацеленные на укрепление региональной безопасности и стабильности.

В двустороннем плане основными чертами политики Индии в отношении государств ЮВА также является сочетание экономических интересов, а также соображений безопасности, которые часто продиктованы опасениями перед лицом подъема Китая. Соответственно практические шаги Дели направлены на углубление торговых и инвестиционных связей, формирование двусторонних механизмов поддержания регулярного диалога по вопросам военного сотрудничества и обороны. Последние, как правило, опираясь на соответствующую договорную базу, включают встречи и консультации высокопоставленных военных, проведение военных маневров, обучение персонала (как правило, в Индии), обмена на различных уровнях и в различных военных сферах, техническое сотрудничество и т. п.

Наиболее интенсивный уровень как экономических, так и иных контактов Индия поддерживает с Сингапуром, Индонезией, Вьетнамом, Малайзией, Таиландом. Чувствительны интересы Дели в соседней Мьянме.

Политика в Северо-Восточной Азии: сочетание безопасности и экономики

Начатая в 2003—2004 гг. вторая фаза «восточной политики» имела особенностью не только углубление и целевое расширение политики в ЮВА, но и выход за ее пределы: она официально стала рас-

пространяться и на «отдаленных соседей» — страны Северо-Восточной Азии, а также Австралию и Новую Зеландию.

Поскольку в Северо-Восточной Азии отсутствует сколько-нибудь заметная интеграционная структура по типу АСЕАН в ЮВА, политику Индии в этом регионе уместно рассматривать в виде ее отношений с основными странами региона. Причем, исходя из того, что связи с США в Дели видят составной частью «восточной политики», на них, надо полагать, возлагаются в целом те же задачи, что и в ЮВА: продвигать экономические интересы Индии, укреплять ее стратегическую безопасность, в том числе «перед лицом китайского вызова».

В связи с этим имеет смысл, прежде всего, обратиться к «китайской политике» Дели. В нынешнем столетии в ней отчетливо присутствуют две тенденции: с одной стороны, прагматичное стремление наладить добрососедский диалог с мощным соседом, с другой — целый ряд мер направленных на то, чтобы сбалансировать, говоря объективно, «сдержать» его динамичный рост (прежде всего, в военной сфере), поскольку в Индии велики опасения по поводу потенциальной агрессивности и экспансии Китая. Заметим, что в основе таких опасений во многих сегментах индийского общества лежит историческая память об унижительном для страны итоге китайско-индийской войны 1962 г., убежденность в ее агрессивном со стороны КНР характере, а также в том, что в 1950—1960-е годы Китай незаконно захватил значительную часть (свыше 43 тыс. кв. км) индийских земель.

В рамках первой тенденции, с учетом встречных шагов Пекина, который также настроен на развитие межгосударственных отношений, в последние годы достигнуты немалые результаты. Несмотря на длительность периода фактической заморозки отношений, затянувшегося в целом почти на четверть века, после их официальной нормализации (1988 г.) стороны активно приступили к конструктивному диалогу, который стал особенно заметным с началом текущего столетия.

В 2003 г. было подписано принципиально важное Соглашение о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве, а спустя два года — Декларация о стратегическом характере двусторонних отно-

шений. К настоящему времени создан многоярусный и многопрофильный механизм межгосударственного диалога: от ежегодных встреч в формате премьер-министр Индии — глава правительства/председатель КНР до регулярных переговоров по линии МИД, многочисленных секторальных министерств, агентств и ведомств. Действуют специальные структуры стратегического (важные политические вопросы), экономического диалога. Сотрудничают, проводят совместные учения военные двух стран. Взаимодействуют пограничники, службы по борьбе с терроризмом.

Торговля между двумя странами с мизерных 1,6 млрд долл. в 1995 г. за полтора десятилетия выросла почти в 50 раз — до рекордных по сей день почти 74 млрд долл в 2011 г. Заметных, хотя и далеких от идеала, отметок достигло и инвестиционное сотрудничество.

Важным достижением как для Дели, так и для Пекина можно считать сотрудничество по вопросам обороны и безопасности. В этой сфере выстроен регулярный диалог между руководителями министерств обороны, с 2003 г. практикуются двусторонние военные учения, различные обмены.

Однако все перечисленное развивается на фоне ряда сохраняющихся серьезных противоречий, определяющих вторую, негативную тенденцию отношений. С точки зрения Индии, Китай отказывается «справедливо решить» территориальный вопрос, в рамках которого, как отмечалось, по версии Дели КНР «незаконно оккупирует свыше 40 тыс. кв. км в западном секторе границы. В свою очередь КНР оспаривает принадлежность Индии 90 тыс. кв. км в восточном секторе.

Ведущиеся (с перерывами) с начала 1980-х годов пограничные переговоры пока не приносят результатов. Между тем имеют место пограничные инциденты в спорных районах, в ходе которых Индия регулярно обвиняет Китай в «многочисленных» (до нескольких сот в год) нарушениях границы. К счастью, уже минимум полтора десятилетия они бескровны и обходятся без выстрелов, но общую картину отношений отнюдь не укрепляют. Тем более, что и Дели, и Пекин периодически обвиняют друг друга в «опасном приграничном военном строительстве».

Кроме того, Дели с неизменным подозрением следит за отношениями между КНР и неизменным китайским партнером в Южной Азии, но, одновременно, главным региональным противником Индии — Пакистаном.

Недовольны в Индии и активностью КНР в других сопредельных странах, включая упомянутую Мьянму, а также обозначившимся присутствием китайских ВМС в Индийском океане²⁰. Яблоком раздора служит также присутствие на индийской территории Далай-ламы, которому Индия вместе тысячами его сторонников дала приют после событий в Тибете в 1959 г.

Имеют место экономические трения, когда, к примеру, Дели подозревает партнеров в демпинговой политике и неоправданном стремлении проникнуть в стратегические области индийской экономики.

Отдельным вопросом двусторонних отношений видится «американский фактор». США, активизировавшие свою политику в АТР, не скрывают, что основным к этому мотивом является намерение «сдержать Китай». При этом не секрет, что в контексте развития обстановки в Азии и АТР Вашингтон, разрабатывая антикитайские сценарии, уже не первый год отводит в них важное место Индии, стремится, как полагают многие эксперты, «превратить ее в основной региональный фактор, направленный против Китая»²¹.

Понятно, что в Дели имеют в виду возможности «политики баланса» на китайском направлении, проистекающие из активно развивающихся в последние годы связей с Вашингтоном. Очередным свидетельством внимания индийского руководства к «американскому направлению» стал визит Н. Моди в Вашингтон в конце сентября 2014 г.

Но, надо полагать, индийские политики с не меньшей ясностью осознают и те опасности, которые связаны с «утратой возможности выбора», с вовлечением в орбиту американской политики и риском потерять собственные позитивные наработки в связях с КНР. В любом случае сегодняшнее положение в треугольнике Индия—КНР—США — фактор, который скорее осложняет индийско-китайские отношения.

При этом системной проблемой двусторонних связей между Индией и КНР видится дефицит стратегического доверия, который порожден как историческими причинами, так объективным соперничеством в ходе параллельного подъема обеих стран. Из Дели, похоже, это выглядит как нежелание Пекина на деле признавать глобально-региональные интересы Индии, помноженное на неопределенность долгосрочной политики Китая после его достаточного усиления. Не случайно, в значительной части индийской элиты, полагают, что «главной целью Пекина в АТР остается утверждение моноцентричности в Азии под китайским руководством, а Индия при этом отодвигается во «второй эшелон»²².

В целом, особенно на официальном уровне нынешних отношений превалирует первая, позитивная тенденция, причем есть основания полагать, что она сохранится по крайней мере в краткосрочной перспективе. Не случайно в мае 2013 г. новый премьер Госсовета КНР свой первый после вступления в должность зарубежный визит совершил именно в Индию. А год спустя во время первых контактов, который провел с Пекином новый премьер-министр Индии Н. Моди (телефонный разговор с Ли Кэцяном, переговоры в Дели со спецпосланником председателя КНР, главой китайского МИД Ван И), стороны подчеркнуто говорили о «потенциале еще большего сотрудничества» и преобладании «общих интересов над расхождениями», о приоритетности отношений друг с другом и приверженности «совместному развитию» и укреплению отношений²³. Достигнута договоренность о ряде (не менее пяти) встреч в течение 2014 г. между главами и заместителями глав правительств, руководителями внешнеполитических ведомств.

Наглядным свидетельством в пользу развития позитивной тенденции стал визит (17—19 сентября 2014 г.) в Индию Председателя КНР Си Цзиньпина. В ходе этого события, неординарного даже для нынешнего, достаточно благоприятного периода отношений (предыдущий визит главы КНР в Индию имел место за 8 лет до этого), было подписано 16 различных соглашений²⁴.

Впервые встретившиеся друг с другом Си Цзиньпин и Н. Моди вновь подтвердили готовность всемерно развивать диверсифицированный партнерский диалог, в частности в инвестиционной сфере.

В ближайшее время КНР намерена вложить в индийскую экономику около 20 млрд долл., которые будут направлены в инфраструктурные и производственные проекты. Лидеры двух стран заявили о намерении сотрудничать по глобальным вопросам, представляющим взаимный интерес, декларировали стремление содействовать созданию «открытой, транспарентной, равноправной и инклюзивной» системе безопасности и сотрудничества в АТР. Стороны выступили за развитие взаимодействия на многосторонних площадках, включая БРИКС, а также ШОС, где КНР заявила о своем приветствии вступления Индии в число полноправных членов этой организации²⁵.

Тем не менее, проблемы двусторонних отношений (пограничная и др.) остаются, причем скорого их решения вряд ли стоит ожидать.

Применительно к Северо-Восточной Азии развитие отношений между **Индией и Японией** выступает в данном контексте как средство (помимо других соображений), которое, как считают в Индии, может помочь избежать негативных сценариев, связанных с «вызовами/угрозами со стороны КНР». Другим для Дели импульсом к сближению с Токио эксперты называют экономические интересы, а также соображения безопасности в связи с обострением ядерной проблемы Корейского полуострова (испытания и ракетные пуски, о которых объявили в Пхеньяне).

Достаточно очевидно, что встречные интересы к развитию связей — экономика, укрепление позиций в территориальных спорах с соседями и т. п. — имеются и у Японии. В любом случае не стало случайным, что в ходе визита в Токио, который в августе 2014 г. совершил премьер-министр Н. Моди, стороны повысили уровень двусторонних отношений до статуса «отношений особого и глобального стратегического партнерства» (Special Strategic and Global Partnership)²⁶.

Между странами налажен регулярный диалог на высшем и высоком уровнях. С 2005 г. главы правительств обеих стран ежегодно обмениваются официальными визитами. В 2006 г. в результате такого визита в Токио премьер-министра Индии связи двух стран были объявлены как отношения «глобального стратегического партнерства». В октябре 2008 г. была подписана двусторонняя Дек-

ларация о сотрудничестве в области безопасности. А в 2010 г. взяли старт встречи в формате 2+2 (министры обороны и иностранных дел с обеих сторон). Сотрудничество развивается во многих сферах, ключевые из которых можно определить как экономика и безопасность.

Торговля двух стран за истекшие 10 лет более чем утроилась (16,3 млрд в 2013/2014 гг.). Развитию стратегического сотрудничества двух стран способствовало также и подписание в феврале 2011 г. Соглашения о свободной торговле — СЕРА (Comprehensive Economic Partnership Agreement), вступившее в силу в августе 2012 г.²⁷

Индия ряд последних лет является крупнейшим получателем в рамках реализуемой Токио программы финансово-экономической «помощи для целей развития». Средства используются на инфраструктурные проекты, например строительство делийского метро и т. п.

Большое внимание уделяется энергетической безопасности; в данной сфере стороны рассчитывают нарастить сотрудничество в ядерной энергетике, причем, Индия, планирующая построить немалое число АЭС, несмотря на пример Фокусимы, надеется на японские технологии.

Активно развиваются также связи между вооруженными силами двух стран, включая силы береговой охраны. Морские пограничники двух стран регулярно проводят военные учения, обмениваются визитами. В 2012 г. в Индии с визитом были корабли Сил самообороны Японии²⁸. Как считают специалисты, в плане военного партнерства Япония и Индия стремятся развивать оперативную совместимость между военно-морскими силами обеих стран, чтобы они, согласно выражению японского премьер-министра Синдзо Абэ, «были объединены в единую гармоничную систему»²⁹.

Стороны продвигают сотрудничество по линии ВТС, которое стало особенно актуальным после того, как в 2011 г. Япония объявила о частичном снятии запрета на экспорт оружия.

Взаимному сближению способствует также участие обеих стран в неформальной «Группе четырех», где вместе с Германией и Бразилией они добиваются повышения своего статуса в ООН.

«Дружественными» и «партнерскими» наблюдатели, как правило, называют отношения **Индии и Республики Корея**. Между двумя странами — участниками «движения неприсоединения» (отношения Юг—Юг, разоружение и пр.) высокая степень близости позиций по важным международным вопросам. Действует двустороннее соглашение о всестороннем экономическом партнерстве. Двусторонняя торговля в последние три года составляет порядка 16—17 млрд долл. (15-й внешнеторговый партнер Индии). В сфере безопасности стороны подписали в 2005 г. Меморандум о взаимопонимании по вопросам оборонных поставок и логистики. Двумя годами позднее прошли первая встреча и «консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес», между министрами обороны. Разнообразные контакты, в том числе в сфере безопасности, усилились с подписанием в 2010 г. в ходе визита президента РК в Индию Декларации о стратегическом партнерстве. Как подчеркивают индийские эксперты, сотрудничество с РК обещает Индии хорошие перспективы в области ВТС, поскольку «хорошо известны корейские возможности в области военных технологий»³⁰.

Заметные контакты Индия поддерживает с **Монголией**. Между странами действует Соглашение о всеобъемлющем партнерстве. На фоне того, что объем торговли между странами относительно скуден (максимум 50 млн долл в 2010—2011 гг.), развивается диалог по вопросам экономики, а также обороны и безопасности, для чего созданы, к примеру, Рабочая группа по гражданской ядерной энергетике, Совместная рабочая группа по оборонному сотрудничеству. Проводятся совместные военные учения.

Объем **связей с КНДР у Индии**, как и у многих других стран, не велик. Тем не менее, в индийском МИД называют двусторонние отношения «теплыми». Уровень двусторонней торговли незначителен, но намного превосходит приведенный объем торговли с той же Монголией — 450 млн долл. Совместно с Пхеньяном Дели реализует ряд гуманитарных проектов, таких, как продвижение курсов английского языка, в 2012 г. Индия участвовала в кинофестивале в столице КНДР.

«Теплый» характер отношений с Пхеньяном не помешал Дели вместе с многими другими странами выступить с критикой руково-

дства КНДР в связи с ракетными пусками и проведенными там ядерными испытаниями. Индия, которая, как известно, состоит вне Договоров о нераспространении ядерного оружия и Договора о временном запрещении ядерных испытаний, но не упускает случая подтвердить негласный статус «ответственного блюстителя» режима ядерного нераспространения, выступает за денуклеаризацию Кореи, проявление сдержанности на полуострове, за возобновление шестисторонних переговоров.

Индия—АТЭС и российский фактор

Хорошо известно, что в регионе Восточной Азии и АТР действует крупнейшее региональная структура — форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), объединяющий экономики 21 страны, на которые приходится свыше 57 % мирового ВВП и 48 % объема мировой торговли. Индия пока не входит в АТЭС, но подает заявление на вступление в число участников форума³¹.

Россия, являющаяся как страна АТР деятельным членом АТЭС, активно добивается включения Индии в состав форума, справедливо полагая, что интеграция южноазиатского гиганта в эту структуру поможет, в частности, укрепить экономические связи в юго-западном сегменте АТР и обогатить содержание внешнеэкономической деятельности государств региона.

В этом, к слову, можно видеть именно «восточноазиатское измерение» **индийско-российских отношений**. Индия и РФ — страны, исторически не имевшие двусторонних политических проблем, поддерживающие отношения «привилегированного стратегического партнерства», имеют во многом совпадающие интересы в Восточной Азии и АТР. Причем, поддерживая желание Индии играть большую региональную роль, Россия выступает за укрепление взаимопонимания между Дели и Пекином, устранение индийско-китайских разногласий³².

Как полагают эксперты, в условиях не до конца угасшего экономического кризиса индийский опыт взаимодействия начал «плана» и «рынка», апробированный к тому же в структурах АСЕАН, может

оказаться весьма востребованным и в АТЭС. Тем более, что со многими из стран Восточной Азии (они составляют в АТЭС большинство), как показано выше, Индия подписала важные документы об экономическом сотрудничестве.

* * *

Политика Индии в СВА по своим целевым характеристикам во многом схожа с курсом в ЮВА. Она направлена не только на обеспечение экономических интересов страны, но и в серьезной степени ориентирована на укрепление ее безопасности на «восточном направлении».

Для реализации этих задач Дели активно развивает политические, экономические и другие отношения со странами региона, причем с главными из них — КНР, Японией, РК они обрели статус стратегических (случае с Японией — еще и «особых и глобальных»).

В СВА еще более отчетливо проявляется один из основных движущих мотивов «восточной политики» Дели, связанный с видением Китая как одного из серьезных вызовов индийским интересам. Здесь в результате пересечения устремлений различных игроков формируются (либо дают о себе знать) различные политические конфигурации (Индия—Япония—КНР, Индия—КНР—США, США—КНР—Япония—Индия) в рамках которых Индия осуществляет политическое маневрирование с целью оптимально реализовать поставленные задачи.

Региональные цели Индии, имея в виду ее курс в Восточной Азии, не имеют видимых противоречий с задачами российской политики, что открывает возможности для эффективного регионального взаимодействия двух стран в духе «привилегированного партнерства».

В конечном итоге по своей объективной направленности «восточная политика» Индии — это линия страны, заинтересованной в региональной стабильности и экономической интеграции, отсутствии здесь очагов напряженности, страны, рассчитывающей на признание ее устремлений как крупной державы, участвующей в формировании трансрегиональной повестки дня.

Примечания

- ¹ Синьхуа. 29.09.2014.
- ² URL: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/india.htm>
- ³ URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weorept.aspx?sy=1997&ey=2013&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C534%2C111&s=NGDPD%2CPPPSH&grp=0&a=&pr.x=62&pr.y=7>; показатели КНР за этот же период — соответственно 10, 4, 12, 4 %.
- ⁴ «BRICS AND BEYOND». Goldman Sachs study of BRIC and N11 nations, November 23, 2007. URL: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/BRIC-Full.pdf>
- ⁵ URL: <http://meaindia.nic.in/mystart.php?id=530119102>.
- ⁶ URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/PM-Modi-outlines-priorities-tells-ministers-to-focus-on-governanPM/articleshow/35717768.cms>
- ⁷ URL: <http://www.mea.gov.in/Images/pdf/India-foreign-relation-2012.pdf>. P. 456.
- ⁸ URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnttopn.asp>
- ⁹ URL: <http://www.mea.gov.in/Images/pdf/India-foreign-relation-2012.pdf>. P. V.
- ¹⁰ URL: <http://www.mea.gov.in/Images/pdf/India-foreign-relation-2012.pdf>. P. 457.
- ¹¹ URL: <http://www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?20981/Opening+Statement+by+Prime+Minister+at+Plenary+Session+of+IndiaASEAN+Commemorative+Summit>
- ¹² См.: URL: <http://www.mea.gov.in/Images/pdf/India-foreign-relation-2012.pdf>. P. 454—459. История Индии. XX век. Ч.3. Внешняя политика Индии. URL: http://www.plam.ru/hist/istorija_indii_xx_vek/p4.php; Седьмой Восточноазиатский саммит в Пномпене. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document231109.phtml>
- ¹³ URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnttopn.asp>
- ¹⁴ India's Look East Policy: In its Second Phase//Global Journal of Pharmaceutical Sciences and Education. Volume 2, Number 1 (2013). Pp. 1—14. Research India Publications. URL: http://www.ripublication.com/gjpsv1n1_01.pdf
- ¹⁵ URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnttopn.asp>
- ¹⁶ Global Journal of Pharmaceutical Sciences and Education. Volume 2, Number 1 (2013). Pp. 1—14. Research India Publications. URL: http://www.ripublication.com/gjpsv1n1_01.pdf
- ¹⁷ Joint Communiqué between the Socialist Republic of Vietnam and the Republic of India (Hanoi, 15 September 2014). URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/23997/Joint+Communiqu+between+the+Socialist+Republic+of+Vietnam+and+the+Republic+of+India+Hanoi+15+September+2014>.
- ¹⁸ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Exercise_Malabar

¹⁹ MOUs/Agreements signed during the visit of Prime Minister of Australia to India (4—5 September, 2014). URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/23975/MOUsAgreements+signed+during+the+visit+of+Prime+Minister+of+Australia+to+India+45+September+2014>

²⁰ Очередные маневры ВМС КНР прошли в феврале 2014 г. в восточной части Индийского океана, вызвав волну обеспокоенных откликов не только в Индии, но и в Австралии, других странах региона. URL: <http://navoine.ru/china-naval-line.html>

²¹ URL: <http://asiapacific.anu.edu.au/blogs/southasiamasala/2010/07/07/india-%E2%80%98looks-east%E2%80%99-as-history/>

²² Цит. по : URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2012/08/29/india-i-ates-pole-vzaimnogo-pritjazhenia-16272.html>

²³ URL: <http://pmindia.nic.in/details59.php>; <http://pmindia.nic.in/details16.php>; <http://english.people.com.cn/n/2014/0610/c90883-8739003.html>

²⁴ List of Documents signed during the State Visit of Chinese President Xi Jinping to India. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24012/List+of+Documents+signed+during+the+State+Visit+of+Chinese+President+Xi+Jinping+to+India>

²⁵ Joint Statement between the Republic of India and the People's Republic of China on Building a Closer Developmental Partnership. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24022/Joint+Statement+between+the+Republic+of+India+and+the+Peoples+Republic+of+China+on+Building+a+Closer+Developmental+Partnership>; Синьхуа, 19.09.2014

²⁶ Tokyo Declaration for India — Japan Special Strategic and Global Partnership. September 01, 2014. URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?23965/Tokyo+Declaration+for+India++Japan+Special+Strategic+and+Global+Partnership>

²⁷ URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/83223/>

²⁸ URL: http://www.ripublication.com/gjpsv1n1_01.pdf

²⁹ URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/83223/>

³⁰ URL: http://www.ripublication.com/gjpsv1n1_01.pdf

³¹ URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2012/08/29/india-i-ates-pole-vzaimnogo-pritjazhenia-16272.html>

³² Российский фактор применительно к «восточной политике» Индии и, в частности, к индийско-китайским отношениям может быть отчетливо представлен на примере развития действующего с 2001 г. диалогового формата РИК (Россия—Индия—Китай).

Доклады на круглом столе в ИДВ 25 июня 2014 г.

ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ РЕГИОНА

В.М. Мазырин

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Конец американского мирового порядка

Сегодня геополитическая обстановка приняла в Азии совсем другой вид, самым явным образом демонстрируя тенденцию к глубоким изменениям. Важные факторы, обусловившие подобный переход, включают в себя возрождение могущества России, возвышение Китая и других развивающихся держав, «нормализацию» Японии, ослабление США и так далее.

Ситуация, сложившаяся в последнее время на Украине, — как раз результат конфликта геополитических интересов России и стран западного блока. После распада Советского Союза Европа и США воспользовались этой возможностью и расширили сферу своих интересов прямо до границ России. Но Россия встала на путь возрождения своей мощи и, естественно, начала восстанавливать свое геополитическое положение — по крайней мере, в тех моментах, которые Москва считает ключевыми.

Неприкрытый вызов США и НАТО, брошенный Россией, фактически поддержали остальные страны БРИКС, воздержавшись при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН по поводу резолюции, отрицающей законность крымского референдума. Эти страны не хо-

тят оставлять нынешний международный порядок без изменений и быть послушными диктату США.

Напрашивается важный вопрос: чем сменится нынешний де-факто однополярный мир? Многие эксперты высказывают мнение, что мы движемся к многополярному миру. Некоторые предсказывают биполярную систему США и Китая — своего рода «Большую двойку» — G2 (Chimerica). Такая региональная структура не обязательно означает, что всем заправляют Америка и Китай. Создание подобной структуры потребует от двух держав уважения к интересам другой стороны, а также установления довольно высокого уровня взаимного доверия.

Но, вероятно, нарождающийся мировой порядок должен быть не биполярным и даже не многополярным, а многогранным. Многогранный мир предполагает наличие многих мировых и региональных держав, объединенных в сложные формы взаимозависимости.

Поддержание стабильности многогранного мира потребует новых форм международного сотрудничества, где лидерство распределено, а не монополизировано одной страной. Необходимо будет провести существенное реформирование международных институтов и способствовать появлению большего количества таких организаций, как G20. Очень важны региональные механизмы поддержания мира и устойчивости.

Если Америка постепенно перестает быть частью азиатского порядка и по мере сокращения своих возможностей пересмотрит свою политику в регионе, что маловероятно, то структура Азии будет зависеть от действий Китая, Японии и других держав региона. Если им удастся наладить сотрудничество, то может сформироваться естественная структура международных отношений. В этот раз она будет системой сотрудничества между равными государствами. Мысль об азиатской системе взаимной безопасности, на которую Китай делал упор на недавнем саммите СВМДА, была именно об этом.

Однако, исходя из сложившейся геополитической ситуации, будущее Азии в целом и восточной ее части в отдельности может развиваться и по негативным сценариям.

Вариант первый: холодная война мирового масштаба. Китайско-американские отношения развиваются в том же русле, что и

сейчас, что в итоге приводит к открытому противостоянию и к псевдохолодной войне. «Псевдо» подразумевает, что США будут выступать в поддержку интересов своих союзников, а не прямо вести холодную войну с оппонентами. Однако такая псевдохолодная война может перекинуться на весь мир.

Вариант второй: локальная холодная война. Этот вариант более вероятен в отношениях между Китаем и Японией с ее союзниками. Даже без участия Америки азиатские страны, вовлеченные в территориальные споры с Китаем (например, Япония, Филиппины или Вьетнам), могут создать союз, из-за чего и развернется региональная холодная война, которая может перейти и в «горячую» фазу.

США

Стремительно набирает силу мнение о том, что эта ситуация представляет собой, прежде всего, признак общего ослабления США. Даже американские спецслужбы признают, что США останутся «первыми среди равных на фоне быстрого роста других стран, и эра международного американского господства, начавшаяся в 1945 г., стремительно движется к концу».

Хотя США останутся основной силой на международной арене, они уже не смогут больше строить мировой порядок соответственно своим интересам и взглядам. Америка останется лишь одним из столпов наряду с развивающимися странами, региональными силами и союзами между старыми и новыми державами, формирующими новый мировой порядок. Одно из принципиальных отличий многогранного мира будущего — это огромный рост взаимозависимости.

Есть те, кто разделяют позицию Филиппин и приветствуют расширение сотрудничества с США, и те, кто считают это ответом на наращивание Китаем усилий по укреплению своих позиций в вопросе спорных территорий в Южно-Китайском море.

Кроме того, есть Южная Корея и Япония, чьи расширенное сотрудничество в сфере безопасности и договоры о гарантиях безопасности с Соединенными Штатами послужили основанием для размещения на их территориях 50 000 американских военных. Не следует забывать и о Вьетнаме, военное сотрудничество с которым позволя-

ет США использовать стратегические порты этой страны для захода своих военно-морских судов.

Есть еще Австралия и Сингапур, традиционные союзники Соединенных Штатов, чья якобы глубокая приверженность одним и тем же ценностям позволяет им вовлекать США во все более масштабные военные операции, в ходе которых отрабатывается взаимодействие.

Неудачи в Ираке и Афганистане придали США дополнительный стимул переориентироваться на Азию. Руководители Соединенных Штатов подчеркивают, что их страна является одновременно и тихоокеанской, и атлантической державой. Ключ к экономическому развитию США и выходу из многолетнего экономического спада они видят в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Неудивительно, что в сфере интересов США в регионе входят вопросы обеспечения открытости морских путей сообщения и торговли, поддержания мира и безопасности, противодействия планам Северной Кореи в ядерной сфере, обеспечения открытости рынков и прозрачности военной деятельности.

Американская «дипломатия передового развертывания» подразумевает создание новых или укрепление существующих двусторонних альянсов в области безопасности, вовлечение всех стран АТР в многосторонние структуры (в них, кстати, входит и Китай) и поддержание эффективного военного присутствия в регионе с тем, чтобы обеспечить бизнесу столь необходимые для него предсказуемость и стабильность.

Союзнические соглашения США с Японией, Австралией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом остаются краеугольным камнем их стратегического позиционирования в АТР. Неудивительно, что эта цепь союзов рассматривается Китаем как инструмент сдерживания и усиливает напряженность в регионе.

Китай

Сегодня мы видим, что отношения Китая и США все больше развиваются в направлении новой холодной войны. Несмотря на то, что у Пекина и Вашингтона немного прямых пересечений геостра-

тегических интересов, но в таких вопросах, как споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, Америка четко занимает позицию своих союзников. Китай чувствует, что Вашингтон не собирается блюсти нейтралитет. В условиях, когда США следуют доктрине «враг моего друга — мой враг», отношения неизбежно развиваются в сторону ухудшения. Все это многократно усложняет задачу создания «нового формата отношений между державами».

В действительности главный вопрос в китайско-американских отношениях это вопрос мирного сосуществования. Пекин не испытывает желания заместить Америку в качестве мирового гегемона. Китай говорит, что он — не СССР и не имеет желания распространять свои интересы на «вотчину» США. Помимо этого, тяжело избавиться и от тесных экономических связей между двумя странами. Мирное сосуществование будет возможно только в том случае, если обе страны будут уважительно относиться к интересам другой стороны.

Если система американских союзов, направленных против третьей страны (то есть Китая), будет укрепляться и дальше, вступая в противоречие с интересами Пекина, то такое положение дел может, в конце концов, вынудить и Китай ступить на путь заключения союзов. Поскольку экономическая мощь страны растет с каждым днем, у КНР вряд ли возникнут проблемы с поиском союзников, и первый среди них — Россия.

Несмотря на так называемый мирный подъем Китая, он продолжает утверждать, что не является экспансионистской державой, но его политика в отношении спорных территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях свидетельствует об обратном. Продолжение этой агрессивной политики в отношении спорных территорий в Южно-Китайском море, безусловно, не способствует укреплению доверия к Китаю со стороны соседей. Демонстрация силы с помощью недавно приобретенного авианосца и стычек с конкурентами, такими, как Филиппины, Япония и Вьетнам, оспаривающими право контроля над спорными акваториями и изменение границ Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, повышает градус противостояния и усиливает неопределенность в регионе.

Япония

Сегодня Токио находится под прикрытием своего союза с Америкой, а также собирает вокруг себя блок местных стран, имеющих территориальные претензии к КНР (Филиппины, Вьетнам и так далее). Этот союз будет существовать совершенно независимо от американо-японского союза, и цель его создания совсем иная.

В связи с обострением конфликта между Японией и Китаем в Восточно-Китайском море усилилась и их борьба за влияние во всем мире. Япония и Китай все больше соперничают за влияние в различных регионах мира: в Юго-Восточной Азии, Африке и Европе.

Не менее напряженна их борьба за лояльность России, которая дорого стоит. В то время как стратегические интересы России в Азии в перспективе лежат ближе к Японии, чем к Китаю, существует ряд препятствий, которые будут замедлять и, в конечном счете, могут не допустить российско-японский союз. В любом случае, идеальным вариантом для России будет уклонение от союза с каждой из сторон, чтобы вместо этого следовать трехсторонней политике, которая вынудит обе соседние страны стремиться заполнить лояльность России.

Индия

За последний год контакты на высоком уровне между Китаем и Индией происходили чаще, чем когда-либо почти за 60 лет. Обе страны сейчас отчетливо понимают: чтобы достичь взаимной выгоды и совместно развиваться, им нужно не соперничество, а стратегическое партнерство и сотрудничество. Поэтому вопрос о том, являются Китай и Индия стратегическими партнерами или конкурентами, актуален.

Обе страны показывают, что не упустят возможности углубить взаимодействие, отпраздновав 60-летие «Пяти принципов мирного сосуществования» и объявив Год дружеского сотрудничества. Под влиянием подобной благоприятной динамики Китай и Индия, возможно, сумеют отложить в сторону болезненные вопросы о пограничных спорах, чтобы они не усложняли полезное для мира и стабильности в регионе партнерство между двумя странами.

АСЕАН

Продолжается эскалация агрессии Китая в восточной части Тихого океана на фоне событий на Украине и крайней активности здесь (и на Ближнем Востоке) НАТО. Китайское руководство предъявляет права на «свое море» и постоянно провоцирует инциденты с соседними странами (Вьетнамом и Филиппинами), которые привели к многочисленным жертвам. Действия Китая идут вразрез с подписанным им договором о разделе морской территории и с соглашением об основных принципах, которыми следует руководствоваться при разрешении споров о морских водах (ДОК). Поведение Китая серьезно подрывает политическое доверие между двумя сторонами. Каковы же причины?

Какой бы масштаб ни приняла холодная война здесь, она самым негативным образом скажется на работе региональных организаций вроде АСЕАН, став ударом по их цельности и единству.

Возможные решения

Азия по-прежнему находится на этапе транзита от традиционной (военные коалиции — это уже устаревшая концепция международных отношений, которая не соответствует новой модели межгосударственных отношений) к современной концепции выстраивания механизмов безопасности.

Азии не хватает полноценных механизмов обеспечения безопасности, которые бы пользовались поддержкой всех региональных акторов. Принимая во внимание значительное многообразие Азии, а также интерес ЕС, США и России к данному региону, механизмы региональной безопасности должны в обязательном порядке учитывать характер взаимоотношений между крупными мировыми державами. Наиболее реалистичный путь дальнейших действий — это формирование паназиатских механизмов обеспечения безопасности, начиная с создания соответствующих субрегиональных механизмов. Что касается уже существующих механизмов обеспечения безопасности, необходимо повысить роль регионального форума по вопросам безопасности стран-членов АСЕАН, а также продолжать укрепление взаимодоверия азиатских стран.

В.Я. Портяков

НОВЫЕ ПОДХОДЫ РУКОВОДСТВА КНР К ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОБСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С приходом к власти лидеров КНР и КПК пятого поколения во главе с Си Цзиньпином традиционное приоритетное внимание китайского руководства к проблемам обеспечения национальной безопасности не только сохранилось, но и было усилено.

По решению 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) была учреждена новая для Китая структура — Комитет государственной безопасности, призванный координировать и направлять всю соответствующую работу в стране. Комитет возглавил лично Си Цзиньпин.

Столкнувшись с беспрецедентной вспышкой активности уйгурских сепаратистов, совершивших несколько террористических актов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и за его пределами, в частности в Пекине и Куньмине, китайские власти выдвинули лозунг «нулевой толерантности» к экстремизму, сепаратизму и терроризму и резко усилили контроль за повседневной жизнью в Синьцзяне. Впервые был обнародован персональный руководящий состав Антитеррористического комитета КНР. Для непосредственного ознакомления с ситуацией в СУАР на месте в регион выезжал председатель КНР Си Цзиньпин.

Общая архитектура проблем безопасности, с которыми в настоящее время сталкивается Китай, не претерпела существенных из-

менений, но подвижки и нюансы имели место на каждом конкретном направлении.

По нашему мнению, КНР ныне сталкивается с одним глобальным вызовом ее интересам безопасности и несколькими региональными вызовами. Глобальный вызов исходит от США и заключается в стремлении Вашингтона сдерживать Китай, помешать его превращению в равновеликого Соединенным Штатам по комплексной мощи и международному влиянию субъекта глобальной политики.

В решении этой стратегической задачи важная роль на современном этапе отводится реализации курса на усиление азиатско-тихоокеанского вектора в общей международной деятельности США и на укрепление существующей системы союзов США в АТР с очевидными антикитайскими функциями. Последний момент особенно наглядно проявился в ходе посещения Б. Обамой Японии и Республики Корея в мае 2014 г. Предпринимаются попытки привлечь Сеул к участию в американско-японской системе ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹. Заметно активизируется и сотрудничество США с Филиппинами, которые таким путем надеются усилить свои позиции в споре с Китаем за ряд островов архипелага Спратли в ЮКМ. Сложнее обстоит дело с декларированным переносом в АТР центра тяжести американской политики в целом. События вокруг Украины вынудили Вашингтон перенаправить основные усилия на Россию и евро-пейских союзников по НАТО. В связи с этим в Пекине отмечают, правда, не слишком афишируя, что Китай получил «стратегическую передышку».

Тем не менее, отношения с США и в целом, и по вопросам безопасности остаются у Китая достаточно сложными и противоречивыми. Китайское руководство выдвигает на первый план задачу выстраивания нового типа отношений между державами, основанных на взаимном учете интересов, взаимодействии и сотрудничестве, а не на конфронтации. В то же время в США демонстрируют в целом негативное отношение к усилению вооруженных сил КНР и к ее все более активному отстаиванию своих претензий на спорные территории в Восточно- и Южно-Китайском морях. Пока не удастся отладить механизм конструктивного взаимодействия в сфере обеспечения взаимной кибербезопасности. И США, и Китай продолжают

выступать со взаимными обвинениями в организации хакерских атак на сайты правительственных структур друг друга и т. п.

Уровень напряженности между Китаем и Японией в связи с территориальным спором о принадлежности островов Дяоюйдао—Сэнкаку в целом несколько снизился. Вместе с тем был отмечен всплеск полемики с обеих сторон в связи с созданием Китаем опознавательной зоны противовоздушной обороны в Восточно-Китайском море. Позиция Пекина состоит в том, что данное действие не противоречит международному праву и международной практике. Более того, по утверждению представителя МИД КНР, действия Китая являются всего лишь симметричным ответом США и Японии, которые создали собственные аналогичные зоны десятки лет назад².

Периодически обостряется конфликт Китая с рядом стран-членов АСЕАН, в первую очередь с Филиппинами и Вьетнамом, по вопросу о суверенитете над островами Южно-Китайского моря. Если в 2013 г. более напряженно складывались отношения с Филиппинами, то в мае 2014 г. разразился острый конфликт с Вьетнамом, причиной которого стало бурение китайской стороны на нефть в районе островов Сиша (Парасельские) и который вылился в погромы предприятий с китайским капиталом на юге Вьетнама с последовавшей эвакуацией части китайского персонала совместных фабрик. В доказательство своей правоты Пекин ссылается, во-первых, на свой «давний суверенитет над островами Сиша» и на то обстоятельство, что «место бурения находится всего в 17 морских милях от китайского острова Чжунцзянь и в 130—150 морских милях от побережья Вьетнама»³.

Можно констатировать, что позиция Китая по спорам в Южно-Китайском море в 2014 г. ужесточилась по сравнению с тем, что было еще два-три года назад. Вероятно, это вызвано упорными попытками Вьетнама и Филиппин отстаивать свои подходы к данной проблеме в противовес Китаю и стремлением Филиппин «интернационализировать» разногласия путем подачи в марте 2014 г. в Международный арбитражный суд в Гааге меморандума, оспаривающего территориальные притязания Китая в ЮКМ. Пекин отверг запрос суда на подготовку до 15 декабря 2014 г. ответа Филиппинам с защитой своей позиции, заявляя, что решение проблем акватории не входит в компетенцию Гааги⁴. Отстаивая позицию официального Пе-

кина, зам. министра иностранных дел КНР Лю Чжэнминь заявил, что «являющееся морской линией жизни Китая Южно-Китайское море более важно для Китая, нежели для других стран». Вместе с тем Пекин неизменно декларирует стремление «содействовать мирному разрешению споров посредством переговоров с вовлеченными государствами»⁵.

Более спокойной для КНР складывается ситуация на корейском, тай-ваньском и индийском «треках» обеспечения национальной безопасности.

Пекин стремится снизить напряженность на Корейском полуострове, убеждая США, что «требовать от КНДР уступок и при этом играть мускулами у нее на пороге — бесполезно», и одновременно внушая Пхеньяну, что «наличие ядерного оружия на Корейском полуострове не служит ничьим интересам»⁶.

В ходе состоявшейся 11 февраля 2014 г. в Пекине первой с 1949 г. официальной встречи лиц, курирующих в КНР и на Тайване вопросы отношений между берегами Тайваньского пролива, была достигнута договоренность о создании механизма прямых регулярных контактов между Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и тайваньским Советом по делам материковой части Китая⁷. 25 июня 2014 г. начался первый визит главы Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня Чжан Чжицзюня на остров.

Стремясь задать позитивный настрой отношениям с Индией при новом правительстве Н. Моди, министр иностранных дел КНР Ван И заявил о готовности китайской стороны достичь окончательного урегулирования по пограничной проблеме⁸, осложняющей двусторонние китайско-индийские отношения, в том числе и в сфере безопасности.

При Си Цзиньпине Пекин стал громче заявлять о себе как об активном участнике процесса укрепления международной безопасности, усилия которого в данном направлении находят позитивный отклик в мире⁹.

2014 год ознаменовался рядом новых инициатив Китая по вопросам укрепления глобальной и региональной безопасности.

Наиболее важная из них — концепция безопасности для Азии, сформулированная в выступлении Си Цзиньпина на 4-й встрече в

верхах Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в Шанхае 21 мая 2014 г. Безопасность в Азии как «сообществе общей судьбы» должна быть всеохватывающей, равноправной и инклюзивной, то есть основанной на уважении выбора тем или иным государством своего общественного строя и пути развития. Си Цзиньпин особо подчеркнул, что «укрепление военных союзов, направленных против третьих стран, не способствует защите общей региональной безопасности»¹⁰.

На 3-м саммите по проблемам ядерной безопасности в Гааге 25 марта 2014 г. Си Цзиньпин внес ряд предложений о принципах создания международной системы ядерной безопасности (равноправие, единство прав и ответственности, укрепление международных структур, занимающихся вопросами обеспечения ядерной безопасности, содействие всеобщему пользованию плодами мирной ядерной энергетики)¹¹.

КНР также вносила собственные предложения по урегулированию кризисных ситуаций в Сирии и на Украине.

Хотя ряд аспектов обеспечения Китаем национальной безопасности создает непростую ситуации для России (это прежде всего касается проблемы территориального разграничения в Южно-Китайском море), в целом политика Пекина в данной сфере не противоречит интересам Москвы и, более того, фактически оценивается российским руководством как фактор, благоприятствующий развитию двустороннего сотрудничества. Россия вновь готова продавать Китаю современные виды оружия и военной техники¹², провела очередные крупные совместные военно-морские учения с китайским военно-морским флотом, вместе с Китаем внесла на рассмотрение Конференции ООН по разоружению в Женеве исправленный и дополненный проект «Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов».

И последнее. Следует отметить возросший интерес в Китае к теоретическому осмыслению проблем обеспечения национальной безопасности — число публикаций по этой тематике в ведущих специализированных журналах в последний год заметно выросло.

Примечания

¹ *Скосырев Владимир*. Вашингтон искушает Сеул противоракетным зонтиком. Система ПРО в Азии нацелена против Китая // Независимая газета. 30.05.2014.

² Китай призвал США и Японию отказаться от менталитета «холодной войны» — МИД КНР. URL: [http://russian/people.com.cn/31521/8610484.html](http://russian.people.com.cn/31521/8610484.html). Дата обращения 26.04.2014.

³ Вьетнам несет полную ответственность за последнее противостояние с Китаем // Синьхуа. 16.05.2014.

⁴ Hu Qingyun. Beijing rejects arbitration tribunal South China Sea ruling // Global Times, June 05, 2014.

⁵ Ни одной стране не следует сомневаться в решимости и воле Китая защищать мир и стабильность в Южно-Китайском море — замминистра иностранных дел КНР. URL: <http://russian/people.com.cn/n/2014/0528/c31521-8733510.html>

⁶ Разрядка напряженности на Корейском полуострове требует устранения стратегических подозрений // Синьхуа, 25.04.2014.

⁷ URL: <http://russian/people.com.cn/31521/8533353.html>

⁸ *Скосырев Владимир*. Китайский гость задал загадку правительству Индии. Пекин говорит, что готов уладит территориальный спор с Индией // Независимая газета. 11.06.2014.

⁹ Например, ученый Ху Мяншань из Наньянского университета (Сингапур) характеризует Китай как «важного защитника безопасности в Азии». URL: <http://gs.people.com.cn/n/2014/0617//c183343-21440161.html>

¹⁰ Си Цзиньпин. Активно утверждать концепцию азиатской безопасности, сообща создавать новую ситуацию сотрудничества в сфере безопасности. Выступление на 4-й встрече в верхах Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии 21 мая 2014 г., Шанхай // Жэньминь жибао. 22.05.2014.

¹¹ URL: <http://politics.people.com.cn/n/2004/0325/c/024-2473512.html>

¹² См., напр.: Москва делится «Триумфом» с Пекином. Китай может стать первым покупателем российских комплексов С-400 // Коммерсантъ. 28.03.2014; Россия окрыляет Китай. Владимир Путин привез в КНР авиационные технологии // Коммерсантъ. 19.05.2014.

А.В. Виноградов

МЕСТО США В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Есть много свидетельств того, что постбиполярный мировой порядок, уходит в прошлое, и мир возвращается к состоянию *realpolitik* (реальная политика), которое лучше всего описывается концепцией баланса сил и взаимодействием различных экономических и военно-политических группировок. Но на сегодняшний день США по-прежнему остаются единственной глобальной державой, которая может одновременно решать международные проблемы в различных регионах мира, в т.ч. в Восточной Азии. Такая роль основана на гегемонистском типе лидерства, свойственном биполярному и постбиполярному миру. В том, уходящем мире, США действительно, были главной военной, торгово-экономической, инвестиционной и научно-технологической державой.

Сейчас ситуация меняется. Несмотря на то, что и в современной мировой архитектуре США остаются доминантной точкой, их влияние сокращается, снижается доля в мировой торговле, инвестициях и в мировом ВВП с примерно 50 % после Второй мировой войны до, по разным оценкам, 18—22 % в 2013 г. Важно, что США не просто теряют свое место, а относительно уступают его Китаю. По оценке Всемирного банка, доля США в мировом ВВП снизилась с 31,8 % в 2001 г. до 21,6 % в 2011 г., т. е. сократилась на 32,3 %, в то время как Китая возросла за тот же период с 4,1 до 10,5 %. По прогнозам, по паритету покупательной способности ВВП Китая обгонит ВВП

США в 2016—2018 гг. Все это заставило США воспринимать Китай как угрозу, стало складываться впечатление, что вновь воспроизводится биполярная структура мира. Эти опасения и стали главной причиной «возвращения» США в Азию сразу после начала кризиса, который значительно ускорил этот процесс. Но возвращения не столько экономического, потому что экономически США уже сложно конкурировать с Китаем в регионе, сколько военно-политического, где они по-прежнему имеют ощутимое преимущество.

Главная проблема внешней политики США на современном этапе заключается в том, что сокращение реального потенциала вынуждает их занимать более рациональную позицию и искать свое новое место в мире. Его поиск для США не менее, а, возможно, более труден, чем для постсоветской России, потому что Соединенные Штаты не проиграли ни в холодной войне, ни в одном из последовавших конфликтов.

Начавшаяся в постбиполярном мире региональная консолидация и ее первые результаты в значительной степени упростили эту задачу для США. В первом десятилетии XXI в. четко обозначились 2 центральных региона мира — это, по определению С.М. Рогова, Трансатлантическое и Транстихоокеанское кольца, заняв ключевые позиции в которых можно будет контролировать важнейшие мировые процессы. Для достижения этой цели США используют одну и ту же стратегию. В Атлантике они хотят дополнить военную структуру НАТО трансатлантической зоной свободной торговли с Евросоюзом, а в Пасифике, менее институализированной, — начать со своего слабого звена, с создания экономической группировки Транстихоокеанского партнерства. В результате, в Атлантике и на Тихом океане предполагается создать две аналогичные структуры, которые могут позволить США сохранить свое лидерство.

Однако реализация этих проектов сталкивается с большими трудностями, главная из которых в том, что у США сокращаются ресурсы для реализации своих инициатив: они вынужденно уходят из Ирака и Афганистана, избегают вовлеченности в Сирии. Сланцевая революция и увеличение добычи нефти и газа означают, что для США дешевле уйти из Персидского залива и перейти к самообеспечению углеводородами. Энергетическая независимость будет спо-

собствовать реиндустриализации США, но одновременно еще больше сократит их долю во внешней торговле.

Переход США от экономического доминирования к геополитической гегемонии не происходил автоматически и потребовал времени. Не менее длительным будет выход США из такой модели поведения. Впервые после 1941 г., когда США вступили во Вторую мировую войну, перед ними вновь маячил выбор между геополитической гиперактивностью и новым изоляционизмом как крайней точкой начавшегося движения. США в отличие от Европы и Китая вполне могут быть экономически самодостаточны, и при нарастании турбулентности в мире изоляционизм может стать для них наиболее рациональным выбором. США оказались перед сложной дилеммой.

Но пока перед любой американской администрацией стоит задача сохранить лидерство. Как Вашингтон будет решать эту задачу, остается неясным. Многое будет зависеть не только от ресурсов, которыми они обладают на внешней арене, но и от внутренней политики. Соединенные Штаты быстро меняются, и, значит, качественно меняется доминанта мировой политики. И здесь для США ситуация не менее тревожная, чем на международной арене. Избрание Б. Обамы президентом свидетельствует о том, что в США происходят фундаментальные изменения. Белые, англосаксы, протестанты (WASP), заложившие фундамент современной американской цивилизации, уходят, их место постепенно занимают афроамериканцы, испаноязычные, католики, и это долгосрочная тенденция, исторический тренд. Этнически и культурно США перерождаются. Б. Обама реализовал американскую мечту, но стал символом другой Америки — Америки серьезного внутреннего компромисса, может быть не такого яркого и острого как в «старой» Европе, но который, тем не менее, также балансирует на грани нестабильности и имеет проекцию во вне.

Современные теории международных отношений утверждают, что только великие державы могут определять мировой и региональный порядок. США вернулись в Восточную Азию в ответ на вызов Китая, поэтому отношения между ними центральные для региона по определению, и об этом все чаще говорят их лидеры. Их главная характерная черта — экономическая взаимозависимость, что, не-

смотря на существующие между ними противоречия, обрекает их на поиск новых форм взаимодействия и противостояния, которые находятся где-то между стратегическим сотрудничеством и холодной войной. Но и в этом хрупком равновесии могут произойти изменения.

На данном этапе обострение противоречий между ними сдерживается технологической зависимостью Китая от США, но этот период подходит к концу. Китай уверенно приближается к положению среднеразвитой державы. Выйти из ловушки среднего уровня развития он может только опираясь на собственный научно-технический потенциал. Уже сейчас предпринимающиеся им попытки ослабить свою зависимость обостряют их отношения. Их перспективы все больше будут определяться разным пониманием лидерства. Ни Китай, ни Индия, ни любая другая страна мира уже не смогут взять на себя бремя глобальной ответственности, какое было у США, и превосходить всех остальных в экономической, военной, научно-технической и прочих сферах. Растущему Китаю в этих условиях не нужно становиться глобальной державой, достаточно быть региональной державой в одном из главных регионов мира. Поэтому Китай стремится стать региональной державой по ответственности и глобальной по статусу, а такую возможность может дать только многополярный мир. С этой точки зрения позиция КНР в конфликте в ЮКМ обусловлена необходимостью обеспечить безопасность торговых путей, жизненно важную для крупнейшей промышленно-торговой державы, как до нее были Великобритания и США. Для США доминирование в регионе — лишь обязательный атрибут глобального лидерства, идеологически мотивированный и далекий от прямой экономической выгоды и *realpolitik*.

Для США утрата глобального лидерства пока неприемлема, поэтому они вынуждены мыслить глобальными категориями и историческими аналогиями и все время повышают масштаб противостояния с Китаем. Они хотят создать ТПП, расширив регион до размеров, в которых Китай не сможет претендовать на лидерство, готовы использовать Японию и Индию для регионального сдерживания Китая, но в то же время опасаются усиления этих азиатских государств на глобальном уровне. Возможно, цивилизационное недовер-

рие США к азиатским партнерам объясняет отсутствие многосторонних военно-политических блоков в Азии и существование только двусторонних, менее обязывающих.

Роль современной России в Восточной Азии ограничена незначительной вовлеченностью в региональные экономические и политические процессы. Несмотря на попытки активизировать свое присутствие, перспективы ее широкого вовлечения в решающей степени зависят от того, сочтут ли Китай или США необходимым участие России в становлении регионального порядка. Только если ее пригласят, как в свое время пригласили страны АСЕАН в Восточноазиатский саммит, чтобы уравновесить других крупных игроков, она сможет стать полноправным членом регионального пространства. В этих условиях, похоже, что кратчайший путь к сердцу Восточной Азии лежит для России через Китай.

В.О. Кистанов

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В контексте наблюдаемого ныне обострения международной ситуации в АТР страны Восточной Азии вынуждены коренным образом пересматривать свои основополагающие подходы к обеспечению собственной безопасности, обновлять соответствующие документы или создавать новые. Характерным примером в этом отношении является Япония, которая с приходом к власти премьер-министра Синдзо Абэ в конце 2012 г. взяла курс на повышение роли и значения страны в международных делах и усиление военного компонента в системе обеспечения национальной безопасности.

Об этом, в частности, свидетельствует намерение японского премьера пересмотреть трактовку мирной конституции страны с целью разрешения японским вооруженным силам участвовать в боевых действиях совместно с другими странами, и прежде всего США, в ситуациях, не связанных непосредственно с обороной Японских островов. В начале 2014 г. японское правительство отменило добровольный отказ от экспорта вооружений.

В декабре 2013 г. правительство Японии приняло ряд программных документов, определяющих государственную политику в области обеспечения национальной безопасности. Среди них — Основные направления программы национальной обороны и Пятилетняя программа обороны на 2014—2018 гг. Суть документов — увеличе-

ние военной мощи страны, как в количественном, так и качественном отношении.

Также по указанию Синдзо Абэ впервые была принята Стратегия национальной безопасности. Этот базовый документ очерчивает национальные интересы и цели Японии на мировой арене, определяет вызовы, с которыми сталкивается страна, и описывает комплекс военных, дипломатических, экономических, технологических и прочих мер в самых различных областях, нацеленных на обеспечение интересов страны в сфере международной безопасности. Стратегия будет реализовываться под руководством Совета национальной безопасности — новой структуры, созданной по инициативе того же Абэ, хотя и по американским лекалам, в декабре 2013 г. Она будет проводиться в жизнь под лозунгом «активного вклада в дело мира».

Очевидно, что лозунг выдвинут нынешним японским премьером не в последнюю очередь из соображений элиминирования беспокорства других стран, главным образом соседей в Восточной Азии, по поводу того, что курс Абэ на пересмотр оценок Второй мировой войной, избавление от ограничений послевоенной «мирной конституции», навязанной американцами, и превращение Японии в «нормальное государство» на самом деле означает возрождение японского милитаризма. Хотя сам Абэ, судя по всему, считает, что ведет дело к ликвидации обременительного для Японии наследия минувшей войны. На это нацелена проводимая им политика «выхода из послевоенного режима страны».

Что касается жизненно важного для Японии Азиатско-Тихоокеанского региона, то свежее испеченная Стратегия национальной безопасности следующим образом расставляет оценки в сфере региональной безопасности и региональных вызовов. Во-первых, документ подчеркивает, что сдвиг в глобальном балансе сил повысил важность АТР в международном сообществе. При этом Северо-Восточная Азия — это средоточие акторов, включающее страны с крупномасштабными вооруженными силами, некоторые из которых обладают ядерным оружием или продолжают его разработку.

Во-вторых, считают авторы Стратегии, напряженность в регионе возрастает из-за увеличившегося потенциала оружия массового

поражения Северной Кореи, включающего ядерное оружие и баллистические ракеты, вкуче с ее провокационными действиями. Кроме того, в отношении Северной Кореи они ставят задачу решения проблемы японцев, похищенных северокорейскими спецслужбами.

В-третьих, японских аналитиков беспокоит быстрый подъем КНР и ее возросшая активность в различных сферах. Они указывают на то, что Китай ускоренно наращивает свой военный потенциал в широком круге областей с помощью увеличивающегося военного бюджета без его достаточной прозрачности.

Очевидно, что при всем стремлении к большей самостоятельности во внешней политике нынешнего руководства Токио, и, даже несмотря на все отчетливее просматривающиеся расхождения с Вашингтоном по ряду важных международных проблем, региональные реалии делают неизбежным ставку Японии в сфере безопасности на военный союз с Соединенными Штатами. В Стратегии национальной безопасности этот момент отражен отдельным параграфом.

В нем подчеркивается, что японо-американский союз является краеугольным камнем безопасности Японии. По уверению составителей Стратегии, этот союз в течение более 60 лет обеспечивал мир и безопасность не только в Японии, но и во всем АТР, а в последние годы он, как считают японцы, «играл еще более критическую роль для мира, стабильности и процветания в международном сообществе». Они также не сомневаются в том, что для США указанный союз являлся главной ячейкой в сети военных альянсов со странами региона и фундаментальной основой американской стратегии в АТР. Как гласит новая японская Стратегия, для дальнейшего укрепления японо-американского союза Япония будет добиваться следующих двух целей.

Во-первых, всемерно укреплять японо-американское сотрудничество в сфере безопасности, а также в военной сфере. Для этого планируется уже концу 2014 г. пересмотреть такой важный документ, как Основные направления сотрудничества Японии и США в сфере обороны. Кроме того, предполагается усилить сотрудничество двух стран по части безопасности в широком диапазоне областей, в том числе в ПРО, морской деятельности, космосе, киберпростран-

стве и др. Во-вторых, обеспечить стабильное присутствие американских вооруженных сил в Японии. Для этого необходимо передислоцировать эти силы на территории страны и уменьшить их негативное влияние на население, проживающее вблизи американских военных баз на Окинаве и в других регионах.

Отдельный параграф Стратегии национальной безопасности Японии посвящен взаимодействию с ее основными партнерами на международной арене в сфере дипломатии и безопасности. В нем говорится, что, помимо укрепления японо-американского альянса, Япония будет выстраивать отношения доверия и сотрудничества с другими партнерами АТР, а также за его пределами. В этом плане приоритет отдается странам, с которыми, как пишется в документе, она «разделяет общие ценности и стратегические интересы».

К ним, в первую очередь, относится Республика Корея. С ней японские стратеги хотели бы выстроить ориентированные на будущее и многоярусные отношения и укрепить базу для сотрудничества в сфере безопасности. Они призывают также усилить трехстороннее сотрудничество между Японией, США и Южной Кореей.

На второе место Стратегия ставит Австралию. С ней, в дополнение к расширению экономического сотрудничества, Токио намерен укреплять стратегическое партнерство в сфере безопасности. Кроме того, здесь ставится задача использовать трехсторонний формат Япония—США—Австралия.

Далее идут страны АСЕАН. С ними Япония, основываясь на традиционном партнерстве, собирается и далее углублять и развивать отношения сотрудничества во всех секторах. В том числе она намерена поддерживать усилия этих стран в формулировании кодекса поведения в отношении проблемы Южно-Китайского моря. Наконец, с Индией Токио планирует укреплять отношения в широком наборе областей, включая безопасность на море, базируясь на двустороннем стратегическом и глобальном партнерстве.

Как не трудно догадаться, помимо «общих ценностей и стратегических интересов», важнейшим теневым фактором, побудившим японских стратегов свести указанные страны в одну группу, является желание Токио организовать «сдерживание Китая» на коллективной основе. Вслед за этой группой в Стратегии национальной

безопасности Японии перечисляются, так сказать, проблемные партнеры.

Не случайно здесь на первом месте оказывается тот же Китай. В пункте под названием «Строя стабильные отношения с Китаем» Стратегия намечает следующие направления взаимодействия с этим важнейшим партнером по региону:

- построить и укрепить взаимовыгодные отношения, базирующиеся на общих стратегических интересах во всех областях, в широком диапазоне от средне- до долгосрочной перспективы;
- вдохновлять Китай играть ответственную и конструктивную роль в обеспечении регионального мира, стабильности и процветания. Разработать меры, такие, как создание механизма избегания или предотвращения непредвиденных ситуаций;
- побуждать Китай проявлять сдержанность и продолжать отвечать в твердой, но спокойной манере на китайские попытки изменить с помощью силы статус-кво в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

На второе место по степени проблематичности в АТР Стратегия ставит Северную Корею. В ее адрес выдвигается задача всеобъемлющего решения ядерной и ракетной проблем, а также проблемы похищенных японцев. Замыкает проблемную группу стран Россия, в отношении которой Стратегия преследует две цели. Во-первых, развитие сотрудничества во всех сферах, включая безопасность и энергетику. Во-вторых, проведение активных переговоров по проблеме принадлежности Северных территорий (южных Курил. — *В.К.*) и заключения мирного договора.

Для достижения целей, выдвинутых в отношении вышеперечисленных партнеров, подчеркивается в Стратегии, Япония намерена использовать различные региональные институты сотрудничества. Кроме того, она собирается развивать взаимодействие с другими странами АТР в разных сферах, включая морское сотрудничество.

Таким образом, только что увидевшая свет Стратегия национальной безопасности Японии нацелена на комплексное решение неотложных проблем и задач, стоящих перед страной в АТР, в контексте политики «активного пацифизма», провозглашенного Синдзо Абэ. Правда, японскому премьер-министру будет непросто прово-

дить в жизнь указанную политику в условиях, когда в ключевых соседних странах, таких, как Китай и Южная Корея (не говоря уже о Северной), его считают внешнеполитическим ястребом, националистом и реваншистом. А их лидеры наотрез отказываются с ним встречаться и что-либо обсуждать.

Что касается упомянутого в Стратегии мирного договора с Россией, то по мере сползания Токио в крымско-украинском вопросе на позиции Вашингтона и Брюсселя и без того неясные перспективы заключения этого договора становятся еще более туманными.

А.З. Жебин

СОСТОЯНИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) появилась в повестке дня международной политики в начале 90-х годов минувшего столетия. Факты свидетельствуют о том, что форсирование Пхеньяном военной составляющей его ядерных программ было вызвано, с одной стороны, потерей КНДР гарантий безопасности со стороны СССР после его распада и размыванием их со стороны КНР, а с другой — агрессией США и НАТО на Балканах.

Смены режимов, реализованные США и их союзниками в Ираке и Ливии, только укрепили решимость руководства КНДР наращивать ядерные средства сдерживания, что привело к выходу КНДР в 2003 г. из ДНЯО и трем ядерным испытаниям, проведенным в 2006, 2009 и 2013 гг. СБ ООН принял несколько резолюций, поддержанных РФ и КНР, с осуждением этих акций и ввел против КНДР жесткие санкции. Тем не менее, КНДР претендует на статус ядерной державы, который в мире пока никто не собирается признавать, и закрепила его в поправках в конституцию страны в 2013 г.

Одним из важнейших направлений обоснования этого курса внутри самой КНДР стала пропагандистская кампания по «национализации» северокорейского ядерного щита, попытки придания ему характера «общекорейского достояния», которое в перспективе поможет единой Корее быть на равных как с окружающими ее, так и

другими «большими странами» и «внешними силами», ранее диктовавшим корейцам как им жить¹.

В связи с этим обращают на себя внимание содержащиеся в официальных заявлениях КНДР обещания никогда не использовать ядерное оружие «для шантажа или причинения вреда соотечественникам»². Более того, в Пхеньяне пытаются уверить Сеул, что северокорейское ядерное оружие — это «меч, защищающий всех корейцев» от нарастающей ядерной угрозы США³.

Проходившие в 2003—2008 гг. шестисторонние переговоры по ЯПКП с участием США, КНР, России, Японии, КНДР и Республики Корея не достигли целей, ставившихся перед ними, хотя их участникам удалось принять 19 сентября 2005 г. в Пекине Совместное заявление, в котором были согласованы принципы решения ЯПКП. Однако первоначальное успешное продвижение по пути их имплементации было приостановлено из-за разногласий по поводу порядка перехода к третьему этапу реализации Совместного заявления 2005 г.

Попытки КНР и РФ добиться возобновления переговорного процесса пока не дали результата. США и их союзники настаивают на выполнении КНДР предварительных условий — неких практических шагов по ядерному разоружению, которые они публично предпочитают не конкретизировать, равно как и свои ответные шаги навстречу Пхеньяну, который выступает за переговоры без предварительных условий.

Показательно, что даже ряд американских специалистов стали признавать, что именно неспособность мирового сообщества, в первую очередь США и их союзников в Азии, а также КНР учесть реальные озабоченности КНДР своей безопасностью привели к нынешней ситуации.

В Москве по-прежнему исходят из того, что шестисторонние переговоры представляют собой единственный эффективный путь разрешения ЯПКП. Эта позиция, которую разделяет и Китай, была вновь подтверждена во время визита Президента РФ В.В. Путина 20—21 мая 2014 г. в КНР.

КНДР оправдывала свою позицию и двойными стандартами, столь наглядно продемонстрированными мировым сообществом

при оценках деятельности КНДР и ряда других стран в этой области. Реакция СБ ООН выглядела явно несправедливой, по крайней мере, в глазах северокорейцев, на фоне многочисленных испытаний Индией и Пакистаном баллистических ракет, способных нести ядерные боеголовки, и была решительно отвергнута КНДР⁴.

Действительно, в течение 1998—2012 гг. Индия и Пакистан провели более 120 испытательных пусков боевых ракет (из них около 80 — баллистических), многие из которых могут быть оснащены ядерными боеголовками⁵. Тем не менее, США не уставали уверять, что никакой угрозы миру эти действия не представляют. Однако в начале 2013 г. кровопролитные инциденты на границе между этими двумя странами заставили даже «Нью-Йорк таймс» признать, что длящийся десятилетиями индо-пакистанский конфликт является «одним из наиболее вероятных очагов ядерной войны»⁶. Но никто по этому поводу СБ ООН созвать не попросил.

За тот же период (1998—2012 гг.) КНДР сделала всего 4 попытки запустить спутник (первые три — в 1998, 2009 и 2012 гг. — неудачные). И все они стали предметом внимания СБ ООН в виде резолюций или заявлений председателя СБ ООН. В связи с этим в КНДР не без иронии отметили, что в мире за все время было произведено более 2000 ядерных испытаний и более 6000 запусков спутников и ни один из них, за исключением сделанных в КНДР, не стал предметом обсуждения на СБ ООН⁷.

Такой же неоднозначный подход проявлялся при оценке действий ряда других государств. Япония в апреле 2012 г., когда северокорейцы в очередной раз потерпели неудачу с запуском ИСЗ, вывела на орбиту 4 спутника, в том числе один южнокорейский, и заявила, что планирует вывести еще 6. Южная Корея в 2013 г. (причем с помощью России) тоже запустила собственный спутник со своего космодрома.

Такие двойные стандарты, видимо, привычны для элит и населения государств так называемого золотого миллиарда, но они болезненно воспринимаются в странах, в которых проживают остальные 5 млрд населения Земли. В Пхеньяне, похоже, решили жестко отстаивать свое суверенное право на использование космического пространства в мирных целях. Это право закреплено в соответ-

ствующих международных договорах и конвенциях, носящих универсальный характер. КНДР присоединилась к большей части из них, в том числе к Договору об использовании космического пространства в мирных целях. Этим правом широко пользуются все окружающие ее государства. Поэтому северокорейцы никогда не смиряются с попытками лишить страну этого права, что и было подтверждено Пхеньяном, отвергшим как заявление председателя СБ ООН с осуждением апрельского 2012 г. пуска (неудачного), так и резолюции СБ ООН по поводу успешного запуска ИСЗ в декабре 2012 г.⁸

В таких условиях третье ядерное испытание, проведенное КНДР 12 февраля 2013 г., становилось неизбежным как с политической (как единственный убедительный ответ США, имевшийся в распоряжении КНДР), так и технической точки зрения (получение компактной боеголовки для ракет).

Реакция КНДР на две последние резолюции СБ ООН — по запуску спутника и третьему ядерному испытанию — свидетельствует, что в обозримом будущем всем нам придется иметь дело с де-факто ядерной Северной Кореей. Реалии современных международных отношений вряд ли подвигнут руководство этой страны на отказ от своих ракетно-ядерных сил сдерживания. Более того, столкнувшись с открытыми угрозами Б. Обамы в ходе его поездки по странам Азии в апреле 2014 г. применить силу против КНДР, последняя заявила о намерении провести 4-е испытание ядерного оружия⁹.

Некоторые специалисты в США призывают признать эти реалии и научиться сосуществовать с ядерной КНДР. Они не считают, что такой вариант приведет к «эффекту домино» и ядерному вооружению Японии и Южной Кореи.

В период шестисторонних переговоров российская сторона не раз указывала, что успех возможен только в контексте нормализации американо-северокорейских отношений. Однако события последнего десятилетия показали, что США и не думают о нормализации отношений с КНДР. После исчезновения, с распадом СССР, так называемой советской угрозы им был крайне необходим новый «злодей» в регионе, который оправдывал бы продолжающуюся уже 60 лет дислокацию американских войск вдоль границ России и Китая и создание в регионе системы ПРО ТВД, призванной обесценить

силы сдерживания КНР и РФ, а не весьма гипотетическую ракетную угрозу КНДР, которой и была отведена роль «плохого парня».

США, как минимум, выгодно поддержание контролируемого ими уровня напряженности на полуострове для оправдания своего военного присутствия в регионе. Программа-максимум — в свете целей нынешнего «возвращения» США в АТР — ликвидация КНДР тем или иным путем, что позволило бы американцам установить контроль над всем Корейским полуостровом — уникальным с военно-стратегической точки зрения районом на стыке границ РФ и КНР. Для достижения этой цели администрация Б. Обамы с момента своего прихода к власти проводит в отношении КНДР линию так называемого стратегического терпения, сводящуюся к отказу от переговоров, попыткам изолировать режим и вызвать его коллапс.

К настоящему времени Корейский полуостров превратился в одно из полей большой геополитической игры. Для американцев что Север, что Юг Кореи — это пешки, которые разыгрываются в партии против Китая. Как известно, администрация Б. Обамы провозгласила курс на возвращение США в Азию, выдвинула проект создания Транстихоокеанского партнерства. Многие политики и аналитики сходятся во мнении, что оба проекта направлены, прежде всего, на сдерживание Китая. А если уж если прямо называть вещи своими именами — на военно-политическую изоляцию Китая в АТР.

В рамках этой стратегии США пытаются создать санитарный кордон вокруг Китая — сделать так, чтобы внешняя и оборонная политика всех соседних с ним государств была ориентирована на Вашингтон. Для этого американцы в средствах не стесняются: в ход идет все — от создания новых военных баз до заигрывания с еще недавно неугодными режимами, как в Мьянме. Открытые призывы последовать ее примеру были озвучены и в отношении КНДР. Но на Пхеньян, они, похоже, большого впечатления не произвели.

В целом ситуацию на Корейском полуострове и перспективы ее эволюции можно понять только в контексте американо-китайского партнерства и соперничества и баланса этих составляющих в отношениях указанных держав. Более того, в последние годы полуостров стал одним из крупнейших узлов американо-китайских противоре-

чий, а в будущем, не исключено, может оказаться полигоном для пробы сил между КНР и США.

Вашингтон всячески эксплуатирует стремление Пекина избежать прямого противостояния с США и продлить мирную обстановку на своих границах для дальнейшего укрепления КНР¹⁰. США оказывают огромное давление на КНР, пытаясь вынудить ее подключиться к экономическому удушению КНДР, а заодно показать всему миру, что американцы способны заставить Пекин действовать так, как угодно Вашингтону даже в отношении соседних и союзных с Китаем стран. Именно так выглядит роль «responsible stakeholder», которую они пытаются навязать КНР.

Несмотря на мощнейшее давление Вашингтона, Пекин своими действиями продемонстрировал, что для КНР как по военно-стратегическим, так и престижно-политическим соображениям ликвидация КНДР, тем более силовым путем, совершенно неприемлема. Такое развитие событий привело бы к выходу вооруженных сил США и их союзников на 1400-километровую сухопутную границу с Китаем, серьезно подрывало бы престиж и внешнеполитические позиции КНР в Азии и во всем мире, практически ставило бы крест на планах Пекина вернуть в «лоно родины» Тайвань. Какая из малых и средних стран по периметру китайских границ стала бы впредь полагаться на Китай, если бы он без боя сдал КНДР, а вместе с ней и весь Корейский полуостров, на протяжении многих веков находившийся в исключительной сфере влияния Китая?

Та осторожность, с которой американцы ведут себя на полуострове, как раз объясняется тем обстоятельством, что, в отличие от Ирака или Ливии, в Корею ощутимо присутствует китайский фактор. США, вероятно, пока не готовы к прямому столкновению с Китаем по этой проблеме. Это был бы конфликт с 1,5 млрд человек, и в Вашингтоне, видимо, еще не раз подумают, прежде чем пойти на силовые акции в Корею.

Думается, не верят наши китайские партнеры и посулам американцев, которые уверяют их, что в этом случае США не расширят свое военное присутствие на северную часть полуострова, а лишь ограничатся поиском и вывозом северокорейского ОМУ. В Пекине, наверное, не забыли о похожих обещаниях, дававшихся советскому

руководству насчет нерасширения НАТО на Восточную Европу и сопоставляют их с нынешней реальностью.

В результате к настоящему моменту на полуострове сложилось довольно неустойчивое равновесие — США не решаются на силовую акцию прямо на границах КНР и РФ, а Пекин делает все для того, чтобы сохранить КНДР в качестве буферного государства перед силами передового базирования США в СВА.

Одна из главных причин сохраняющегося тупика вокруг военных ракетно-ядерных программ КНДР заключается в том, что преимущественно нажимной, санкционный подход к их прекращению, занятый США и навязанный ими своим союзникам, а, в конечном счете, и Совету Безопасности ООН, себя не оправдал. Он не решил провозглашавшихся его сторонниками задач — обеспечить денуклеаризацию Корейского полуострова. Напротив, именно столкнувшись с такой линией, которую еще в середине прошлого столетия известный американский политик, председатель сенатского комитета по иностранным делам У. Фулбрайт метко охарактеризовал как «самонадеянность силы», КНДР в 2006—2013 г. провела три испытания ядерного оружия, с четвертой попытки запустила спутник и стала де-факто ракетно-ядерной державой.

Главный урок ситуации заключается в том, что путем избирательного применения принципов Устава ООН и других международных законов, когда друзьям, союзникам, перспективным коммерческим партнерам позволяет едва ли не все, а вот тем, кто таковыми не является, или не оказался в числе американских союзников, а тем более препятствует реализации целей американской внешней политики, запрещается буквально все — таким путем проблему распространения ОМУ и средств их доставки не решить. Во всяком случае, такой подход в отношении КНДР себя явно не оправдал.

Примечания

¹ Нодон синмун. 18.01.2014.

² NDC of DPRK Advances Crucial Proposals to S. Korean Authorities. ЦТАК.16.01.2014.

³ Пресс-заявление представителя стратегических войск Корейской народной армии. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. 03.05.2014.

⁴ DPRK NDC Issues Statement Refuting UNSC Resolution. KCNA. 24.01.2013.

⁵ Dalton T., Nandler J. Understanding the Arms «Race» in South Asia. The Carnegie Papers. Nuclear Policy. Sept. 2012.

⁶ The New York Times. 16.01.2013.

⁷ Пресс-заявление представителя МИД КНДР. 12 февраля 2013 г. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. М. 12.02.2013.

⁸ DPRK Rejects UNSC's Act to Violate DPRK's Legitimate Right to Launch Satellite. DPRK Foreign Ministry Statrment. KCNA.2012.04.17; DPRK Refutes UNSC's «Resolution» Pulling Up DPRK over Its Satellite Launch. KCNA. 23.01.2013.

⁹ Заявление представителя МИД КНДР. 9 марта 2013 года. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. М. 09.03;2013; US President's Asian Tour Censured by FM Spokesman. 29.04.2014.

С.В. Уянаев

ПОЛИТИКА ИНДИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: МОТИВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Индия по формально-географическим признакам не принадлежит к Азиатско-Тихоокеанскому региону, являясь классической страной бассейна Индийского океана. Однако с точки зрения практической политики участие Дели достаточно заметно и в делах АТР, в том числе в контексте региональной безопасности. Поэтому фактор Индии — страны, демонстрирующей глобальные интересы и претендующей на значимую роль как минимум в западном и южном сегментах АТР, при анализе региональной обстановки является весьма актуальным.

«Восточная политика»

Действительно, уделяя повышенное внимание Южной Азии и зоне Индийского океана, Индия далеко не оставляет за рамками внимания другие регионы Евразии, включая *Восточную Азию*. Отражением этого явилась, в частности, объявленная еще в 1991 г. и реализуемая по сей день программа *Look East Policy* («Обращение на Восток», или, для простоты, — «*Восточная политика*»). Ее цель — активное развитие экономических и политических связей со странами Восточной Азии (как СВА, так и ЮВА), участие в многосторонних структурах АТР, стремление обеспечить «разумный баланс ре-

гиональных сил». Причем многие в Индии не скрывают, что главным объектом «политики баланса» является «главный исторический конкурент» Индии — поднимающийся Китай.

Заостряя внимание на региональных целях Индии в сфере стратегической безопасности, следует признать, что таковыми, согласно индийским экспертам, помимо задачи сбалансировать Китай, являются демонстрация роли Индии как крупного регионального игрока, пресечение идущих через Бенгальский залив поставок оружия антиправительственным элементам на индийском северо-востоке, показ возможностей ВМС действовать вдали от своих берегов.

Курс в АСЕАН

В основе политики «Обращения на Восток» лежал формат **АСЕАН**. Стартовав в 1992 г. в виде «секторальных» переговоров по нескольким отдельным темам, в 2002 г. встречи Индия—АСЕАН впервые вышли на уровень саммита, тем самым была завершена институционализация данного формата по типу АСЕАН+1.

С этого же времени в Индии активно заговорили не только об экономических связях, но и о задаче взаимодействия по вопросам безопасности. В 2004 г. Индией был подписан Договор АСЕАН о мире, сотрудничестве и дружбе. Был также принят документ, содержащий дорожную карту сотрудничества до 2020 г. в экономической и политической (борьба с терроризмом и пиратством, предотвращение распространения оружия массового уничтожения, продвижение мер доверия и профилактики и мирное разрешение конфликтов) сферах. Ныне формат Индия—АСЕАН — это механизм из 25 переговорных дорожек.

Между Индией и АСЕАН действует Зона свободной торговли. Торговля Индии со странами АСЕАН в 2013/2014 индийском бюджетном году составила свыше 75 млрд долл. Суммой в 43 млрд долл. измеряется объем прямых инвестиций из АСЕАН в Индию и обратно.

Индия активно участвует и в политических проектах АСЕАН: работе форума АРФ, заседаниях Восточноазиатских саммитов

(ВАС), форумов «Совещание министров обороны АСЕАН+» и Шангри-Ла Диалог. Дели подчеркивает свое желание вместе с АСЕАН целенаправленно работать для создания в регионе «открытой, сбалансированной, транспарентной региональной архитектуры». В последнее время Дели активно поддерживает идею создания в регионе системы Всестороннего регионального экономического партнерства (RCEP) — проект комплексной торгово-экономической интеграции для группы АСЕАН + 6. Тем самым Индия рассчитывает усилить не только экономические позиции, но и (по формуле «безопасность через экономическую интеграцию») свое положение в политическом и оборонно-стратегическом плане. Кроме того, за счет RCEP, как полагают в Индии, компенсируется неучастие страны в АТЭС и отсутствие приглашения присоединиться к проекту Транстихоокеанского партнерства.

Двусторонние связи

Дели развивает связи со странами-членами АСЕАН и на *двусторонней основе*. С точки зрения интенсивности связей наиболее высокий и разноплановый уровень присутствует в отношениях Индии как раз со «старыми членами» — **с Сингапуром, Индонезией, Малайзией**, отчасти **Таиландом**. С ними, в частности, наиболее высок уровень торгово-экономических отношений: на эти четыре страны приходится свыше 80 % общего торгового оборота Индия—АСЕАН. Заметен уровень экономических связей с **Вьетнамом**, за истекшие три года торговля возросла в 2,2 раза, достигнув в 2013—2014 гг. 8 млрд долл. (Индия—РФ — 6, 6 млрд).

Практически со всеми странами региона у Дели налажен диалог по вопросам *оборонной политики и безопасности*, существует договорно-правовая база такого диалога, проводятся совместные учения, подготовка военного персонала (как правило в Индии), осуществляются различные обмены и визиты. Заметен объем таких связей опять-таки с **Сингапуром, Таиландом**, а также **Вьетнамом**.

Повышенное внимание Дели уделяет **Мьянме, граничащей** с индийским северо-востоком, который, в свою очередь, с точки зрения

географии практически изолирован от остальной Индии, более того — является предметом территориальных претензий Китая. Именно поэтому стабильность в Мьянме, где Дели опасается китайской активности, особенно чувствительна для Индии. Объем экономических связей между двумя странами сравнительно невелик — 2,2 млрд долл. При этом заметны связи в сфере безопасности.

Начиная с 2003—2004 гг. «Восточная политика» официально стала распространяться и на «отдаленных соседей» — **страны Северо-Восточной Азии, а также Австралию и Новую Зеландию**.

Поскольку в Северо-Восточной Азии отсутствует сколько-нибудь заметная интеграционная структура, политику Индии в этом регионе уместно рассматривать в виде ее отношений с основными странами региона.

В политике **Индии в отношении Китая** в нынешнем столетии отчетливо присутствуют две тенденции: с одной стороны, стремление наладить добрососедский диалог с мощным соседом, с другой — принятие мер, чтобы «сбалансировать», говоря объективно, «сдерживать» его динамичный рост, поскольку в Индии велики опасения по поводу потенциальной агрессивности и экспансии Китая. К настоящему времени создан многоярусный и многопрофильный механизм межгосударственного диалога — от высшего и высокого уровня до многочисленных секторальных министерств, агентств и ведомств. Сотрудничают военные, с 2003 г. проводятся совместные учения, обмены. Торговля между двумя странами с мизерных 1,6 млрд долл в 1995 г. за полтора десятилетия выросла почти в 50 раз — до рекордных по сей день почти 74 млрд долл в 2011 г.

Однако все перечисленное соседствует с серьезными проблемами. Это, прежде всего, территориальная (стороны оспаривают в общей сложности свыше 135 тыс. кв. км земель) и тибетская (присутствие далай-ламы и его сторонников на территории Индии) проблемы, отношения в треугольниках Индия—КНР—Пакистан и Индия—КНР—США, экономические трения и ряд других вопросов. Системной же причиной проблем служит, как очевидно, *дефицит стратегического доверия*, который порожден как историческими причинами, так объективным соперничеством в ходе параллельного подъема обеих стран. В целом, особенно на официальном уровне в нынешних

отношениях превалирует первая, позитивная тенденция, о чем, в частности, было вновь заявлено во время уже первых контактов нового премьер-министра Индии Н. Моди с китайским руководством. Но скорого решения проблем вряд ли стоит ожидать.

Задачу «сбалансировать Китай», как не скрывают в Индии, во многом преследуют отношения с Японией. Сотрудничество развивается во многих сферах, ключевыми из которых можно определить экономику и безопасность. Торговля двух стран за истекшие 10 лет более чем утроилась (16,3 млрд долл. в 2013—2014 гг.).

Активно развиваются также связи между вооруженными силами двух стран, включая силы береговой охраны. Морские пограничники двух стран регулярно проводят военные учения, обмениваются визитами. Как считают специалисты, в плане военного партнерства Япония и Индия стремятся развивать оперативную совместимость между военно-морскими силами. Стороны продвигают сотрудничество по линии ВТС, которое стало особенно актуальным после того, как в 2011 г. Япония объявила о частичном снятии запрета на экспорт оружия.

«Дружественными» и «партнерскими» наблюдатели, как правило, называют отношения **Индии и Республики Корея**. Здесь также выделяются экономические (16—17 млрд долл. двусторонней торговли) и оборонные аспекты сотрудничества. Как подчеркивают индийские эксперты, сотрудничество с РК обещает Индии хорошие перспективы в области ВТС.

Заметные контакты Индия поддерживает с **Монголией**.

Объем **связей с КНДР у Индии**, как и у многих других стран, велик, но тем не менее в индийском МИДе называют двусторонние отношения «теплыми». Это, однако, не помешало Дели вместе выступить с критикой руководства КНДР в связи с ракетными пусками и проведенными там ядерными испытаниями. Индия выступает за денуклеаризацию Кореи, проявление сдержанности на полуострове, возобновление шестисторонних переговоров.

Хорошо известно, что в регионе Восточной Азии и АТР действует крупнейшая региональная структура — форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС). Индия пока не входит в АТЭС, но подала заявление на вступление в число участников форума.

Россия добивается включения Индии в состав форума, в чем можно видеть именно «восточноазиатское измерение» **индийско-российских отношений**. Индия и РФ — страны, поддерживающие отношения «привилегированного стратегического партнерства», имеют во многом совпадающие интересы в Восточной Азии и АТР. Причем, поддерживая желание Индии играть большую региональную роль, Россия выступает за укрепление взаимопонимания между Дели и Пекином.

* * *

Иными словами, курс Дели в Восточной Азии (как в ЮВА, так и СВА), который исторически сложился как часть стартовавшей в начале 1990-х «Восточной политики», направлен на обеспечение *экономических интересов Индии, а также укрепление ее стратегической, оборонной безопасности*. Он носит комплексный характер, включает как участие в международных структурах (АСЕАН) так и развитие взаимодействия на двусторонней основе.

В АСЕАН Индия полновесно участвует в деятельности всех доступных структур, испытывает повышенный интерес к региональным транспортным и инфраструктурным проектам, разделяет идеи либерализации региональной торговли и других форм экономической кооперации, поддерживает другие интеграционные проекты, в том числе нацеленные на укрепление региональной безопасности и стабильности.

В двустороннем плане основными чертами политики Индии в отношении государств как ЮВА, так и СВА также является сочетание экономических интересов, а также соображений безопасности, которые часто продиктованы *опасениями перед лицом подъема Китая*. Соответственно практические шаги Дели направлены на *углубление торговых и инвестиционных связей, формирование двусторонних механизмов поддержания регулярного диалога по вопросам военного сотрудничества и обороны*.

В регионе (СВА) Индия стремится маневрировать в рамках различных политических конфигураций (Индия—Япония—КНР; Индия—КНР—США; США—КНР—Япония—Индия), пытаясь оптимально реализовать поставленные задачи.

Региональные цели Индии не имеют видимых противоречий с задачами российской политики, что открывает возможности для эффективного регионального взаимодействия двух стран в духе «привилегированного партнерства».

В конечном итоге по своей объективной направленности «восточная политика» Индии — это курс страны, заинтересованной в региональной стабильности и экономической интеграции, отсутствии в Восточной Азии напряженности. Это политика страны, рассчитывающей на признание ее устремлений как крупной державы, участвующей в формировании трансрегиональной повестки дня, охватывающей, в частности, как минимум западную зону АТР.

Г.М. Локшин

МЕХАНИЗМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ОПАСНОСТЬ ВОЗВРАТА РЕГИОНА К СОСТОЯНИЮ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

1. В обозримом будущем, как в мировой экономике, так и в международной безопасности, АТР будет играть возрастающую роль. Официально объявлено, что на этот регион переориентируется национальная стратегия как США, так и России. Ход событий здесь будет оказывать огромное влияние на уровень конфликтности в мире, динамику военного соперничества государств, перспективы ограничения и нераспространения ОМУ.

Хорошо известен широкий спектр традиционных и нетрадиционных вызовов и угроз, присутствующих в АТР, среди которых — ситуация на Корейском полуострове, многочисленные территориальные споры, вызовы ядерному нераспространению, терроризм, незаконный оборот наркотиков, трансграничная преступность, киберпреступность, пиратство, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и так далее. Эти факторы потенциально способны дать мощный всплеск военно-политической напряженности и привести страны к открытой конфронтации.

Невозможно дать детальный анализ современных тенденций и угроз безопасности в ВА. Их много, и среди них серьезную угрозу представляют территориальные споры в ЮКМ. Сложная борьба, развернувшаяся в Южно-Китайском море, вступила в новую фазу,

которая представляет намного большую угрозу для международной безопасности, чем раньше. Теперь конфликт, и сразу же очень серьезный, может вспыхнуть не только после очередного задержания рыбаков или диверсий против нефтеразведчиков, но и в том случае, если китайская морская полиция остановит для проверки в Южно-Китайском море хотя бы одно иностранное судно. Тогда вопросы рыболовства и транспортировки нефти немедленно отойдут на второй план, а на первый выдвинется проблема свободы судоходства в этом ключевом для международной торговли регионе мира. Речь уже будет идти не о двустороннем и даже не о региональном конфликте, а о столкновении с глобальными последствиями для международной стабильности. Как поведут себя при таком варианте развития событий американцы, японцы, корейцы? Какой будет реакция России? И что будет делать Китай? От всего этого будут зависеть мир и безопасность не только в регионе, но и в глобальном масштабе.

2. Новая холодная война в Восточной Азии, но совсем другая, и даже не между Китаем и США, а скорее между Китаем и Японией. Она носит морской характер с фокусом на так называемую первую линию островов от Курил до Филиппин. Она включает конфронтацию Китая с двумя военными союзами: США—Япония и США—Филиппины. Новая эскалация напряженности. Китайская буровая платформа а ИЭЗ Вьетнама. Главная причина — углеводороды.

3. Многие политики и аналитики высказывают различные модели формирования региональной безопасности:

А) Возглавляемая США *система военных союзов* была на протяжении 40 лет доминирующей. Ход событий пока свидетельствует, что этот порядок укрепляется и сохранится в обозримом будущем, но он подвергается сильному давлению со стороны Китая. Организация безопасности АТР (APSO). «Разворот» американской политики в АТР и его последствия для безопасности в ВА. Второй визит Б. Обамы в страны ВА в апреле с. г. Планы строительства коллективной безопасности против Китая. путем укрепления и расширения военных союзов. Ставка на создание в более отдаленном будущем прототипа НАТО для АТР в виде Организации безопасности в АТР (APSO). Институализация встреч министров обороны США и стран АСЕАН. В апреле прошла первая встреча в Гонолулу.

Б) Архитектура безопасности в регионе по-китайски. Китай чувствует себя осажденным. На Востоке ему противостоит прочный военный союз США, Японии и Южной Кореи. В то же время остается нерешенным вопрос воссоединения с Тайванем, который продолжает находиться под патронажем США и Японии в том, что касается его безопасности и обороны. Это делает для Китая весьма затруднительным выход на открытые просторы Тихого океана, чтобы стать настоящей морской державой. На Юго-Востоке он граничит с Индией, которая тоже становится крупной морской державой и развивает сотрудничество с США. В этом контексте ЮКМ стало наиболее благоприятным местом для наращивания военно-морской мощи КНР, необходимой для выхода в мировой океан.

Китайская «новая концепция» «Азия для азиатов». Китайская доктрина Монро. Многие эксперты предсказывают появление новой иерархии, возглавляемой Китаем.

Китайский премьер Ли Кэцян на Восточноазиатском саммите (ВАС) в Брунее в ноябре 2013 г. говорил, что Китай надеется на создание в АТР института сотрудничества в вопросах безопасности. Ясно, что это будет трудно сделать в короткий срок. И потому ВАС должен, прежде всего, обсудить общие нормы и правила для региональной безопасности. Китай, говорил он при этом, предлагает новую идею «Сообщества судеб АТР». На этой стадии Китай и США могли бы начать обсуждение перспектив превращения всей системы ВАС в будущую архитектуру безопасности». Однако к маю 2014 г. позиция КНР была представлена уже более конкретно и в отношении только Азии. В главной речи на открытии Конференции по взаимодействию и сотрудничеству в Азии (СІСА) в Шанхае 20—21 мая 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин призвал к созданию «новой региональной архитектуры сотрудничества в вопросах безопасности» и предложил превратить СІСА в «платформу диалога по безопасности и сотрудничеству» для всей Азии. Он также указал, что Китай готов взять на себя ведущую роль в попытке разработать «кодекс поведения для региональной безопасности и программу азиатского партнерства в области безопасности». При этом он подверг резкой критике все военные союзы в Азии. Он связал их с устаревшим мышлением времен холодной войны. «Вы не можете обеспечить безопас-

ность для одной или нескольких стран, лишая безопасности другие страны, — говорил он. Вместо этого должна быть создана система, включающая всех, а не отдельные союзы с внерегиональными игроками, как США».

Ничего нового в этой концепции нет. Но настораживает призыв Си к тому, чтобы все дела Азии «решали сами азиаты». Он эту же мысль неоднократно повторил и на пресс-конференции. Таким образом, Китай однозначно делает ставку на СІСА, которой он отводит ключевую роль в вопросах региональной безопасности, особенно в предстоящие два года, когда он будет председательствовать в СІСА. Но на сегодня эта организация еще слаба и мало представительна. Среди ее членов нет ни США, ни их главных союзников — Японии и Австралии. Из 10 членов АСЕАН семь не являются членами и только три (Индонезия, Малайзия и Филиппины) имеют статус наблюдателей. В ней совсем нет стран Ближнего Востока. Добиться единых позиций среди множества столь разных стран континента будет крайне трудно. Но руководящая роль в ней будет явно принадлежать Китаю вместе с Россией. И многое будет зависеть от согласованности их действий.

В) Как альтернативу Киссинджер и Бжезинский предлагают G2. Причем не обязательно из двух. Это может быть и кондоминиум из более чем двух крупных держав на достаточно неформальной основе.

4. Многосторонний подход АСЕАН. Асеаноцентричная система.

В насыщенном противоречиями и конфликтным потенциалом регионе до сих пор отсутствует авторитетный механизм, который позволил бы справляться со стратегическими потрясениями. Нужен такой орган, который собирал бы вместе лидеров ключевых государств ВА с полномочиями принимать необходимые меры. Все предыдущие попытки создать его успехом не увенчались. Медленно, с большими трудностями и отступлениями он формируется в регионе на основе АСЕАН.

5. Многие критикуют АСЕАН за недостаточную активность, за отсутствие единства среди государств-членов, за сложную и длительную процедуру принятия решений. Представляется, однако, что эта критика неуместна и необоснованна, ибо не замечает большого достижения АСЕАН в том, что удалось избежать серьезных кон-

фликтов между государствами-членами и обеспечить последовательное экономическое развитие независимо от внутрирегиональных проблем безопасности. На данный момент АСЕАН — единственная многосторонняя организация во всей большой ВА, предоставляющая форум, где как малые и средние страны региона, так и мировые державы могут на равных обсуждать и искать пути решения проблем в сфере безопасности как традиционной, так и нетрадиционной.

К 31 декабря 2015 г. должно быть сформировано сообщество АСЕАН, одной из важнейших опор которого должно быть сообщество безопасности (СБА). Все документы, принятые на различных саммитах АСЕАН по этому вопросу, носят довольно общий характер, но важно, что оно строится на хорошей международно-правовой базе, которую заложили Договор о дружбе и сотрудничестве 1976 г. (Балийский договор), Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в ЮВА 1995 г. (Бангкокский договор), Декларация АСЕАН о поведении сторон в ЮКМ, к которой в 2002 г. присоединился Китай, Хартия АСЕАН 2008 г. Из этих документов вытекает прежде всего, что члены формирующегося сообщества связаны обязательством ни при каких обстоятельствах не прибегать к силе для решения каких бы то ни было региональных проблем, рассматривать свою безопасность в неразрывной связи друг с другом и как часть общей безопасности региона.

В АСЕАН это называют «*взаимозависимостью безопасности*». СБА — это не оборонительный (военный) союз и не система коллективной безопасности. Оно не предполагает ничего подобного статье 5 НАТО или формирования каких-либо совместных миротворческих сил. Иногда его еще называют системой «совместной безопасности». Через широкую систему форумов АСЕАН тесно связан с основными державами мира и поддерживает с ними постоянный диалог. Среди них особое значение имеют АРФ, АСЕАН+1, АСЕАН+3, АДММ+, Морской форум АСЕАН и, наконец, ВАС. Но возможности, доверие и значение всех региональных форумов по безопасности находятся под вопросом, как под вопросом остается и давняя мечта многих влиятельных политиков АСЕАН заменить ослабевший порядок в регионе в виде Pax Americana на Pax Asia Pacific. Но АСЕАН не одна и дело идет скорее к порядку под названием Sino Pax.

6. Ключевые элементы политики России в АТР и ВА.

Выход из нынешнего тупика нужно искать не на рельсах консолидации существующих в СВА военных альянсов и «закачивания» в субрегион новых и новых вооружений, а путем формирования надежных международно-правовых механизмов мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества, которые являлись бы одним из составных элементов новой архитектуры безопасности в АТР.

В ходе 7-го Восточноазиатского саммита в Пномпене в ноябре 2012 г. Министр иностранных дел С.В. Лавров выдвинул идею запуска многостороннего диалога по вопросам формирования в АТР устойчивой и надежной архитектуры безопасности и сотрудничества. Речь идет о выработке рамочных принципов выстраивания межгосударственных отношений. Это подразумевает мирное урегулирование споров, неприменение силы или угрозы силой, отказ от конфронтации и сотрудничества, направленного против третьих стран, налаживание партнерских связей между действующими на азиатско-тихоокеанском пространстве многосторонними объединениями и, разумеется, неделимость безопасности, то есть недопустимость укрепления собственной безопасности за счет других государств. Нами подготовлен и сейчас обсуждается с партнерами по Восточноазиатским саммитам проект такого документа.

Формирование прочной системы безопасности и сотрудничества при сохранении центральной роли АСЕАН в интеграционных процессах. Главная цель — запуск широкого диалога по вопросам формирования будущей региональной архитектуры. В качестве практического шага на этом направлении российская сторона выдвинула идею разработки рамочных принципов укрепления безопасности и развития сотрудничества в АТР. Перспективная задача — выход на юридически обязывающий договор о безопасности в «большом АТР».

7. Особая роль Восточноазиатских саммитов.

В механизме Восточноазиатских саммитов формируется главная региональная площадка для диалога лидеров. Для этого необходимо, чтобы в ВАС была весомо представлена политическая составляющая, прежде всего проблематика региональной стратегической стабильности, принципиальные вопросы экономического развития. Китай до последнего времени этому активно возражал, но вынужден

неохотно соглашаться с этим. Данная диалоговая платформа предназначена для формирования объединительной повестки дня, а ее работу следует подкреплять усилиями других форумов.

Возникающий сложный и многоуровневый механизм взаимодействия членов АСЕАН друг с другом и с партнерами по диалогу открывает перспективу превращения восточноазиатских саммитов (ВАС) в эффективный механизм поддержания мира и стабильности в этой части АТР, который в более отдаленной перспективе мог бы стать таковым и для всего гигантского региона, т. е. превратиться в некий аналог ОБСЕ для АТР с учетом всех отличий этого региона от Европы. Пока это не является задачей сегодняшнего дня, и путь к созданию такого механизма может занять многие годы, но, как говорят в Китае, самый длинный путь начинается с первого шага. А он уже сделан.

8. Россия не является участником территориальных споров в ЮКМ и не будет в них втянута. Неизменная позиция России основывается на том, что все вовлеченные государства должны строго следовать принципу неприменения силы или угрозы силой, продолжать настойчивый поиск путей политико-дипломатического урегулирования имеющихся проблем на основе норм международного права, зафиксированных, прежде всего, в Уставе ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Консультации и переговоры по территориальным проблемам ЮКМ должны вести непосредственные участники споров в определенном ими самими оптимальном формате. Поддерживаем усилия государств АСЕАН и Китая по выработке юридически обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ на основе асеановско-китайской Декларации о поведении сторон 2002 г., а также согласованных в 2011 г. принципов ее реализации.

Мы видим возможность формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе прочной системы безопасности и сотрудничества при сохранении центральной роли АСЕАН в интеграционных процессах. Высокая динамика региональной интеграции должна дополняться такой системой межгосударственных отношений, которая создавала бы условия для поддержания в долгосрочной перспективе стабильности и высоких темпов экономического роста.

Инициатива России на 8-м саммите ВАС в Брунее

9. Есть четыре причины, по которым РФ не заявила своей позиции в отношении нового обострения кризиса в ЮКМ и не встала на сторону Китая:

9.1. Отношения России и Китая отличаются от отношений США—Япония или США—Филиппины. Стратегическое партнерство — не военный союз. У нас нет обязательств поддерживать внешнюю политику Китая и его интересы. Отношения хорошие, но они не влияют на политику Китая в ЮКМ и ВКМ. Они зависят от интересов сторон, и Китай не может возлагать слишком большие надежды на поддержку России во всем.

9.2. У России хорошие отношения со всеми странами АСЕАН, и нет никаких причин для противостояния со всей ЮВА ради интересов Китая. Большой противолодочный корабль ТОФ «Маршал Шапошников» в сопровождении двух дополнительных кораблей вошел 20.06 в Камрань.

9.3. России не нужна конфронтация с США еще на одном фронте — в ЮКМ. Кризис в Украине и так привел к обострению отношений с Западом, и иметь еще один конфликт не к чему. Нет причин поддерживать Китай и конфликтовать с США еще на одном фронте.

9.4. Подъем Китая вызывает опасения и у России. С точки зрения Запада конфликт Китая с соседями в ЮКМ может помочь сдержать экспансию Китая. В этом заинтересована и Россия.

10. Поскольку ни США, ни Япония, ни большинство стран АСЕАН не признают территориальные требования Китая, то равноправное, долгосрочное решение конфликта в ЮКМ можно начать только после того, как Китай откажется от своей линии «У» и проявит желание подчиниться общепризнанным нормам международного права. Это может стать результатом многосторонней дипломатии, которая признает важную роль Китая и его интересы, но одновременно защитит законные права и интересы меньших стран, что должно поддерживаться равновесием сил в ЮКМ, которое в настоящий момент не соответствует китайским представлениям об азиатском региональном порядке.

11. Короче, справедливое и прочное решение конфликта в ЮКМ требует наличия трех взаимосвязанных и дополняющих друг друга условий: наличия политической воли и готовности к компромиссу, сдержанности Китая, единства и солидарности в АСЕАН. Единство в АСЕАН — самое главное из них, но их всех пока нет, и в среднесрочной перспективе они не просматриваются.

К этому надо добавить, что возбужденный Филиппинами международный арбитраж, за которым может последовать и Вьетнам, способен только усилить жесткое поведение Китая. Намерения США и Японии наращивать свои военные обязательства и усиливать обороноспособность стран региона также вызовет ответные действия Китая, что лишь усилит напряженность.

Проблемы суверенитета в Южно-Китайском море на данном этапе кажутся неразрешимыми. Но на Востоке с древнейших времен известно: какова бы ни была проблема, ее следует терпеливо решать путем переговоров и компромиссов. Важно не загонять оппонента в угол, а давать ему выход из неприятной ситуации без потери лица. За многие годы АСЕАН приобрела уникальный опыт коллективной выработки общей линии поведения на международной арене, а также практики совместного нахождения решений имеющихся проблем на основе консенсуса, консультаций, терпимости и учета интересов всех участников. Этот метод получил международное признание как «метод АСЕАН» (ASEAN Way)¹. Разумной альтернативы ему нет.

Примечания

¹ См. подробнее: АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М., 2010. С. 354—361.

Е.В. Кобелев

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ВЬЕТНАМА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На современном этапе российско-вьетнамские отношения, несомненно, являются важным фактором обеспечения мира и безопасности как в Юго-Восточной Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Особенно их международная значимость возросла после подписания в 2001 г. Декларации о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ. Хотя установление отношений стратегического партнерства в основном нацелено на более эффективное развитие двусторонних отношений, вместе с тем обе стороны в своих внешнеполитических действиях всегда ставили и ставят на первое место вопросы безопасности в регионе ЮВА и АТР. Так, пункт 14 Декларации о стратегическом партнерстве гласит: «Стороны придают исключительно большое значение вопросам обеспечения безопасности и укрепления доверия в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹.

Более того, российская сторона, учитывая растущий международный авторитет АСЕАН как системообразующей региональной группировки и весомую роль Вьетнама в развитии и укреплении этой организации, предложила включить в текст Декларации следующий принципиально важный текст: «Россия придает важное значение отношениям с АСЕАН и исполнена решимости развивать

всестороннее сотрудничество с АСЕАН на основе равноправия, взаимной выгоды, содействия укреплению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии»².

Внешняя политика — одно из центральных звеньев всеобъемлющего стратегического партнерства России и Вьетнама. В условиях мощного ускорения темпов международной жизни, непрекращающихся опасных потрясений в мировой политике и экономике диалог по важнейшим вопросам глобальной и региональной повестки дня становится императивом, одним из ключевых факторов, формирующих саму суть стратегического партнерства двух стран. В политическом диалоге Россия и Вьетнам занимают одинаковые или схожие позиции по жизненно важным вопросам современного мирового развития, особенно это касается, с учетом географического расположения обеих стран, проблем обеспечения безопасности и сотрудничества в АТР и ЮВА.

* * *

Важнейшая характерная особенность российско-вьетнамского стратегического партнерства, берущая свое начало еще в период борьбы вьетнамского народа против агрессии США, состоит в высоком уровне многоплановых связей двух стран в сфере обороны и безопасности. Стремясь к дальнейшему укреплению безопасности Вьетнама, Россия стала самым крупным поставщиком оружия для этой страны, и эта особенность военно-технического сотрудничества двух стран также оговорена в Декларации о стратегическом партнерстве: «Стороны будут укреплять сотрудничество в оборонной сфере в интересах безопасности России и Вьетнама. Это сотрудничество не направлено против третьих стран» (п. 8)³.

Военно-техническое сотрудничество двух стран строится на взаимовыгодной и долгосрочной основе. В октябре 2008 г. во время визита в Россию президента СРВ Нгуен Минь Чиета был подписан межправительственный меморандум о стратегии военно-технического сотрудничества на период до 2020 г. Характерной чертой сотрудничества является устойчивый рост объемов закупок Вьетнамом российской продукции военного назначения, включая танки, бро-

нированные машины, артсистемы, средства ПВО. Подписаны контракты на поставку вооружений для ВВС, ПВО и ВМС Вьетнама. Активно осуществляется подготовка вьетнамских военных специалистов в военных вузах России. Прорабатываются вопросы поставки запчастей, ремонта вооружений и военной техники советского производства, создания соответствующих ремонтных предприятий во Вьетнаме, повышения технологического уровня поставляемой в СРВ наукоемкой военной продукции, создания во Вьетнаме новых военных производств. Большая координирующая и организационная роль по всем этим направлениям принадлежит созданной в 1999 г. Межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству.

По данным Министерства обороны РФ, в 2009 г. Россия продала Вьетнаму вооружений на сумму 3,5 млрд долл., в том числе 6 дизель-электрических торпедных подводных лодок (одновременно предусмотрено строительство с российским участием инфраструктуры базирования и технического обслуживания подводных лодок во Вьетнаме), в 2010 г. — на 4,5 млрд долл., в том числе поставлены современные сторожевые корабли «Гепард»⁴.

Наряду с ВМС, глубокую модернизацию с помощью России проходят военно-воздушные силы Вьетнама. Осуществляется закупка в РФ многоцелевых истребителей Су-30МК2 и средств противовоздушной обороны. Как заявил министр обороны России С. Шойгу в ходе переговоров в Ханое в марте 2010 г., «мы готовы помочь вьетнамским коллегам также в создании военно-морской авиации»⁵, и это — новая серьезная перспектива расширения российско-вьетнамского военно-технического сотрудничества.

По своим масштабам и качественным характеристикам российско-вьетнамское сотрудничество в военно-технической сфере вышло на одно из лидирующих мест в АТР. По некоторым прогнозам, Вьетнам в течение ближайших нескольких лет может стать вторым по величине покупателем российской военной техники, уступая лишь Индии.

Согласно экспертным данным, вооруженные силы СРВ сегодня на 75 % оснащены военной техникой, которая в разные годы поставлялась из бывшего СССР, а затем России. С учетом этого, по мне-

нию военных специалистов, военно-техническое сотрудничество с Россией и в обозримом будущем будет иметь жизненно важное значение для Вьетнама, так как вьетнамская армия, вследствие исторически обусловленных причин, еще долгое время будет нуждаться в современных российских военной технике и вооружении.

На встрече 27 июля 2012 г. президенты Чыонг Тан Шанг и В.В. Путин отметили, что военно-техническое сотрудничество и партнерство двух стран в сфере обороны и безопасности постоянно развиваются в соответствии с основными принципами международного права, обеспечивая укрепление обороноспособности Вьетнама и совместное противостояние новым вызовам миру и стабильности в АТР.

* * *

К сожалению, в последнее время в позитивный процесс наращивания российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства неожиданно вмешалось резкое обострение ситуации в регионе Южно-Китайского моря (ЮКМ), вызванное, в частности, односторонними действиями Китая по установлению нефтяной платформы в районе, который Ханой считает своей исключительной экономической зоной.

В мае—июне 2014 г. вьетнамцы по всем каналам открыто зондировали позицию России в отношении этих действий Китая. При этом стало очевидно, что большая часть вьетнамских должностных лиц, экспертов, журналистов продолжают мыслить стереотипами периода «братской советско-вьетнамской дружбы», настаивая на необходимости активной реакции России по осуждению Китая и в поддержку вьетнамской позиции. Доводы российских экспертов о том, что Россию связывают отношения стратегического партнерства и с Китаем, и с Вьетнамом и что Ханой необходимо терпеливо и последовательно решать конфликтные проблемы с Китаем за столом переговоров, вызывают, как правило, неадекватную реакцию у вьетнамских собеседников.

Масла в огонь подлили некоторые публикации в наших СМИ с оценкой нового витка конфликта между Вьетнамом и Китаем, осо-

бенно статья политобозревателя МИА «Россия сегодня» Косырева, который назвал Вьетнам «китайской Украиной» и вообще высказался в «оскорбительных», по мнению вьетнамских читателей, тонах о Вьетнаме. Президиум Общества российско-вьетнамской дружбы получил из Вьетнама большое число писем с выражением возмущения по поводу содержания этой статьи и был вынужден созвать чрезвычайное заседание, по итогам которого было направлено открытое письмо руководству МИА «Россия сегодня» с осуждением указанной статьи, а также «письма солидарности» председателю Общества вьетнамо-российской дружбы проф. Дао Чонг Тхи и послу СРВ в РФ Фам Суан Шону.

В принципиально изменившихся условиях конфликта с Китаем в ЮКМ Ханой, естественно, пытается найти поддержку своих интересов у других возможных союзников и партнеров. Так, в последние месяцы усилились попытки Ханоя добиться осуждения действий Китая прежде всего в АСЕАН, где Вьетнам пользуется определенным авторитетом и влиянием. Однако, как представляется, реальных надежд на солидарную коллективную поддержку со стороны этой региональной группировки весьма мало: в АСЕАН нет единства в отношении политики Китая в регионе ЮКМ, так как в ряде стран — ее членов (Малайзия, Таиланд) сильно прокитайское лобби.

С учетом этого в Ханое, как показывают факты, начинают постепенно крепнуть настроения в пользу поисков поддержки со стороны своего главного врага в недавнем прошлом — США. Сегодня две страны связывают год от года растущие торгово-экономические и политические связи. Кроме того, США и их союзники в Восточной Азии крайне заинтересованы в обеспечении свободы судоходства в ЮКМ, на которую, по их мнению, посягает Китай, фактически объявивший чуть ли не три четверти зоны ЮКМ «китайским озером». Наконец, военно-политическая элита США всерьез начинает рассматривать стремительное «возвышение» Китая как появление опасного соперника, угрожающего интересам США, прежде всего в Азии.

С учетом всех этих моментов в Ханое фактически приветствуют «возвращение» США в регион АТР, рассчитывая, по-видимому, что

в случае дальнейшего обострения конфликта с Китаем в зоне ЮКМ США окажут Вьетнаму необходимую поддержку и помощь. Кроме того, Ханой взял курс на масштабное укрепление отношений также и с Японией с учетом обострения ее конфликта с Китаем из-за островов Сенкаку — Дяоюйдао.

Примечания

¹ Цит. по: Это незабываемое слово «Льенсо». М., 2006. С. 412.

² Там же. С. 412.

³ Это незабываемое слово «Льенсо». С. 410.

⁴ См.: Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон. М., 2013. С. 128.

⁵ Там же. С. 129—130.

В.П. Ларин

ОЦЕНКА ТЕКУЩИХ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ РЕГИОНА

Одной из главных теоретических предпосылок улучшения ситуации в регионе, несомненно, является более сбалансированная оценка роли Китая, который характеризуется сегодня российской стороной зачастую как основной соперник США в мировой и региональной экономике и политике. Такая оценка не учитывает объективного состояния экономических отношений КНР и США, определяющихся сегодня большим объемом китайских инвестиций в американскую экономику. Подобная характеристика на фоне собственных положительных оценок российско-китайского сотрудничества явно противоречит известному положению о том, что политика является концентрированным выражением экономики. Нельзя не увидеть, что данное классическое положение трансформировалось сегодня в формулу *Real policy*, о которой было сказано на круглом столе, позволяющую с большей вероятностью верифицировать процессы, явления, события и инициативы всех участников сосуществования в регионе.

Придерживаясь указанной оценки, Россия, можно предположить, способна вызывать отрицательную реакцию как в США, так и в КНР, уровень которой желательно было бы определить на основе ответной реакции представителей государств, частного бизнеса и СМИ. В данном контексте следует, очевидно, рассмотреть и те нега-

тивные события, которые возникли в отношениях между Китаем и Вьетнамом по Парасельским островам, т. е. во многом по праву эксплуатации нефтегазовых месторождений в данном районе.

Вопросы международного сотрудничества и определения сфер финансовой выгоды России, Китая и Вьетнама не могут не учитывать характера и роли США в определении условий эксплуатации мирового нефтегазового комплекса. Вьетнамская сторона, вероятно, уже задумывается над вопросом истощаемости ее нефтяных и газовых запасов, принимая во внимание практику США консервировать собственные месторождения. Очевидно, данное объективное условие уже учтено российской стороной, которая допустила Вьетнам на месторождение Ямало-Ненецкого округа. Это сотрудничество, естественно, является позитивным фактором российско-вьетнамских отношений и примером более широкого плана. Явится ли оно примером для КНР — тот самый вопрос, который имеет прямое отношение к проблемам сотрудничества и безопасности в Восточной Азии.

Сегодняшние опасения СРВ в отношении КНР уже приводят вьетнамскую сторону к идее о том, что США способны стать противовесом Китаю, а это, как было отмечено, ведет к увеличению американской роли в самом Вьетнаме.

Данный комментарий относится к более узкому формату, чем тот, который определяется участием всех стран региона и мира в международном сотрудничестве и сохранении безопасности в отношении Восточной Азии. Несомненно, главной задачей является предотвращение любых военных, насильственных действий, которые могут быть вызваны, в частности, понижением уровня стабильности ввиду недоучета важных условий международных отношений. Соответственно этому должны быть выверены оценки политических институтов и СМИ.

Раздел второй СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНЕ

С.С. Суслина

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СВЕТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕИ

Евразийская инициатива Республики Корея

Осенью 2013 г. президент Республики Корея Пак Кын Хэ представила свое видение многостороннего сотрудничества, которое должно привести к интеграции экономического пространства Европы и Азии в один мирный и процветающий континент. В своей вступительной речи на Международной конференции по сотрудничеству в эпоху Евразии, проводимой 18 октября в гостинице Shilla в Сеуле, президент Пак Кын Хе выдвинула проект «Евразийской инициативы» для создания «Единого креативного мирного континента». «Эпоха Евразии» по ее проекту представляет собой целенаправленный процесс интеграции стран и территорий, начиная с Республики Корея, Сибири, Центральной Азии, пересекая Урал и Кавказские горы, Восточную и Западную Европу, вплоть до Великобритании¹.

Теоретически Евразийская инициатива президента Пак опирается на поистине безмерный потенциал практически всех регионов, охватывая страны ЕС, Россию на Западе и Северо-Восточную Азию на Востоке. Евразийское сообщество может распространиться и до Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), что придаст ему дополнительное измерение: Север—Юг. В перспективе оно может включить и NAFTA (Североамериканское соглашение о свободной торговле), расширяя свои границы через Тихий океан. В этом случае образуется гигантский рынок, по своим масштабам охватывающий более 90 % мировой экономики. Таким образом, по мнению автора инициативы, возникнет «континент мира». При этом «воротами Евразии» президент РК видит Корейский полуостров. Через такое глобальное преобразование мира, с подключением к этому процессу всех рычагов и факторов экономики, дипломатии и национальной безопасности, президент РК видит возможность изменения будущего Корейского полуострова.

Создание гигантской волны мира и процветания в Евразийских обществах, которая будет исходить из Европы, Юго-Западной Азии и Среднего Востока, обеспечит атмосферу доверия и послужит дополнительным мотивом (своего рода международной гарантией) для перестройки, открытия и отказа от ядерного оружия Северной Кореи. Как было заявлено, Евразийская инициатива — это часть внешней политики администрации президента Пак Кын Хэ, направленная на экономическое процветание в регионе и обеспечение в будущем мирного воссоединения Кореи. Президент Южной Кореи открыто говорит о возможности использовать евразийские страны в качестве рычага для убеждения Северной Кореи.

Президент Пак Кын Хэ — не первый президент Кореи, который включил «создание основы мирного объединения» в свою программу. До нее в рамках курса «политики солнечного тепла» и ее модификации этой же цели пытались достичь предыдущие президенты РК — Ким Дэ Чжун и Но Му Хен. Но если ее предшественники стремились решить корейскую проблему через развитие и расширение межкорейского диалога, то г-жа Пак демонстрирует желание заложить основу мирного объединения во время срока ее правления в рамках многосторонних отношений Евразийско-

го экономического сообщества, стремясь путем «дипломатии доверия» привести Северную Корею к перестройке, открытию и отказу от ядерного оружия.

По мнению г-жи президента, национальное воссоединение Кореи — это не угроза, а большая возможность не только для двух корейских государств, но и для соседних государств США. После объединения главной задачей станет создание социальной инфраструктуры Северной Кореи в полном объеме, включая железные дороги, мосты и дороги с использованием южнокорейских технологий. Вкупе с тем, что сократятся расходы на оборону, экономика единой страны может прирастать более чем на 10 % ежегодно и будут решены многие серьезные социальные проблемы экономики РК (проблема безработицы молодежи, старения населения и т. д.).

Известная мировая инвестиционная и финансовая компания «Голдман Сакс» (Goldman Sachs) высказала предположение, что совокупность технологий и капитала Южной Кореи и человеческих и природных ресурсов Северной Кореи сделает Корейский полуостров более продвинутым по сравнению с Францией, Германией и даже Японией в течение 3—4 десятилетий.

Развивая экономический аспект своей Евразийской инициативы, президент Пак Кын Хе отметила, что мир в Евразии можно заметно укрепить с помощью активизации сотрудничества между Республикой Корея, Китаем, Россией и Северной Кореей и, в первую очередь, путем создания объединенных логистической и энергетической систем. Евразийский проект предполагает объединение энергетической инфраструктуры с учетом интересов как стран — производителей и экспортеров энергоресурсов, так и стран — потребителей и импортеров. Пак Кын Хе высказала также предположение, что сланцевый газ Китая, а также нефть и газ Восточной Сибири будут разрабатываться совместно с целью достижения единой стратегии энергетического сотрудничества Евразии. Она добавила, что «усиленные пути логистики и энергетики Евразии не только снизят стоимость логистики и оживят мировую торговлю, но также обеспечат рост мировой экономики посредством стабилизированной цены сырья».

Основным в списке Евразийской инициативы президента Пак является «Экспресс Шелкового пути (SRX), соединяющий г. Пусан, Южная Корея, ~ Северную Корею ~ Россию ~ Китай ~ Центральную Азию ~ Европу. Как только будет создан SRX, время проезда через Суэцкий канал займет всего 14 дней по сравнению с настоящими 45 днями. Способность инвестиции капитала может быть аккумулирована со снижением потенциальных затрат. Кроме получения экономической выгоды, можно решить проблемы частых морских грабежей и политической нестабильности в Египте, Сирии и других районах. Президент Пак рассказала президенту Путину во время переговоров на саммите в сентябре 2013 г. о том, что она мечтает о поезде, идущем из г. Пусан, Южная Корея, в Европу через Россию и который и есть «Экспресс Шелкового пути». Маршрут Северного полюса, о котором она говорила на Евразийской конференции, также является морским Шелковым путем.

Евразийский проект РК и перспективы российско-южнокорейского экономического взаимодействия

Провозглашение этого проекта по времени знаменательно предшествовало российско-южнокорейскому саммиту, состоявшемуся вскоре (13 ноября 2013 г.) в Сеуле. Его участники — президенты двух стран Пак Кын Хе и Владимир Путин — достигли договоренности о присоединении России к Евразийской инициативе южнокорейского лидера, предусматривающей создание единого экономического пространства, которое соединит Азию и Европу. Эта новая инициатива южнокорейского руководства отвечает интересам обеих стран. С одной стороны, это может быть выгодным южнокорейским высокотехнологичным предприятиям, а с другой — послужит питательной средой для новой экономической политики России, нацеленной на поддержку инноваций. Российское правительство выразило свою заинтересованность в участии в Евразийской инициативе, реализация которой поможет экономическому развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока с учетом того, что последний должен стать ре-

гиональной площадкой для выхода на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Руководство России всегда отмечало важность поддержки экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сеул желает наладить сотрудничество с Москвой в таких областях, как транспорт, энергетика и сельское хозяйство. Интересы России, касающиеся развития Дальнего Востока, напрямую связаны с программой регионального развития, а также с попытками Сеула начать промышленную экспансию в северном направлении. Москва же рассчитывает превратить Россию в своеобразный «мост», соединяющий Европу и Азию.

Справедливости ради, следует отметить, что еще в 2008 г. президент Южной Кореи Ли Мен Баг на встрече с президентом РФ Д. Медведевым предложил новый формат отношений двух стран, который он представил как «новый Шелковый путь». В соответствии с предложениями Ли Мен Бага Россию и Республику Корею должна связать прочная система взаимоотношений, которая будет строиться на трех основных составляющих: «железнодорожный Шелковый путь», который свяжет железные дороги Корейского полуострова и Транссиб, «энергетический Шелковый путь», который свяжет две страны в сотрудничестве по вопросам разработки новых месторождений нефти и газа, а также «зеленый Шелковый путь», который будет обеспечивать сотрудничество стран в области лесной промышленности и сельского хозяйства Приморского края.

Продолжая в какой-то степени эту политику, современное руководство РК рассматривает участие южнокорейского бизнеса в проекте «Хасан—Раджин» как первый шаг, предусмотренный Евразийской инициативой. Аппелируя к международному значению проекта, Пак Кын Хе считает, что «новый Шелковый путь» как регулярное железнодорожное сообщение между Югом Кореи и странами Европы должен пройти через территорию Северной Кореи.

Участие Республики Корея в проекте выгодно и России, так как железная дорога обеспечит доступ к незамерзающим южнокорейским портам. Подписан меморандум, согласно которому Россия обязуется размещать заказы на строительство танкеров для перевозки сжиженного газа в Республике Корея. Южнокорейские судостроительные компании передадут российским партнерам часть тех-

нологий. Самым важным итогом российско-южнокорейского саммита стало подписание меморандума о взаимопонимании, в котором говорится, что южнокорейские компании смогут участвовать в модернизации железной дороги между российской пограничной станцией Хасан и городом Раджин в Северной Корее, а также в развитии порта Раджин. Этот российско-северокорейский проект был начат в 2008 г. С его завершением в регионе появится интегрированная транспортная система, соединяющая рынки Северо-Восточной Азии и Европу. Товары будут поступать морским транспортом в порт Раджин и перевозиться в Европу по железной дороге. Подписан также меморандум о взаимопонимании, предусматривающий совместное строительство танкеров для перевозки сжиженного природного газа. Южная Корея также заинтересована в проведении исследований в Арктике, использовании для грузоперевозок Северного морского пути. Были также подписаны документы, подтверждающие участие Республики Корея в строительстве солнечной электростанции стоимостью 1 млрд 700 млн долл., которую планируется построить к 2020 г. в России. Подписан меморандум о создании совместного российско-южнокорейского центра на базе международного исследовательского центра «Сколково» в 20 километрах от Москвы.

Выгоду от новых двусторонних соглашений получают не только транспортные компании, но и строительная индустрия и сельское хозяйство. Новые заказы появятся у компаний, специализирующихся на строительстве заводов и жилых зданий. Для фермеров было бы выгодно наладить прямые связи с пищевой промышленностью и стать частью сельскохозяйственного кластера. Намечалась положительная динамика в реализации проекта развития заполярных территорий. Особенно выгодными могут стать строительство портов, контейнеровозов и танкеров для перевозки сжиженного природного газа, а также возведение жилья в российском Заполярье. Российские фирмы получают доступ к 75 % производственных мощностей, контрактов на услуги, геологоразведочных работ и строительных заказов. У южнокорейского бизнеса тоже появляются новые возможности: до 2030 г. Россия планирует заказать 512 контейнеровозов и танкеров для перевозки сжиженного газа. Активизируется обмен ноу-хау с российскими партнерами.

У Республики Корея и России есть огромный потенциал для плодотворного сотрудничества, который долгое время оставался не реализованным. Импульс к расширению торгово-экономического сотрудничества между нашими странами придало урегулирование проблемы российского долга перед РК. В результате проведенных переговоров подписано Соглашение о реструктуризации российского долга и погашении его к 2023 г. Российская сторона должна выплатить Южной Корее 1,3 млрд долл.

В 2013 г. объем двусторонней торговли составил 22,5 млрд долл., что намного меньше российско-китайского товарооборота. Даже объем торговли России с Японией выше: он составляет 33,5 млрд долл. После того как начнут воплощаться в жизнь договоренности, достигнутые в рамках «Евразийской инициативы», многое должно измениться. Двустороннее сотрудничество приведет к созданию единой логистической инфраструктуры и энергетической сети в Евразии, полностью включая Корейский полуостров. И Республика Корея, и Россия смогут увеличить потенциал в судостроении и строительстве энергетической инфраструктуры. Кроме соглашений в области транспорта и строительства, Республика Корея и Россия также договорились совместно работать над развитием новых технологий. Южнокорейские фирмы будут участвовать в строительстве на российской территории мощной солнечной электростанции, а также создадут совместные предприятия на территории инновационного центра «Сколково». Россия очень заинтересована в развитии собственной технологической базы. Все совместные проекты с Россией так или иначе связаны с новыми технологиями. Для того чтобы преодолеть препятствия, которые возникают из-за сложного бизнес-климата и обилия бюрократических преград, необходимо подумать о создании специального российско-южнокорейского совета, который поможет улучшить взаимоотношения с властями на местах.

Взаимодействие двух стран активно расширяется по таким основным и новым перспективным направлениям, как топливно-энергетический комплекс, транспорт, наука и технологии, исследования океана, космическая промышленность, освоение природных ресурсов, наука и техника, информационные технологии, связь, рыболовство, региональное сотрудничество.

На данный момент цель двустороннего сотрудничества — создание полноценного стратегического партнерства между нашими странами — является ближайшей актуальной задачей для дальнейшего динамичного развития плодотворных экономических отношений между странами.

Особое внимание уделяется Дальнему Востоку и Сибири, ибо от того, как будет складываться сотрудничество Сибири и Дальнего Востока с Южной Кореей, будет зависеть и общий уровень экономического взаимодействия между двумя странами.

По итогам визита президента России Владимира Путина в Корею в ноябре 2013 г. был подписан ряд документов, среди которых есть Меморандум о взаимопонимании между Российским фондом прямых инвестиций и Корейской инвестиционной корпорацией о создании совместной инвестиционной платформы, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области создания центра судостроения в России, Меморандум о сотрудничестве между ОАО «РЖД», компанией «ПОСКО», корпорацией железных дорог Кореи и Компанией «Хендэ Мерчант Марин Ко., Лтд», а также с 1 января 2014 г. между Россией и Южной Кореей отменен визовый режим.

Прогнозы развития мировой экономики и ее влияние на российско-южнокорейские экономические связи

По оценкам Международного валютного фонда (МВФ) в отношении перспектив мировой экономики в 2013—2014 гг., ожидается ее умеренный рост на 4,1 % в 2014 г.² Это достаточно оптимистичный прогноз, поскольку еще в 2012 г. большинство международных экспертов предсказывало, что в 2013 г. *современная модель мировой экономики рухнет как исчерпавшая все свои ресурсы*.

Главной причиной этого обвала, по мнению известного блогера *Чарльза Хью Смита*³, может стать посткризисная монетарная политика центральных банков⁴, которая не смогла вылечить экономику, а только замаскировала симптомы болезни.

Нобелевский лауреат по экономике Нуриэль Рубини⁵ также предупреждал о глобальных рисках экономического спада. Смит объяснил, почему экономические модели трех центров мировой экономики больше не могут существовать как раньше. Для стран Еврозоны — это порочность самой европейской политической и социальной модели, когда государство обещает гражданам социальную защиту и высокие пенсии, но выполнить эти обещания не может. В обозримой перспективе вряд ли можно ждать обвала доллара, как мировой резервной валюты. Это было бы катастрофой для всей мировой экономики, и в первую очередь для ее крупнейших столпов: Китая, ЕС и Японии.

В будущем доллар может даже укрепиться за счет роста добычи нефти и сланцевого газа, ведь в этом случае США превратятся из импортера в страну-экспортера. Еще одна причина укрепления доллара — в развороте потоков капитала: 10 лет средства направлялись из США в Китай, теперь Китай страдает от оттока капитала, который вновь возвращается в США. Фундаментальные факторы заставляют доллар расти. В целом конкуренции доллару как валюте-убежищу нет.

В сентябре 2012 г. Федеральная резервная система США (ФРС) объявила о начале третьей программы «количественного смягчения». С помощью увеличения денежной массы правительство США надеялось снизить процентные ставки по кредитам и, как следствие, увеличить спрос на них. Иными словами, печатание денег должно привести к активному росту экономики.

Что касается КНР, то она показала миру свой вариант настоящего экономического чуда: за 50 лет страна стала промышленным гигантом. Но потенциал ее развития уже почти исчерпан. Из-за спада в США и Европе экспортная машина Китая сбивает, инвестиции падают, а внутренние дисбалансы и пузырь растут. Экономика Китая полностью зависит от притока инвестиций, а банки, активно вкладывавшие в развитие, делали это на заемные средства. Риски их дефолта растут в геометрической прогрессии. В целом на китайскую экономику давит двойной мандат: рост любой ценой и сохранение социальной стабильности. К тому же Китай находится на грани природной катастрофы из-за слишком амбициозных инфраструктурных

проектов и высокого уровня загрязнения окружающей среды в наиболее промышленно развитых районах на востоке страны.

Что касается России, то, по данным Министерства экономического развития РФ в 2012 г., динамика ВВП снизилась примерно в четыре раза, и причиной замедления стало сокращение экспортного объема топливно-энергетических ресурсов, а также сокращение потребительского кредитования. Влияние мировых экономических тенденций на экономику России нашло отражение в следующих процессах. После короткого периода надежд на оживление роста в 2011—2012 гг. развитие экономики резко замедлилось. К осени 2013 г. масштаб проблем в российской экономике достиг столь угрожающих масштабов, что позволило говорить о серьезных рисках новой рецессии. Не менее тревожной оказалась ситуация во внешнем секторе российской экономики. По данным Центрального банка России, за три квартала 2013 г. экспорт товаров сократился на 1,3 % по сравнению с аналогичным периодом 2012 г., но доля сырой нефти, нефтепродуктов и природного газа в структуре экспорта достигла рекордного уровня 67,3 %⁶. Таким образом, тенденция к усилению сырьевой ориентации российского экспорта, характерная для всего периода с начала глобального кризиса, получила в 2013 г. новый импульс. Параллельно с этим чистый вывоз капитала частным сектором в 2013 г. достиг 48,1 млрд долл., отражая дальнейшее сокращение объема ресурсов, потенциально доступных для инвестиций в российскую экономику⁷.

Сочетание внутренних и внешних факторов свидетельствует о том, что модель экономического роста, основанная на использовании доходов от экспорта энергоресурсов для повышения потребительского и инвестиционного спроса, в очередной раз дает сбой. При этом резкое замедление темпов роста бросило российскому правительству двойной вызов: обеспечить реализацию инициатив, выдвинутых в период надежд на скорейшее преодоление последствий кризиса, и одновременно не допустить сползания экономики в новую рецессию.

В 2012 г. президентом была поставлена стратегическая цель улучшения инвестиционного климата, в соответствии с которой Россия должна была подняться со 120-го места в рейтинге Doing Business

Всемирного банка в 2011 г. на 50-е место в 2015 г. и 20-е место — в 2018 г. По данным этого рейтинга на июнь 2013 г., Россия заняла 92-е место, т. е. за два года ей удалось опередить Китай — 96 место в июне 2013 г., Вьетнам — 99, Кувейт — 104 и Аргентину — 126⁸.

Несмотря на ухудшение экономической конъюнктуры, в 2013 г. наблюдалась впечатляющая динамика притока прямых иностранных инвестиций. За январь—сентябрь 2013 г. в страну поступило более чем в 1,5 раза больше иностранных инвестиций, чем за весь 2012 г.: 66,0 млрд долл. по сравнению с 42,8 млрд долл.⁹ Однако структура этих инвестиций осталась традиционной: свыше половины приходится на торговлю и операции с недвижимостью, более 60 % поступило из Кипра и Нидерландов.

Другим разочарованием стало отсутствие позитивных результатов присоединения к ВТО как с точки зрения улучшения делового климата в России, так и в плане ее торгово-инвестиционных отношений с зарубежными партнерами. По данным опроса, проведенного Российским союзом промышленников и предпринимателей, лишь 1 % компаний почувствовали изменения к лучшему, 13 % — к худшему и порядка 86 % вообще не почувствовали на себе эффекта присоединения¹⁰.

Развитие российской экономики в 2012—2014 гг. связано с завершением посткризисного восстановления и переходом к реализации задач стратегического характера, зафиксированных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г.

Основные риски для российской экономики в этот период связаны с мировой экономической нестабильностью, вызывающей замедление темпов роста мировой экономики, повышение рисков негативной динамики цен на нефть и усиление оттока капитала, что в свою очередь приведет к снижению инвестиционного спроса, сжатию кредитования, ухудшению бюджетных позиций.

Повышение эффективности экономики в период 2012—2014 гг. в значительной мере определяется позитивным вкладом реализации госпрограмм и мер, направленных на поддержку развития ключевых секторов экономики. Это, прежде всего, по развитию высокотехнологичных отраслей, а также государственный оборонный заказ, на

которые в 2012—2014 гг. направляется около 2,7 % ВВП. На финансирование комплекса программ и мер по развитию транспортной системы направляется около 1,2 % ВВП¹¹.

Современные тенденции и вызовы развития мировой экономики оказывают соответствующее влияние на **текущее состояние российско-южнокорейского сотрудничества**. Это определяется воздействием целого ряда факторов:

- 1) динамикой экономического роста и внешнеторгового спроса;
- 2) усилением или ослаблением доллара;
- 3) динамикой и направлениями движения международного капитала;
- 4) изменениями мировой модели экономического роста;
- 5) сменой или корректировкой национальных моделей экономического развития;
- 6) фазой цикла мирового капиталистического развития;
- 7) доминированием интересов экономического сотрудничества с основными торговыми партнерами (для РК — КНР, для России — страны ЕС, СНГ, КНР).

Анализ количественных показателей российско-южнокорейского сотрудничества показывает, что объем их товарооборота в значительной степени коррелирует с общеэкономической ситуацией в двух странах и возрастает в период их динамичных подъемов, а также ощущает на себе воздействие колебаний курсов национальных валют к доллару и устойчивости доллара на мировом финансовом рынке. В гораздо меньшей степени их сотрудничество подвержено воздействию тенденций движения мирового капитала, что связано с небольшим объемом инвестиционного и кредитного сотрудничества стран друг с другом.

Характерны и другие факторы, например доминирование интересов экономического сотрудничества с основными торговыми партнерами (для РК — КНР, для России — страны ЕС, СНГ, КНР). Так, объем торговли между Россией и Южной Кореей в 2012 и 2013 гг. году составил всего 1/10 часть объема торговли между Южной Кореей и Китаем, равного 256 млрд долл.¹² В то же время, по оценке Минэкономразвития на 2013 г., внешнеторговый оборот России составил 848,1 млрд долл. (0,1 % к 2012 г.), в том числе экспорт — 528,0 млрд

долл. (+0,2 %), импорт — 320,1 млрд долл. (+0,1 %), т. е. по параметрам внешней торговли РФ осталась в показателях 2012 г.¹³ При разрыве в объемах внешнеторговых товарооборотов Южной Кореи (в 2013 г. 1,070 трлн долл.) и России (в 2013 г. 848,1 млрд долл.) доля торговли с Южной Кореей для России составила всего 2,9 %, а для РК — 2,3 %¹⁴. Для сравнения: доля торговли с КНР во внешнеторговом обороте Южной Кореи поднялась до 26 %¹⁵.

Разрыв в объемах инвестиций еще более показателен: в целом южнокорейские фирмы вложили в Китай 56 млрд долл., а в Россию — всего 1,9 млрд¹⁶. Между тем, объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию за прошедший год вырос на 84 % и составил 94 млрд долл. Таким образом, в общемировом рейтинге притока ПИИ Россия впервые заняла 3-е место, говорится в отчете Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Еще в 2012 г. Россия была лишь на 9-м месте по объему притока ПИИ (51 млрд долл.)¹⁷.

В целом же, с момента установления дипломатических отношений между Российской Федерацией (бывшим СССР) и Республикой Корея в 1990 г. российско-южнокорейские связи получили стремительное развитие и охватили практически все сферы сотрудничества. Важную роль в этом сыграли встречи на высшем уровне. За прошедший период президенты двух стран встречались 24 раза.

К настоящему времени создана разветвленная договорно-правовая база двустороннего взаимодействия: заключено более 50 соглашений по торговле, о гарантиях инвестиций, по рыболовству, по предотвращению двойного налогообложения, о сотрудничестве в военно-технической области, в сфере мирного использования атомной энергии, о культурном обмене, о безвизовом пребывании граждан одного государства на территории другого в течение 60 дней для владельцев всех типов загранпаспортов.

Республика Корея входит в число 20 крупнейших экономик мира, обладает внушительным промышленным, технологическим и научным потенциалом. Устойчиво-динамичное развитие и качественные изменения, происходящие в послекризисный период (после финансового кризиса 1997—1998 гг.) в южнокорейской экономике, позволяют ее отнести к числу стран, оказывающих заметное влияние на региональные и глобальные процессы в мире. Активно уча-

ствуя в крупнейших экономических интеграционных группировках и организациях (ОЭСР, АТЭС, ВТО и др.), Республика Корея стремится стать региональным деловым центром Северо-Восточной Азии. Сегодня Республика Корея является высокоразвитой страной с населением 50 млн человек, ВВП (ППС) — 1,509 трлн долл. и 2%-ным ростом ВВП¹⁸. Все это во многом объясняет то, что за 20 с небольшим лет развития двусторонних отношений Республика Корея вышла на 3-е место в списке внешнеторговых партнеров России в Северо-Восточной Азии¹⁹. Республика Корея занимает 11-е место (удельный вес — 3,0 %) среди внешнеторговых партнеров Российской Федерации.

Как уже отмечалось ранее, экономики двух стран отличаются взаимодополняемостью. Российская Федерация — это страна с населением в 143 млн человек, ВВП — 3,272 трлн долл., ростом ВВП 3,4 %²⁰ и главная кладовая сырья в мире, что является фактором ускорения экономического роста и увеличения веса в мировой экономике.

В экономическом плане для Южной Кореи, практически лишенной минеральных и иных сырьевых ресурсов, крайне привлекательно участие в разработке природных богатств Сибири и Дальнего Востока России. Одновременно РФ представляет собой перспективный рынок для сбыта южнокорейской промышленной продукции²¹.

В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. сказано, что «сотрудничество с Японией и Республикой Корея необходимо использовать в первую очередь для получения технологий. Развитие связей с этими государствами будет идти по следующим направлениям: диверсификация экспорта товаров и услуг, в том числе с использованием возможностей создания совместных предприятий и обеспечения благоприятных условий доступа на рынки государств-партнеров»²².

К настоящему времени создана широкая договорно-правовая база российско-южнокорейского сотрудничества. Между двумя странами заключены соглашения о торговле, о гарантиях инвестиций, предотвращении двойного налогообложения, в военно-технической области, о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, о культурном обмене, предупреждении незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла морских живых

ресурсов и др. На межправительственном уровне действует Российско-корейская совместная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, включающая десять отраслевых комитетов и подкомиссий. Статистика торгово-экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея внешне выглядит весьма положительно. Внешнеторговый оборот с 1992 по 2012 г. увеличился в 130 раз — со 190 млн до 22,5 млрд долл. При этом российский экспорт составил 11,4 млрд долл., импорт из Республики Корея — 11,1 млрд долл. Двусторонняя торговля, по сути, сводится к обмену российского топлива, сырья и морепродуктов на южнокорейскую готовую промышленную продукцию²³.

Основные товары российского экспорта в Республику Корея в январе—августе 2013 г.:

- минеральное топливо, нефть и нефтепродукты — 7,1 млрд долл. (удельный вес в российском экспорте — 79,3 %, увеличение поставок данной товарной группы по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. на 2,5 %);
- продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 846,6 млн долл. (удельный вес в российском экспорте — 9,4 %, увеличение поставок данной товарной группы по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. на 15,1 %);
- металлы и изделия из них — 639,8 млн долл. (удельный вес в российском экспорте — 7,1 %, сокращение поставок данной товарной группы по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. на 20,5 %).

Основные товары российского импорта из Республики Корея в январе—августе 2013 г.:

- машины, оборудование и транспортные средства — 5 млрд долл. (удельный вес в российском импорте — 72,2 %);
- продукция химической промышленности — 929,4 млн долл. (удельный вес в российском импорте — 13,4 %);
- металлы и изделия из них — 413,3 млн долл. (удельный вес в российском импорте — 5,2 %)²⁴.

В начале 2000-х годов, как видно из таблицы, идет поступательный рост товарооборота между двумя рассматриваемыми странами. Мировой кризис привел к падению товарооборота в 2009 г. в 2 раза

Таблица 1. Экспорт и импорт РФ в торговле с Республикой Корея, млн долл.

Год	Экспорт	Импорт	Товарооборот	Сальдо торгового баланса
1992	74,83	118,08	192,91	-43,25
1993	974,82	601,17	1 575, 99	373,65
1994	1229,651	963,09	2192, 660	266,56
1995	1892,880	1418,366	3311, 246	474,51
1996	1810,266	1968,701	3778, 967	-158,44
1997	1534,782	1767,932	3302, 714	-233,15
1998	998,58	1113,845	2111, 903	-115,27
1999	1590,468	637,05	2 227, 473	953,42
2000	2058,264	788,13	2846, 277	1270,137
2001	1929,476	938,16	2867, 492	991,31
2002	2217,604	1065,875	3283, 479	1151,728
2003	2521,780	1659,118	4180, 898	862,66
2004	3671,455	2339,328	6010, 783	1332,126
2005	3936,622	3864,169	7800, 791	72,45
2006	4572,967	5179,247	9752, 214	-606,28
2007	6977,477	8087,745	15065, 222	-1110,268
2008	8340,060	9747,956	18 088, 016	-1407,896
2009	5788,759	4194,066	9982, 825	1594,692
2010	9899,456	7759,836	17 659, 292	2139,620
2011	10 852,170	10 304,879	21 157, 049	547,29
2012	11 354,318	11 097,138	22 451,456	257,18
2013	11 495,499	11 149,103	22,644,602	346,4

Источник: Корейская таможенная служба (Korea Customs Service). Февраль 2014; ФТС.

по сравнению с 2008 г., но как мы видим из статистики, в 2010 г. взаимный обмен почти вышел на уровень 2008 г., а в 2011 г. увеличился еще больше. Однако ни в России, ни в Республике Корея нынешний уровень двусторонних отношений не вызывает удовлетворения. Согласно данным Федеральной таможенной службы РФ, товарооборот с Южной Кореей за январь—февраль 2014 г. составил 4021,8 млн долл. или 3,5 % от общего товарооборота. Показатели за тот же период в 2013 г. составили 3435 млн долл. и 2,7 % соответственно, что демонстрирует позитивную динамику развития торговых отношений между Россией и Республикой Корея²⁵. С одной стороны — это положительная динамика, с другой — этого мало. Россия занимает 11-е место среди внешнеторговых партнеров Республики Корея, в том числе 12-е по экспорту и 9-е по импорту²⁶. Эти показатели далеки от показателей товарооборота, которые имеет Республика Корея с такими странами, как США, Япония, Китай и др. Так, товарооборот Южной Кореи с Японией перевалил за отметку в 94 млрд долл., с США — 106 млрд долл. и с Китаем — 228 млрд долл.²⁷

Стоит отметить, что экспорт товаров и услуг РК в 2012 г. составил 56,5 % от ВВП²⁸, что является довольно высоким показателем и демонстрирует сильную зависимость экономики Южной Кореи от внешнего рынка и важную роль торговли для этой страны.

Структура взаимной торговли во многом консервативна и архаична: Россия поставляет преимущественно нефтепродукты и минеральное сырье, Корея — продукцию машиностроения, электронику, товары массового потребления. В результате любое ценовое колебание по данным товарным группам на мировых рынках сказывается на товарообороте в целом²⁹.

В структуре российского экспорта в Республику Корея доминируют поставки сырьевых товаров: топливо и минеральные продукты (79 %), металлы и изделия из них (9 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (8 %).

Структуру импорта формируют: машины, оборудование и транспортные средства (78 %), продукция химической промышленности (11 %), металлы и изделия из них (5 %)³⁰.

Сложившаяся на сегодняшний день структура двусторонней торговли все-таки является достаточно уязвимой применительно ко

Таблица 2. Структура внешней торговли России и Республики Корея

Основные товары российского экспорта в Республику Корея	Удельный вес в экспорте, %	Основные товары российского импорта из Республики Корея	Удельный вес в импорте, %
Минеральное топливо, нефть и нефтепродукты	79,2	Машины, оборудование и транспортные средства	77,3
Металлы и изделия из них	8,9	Продукция химической промышленности	10,9
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	7,2	Металлы и изделия из них	5,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,8	Текстильная продукция, обувь	1,62
Машины, оборудование и транспортные средства	1,4	—	—

Источник: Суслина С.С. Традиционные и новые сферы двусторонней торговли // Россия—Республика Корея: к новой повестке двусторонних отношений: рабочая тетрадь / Г.А. Ивашинцев (рук.) и др.; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2013. С. 28.

всякого рода кризисам, которые периодически случаются. Вопрос о диверсификации торговли в полном объеме стоит перед российскими и южнокорейскими компаниями³¹.

9 июля 2013 г. в Сеуле была проведена 13-я сессия Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Особая роль в достижении компромиссов и разрешении разногласий, возникающих между партнерами, принадлежит бизнес-форумам, которые весьма распространены при реализации экономической дипломатии двух стран. В ноябре 2013 г. прошел шестой бизнес-диалог России и Южной Кореи.

Во время визита в ноябре 2013 г. в Сеул В.В. Путин представил свое видение перспектив экономического сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности с Южной

Кореей. Он отметил, что Республика Корея входит в число 20 крупнейших экономик мира, обладает внушительным промышленным, технологическим и научным потенциалом. Это во многом объясняет то, что за двадцать с небольшим лет развития двусторонних отношений Республика Корея вышла на 3-е место в списке внешнеторговых партнеров России в Азии. Только за последнее десятилетие объем взаимного товарооборота увеличился в 13 раз. В 2012 г. он достиг уровня 25 млрд долл., а за девять месяцев 2013 г. составил свыше 18 млрд — рост более чем на 2 %, и это в условиях непростой ситуации в мировой экономике³².

Существенная часть капиталовложений южнокорейских компаний, объем которых к июню 2013 г. составил порядка 1,9 млрд долл. (1247 проектов), шла в РФ по линии прямых связей на региональном уровне. В первую очередь, это капиталовложения в российский Дальний Восток (лесоразработка, гостиничный комплекс, сельское хозяйство, сборка). В основном южнокорейские инвестиции направлялись в промышленный и топливно-энергетический сектора экономики России. Эти инвестиции внесли свой вклад в превращение ДВФО в важное звено двусторонних торгово-экономических связей (более 40 % всего российско-южнокорейского товарооборота). Наметилась тенденция «разворота» южнокорейских инвесторов в сторону инфраструктурных и крупных региональных промышленных проектов. Из России в южнокорейскую экономику всего поступило прямых инвестиций на сумму 152,4 млн долл. в 594 проекта³³. И это при том, что общий объем российских прямых зарубежных инвестиций вырос с 2000 г. в 18 раз, достигнув 362 млрд долл.³⁴ Здесь следует отметить пассивность российских государственных и частных инвесторов при наличии и ряда объективных обстоятельств (недостаточный объем необходимой коммерческой информации и т. д.).

На более активное продвижение южнокорейского бизнеса в Россию сдерживающее влияние продолжают оказывать: неудачный опыт их деятельности в России в 1990-х годах; проблема урегулирования долга перед РК, доставшегося РФ от СССР (вопрос урегулирован лишь в 2004 г.). Таким образом, только спустя 14 лет после установления дипломатических отношений были созданы нормальные

финансово-кредитные условия для инвестирования южнокорейскими компаниями в Россию. В результате только за 2005—2012 гг. объем южнокорейских инвестиций увеличился почти в 10 раз.

В настоящее время в России успешно работает около 600 корейских компаний в самых различных областях — от энергетики до приборостроения и сферы услуг. Среди наиболее успешных примеров — автосборочное предприятие «Хендэ мотор» в Санкт-Петербурге, заводы компаний «Эл-джи электроникс» и «Самсунг электроникс» соответственно в Московской и Калужской областях, сборка автомобилей «КИА» на предприятии «Автотор» в Калининградской области.

Однако в современных условиях уже проявляется реальная угроза замедления темпов развития торгово-экономического сотрудничества России с Южной Кореей, если оно не перейдет на более высокий уровень, где будут задействованы новые возможности для его расширения с акцентом на активизацию инновационных и инвестиционных обменов. Для современной России важно встроиться в процессы, происходящие практически одновременно во всех странах СВА и связанные с расширением регионального спроса на инновационную продукцию.

Перспективы российско-южнокорейского экономического сотрудничества

Возможности для расширения сотрудничества есть по очень многим направлениям. Прежде всего, необходимо сбалансировать консервативную структуру взаимной торговли, когда Россия поставляет преимущественно нефтепродукты и минеральное сырье, а Южная Корея — продукцию машиностроения, электронику, товары массового потребления. Любое ценовое колебание по данным товарным группам на мировых рынках сказывается на товарообороте в целом.

Нужно переходить к формированию прочных технологических и промышленных альянсов, реализовывать крупные инфраструктурные проекты глобального и регионального масштаба, в первую очередь в регионах российского Дальнего Востока. Значительный

потенциал российско-южнокорейского взаимодействия по-прежнему связан с освоением на двустороннем и многостороннем уровнях минеральных и энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Приоритетными направлениями взаимовыгодного экономического сотрудничества России с Республикой Корея являются крупномасштабные инвестиционные проекты, связанные с освоением природных ресурсов российских регионов. Эти проекты органично вписываются в стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. Прорабатываются проекты, предусматривающие масштабный экспорт в Южную Корею российского сжиженного газа, нефти и электроэнергии, взаимодействие в автомобиле- и судостроении, мирном использовании ядерной энергии, в областях информационных технологий и связи, в финансовой сфере, в строительстве объектов инфраструктуры зимней Олимпиады Сочи-2014, освоении космоса. В январе 2013 г. состоялся успешный запуск ракеты-носителя «Наро» совместной российско-южнокорейской разработки.

Особую ставку предлагается сделать на экономическую интеграцию в АТР, привлечение прямых иностранных инвестиций, создание конкурентных условий для размещения экспортно-ориентированных производств, прежде всего нацеленных на рынки АТР. Южнокорейский бизнес мог бы сыграть в реализации этих планов заметную роль. Договоренности об инвестиционном сотрудничестве вышли за пределы национальных границ, когда во время визита В.В. Путина в ноябре 2013 г. был подписан Меморандум о намерениях сотрудничать в области железнодорожного сообщения. Южнокорейские фирмы Posco, Hyundai Merchant Marine и государственная компания Korail могут получить почти половину российской доли в RasonKonTrans, составляющей 70 % акций, в 340-миллионном проекте, который только что завершил модернизацию 54 километров путей от о. Хасан до северокорейского порта Раджин³⁵.

В качестве мер по стимулированию инвестиционной деятельности по предложению южнокорейской стороны Российский фонд прямых инвестиций и Корейская инвестиционная корпорация создают инвестиционную платформу в объеме 1 млрд долл.,

а по российской инициативе Внешэкономбанк и корейский Эксимбанк формируют целевой финансовый механизм с тем же объемом средств³⁶.

Наряду с традиционными поставками нефти (Роснефть ежегодно поставляет 1,3 млн т) и газа (Газпром — 1,5 млн т СПГ) прорабатываются вопросы производственной кооперации в этой сфере. В частности, речь идет о совместном строительстве крупных заводов по производству сжиженного природного газа на Ямале и российском Дальнем Востоке. РК и Россия обсуждают вариант поставок газа через территорию Китая. Для России приоритетом являются, безусловно, поставки сжиженного природного газа, однако Сеул предлагает рассмотреть варианты поставок трубопроводного газа, который стоит в среднем на 30 % дешевле. (Предлагалось два варианта проекта: прокладка трубы через Китай и по дну Желтого моря либо из Владивостока по дну Восточного моря.)

Перспективное направление — развитие инфраструктуры Северного морского пути в интересах поставок углеводородов, а это значительные заказы для судостроительной отрасли, совместная работа по модернизации портовой инфраструктуры и портового хозяйства в целом. Причем в судостроении нужно переходить от простой схемы «заказчик—поставщик» к тесной производственной кооперации. У России есть уникальная возможность развивать свое судостроение на Дальнем Востоке, причем на совершенно новой платформе.

Инвестиционный интерес для южнокорейских компаний может представлять также участие в совместном использовании транспортного коридора между АТР, странами Центральной Азии и Европой. Принято решение о запуске проекта по модернизации БАМа и Транссиба. На эти цели выделяются значительные средства, в том числе из резервных фондов России. ОАО «Российские железные дороги» уже провели реконструкцию участка железной дороги Хасан—Раджин. В северокорейском порту Раджин ведется строительство перегрузочного терминала. Таким образом, сделаны первые, но практические важные шаги по реализации возможного трехстороннего проекта соединения Транскорейской магистрали с Транссибом. Россия рассчитывает на активное подключение южнокорейских инве-

стором к этому масштабному проекту. Реализация этих планов не только принесет ощутимую экономическую выгоду, но и станет важным вкладом в обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове, да и вообще в Северо-Восточной Азии в целом.

Приоритетом российско-южнокорейского экономического сотрудничества должно стать развитие взаимодействия в высокотехнологичных областях. Большие возможности для взаимного сотрудничества двух стран недоиспользованы в создании взаимовыгодных альянсов ведущих компаний, обмене опытом и технологиями, развитии прикладной науки. В частности, запущен совместный проект Фонда «Сколково». (Фонд «Сколково» и Совет по исследованиям в области промышленности, науки и технологий Республики Корея подписали документ о совместной работе.) Среди высокотехнологичных отраслей особого внимания заслуживает медицина. Для России важно переплетение социального и инновационного аспектов совместных проектов. Остается недооцененным потенциал сотрудничества на уровне малого и среднего бизнеса. В 2012 г. при содействии Минэкономразвития и торгпредства были организованы 4 российские бизнес-миссии в Южную Корею, в 2013 г. — уже 13. Активно работают регионы. Были организованы визиты в Корею делегаций Камчатского, Приморского и Хабаровского краев, Свердловской, Магаданской, Омской, Сахалинской, Свердловской областей³⁷.

К сожалению, качественных изменений в структуре торговли и российском экспорте пока не наблюдается. Более 95 % поставок в Южную Корею приходится на три товарные группы: минеральное топливо, нефть и нефтепродукты, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, металлы и изделия из них. Ситуация, когда торговля сводится к обмену российского сырья и энергоресурсов на готовую продукцию из Южной Кореи, требует изменений. У российских компаний есть, что предложить южнокорейским партнерам. Речь также может идти о сотрудничестве в таких сферах, как авиастроение, металлургия, химия и т. д.

Для России важно учитывать и то, что многие страны АТР, включая РК и других соседей по СВА, заключают со своими партнерами соглашения о свободной торговле. Это подчеркивает акту-

альность формирования в системе отношений России с РК новой инфраструктуры сотрудничества, адекватной складывающейся в регионе. Это затрагивает такие вопросы, как создание институциональных, правовых, административных и информационных условий развития экономических связей, позволяющих бизнесу каждой страны выстраивать свою региональную стратегию в соответствии с взаимно оговоренными критериями.

Развитие российско-южнокорейского торгово-экономического сотрудничества получило бы дополнительный импульс в случае позитивных изменений в межкорейских отношениях.

Приходится также констатировать, что несбалансированность экономических связей и отставание во взаимном инвестиционном сотрудничестве России с РК свидетельствует о том, что концепция стратегического партнерства пока еще представляет собой больше декларативную цель, чем сложившуюся реальность.

Примечания

¹ 78 стран принадлежат Евразии, насчитывая 71% всего населения Земли. Восточная часть Евразии начинается с Республики Корея. Евразийская инициатива, предложенная президентом Пак, представляет собой амбициозный план изменения основ глобальной экономики, дипломатии и географии национальной безопасности. Президент Пак назвала свой план мирного процветания Евразии «Воскрешение Шелкового пути». Используя метод Пак Кын Хе, можно обновить Шелковый путь, построенный в 200 г. до н.э., восстановив 6400 км его длины, начиная с центрального региона Китая, пройдя коридор Хэси (Nuxi Corridor), пустыню Такла-Макан и плато Памир, широкие равнины Центральной Азии, плато Ирана и наконец, дойдя до Средиземного моря.

² Прогноз Международного валютного фонда (IMF) в отношении перспектив мировой экономики на 2013—2014 года. URL: <http://www.webecconomy.ru/index.php>

³ Чарльз Хью Смит (Charles Hugh Smith) — популярный американский блогер-экономист. Автор 8 книг, изданных в США.

⁴ Четыре года назад центральные банки выбрали политику «расширяй и притворяйся»: она обогатила политиков и «финансовых аристократов». Правительство США за четыре года заняло 6 трлн долл., ФРС напечатала 2 трлн долл. наличных, а еще 16 трлн долл. потратила на помощь банкам и финансовому сек-

тору. Это поддержало систему, которая была создана до кризиса 2008 г. Цунами взятых займы и напечатанных денег дало надежду и тем, кто сейчас не знает, как расплатиться по долгам. Но доходы простых американцев снизились на 8 %.

5 Нуриэль Рубини, председатель правления Roubini Global Economics, профессор Школы бизнеса Стерна Нью-Йоркского университета. Project Syndicate, 2013.

⁶ Перспективы развития экономики России в 2014 году. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php>

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Речь Президента РФ о перспективах экономического сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности с Южной Кореей. 13 ноября 2013 года, Сеул. Заседание Российско-корейского бизнес-диалога.

¹³ Из речи заместителя министра экономического развития Алексея Лихачёва 28 января 2014 г. на семинаре для журналистов, организованном Минэкономразвития.

¹⁴ По подсчетам автора.

¹⁵ По данным KOSIS RK.

¹⁶ Речь Президента РФ о перспективах экономического сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности с Южной Кореей. 13 ноября 2013 года, Сеул. Заседание Российско-корейского бизнес-диалога.

¹⁷ Отчет Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). 2013.

¹⁸ World Development Indicators 2014. URL: <http://data.worldbank.org/sites/default/files/wdi-2014-ch1.pdf>

¹⁹ Заседание Российско-корейского бизнес-диалога URL: <http://www.kremlin.ru/news/19610>

²⁰ Там же.

²¹ Рабочая тетрадь. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2659#top

²² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

²³ Рабочая тетрадь. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2659#top

²⁴ Материалы Министерства иностранных дел России.

²⁵ Статистика внешней торговли // Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-февраль 2014 г. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095

²⁶ Посольство РФ в РК. URL: http://russian-embassy.org/ru/?page_id=26

²⁷ Korea Customs Service Export/Import by Country. URL: <http://english.customs.go.kr/kcshome/trade/TradeCountryList.do>

²⁸ ОЭСР Country statistical profile: Korea. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/country-statistical-profile-korea_20752288-table-kor

²⁹ Заседание Российско-корейского бизнес-диалога URL: <http://www.kremlin.ru/news/19610>

³⁰ Торгово-экономическое сотрудничество РФ и РК — портал внешнеэкономической деятельности Минэкономразвития.

³¹ Самсонова Виктория. Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество: десятилетие новых перспектив и возможностей. Доклад на 23-й конференции ИВД РАН Москва, 21—22 июня 2011 г. URL: http://www.eurasiahub.org/data/ftproot/20110621_22_23%EC%B0%A8%ED%95%9C%EB%9F%AC/12%20Report%20V.%20Samsonova.pdf

³² По данным Торгпредства РФ в РК.

³³ Там же.

³⁴ Федоровский А.Н. Затянувшееся ожидание инвестиционного бума. РСМД. RussianCouncil.ru

³⁵ URL: [@inosmi on Twitter | InoSMI on Facebook Меморандум о сотрудничестве между ОАО «РЖД», Компанией «ПОСКО», Корпорацией железных дорог Кореи и Компанией «Хендэ Мерчант Марин Ко., Лтд».](http://inosmi.ru/world/20131116/214840537.html#ixzz2w2RKcB57)

³⁶ Меморандум о взаимопонимании между государственной корпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» и Экспортно-импортным банком Республики Корея (КЕХИМ). Меморандум о взаимопонимании между Российской фондом прямых инвестиций и Корейской инвестиционной корпорацией о создании совместной инвестиционной платформы.

³⁷ Улюкаев А. У нас есть амбициозная задача — увеличить российско-корейский товарооборот до 30 миллиардов долларов. URL: <http://www.forumspb.com/ru/2014/sections/22/materials/196/news/173>

В.М. Мазырин

НОВЫЕ ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ МЕЖДУ РФ И СРВ

Экономическое сотрудничество России с СРВ переживает непростые времена. С одной стороны, оно достигло наивысшей точки за время после распада СССР, растет в объемах, имеет высокую динамику, становится более разнообразным. С другой стороны, наша страна отодвигается все дальше с передовых позиций в ряду ведущих партнеров Вьетнама, теряя свое влияние, что обусловлено рядом объективных причин. Заинтересованность Вьетнама в российских товарах, капиталах, технологиях неуклонно ослабевает по мере того, как они замещаются конкурентами с Запада и из Восточной Азии.

Переход в 2012 г. отношений России и СРВ в формат всеобъемлющего стратегического партнерства и поставленные в связи с этим задачи заметного расширения двусторонних торгово-экономических связей требуют принятия специальных мер, способных обеспечить необходимый прорыв. Среди такого рода мер в мировой практике широко применяется создание зон свободной торговли (ЗСТ) между странами-партнерами и особых экономических зон (ОЭЗ) внутри них, нередко взаимосвязанных. Для России эти задачи особо актуальны: она лишь недавно начала осваивать форму ОЭЗ, по сути, после вступления в ВТО, и до сих пор не имеет ни одной ЗСТ. Вьетнам, к примеру, создал их более десятка и продолжает работу в данном направлении. Кстати, падение конкурентоспособности РФ в

торговой и инвестиционной сферах во многом обусловлено тем, что наш рынок не приносит партнерам из СРВ тех преимуществ, которые они имеют в рамках ЗСТ и ОЭЗ с другими странами и которых российские компании, соответственно, не получают во Вьетнаме. Учитывая, что в таких зонах, как правило, действует режим «ВТО плюс», участие России во всемирном торговом клубе не дает должных преимуществ.

Цель данной статьи — оценить ход, значение процесса создания таких зон на двусторонней основе, влияющие на него факторы, дать прогнозы.

Зона свободной торговли

Общая характеристика и ориентация проекта

Изучение процесса создания ЗСТ с Вьетнамом — не настолько простая задача, как может показаться. Фактические данные о переговорах закрыты, в их освещении преобладают позитивные оценки и мало значащая информация, что осложняет достоверные выводы. Необычен даже для мировой практики и формат образования — партнера СРВ: переговоры она ведет не прямо с РФ, а с Таможенным союзом (ТС) в лице России, Белоруссии, Казахстана. Это уже создало немало организационных и технических трудностей для участников.

К тому же формат ТС меняется. В Союз уже принята Армения, а в скором будущем войдет и Киргизия, не говоря уже о других желающих вступить в него или создать ЗСТ с ним, в т.ч. странах — не членах СНГ. В свою очередь, на глазах меняются сферы и масштабы этого интеграционного объединения. Поначалу и недолго — всего 4 года — оно было достаточно узким, преследовало цель облегчения таможенного контроля и движения товаров без тарифных барьеров. Сегодня речь идет уже о самой высокой интеграционной форме — создании единого рынка товаров, услуг, капитала, рабочей силы, правового регулирования и т. п., причем в более широком составе, чем сложился первоначально.

Одобренное лидерами стран — участниц ТС образование с начала 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС)¹ означает,

что на пространстве СНГ как минимум развернуты усилия по созданию объединения, подобного Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС), которое действовало на Западе Европы с 1957 по 1993 г. и переросло в ЕС. Поскольку задачи, стоящие перед ТС, невозможно решить в столь короткий срок, хотя на этом пути имеются определенные успехи, повышение уровня и масштабов интеграции с предметно экономической точки зрения преждевременно. Но сегодня более широкий формат нужен, поскольку выступает альтернативой попыткам изоляции России со стороны западных партнеров. По сути, введение экономических и иных санкций коалицией США, ЕС и ряда их союзников не оставляет нам других вариантов действий. ЕАЭС создает прочную основу для укрепления собственного потенциала с опорой на экономикогеографические преимущества двух континентов.

Соответственно изменились предназначение, ориентация формируемого объединения. Сначала ЕАЭС позиционировался как мост между Европой, прежде всего ЕС, и Азией, возводимый Россией, чтобы повысить ее потенции в качестве одного из мировых лидеров. Фактически он призван объединить на новой, более прочной основе, по возможности и последовательно, прежде всего страны-члены СНГ. Многие эксперты оценивают ЕАЭС как проект президента РФ Путина по возрождению СССР. Но в новых международных условиях возросло значение интеграции с партнерами из Большой Восточной Азии и Тихоокеанского пространства: они особенно важны для России как новые локомотивы глобальной экономики и замена рынкам Запада.

Следовательно, формирование ЗСТ с Вьетнамом имеет для РФ наряду с экономическим и геополитическое значение. Привлечение к ЕАЭС этой страны, удаленной от наших границ, превратит его в перспективную международную структуру, а не некое подобие выжимки из СНГ. Всего от разных стран получено 35 заявок на сотрудничество с этим объединением. Среди них особенно привлекательна Индия². Так может быть сделан первый шаг к созданию крупного международного блока, не включающего США и КНР, но претендующего на видную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе³. Это — стратегический расчет России, о котором пока не говорится

прямо. ЕАЭС должен стать механизмом выстраивания отношений с другими интеграционными группировками и странами, поскольку мир идет к формированию континентальных, даже трансконтинентальных блоков. Стало очевидно, что многие вопросы решать в рамках ВТО довольно трудно и для углубления интеграции требуется региональный подход.

Конкретно такой партнер, как СРВ, привлекателен для создания ЗСТ. Он демонстрирует высокую динамику экономического развития, имеет широкий и не до конца насыщенный потребительский рынок, богатый выбор рабочей силы, полезных ископаемых, других ценных природных ресурсов, потенциал экспортного производства и опыт использования различных экономических зон для хозяйственного подъема. Достаточно сказать об участии Вьетнама в создании и работе таких крупных и успешных ЗСТ, как АФТА и КАФТА⁴.

Сближение с АТР при посредничестве Вьетнама означает движение к данной цели через АСЕАН, чьим неформальным лидером он и является. А «маленькая» АСЕАН, в свою очередь, — важный узел принятия решений для всего огромного АТР. Так что «вьетнамский вход» может принести большие и совершенно неожиданные выгоды на региональном направлении в целом. После приостановки в марте 2014 г. Новой Зеландией переговоров с Россией о создании ЗСТ Вьетнам остался ее основным партнером для выхода на рынки ЮВА на более льготных условиях, чем ныне действующие.

Этот путь также открывает выход в Южно-Китайское море, где Китай и несколько стран АСЕАН оспаривают друг у друга островные территории, и в спор вмешались США, однозначно выступающие как антикитайский игрок. Посредничество России — страны пока нейтральной, как и поддержка других членов ТС улучшили бы перспективы урегулирования конфликтов в этой «горячей точке» мира. Защита суверенитета — приоритетная задача для СРВ.

Большая группа стран, которые хотят присоединиться к новому формату сотрудничества с центром в России, недовольна гегемонизмом США и/или не желает попасть в зависимость от Китая. Западные санкции против нее могут вызвать и обратный эффект: не оттолкнут, а привлекут сторонников РФ. Советник президента РФ С. Глазьев считает, что «у ТС есть все, чтобы стать самостоятельным

игроком на мировой арене»⁵. Более того, для России ЕАЭС может быть альтернативой ВТО, а не только конкретным санкциям со стороны ЕС и США.

В целом тренд регионализации с успехом противостоит глобализации по-американски, и крупные экономические объединения берут на себя роль лидеров вместо отдельных мелких экономик. В Евразии возник ряд таких проектов. Китай, стремясь обустроить этот континент согласно собственным интересам, в лице председателя КНР Си Цзиньпина в октябре 2014 выдвинул идею создания «Экономической зоны Великого Шелкового пути». По форме и глубине интеграции китайский проект существенно отличается от нашего Евразийского экономического союза⁶, но факт конкуренции очевиден. Более того, в Пекине не понимают, насколько серьезен наш проект, а главное, что в нем фактически евразийского. Здесь считают, что Москва, много рассуждая о Сибири, Дальнем Востоке и АТР в целом, ничего конкретного не делает, занимаясь лишь выдавливанием Евросоюза из западной части СНГ⁷.

Концепция и практика создания ЗСТ

Переговоры по соглашению о Зоне свободной торговли между членами Таможенного союза и СРВ ведутся с марта 2013 г. согласно плану, принятому после завершения предварительной работы экспертной группы. В июле того же года в Сочи прошел шестой раунд переговоров, на декабрь 2014 г. был назначен седьмой. Стороны выразили готовность скорее решить все остающиеся вопросы и подписать соглашение о создании ЗСТ в начале 2015 г. уже с ЕАЭС — как только он начнет свою работу, а формат ТС исчерпает себя.

Россию новые обстоятельства, связанные с обострением кризиса на Украине, только подталкивают ускорить процесс. Не сможет его задержать, видимо, даже принятие в ЕАЭС новых членов, поскольку все переговорные полномочия переданы отдельными членами в Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК), что делает излишним согласование с каждым из них. Окончательную ясность должен внести визит в РФ генсека ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга в конце ноября 2014 г.

Хотя Союз оказался достаточно успешным проектом, сегодня он вошел в стадию кризиса роста: возникли вопросы, куда дальше дви-

гаться в смысле расширения и каким будет конечный этап евразийской интеграции? Внутри «тройки» уже сейчас есть значительные разногласия по этим вопросам. Они проявились в 2014 г. при обсуждении возможности приема в ТС Киргизии и Армении на заседании Высшего Евразийского экономического совета⁸. Казахстан и Белоруссия, хотя не заблокировали решение, обладая правом вето как члены Союза, недовольны этим расширением состава. По оценке эксперта М. Ремизова, оно нарушает принцип формирования Союза, а именно объединение стран со сходным социально-экономическим типом, имеющих сопоставимый уровень развития. К тому же экстенсивное расширение блокирует интенсивный рост, т. е. углубление интеграции⁹.

Особенно серьезные возражения вызывает участие Киргизии. Имея прозрачную границу с КНР, будучи сильно зависимой от дешевых китайских товаров, она открыто пропускает китайскую контрабанду и заинтересована в их реэкспорте на наш общий рынок. Очевидно, что это вызовет острую конкуренцию с поступающими через новую ЗСТ вьетнамскими товарами, нанесет ущерб Ханюю и имиджу ЕАЭС. Явления наркотрафика и незаконной миграции из Киргизии и Таджикистана также ставят серьезные проблемы. Сегодня СРВ явно проигрывает странам СНГ в конкуренции за рабочие места в России.

За основу строительства ЗСТ предложено взять комплексный подход, воплощающий современный тренд в развитии зон свободной торговли. Этот принцип означает «торговля плюс инвестиции» Речь идет о снижении барьеров, регулирующих и торговлю, и взаимные инвестиции, и мобильность рабочей силы, а также о том, чтобы идти по пути создания системы единых стандартов, экономических в первую очередь.

Иначе говоря, ЗСТ между ЕАЭС и СРВ должна помочь выгодному для всех участников освоению различных форм экономического сотрудничества, упрощенных в сравнении с теми, что действуют сегодня. Лежащая в основе любой ЗСТ активизация торгово-экономических связей создаст новые возможности для придания большей устойчивости экономикам наших стран.

Прежде всего, будет проведена либерализация торгового режима, чтобы способствовать расширению торговли товарами и услуга-

ми. При этом нужно решить ряд проблем, например, согласовать принцип установления страны происхождения товаров, чтобы не допускать фактической поставки их из третьих стран по льготным тарифам. Тем самым намечается препятствовать распространению «отверточной» сборки и стимулировать производственные проекты, дающие продукцию с высокой добавленной стоимостью¹⁰. Также важно установить порядок определения резидентов и нерезидентов будущей зоны свободной торговли.

Но для начала стороны согласуют тарифы, выделяют преференциальные группы товаров и услуг. Сообщается об успешном ходе переговоров, хотя конкретных цифр пока не приводится. Как показал опыт АФТА, это сложный и долгий процесс: страны АСЕАН потратили на утверждение и применение СЕПТ — списка преференциальных тарифов во взаимной торговле — 22 года. Такое согласование необходимо и для новой ЗСТ, поскольку вьетнамские товары имеют конкурентов в России, Белоруссии, Казахстане, иных странах СНГ и наоборот. Из важных позиций в номенклатуре экспорта СРВ к ним относятся, например, рыба и мясо (свинина), а экспорта РФ — металлопрокат, выпуск которого и поставка за рубеж налажены в рамках импортозамещения. Не исключено введение защиты на швейные, текстильные, обувные изделия, внутреннее производство которых увеличивается и испытывает конкуренцию растущего вьетнамского экспорта. Подобных примеров множество. Мнение о независимых встречных потоках, преобладающих в нашей торговле, дающих преимущество для ее развития, верно лишь отчасти и быстро устаревает.

Ханой рассчитывает на установление нулевых пошлин на свои товары, поставляемые в ЕАЭС, как сделали Китай, Сингапур с самого начала работы КАФТА. Но такие льготы Вьетнам вряд ли получит. Упомянутые товары, скорее всего, попадут в список «чувствительной» и ограниченной к поставке продукции. Подобные защитные меры широко применяются во многих ЗСТ, включая АФТА, и приняты вьетнамской стороной, а значит, не смогут быть ею оспорены. Она сама вводит аналогичные ограничения на конкурирующие товары, причем вступление в ЕАЭС стран с очень разным уровнем развития экономики и, соответственно, более широким набо-

ром таких товаров может оказать лишь сдерживающее воздействие на получение Вьетнамом новых преференций. Чем больше членов СНГ войдет в наш общий рынок, тем сложнее будет положение СРВ в этом плане и труднее поиск компромисса.

Пожалуй, лишь продукция тропического земледелия — в частности рис, специи, чай и кофе, фрукты, каучук¹¹ — и электронной промышленности, причем не вся, будет востребованной и получит нулевые тарифные ставки. Но поскольку спрос на нее устойчив в иных странах, СРВ может выгоднее направлять ее туда, где она получит больше прибыли, в том числе за счет меньших транспортных расходов, например в Европу. Это подтверждается падением доли аграрных и морепродуктов во вьетнамском экспорте в РФ.

На переговорах с СРВ стоит вопрос о том, чтобы сохранить импортные пошлины на рис из этой страны. Министр по торговле ЕЭК А. Слепнев отметил в связи с этим, что в рамках любого соглашения о свободной торговле предусмотрены изъятия по ряду товаров, импортные пошлины на которые остаются или снижаются медленнее, устанавливается переходный период. Предполагаемое сохранение ЕАЭС пошлин на рис обусловлено особой чувствительностью аграрного сектора стран — членов Союза, разницей в конкурентных условиях¹².

В целях защиты отечественного производителя недавно правительство РФ обсудило другие меры по ограничению импорта риса. Для этого ЕЭК предложено разрешить в рамках единой системы тарифных преференций на три года отменять преференции в отношении отдельных развивающихся стран, если доля их импорта по любой позиции таможенной номенклатуры ТС за этот период превзошла 12,5, или 15 %. Учитывая, что Вьетнам — самый крупный экспортер риса в Россию, а совокупный показатель импорта на нашем рынке риса превышает 28 %, он попадет под действие этой нормы в случае ее принятия¹³. Это предложение Россия рассматривала до введения контрсанкций на импорт продовольственных товаров из ЕС, поэтому сегодня старается заменить, их в том числе вьетнамской продукцией, и, видимо, не будет поднимать вопрос об исключении риса и других подобных товаров из перечня преференций в нашей торговле.

Вряд ли Вьетнаму понравится, конечно не формально, а практически, строгое отношение в Союзе к параллельному импорту, которое реализуется через рабочую группу в рамках ЕЭК. Она руководствуется европейским опытом построения единого таможенного пространства, где также действует региональный принцип исчерпания прав (т. е. то, что введено в оборот на территории одной из трех стран, будет вращаться в границах нашего общего рынка беспрепятственно). Это требует пресечения ввоза в ЕАЭС товаров без разрешения правообладателя. Отказ от параллельного импорта дает защиту инвесторам, которые не только импортируют продукцию, но и выпускают ее в границах Союза под конкретным брендом. В то же время не исключены изъятия по некоторым группам товаров, например допуск в параллельном режиме высокотехнологичных потребительских товаров¹⁴.

Наряду с торговлей в рамках ЗСТ и далее ЕАЭС решено содействовать развитию производственного сотрудничества, активной реализации крупных промышленных, инфраструктурных проектов. По словам президента России, договор о Евразийском экономическом союзе должен будет придать новое качество интеграции стран-участниц по сравнению с нынешними форматами — Таможенным союзом и Единым экономическим пространством. Он нацелен на проведение согласованной политики в ключевых сферах экономического регулирования¹⁵, влечет частичную передачу полномочий наднациональным органам. В этом кроется принципиальное отличие интеграции от кооперации.

Речь идет, прежде всего, о приоритетных отраслях, которые и сегодня формируют базу устойчивого сотрудничества сторон: машиностроении, энергетике, ИКТ, других секторах. Предпосылки для этого есть: только в России реализуется 17 проектов вьетнамских компаний стоимостью около 1 млрд долл., растет их количество и в других странах — членах ТС¹⁶. Без этого, как считают в ЕЭК, надстроечные финансово-торговые решения, имеющие псевдоэкономический характер, будут в итоге девальвироваться и вести к срыву намеченной евразийской интеграции. Упор на торговлю, выработку правовых основ регулирования сотрудничества признается недостаточным и нереалистичным. Участники переговоров о созда-

нии ЗСТ хотят просчитать интеграционные эффекты, четко определить бенефициара этого проекта или более широкого союза в будущем. Так можно избежать ситуации, в которой оказался Таможенный союз на начальном этапе, когда, по мнению ряда экспертов, наибольший экономический эффект получила Турция¹⁷.

Углубление интеграции и возможная реакция Вьетнама

Позиция вьетнамской стороны относительно более тесной интеграции с Россией и ЕАЭС в целом вполне очевидна, но при более детальном анализе выглядит неоднозначно. Когда готовность к этому была высказана впервые в 2011 г., Ханой прямо указал на желание стать членом ТС, причем сегодня этот факт на экспертном уровне отрицается и официально умалчивается. После пояснений относительно того, что страна, не имеющая общих границ с членами Союза, не может входить в него и образовывать единое таможенное пространство (как выяснилось позже, это вопреки всякой логике и практике, не так, о чем говорит будущее членство в ЕАЭС Армении и Киргизии), речь идет только о создании ЗСТ. Сам ход переговоров при этом освещается во Вьетнаме скудно, что, по нашему мнению, указывает на низкий рейтинг проекта и соответствующую ориентацию экспертного сообщества.

В то же время широко обсуждаются и в СРВ, и за рубежом действия ее правительства по подключению к другим подобным образованиям. Этот процесс находится на значительно более продвинутой стадии: формируются ЗСТ с ЕС и, по сути, с США — в форме участия в продвигаемом ими проекте Транстихоокеанского партнерства (ТТП), который последнее время приобрел приоритетный характер¹⁸. Особое внимание уделяется интеграции со своими непосредственными соседями согласно формуле АСЕАН+3, АСЕАН+6 и созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства в Восточной Азии (ВРЭП). Вьетнам фактически делает ставку на использование всех указанных и других объединений, зон одновременно, что отвечает его национальным интересам, максимально стимулируя экономический рост.

Россия ведет переговоры с СРВ, признавая, что каких-то формальных ограничений к созданию партнером ЗСТ с другими страна-

ми нет, и не ставит вопрос ребром: либо ТТП—ЕС, либо ТС, как перед Украиной и Молдовой. Тем не менее Москва, как и Брюссель, готова решительно защищать свое экономическое пространство от наплыва беспошлинных товаров из других ЗСТ. Конечно, есть важное отличие стран дальнего зарубежья от ближнего. Вторые подчиняются соглашению о зоне свободной торговли СНГ, что дает Таможенному союзу право задействовать механизмы защиты своего рынка. Приложение 6 к Договору о ЗСТ СНГ позволяет применять ненулевые ставки таможенных пошлин к членам ТС, которые заключили подобные соглашения с другими странами, если это привело к существенному росту импорта через «пересечение» зон свободной торговли. Возможно, аналогичное положение будет заложено и в Соглашение о ЗСТ с Вьетнамом. В целом непонятно, как такие страны будут сочетать регуляторные системы ЕАЭС и ЕС, например. Выбор в пользу ЕС создаст противоречия с другой системой по таможенному и транспортному регулированию, санитарному и миграционному контролю, причем наиболее ощутимы будут расхождения именно в области применения санитарных норм и в сфере миграционной политики¹⁹.

Необходимо помнить, что ряд параллельно существующих проектов уже конкурирует друг с другом, например, те же ТТП и ВРЭП. Не исключено, что в условиях нарастающей конфронтации Запада с Россией обе стороны заявят о нежелательности участия Вьетнама, учитывая стратегический характер партнерства с ним, в «недружественных» союзах (ЕС—ТТП / ЕАЭС), и данные форматы станут взаимоисключающими²⁰.

Ханой свои предпочтения пока не декларировал и, скорее всего, не будет. Совместить все форматы Вьетнаму очень хочется, но крайне сложно, что признают многие авторитетные местные эксперты²¹. Руководство СРВ, даже сознавая изменение парадигмы международных отношений и построения мировой политической системы, постарается уйти от осложнения отношений с любым из своих важных партнеров, тем более объединением. На практике значение каждого определяется их реальным экономическим весом и объемом сотрудничества. В виртуальном рейтинге зон свободной торговли, созданных или планируемых Вьетнамом, ЕАЭС по товарообороту занимает последнее место.

С США у Вьетнама есть соглашение о свободной торговле, подписанное раньше всех других. Благодаря ему двусторонний товарооборот вырос со 100 млн в 2000 г. до 30 млрд в 2013 г. (11,4 % внешней торговли СРВ), а объем прямых американских инвестиций без учета значительной доли оффшорных компаний — до 35 млрд долл. (17 %)²². Поэтому Вашингтон имеет возможность и будет склонять Ханой сделать «правильный» выбор. США рассчитывают увеличить число стран, которые ввели санкции против России. Консультации на эту тему ведутся с Китаем, Южной Кореей и Сингапуром. Отвечающий за них в госдепе США Д. Фрид пообещал, что переговоры о присоединении стран Восточной Азии к санкционному пакету продолжатся и Соединенные Штаты будут призывать другие страны проявить солидарность и наказать Россию за ее политику на Украине²³. Китай уже ответил отказом.

При участии в российском проекте возникает вопрос, как далеко Ханой готов идти по пути углубления взаимной интеграции. Оценим с этой целью вероятность, последствия вступления СРВ непосредственно в ЕАЭС с учетом уровня и принципов организации Союза. Будем исходить из предположения, что нашему партнеру в ходе переговоров объяснили эти вопросы.

В Таможенном союзе сложился общий рынок товаров и услуг, сняты все транспортные, фитосанитарные и ветеринарные барьеры, созданы системы единого технического регулирования, кредитования и финансирования через Евразийский банк развития (ЕАБР). При нем работает Антикризисный фонд Евразийского экономического сообщества (АКФ ЕврАзЭС)²⁴. На основе данных результатов, ввиду необходимости оперативного решения текущих вопросов, члены Союза передали ряд своих суверенных полномочий наднациональному органу, управляющему ТС, — Евразийской экономической комиссии²⁵. Может ли Ханой пойти на такие же «жертвы», если они обязательны для членов ТС—ЕАЭС? Сомнительно, с учетом того, как ревностно он отстаивает свои права и не принуждается к уступкам даже в давно действующих АФТА и КАФТА. Вспомним болезненную реакцию СРВ на ущемление своего суверенитета в ходе территориального конфликта с КНР за острова Южно-Китайского моря.

Следующим шагом по углублению интеграции будет общая платежная система. ЕАБР должен сделать банковские операции стран-участниц более устойчивыми к внешним шокам. Он как новый единый наднациональный орган финансового регулирования, вероятно, будет играть ту же роль, какую играет Европейский центробанк для стран еврозоны. Но Вьетнам, понимая степень зависимости своей экономики от американского доллара, только что согласился перейти в торговле с РФ на расчеты в национальной валюте. Перспектива же образования монетарного союза рассматривается вполне конкретно: начаты переговоры о введении к 2025 г. единой валюты ЕАЭС — алтына. Но эксперты, например генеральный директор РСМД А. Картунов, оценивают эту перспективу скептически²⁶. Судя по опыту ЕС и текущим проблемам евро, это — трудный и спорный процесс.

В развитии вьетнамской экономики огромную роль играет внешнее заимствование, но доступ к валютным ресурсам стран ТС, особенно России, окажется, в случае вступления СРВ в этот Союз, непростым. Недавний пример с выделением Белоруссии шестого транша кредита (440 млн долл.) показал, что члены Союза связаны достаточно строгими обязательствами. Совет АКФ ЕврАзЭС отложил решение о выдаче кредита из-за невыполнения заемщиком контрольных показателей стабилизационной программы (по подобию ЕС)²⁷. Скорее наоборот, Россия может захотеть использовать Вьетнам как канал получения дефицитных средств в условиях попыток США добиться ее финансовой изоляции. Но Ханой недавно начал переговоры о вступлении в Евразийский банк развития. Вопрос в том, призван ли этот шаг обеспечить работу СРВ в ЗСТ или является первым на пути к участию в ЕАЭС?

Позитивные эффекты создания ЗСТ для участников

Рассмотрим, какую же практическую выгоду для экономики способно принести создание ЗСТ членам Евразийского союза и Вьетнаму.

Россия, в плане доходов бюджета, получит немного — в зависимости от роста импорта из Вьетнама, который происходит в сравнении с нашим экспортом опережающими темпами. Более того, сни-

жение ввозных пошлин на вьетнамские товары, которые составляют в среднем 10—15 % (без учета преференций), при отставании нашего экспорта и умеренном росте импорта способно вызвать падение доходов государства. По этой причине обнуление ввозных тарифов вряд ли можно признать полезным, хотя такой эффект ЗСТ распространен и считается нормальным. Что касается выгод экспортеров и производителей российских товаров, то и они будут небольшими даже при обнулении тарифа, так как сегодня уровень налогообложения большей их части, представляющей собой сырье и полуфабрикаты, является во Вьетнаме в большинстве случаев очень льготным.

Общий товарооборот между РФ и СРВ в 2013 г. достиг почти 4 млрд долл. при том, что Вьетнам наторговал с Китаем на 50 млрд долл., с ЕС на 36 млрд, с США на 30 млрд и с Японией на 25 млрд долл.²⁸ Президенты России и Вьетнама поставили задачу довести объем взаимной торговли в 2015 г. до 7 млрд и в 2020 г. до 10 млрд долл.²⁹, причем расчет на эффект ЗСТ, видимо, был доминирующим. Но если данные прогнозы даже не сбудутся, Россия не понесет ощутимых потерь с учетом удельного веса Вьетнама в ее внешней торговле (0,5 %). Осторожность в ожиданиях определяют различные расчеты, включая простую экстраполяцию, например с учетом отсрочки на 5—6 лет начала строительства первой российской АЭС в СРВ, поставки оборудования для которой могут составить в среднем 1,5—2 млрд долл. ежегодно в течение 2016—2020 гг. (при его общей стоимости порядка 8 млрд долл.)³⁰.

Подтверждением сдержанной оценки эффекта создания ЗСТ между СРВ и ТС служит ориентировочный расчет влияния такого события на основной показатель экономического роста сторон — ВВП (табл. 1). Он показывает, что, *во-первых*, Россия получит в 7—8 раз меньшую выгоду, чем СРВ; *во-вторых*, она у обеих сторон возрастает в долгосрочной перспективе по сравнению с началом работы; *в-третьих*, в максимально льготных условиях эффект для них будет вдвое выше, чем при минимальных, и достаточно весомым³¹. Другие российские эксперты согласны с такой оценкой. Например, С. Пухов из Центра развития отмечает, что практические результаты соглашения о свободной торговле с СРВ могут оказаться довольно скромными³².

Таблица 1. Возможный прирост ВВП России и Вьетнама в результате создания зоны свободной торговли

Показатель	ВВП РФ, увеличение, %*		ВВП СРВ, увеличение, %*	
	Краткосрочный период	Долгосрочный период	Краткосрочный период	Долгосрочный период
Сценарий min	0,05	0,12	0,43	0,97
Сценарий max	0,10	0,26	0,85	1,80

Расчеты сделаны на базе GTAP по гравитационной модели.

Примечание. Усредненный показатель роста при сравнении на годичной основе.

Другие члены ТС и претенденты крайне заинтересованы в расширении товарообмена с СРВ, находящегося на минимальном уровне. Так, Белоруссия хочет поставлять на этот рынок продукцию индустрии — бытовую технику, машины, трактора, продукцию нефтехимии. Она даже готова вынести туда ряд производств с целью удешевить свою продукцию для потребителей ЮВА³³. Казахстан же стремится получить сырье для кондитерской и легкой промышленности, товары широкого потребления, которые дешевле завозить из Вьетнама, чем из Китая. Он также готов экспортировать большое количество металлов и другой промышленной продукции, хочет размещать заказы от дизайнерских и прочих фирм на вьетнамских фабриках³⁴. Новые возможности перед членами ЕАЭС открывает, как полагают эксперты, перевод производства транснациональных компаний из Китая во Вьетнам. Это поможет выдвиганию на рынки развивающихся стран — членов Союза товаров дополнительного перечня, снижению цен на них, прямому ознакомлению с передовыми технологиями и производственным, управленческим опытом.

Что касается новых инвестиционных проектов, то Казахстан, Белоруссия могут сделать лишь ограниченные капиталовложения в экономику СРВ, а будущие участники ЕАЭС из состава СНГ к этому тем более не готовы. Все они, конечно, с удовольствием примут

вьетнамские инвестиции в развитие своей промышленности и других отраслей, но решение останется за Ханоем.

Выгоды создания ЗСТ для **Вьетнама**, помимо общеэкономических (см. табл. 1), носят также геополитический характер. Ханой на протяжении уже двух десятилетий проводит курс на расширение своих внешних рынков и особенно заинтересован в этом в период после глобального экономического кризиса из-за снижения покупательной способности развитых стран. Сегодня малоосвоенные рынки стран СНГ стали более привлекательными. Члены ТС, прежде всего Россия, производят 85 % ВВП СНГ, что делает этого партнера особенно перспективным³⁵. Решение о ЗСТ с ними принято СРВ как ответ на переход к всеобъемлющему стратегическому партнерству с РФ и имеет политический смысл. Укрепление связей с ЕАЭС страхует Вьетнам от опасной экономической зависимости от КНР, облегчает получение военной и научно-технической помощи в условиях обострения территориальных споров в ЮКМ. В многополюсном мире ЕАЭС будет важным центром силы.

Конкретные экономические выгоды несет как расширение торговли, так и осуществление совместных инвестиционных программ. Размер этих выгод зависит от снижения тарифов на экспортные товары СРВ и расширения льгот для компаний-инвесторов, доступа к кредитам. Очевидно также, что Вьетнам заинтересован в экспорте рабочей силы на территорию ЕАЭС для решения проблем занятости, повышения доходов бедных слоев своего населения.

Особые экономические зоны

Особые экономические зоны были созданы в России в 2005 г. Основной их целью служит формирование высокотехнологичных отраслей экономики и импортозамещающих производств. Резиденты особых экономических зон в 2013 г. внесли в их развитие 30,2 млрд руб., что означает рост инвестиций по сравнению с 2012 г. на 12,7 млрд руб. Объем выручки резидентов составил 50 млрд руб., они создали 3145 рабочих мест³⁶.

С точки зрения географической близости и, соответственно, снижения транспортных расходов Вьетнаму выгоднее ориентироваться на Дальний Восток РФ. Так он во многом и делал при СССР,

но сегодня по объективным причинам связи нарушились. Правительство России призывает компании из СРВ строить здесь объекты транспорта, энергетики, легкой промышленности (швейное, обувное, пищевое производство), участвовать в добыче полезных ископаемых. Другой формой может быть совместная разработка богатейших аграрных, рыбных и лесных ресурсов края (изготовление мебели, глубокая переработка продукции рыбной промышленности), которые во Вьетнаме уже близки к исчерпанию. Таких предложений Ханой официально не делалось.

Россия, заинтересованная во вьетнамских инвестициях в эти отрасли, вырабатывает для дальневосточных регионов преференции. Вьетнам, как подтвердил накануне визита В.В. Путина в Ханой в ноябре 2013 г. президент Чыонг Тан Шанг, готов к взаимовыгодному сотрудничеству на российском Дальнем Востоке. Работа уже началась и с нашей стороны ведется, в том числе, путем развертывания особых экономических зон или, как их назвали вначале применительно к ДВО, территорий опережающего развития.

Лидерам Вьетнама в своей политике следует учесть, что Россия также ожидает участия Китая в решении двух главных проблем, препятствующих экономическому освоению Дальнего Востока, — отсутствия своих источников финансирования и катастрофической нехватки рабочей силы. Но полагаться исключительно на КНР российские эксперты считают рискованным и для Дальнего Востока, и для РФ в целом. Они справедливо указывают, что Китай будет решать данные проблемы с выгодой в основном для себя, а не для России, превращая наш Дальний Восток в сырьевой придаток для развития собственных северо-восточных территорий³⁷. В этом отношении участие Вьетнама выглядит предпочтительней, хотя имеет финансовые ограничения.

На Вьетнам может быть максимально ориентирована портовая особая экономическая зона (ПОЭЗ) «Советская гавань» в Хабаровском крае. Для создания этой ПОЭЗ, начатого в 2009 г., реализуется план развития инфраструктуры стоимостью 3,74 млрд руб. Проект содержит строительство современного многофункционального глубоководного порта, преимуществами которого являются удобное географическое положение, имеющаяся инфраструктурная основа,

морские акватории с глубинами до 28 м. Зона расположена в непосредственной близости к глобальным морским торговым путям и воздушным коридорам. Она обеспечивает:

- доступ к Татарскому проливу, являющемуся единственным природным убежищем для судов вне зависимости от направления ветра;
- доступ к Байкало-Амурской магистрали (восточная оконечность) — перевалочному пункту Западно-Восточного транзитного коридора;
- доступ к ускоренному транзитному пути с выходом к тихоокеанскому побережью США и Канады.

Среди основных видов деятельности, предлагаемых компаниям в ПОЭЗ, — перевалка железорудной продукции, контейнерных и других грузов. В том числе зона может принимать соответствующие грузы из Вьетнама и служить базой для отправки туда энергетического угля, нефти, нефтепродуктов и т. п. Особое внимание предполагается уделить развитию в зоне судоремонта и переработки биоресурсов, включая морские, что интересно СРВ. Ожидаемый экономический эффект создания ПОЭЗ в Хабаровском крае составит более 30 млрд руб. к 2020 г. в виде налоговых и иных отчислений в бюджеты всех уровней. Реализация проекта позволит создать свыше 4 тыс. рабочих мест, и часть из них РФ выгодно заполнить вьетнамской рабочей силой. Для начала под ОЭЗ отведено 290 га, затем площадь может быть расширена до 450 га³⁸.

Ряд зарубежных компаний выразил готовность приступить к реализации проектов в порту, и среди них есть вьетнамские. Власти Хабаровского края решили привлечь в Советскую гавань предпринимателей южновьетнамской провинции Кханьхоа. Стороны договорились построить ряд совместных предприятий легкой промышленности (в том числе по производству текстильных изделий, высококачественных пиломатериалов), тепличный агрокомбинат, развивать прибрежную переработку биоресурсов³⁹. Поскольку Советская гавань будет также новым перспективным портом, она может послужить новыми воротами для доставки в Россию грузов из СРВ и экспериментальной базой совместного освоения ресурсов ДВО.

Автор статьи три года предлагал использовать такую известную форму ограниченного применения льготного режима для капитала и товаров обеих сторон, как франко-порт, и рад, что инициатива поддержана именно этими партнерами. Было бы лучше опробовать данную форму до начала работы ЗСТ с Вьетнамом в масштабе сразу четырех, а возможно, и большего количества государств, но и ОЭЗ тоже полезны. Кроме того, такие зоны лучше защищены от влияния политической конъюнктуры и более безопасны.

Проект ПОЭЗ важен тем, что мог бы иметь партнера на другой стороне. Особую экономическую зону, ориентированную на Россию, целесообразно создать в порту Камрань и прилегающем городе-курорте Нячанг. При этом Камрани, где решено открыть СП по ремонту и обслуживанию российских судов Тихоокеанского флота (ТОФ), а также разместить первую в СРВ базу подводных лодок (за их производство, вооружение и обслуживание отвечает наша сторона), как зоне расположения этих объектов, видимо, придется дать специальный — предельно льготный статус. Тут предстоит строительство современной портовой инфраструктуры, промышленности. В городе Нячанг, который является лидером Вьетнама по приему на отдых россиян, можно совместно развивать курортную зону (включая торговые, рекреационные площадки), сооружать новые отели и т. д. Здесь же имеются большие возможности культурного и образовательного обмена. В целом эта ОЭЗ может стать каналом беспешинного ввоза в СРВ товаров, услуг и капитала из России, экспериментального освоения нового режима, местом расселения наших граждан и представителей малого бизнеса. Ее преимущество перед ЗСТ с ЕАЭС состоит в более простом режиме управления, больших налоговых и иных льготах, хотя они территориально ограничены.

В перспективе это позволит сформировать в провинциях южной половины СРВ, на которую исторически влияние СССР не распространялось, обширный кластер, тесно связанный в военном, торгово-экономическом, культурном и человеческом измерениях с Россией. В него войдут провинции Кханьхоа (Камрань-Нячанг), Ниньтхуан (наша атомная электростанция), Биньтхуан (с курортом Фантхиет, также популярным у россиян) и Бариа-Вунгтау (центр нефтегазодобычи и курортный район).

Видимо, Вьетнам можно будет привлечь и к развитию Крыма, так как он намного больше подходит для ведения дел вьетнамцами, привыкшими к жаркому южному климату. Здесь также решено создать ОЭЗ, которая будет устроена по образцу уже работающей в Калининградской области. Резиденты калининградской ОЭЗ, созданной в 1996 г., в течение первых шести лет освобождались от уплаты налогов на прибыль и имущество, на них не распространялся порядок обязательной продажи части валютной выручки. Для организации крымской ОЭЗ будет принят отдельный закон, по которому крупные инвесторы, готовые прийти в регион, получают налоговые льготы. Минфин не исключает введения в Крыму специального налогового режима. Срок действия особых условий в ОЭЗ в Крыму не превысит 49 лет, но это очень привлекательный период⁴⁰.

Правительство РФ планирует, что Крым будет частью причерноморской территории опережающего социально-экономического развития по аналогии с Дальним Востоком России. Здесь будут развиваться такие инвестиционные кластеры, как туризм, портовое хозяйство и ряд других. Также объявлено о привлечении инвесторов в ранее начатую Украиной добычу нефти и газа на шельфе Черного моря. Учитывая эффективное сотрудничество Газпрома и других российских компаний в разработке углеводородов в схожих условиях Южно-Китайского моря, а также участие Вьетнама в аналогичных проектах в РФ, было бы целесообразно привлечь его в ОАО «Черноморнефтегаз» в Крыму. В плане регионального сотрудничества аналогичной зоной в СРВ мог бы стать порт Вунгтау — центр местной нефтедобычи — или порт Дананг.

Взаимовыгодной формой привлечения вьетнамского капитала и рабочей силы в ОЭЗ может стать создание отдельных специализированных хозяйств — на Дальнем Востоке или в других регионах России, где имеются свободные земельные площади. Учитывая навыки мигрантов, избыток рабочих рук во вьетнамской деревне, заинтересованность сторон, желательность сформировать агропромышленные комплексы. Стимул для нашего партнера — получение в долгосрочную аренду (на срок не менее 50 лет) крупных земельных участков, обеспечение занятости и доходов для своих граждан, поставка дефицитной продукции или сырья в страну. России же организация та-

ких предприятий на основе иностранного капитала и полного хозрасчета поможет обеспечить продовольствием свое население, закрепить мигрантов за рабочими местами там, где они нужны, увеличить экспортные поставки в АТР, в том числе Вьетнам.

Конечно, для реализации этого проекта потребуются на начальном этапе определенные, хотя и небольшие, затраты по созданию необходимых условий для производства, жизни новых переселенцев. Но цель, учитывая небольшой выбор инвесторов у местной власти, оправдывает средства. Нужны также неординарные модели организации подобных хозяйств. Для них, видимо, подошла бы форма и СП, и предприятия со 100%-ным вьетнамским капиталом, которая обеспечит заинтересованность, в том числе в дополнительных инвестициях, и инициативность собственников. «Тонким» делом, учитывая негативный опыт российских нанимателей рабочей силы из СРВ, будет предотвращение ее бегства в крупные города и другие отрасли хозяйства. В решении этого вопроса вьетнамские эксперты предлагают опираться на опыт советского времени: на всех предприятиях, где работали вьетнамцы, они были негласно объединены в группы, за которыми повседневно наблюдали вьетнамские же «старосты», не мешавшие, а помогавшие местным кадрам.

Выводы

Подводя итоги нашего анализа, можно сказать, что Россия и Вьетнам активно и верно занялись освоением перспективных форм взаимодействия, направленных на углубление интеграции экономик двух стран. Создаваемая Зона свободной торговли с ЕАЭС является более сложной формой, особые экономические зоны — более простой и быстрее дающей отдачу, но менее выгодной в геополитическом плане. Несмотря на трудности, стороны отдают предпочтение первой форме: политические расчеты сегодня преобладают, экономические выгоды от создания ЗСТ ожидаются позже, особенно в РФ.

Готовность Вьетнама к дальнейшему сближению с Россией в условиях обострения международных отношений, прежде всего санкций против нее со стороны США и ЕС, подвергается испытанию.

Будет ли возросшая в последние годы зависимость Ханоя от США тормозить процесс сближения экономик СРВ и ЕАЭС, вот в чем вопрос. Кроме того, есть немало «технических» трудностей организации работы самой ЗСТ.

Евразийская интеграция привлекательна для Вьетнама и группы стран, не желающих быть в экономической, иной зависимости от Китая или Запада. Однако перспектива передачи в ЕАЭС части суверенных национальных прав наднациональным органам, скорее всего, будет сдерживать прямое участие Ханоя в этом объединении. К тому же только складывается модель интеграции ЕАЭС, непонятно, чем она отличается от модели развития ЕС, во многом себя скомпрометировавшей. Модель же АСЕАН, подходящая Вьетнаму, не рассматривается членами ЕАЭС.

России крайне важно определить на примере Вьетнама, как относиться к участию партнеров не из состава СНГ, прежде всего наиболее важных, в конкурентных интеграционных проектах, чтобы не повторить украинского сценария, не создать лишней конфронтации с братскими странами.

Примечания

¹ Проект ЕАЭС объединил другие проекты, действующие на территории СНГ — ЗСТ стран СНГ, Единое экономическое пространство, ТС, Евразийское экономическое сообщество, подняв планку интеграции и, соответственно, требования к участникам до высшей формы.

² Индия хочет заключить с ТС соглашение о стратегическом сотрудничестве, которое включает преференциальную торговлю товарами, сближение в сфере торговли услугами, инвестиционное взаимодействие. URL: <http://www.ved.gov.ru/news/13086.html>.

³ URL: www.terra-america.ru. 14.01.2014.

⁴ В Зоне свободной торговли АСЕАН (АФТА), созданной в 1992 г., в 2015 г. планируется завершить интеграционный процесс для всех участников, включая менее развитых. ЗСТ по формуле АСЕАН+1 с Китаем, действует с января 2010 г. За 2005—2013 гг. объем ее торговли товарами вырос со 130 до 444 млрд долл. Статистический ежегодник КНР 2013.

⁵ URL: http://rus.ruvr.ru/2013_03_05/Glazev-u-TS-est-vse-htobi-stat-samosto-jatelnim-igrokom-na-mirovoj-arene. 02.04.2014.

⁶ *Тавровский Ю.* Шелковый путь возвращается на карту мира // Независимая газета, 1.09.2014. URL: http://www.ng.ru/courier/2014-09-01/9_silkroad.html.

⁷ *Лукьянов Ф.* Евразийская интеграция не по-нашему // Российская газета — Федеральный выпуск № 6237 (261), 20.11.2013. Мнение китайской стороны изложено самим автором.

⁸ На этом форуме руководителей стран — членов ТС обсуждалось и принятие в его состав в скорой перспективе Таджикистана. Вопрос стоял также об Украине, но после произошедшего в феврале 2014 г. государственного переворота в этой стране он снят с повестки дня.

⁹ URL: <http://www.km.ru/spetsproekty/2013/12/25/organizatsiya-tamozhennogo-soyuzna/728770-tamozhennyi-soyuz-nado-rasshiryat-p>

¹⁰ Данное мнение высказал председатель коллегии Евразийской экономической комиссии В. Христенко: URL: <http://news.mail.ru/politics/12418466>. 20.03.2013. Твердое соблюдение критерия происхождения товара позволяет не распространять торговые преференции на товары, произведенные не в СРВ, а купленные ею у партнеров по другим ЗСТ, например с КНР или ЕС, иначе эти товары получают необоснованные преимущества.

¹¹ В эту группу может войти любая экзотическая или сегодня и в перспективе дефицитная для членов ТС продукция. Так, хорошие перспективы имеет поставка тропических цветов. Недавно компания Tuong Hoang из пров. Ламдонг начала поставку на наш рынок орхидей. Она построила дополнительно 6000 кв. м оранжерей // Saigon Times. 02.12.2013.

¹² URL: <http://news.mail.ru/politics/12418466>. 20.03.2013.

¹³ URL: <http://top.rbc.ru/retail/22/08/2014/944499.shtml>. Сейчас ставка ввозных таможенных пошлин на него составляет 13,3 %, но не менее 0,04 евро за 1 кг. После завершения переходного периода вступления России в ВТО ставка пошлины должна уменьшиться до 10%, но не менее 0,03 за 1 кг. Понятно, что такое поощрение импорта риса не в интересах поддержки внутреннего производства риса, и идет поиск сдерживающих мер.

¹⁴ URL: <http://www.km.ru/economics/>. 02.05.2013..

¹⁵ URL: <http://top.rbc.ru/economics/26/03/2014/913632.shtml>

¹⁶ Statistical Yearbook of Vietnam 2012. Hanoi, 2013. P. 184.

¹⁷ URL: <http://www.km.ru/economics/2013/03/19/organizatsiya-tamozhennogo-soyuzna/706412-tamozhennyi-soyuz-riskuet-razvalitsya>

¹⁸ Проект ТТП привлекателен тем, что потенциально его участники могут произвести до 40 % мирового ВВП и дать 30 % международного товарооборота,

направить во Вьетнам 50 % всех иностранных инвестиций, — *Con đường TPP của VN 'còn nhiều è gà'* // BBC, 11.02. 2014. Однако США ставят более жесткие условия участия в ТТП, чем другие группировки, и среди них ТС. Так, обычно при приеме не идет речи о соблюдении прав человека и т.п. В условиях обострения отношений с РФ Вашингтон, возможно, смягчит эти условия.

¹⁹ Россия предупредила Молдавию о рисках интеграции с ЕС // РИА Новости. 12.08.2014. Россия составила список претензий к договору Украины об ассоциации с ЕС // Lenta.Ru. 10.09.2014.

²⁰ Характерно, что ЕС ускорил переговоры с СРВ с целью заключить соглашение о свободной торговле до конца октября 2014 г., чтобы, видимо, опередить подписание Вьетнамом аналогичного соглашения с ТС. URL: <http://offshore.infinity-group.ru>, 15.08.2014.

²¹ Это дал понять генеральный секретарь АСЕАН Ле Лыонг Минь, отметивший приоритет создания Экономического сообщества АСЕАН до конца 2015 г. перед переговорами по ЗСТ с ЕС, — Centre for strategic & international studies. Newsletter Vol. V, Issue 6, 21.03.2014. URL: www.csis.org. В нашем понимании, его соображение касается и участия Вьетнама в ТТП.

²² Statistical Yearbook of Vietnam 2012. Hanoi, 2013. P. 527, 532, 539.

²³ США уговаривают Китай и Корею присоединиться к санкциям против России. URL: <http://top.rbc.ru/politics/22/08/2014/944309.shtml>

²⁴ Евразийский банк развития учрежден Россией и Казахстаном в январе 2006 г. В него входят также Армения, Белоруссия, Киргизия и Таджикистан. Банк содействует развитию экономики государств-участников и их торгово-экономических связей. Уставный капитал 1,5 млрд долл., активы 4,3 млрд. URL: <http://www.soyuz.by/news/ussr/7647.html>. 06.08.2014

²⁵ Поначалу участники ТС имели компетенцию установления таможенных пошлин, введения защитных или ответных мер, технического регулирования. Теперь эти полномочия из их компетенции изъяты. Решения комиссии подлежат немедленному исполнению в установленные сроки без переноса в национальные законодательства.

²⁶ *Кортунов А.* Создание Евразийского экономического союза было решено начать с чистого листа. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3743&active_id_11=58#top.

²⁷ РИА «Прайм». 30.12.2013.

²⁸ Tình hình kinh tế — xã hội Viet Nam năm 2013. URL: www.gso.vn. 23.08.2014.

²⁹ URL: <http://er.ru/news/2013/11/11/rossiya-vietnam-vmeste-k-novym-rubezhm-sotrudnichestva>.

³⁰ URL: www.customs.ru; www.customs.gov.vn; URL: <http://www.iarex.ru/news/27846.html>. 27.07.2012.

³¹ Ссылка на работу Центра АСЕАН для Минэкономразвития НА.

³² ЕС и Вьетнам договариваются о зоне свободной торговли URL: <http://www.investor.ru/news/25228>. 26.08.2014.

³³ URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1645922.html#ixzz2QAFjqj2G>.

³⁴ URL: <http://total.kz/economics/>. 17.04.2013.

³⁵ *Кортунов А.* Создание Евразийского экономического союза было решено начать с чистого листа. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3743&active_id_11=58#top.

³⁶ URL: <http://top.rbc.ru/economics/01/03/2014/908388.shtml>. Данные правительства России.

³⁷ *Виноградов О.А.* Нужен ли РФ союз с Китаем? URL: <http://www.odnako.org/blogs/nuzhen-li-rf-soyuz-s-kitaem>. 11.02.2014.

³⁸ URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/sez/main/zone04/zone4_02/. 02.03.2014.

³⁹ ExpoLife.ru. 25.12.2012.

⁴⁰ URL: <http://top.rbc.ru/economics/24/03/2014/913070.shtml>

Доклады на круглом столе в ИДВ 27 октября 2014 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В.М. Мазырин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ДО 2020 Г. — ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

1. Основные тренды глобальной экономики

Основными движущими силами мирового экономического развития будут инновации и глобализация. Благодаря глобализации мировая торговля будет расти быстрее, чем ВВП, инвестиционные потоки превзойдут объемы коммерческой торговли, возникнет общемировое финансовое пространство. При этом мировая экономика в целом не будет испытывать ограничений в части поставок ресурсов (сырья, материалов, труда), капитала и технологий.

Хотя баланс сил частично изменится, поскольку размер экономик США, ЕС и Японии уменьшится относительно развивающегося мира, тем не менее они останутся самыми крупными и богатыми странами с точки зрения доходов на душу населения. В результате сократится до сих пор большой разрыв в уровне развития между странами. Вес развивающихся стран в глобальной экономике возрастет практически исключительно за счет Восточной Азии, особенно вклада Китая. Несмотря на достижение многими странами этого региона высоких темпов роста, не всем им удастся избежать «ловушки среднего уровня доходов».

США продолжают поддерживать роль мирового лидера фундаментальной науки и НИОКР. Китай значительно ускорит свое развитие, но по-прежнему будет отставать от США и ЕС в плане общего уровня науки и исследований. Япония, как и прежде, будет заниматься фундаментальными исследованиями в ограниченном диапазоне областей знаний.

Пределы роста будут определяться как последствиями глобального финансово-экономического кризиса, так и, возможно, усилением странового протекционизма. Мир может ожидать повторение кризиса 2008—2012 гг., и новый виток грозит еще раз начаться с финансовых рынков. Китай — крупнейший среди развивающихся рынков ценных бумаг — наиболее уязвим в этом отношении. Главную угрозу нового кризиса будет представлять глобальный дисбаланс между динамикой сбережений и инвестиций в странах с различным уровнем развития.

Есть также угроза возникновения конфликтов между крупнейшими транснациональными корпорациями и отдельными государствами. Еще одно ограничение — бюрократизация и формализация мировой экономики, которая будет источником транснациональной коррупции.

2. Изменение глобальной обстановки и подъем Восточной Азии

Развивающиеся страны дают все большую долю мировой продукции, а товарооборот по линии Юг—Юг является самым быстрорастущим компонентом глобальной торговли. Восточная Азия находится на переднем крае этой трансформации. Компании данного региона становятся все более глобальными, а персонал — более инновационным.

Развивающиеся экономики Восточной Азии растут быстрее, чем экономики стран с высоким уровнем доходов, и сегодня их доля в мировом производстве составляет 1/3 по рыночным ценам и половину при измерении по ППС. Более того, разница между темпами роста развитых и развивающихся стран увеличилась, бизнес-циклы стали более синхронными. Развивающиеся страны становятся все более тесно интегрированными. Если они продолжают расти ны-

нешними темпами, их доля в мировой экономике в 2020-е годы повысится до половины в текущих ценах, и одновременно Китай станет крупнейшей экономикой в мире.

Развивающиеся страны обеспечат большую часть глобальных инвестиций в основной капитал, торговых и инвестиционных потоков. При этом Китай будет играть центральную роль: его подъем создаст большие возможности для других стран Восточной Азии и остального мира в плане роста, движения капитала и поддержания высоких цен на сырьевые товары.

Подъем развивающихся стран, как и изменения в мировой системе управления экономикой, скорее всего, приведут к созданию мира без доминирующего экономического полюса. В таком «беспольном» мире, вероятно, будут преобладать вовлеченные в кооперацию страны и торгово-экономические блоки. Это породит также риск роста регионализма и может свести на нет или сократить, как боятся либеральные экономисты, многие достижения глобализации за последние полвека.

Но с увеличением экономического веса приходят и новые обязанности. Восточной Азии предстоит увеличить вклад в создание глобальных общественных благ. Наряду с развитием международной торговли требуются усилия по улучшению международной финансовой архитектуры и глобального экономического управления. Восточная Азия также все более настойчиво утверждает свое место в глобальной иерархии. До сих пор ее роль в управлении международными экономическими институтами была второстепенной. Но такое положение дел начинает меняться благодаря, в том числе, Китаю и АСЕАН, которые активно участвуют вместе со странами региона в работе различных международных форумов и организаций.

3. Региональная интеграция и вклад Китая в процветание региона

С одной стороны, быстрый и устойчивый экономический рост Китая дал мощный импульс процессу региональной интеграции. С другой стороны, неуклонное расширение китайских инвестиций в

регионе и за его пределами ведет к увеличению как веса Китая в глобальной политике, так и рисков прямой конкуренции Китая со странами Восточной Азии на внешних рынках.

В свою очередь, углубление региональной интеграции обеспечит дополнительный стимул к росту в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе. Он будет особенно заметным на фоне вероятного падения темпов роста в странах с высоким уровнем доходов вследствие глобального экономического кризиса.

Региональная интеграция позволит Восточной Азии извлечь выгоду из динамизма китайской экономики. Снижение барьеров между странами региона стимулирует их более тесные связи с Китаем. Углублению региональной интеграции должна способствовать активизация торговли услугами, которая обеспечит преимущества странам с более высокой добавленной стоимостью в секторе услуг. Повышение роли этого сектора приведет к выигрышу в других секторах внутри страны и за рубежом и поддержит усилия по реструктуризации экономики в некоторых странах Восточной Азии, особенно в Китае.

Рыночно ориентированная интеграция обеспечит укрепление институтов и механизмов всеобъемлющего регионального экономического сотрудничества. Формирование зон свободной торговли в рамках Китай—Япония—Южная Корея и АСЕАН+ будет стимулировать внутрирегиональный спрос и может дать каждому из участников от 1 до 3 процентных пунктов прироста национального ВВП. Дополнительный импульс развитию финансовой интеграции в рамках интеграции услуг, как ожидается, даст повышение финансовой безопасности.

Сценарий на период до 2020 г. предполагает существенные изменения по всем представленным выше линиям. Потенциальный рост экономики региона, по оценкам, замедлится в среднем в год до 6,8 % в 2016—2020 гг. Несмотря на эти изменения, вклад накопления капитала в экономический рост останется значительным в среднесрочной перспективе. Соотношение инвестиций к ВВП, вероятно, будет сокращаться постепенно.

Другие факторы также могут повлиять на потенциал роста. Например, демографические прогнозы показывают, что общий уровень занятости начнет сокращаться в 2015 г. Удельный вес человече-

ского капитала на одного работника продолжит расти, при этом вклад многофакторной производительности (TFP) в экономический рост будет повышаться умеренно.

4. Рост региональной и глобальной роли Китая

Китайский вклад в мировую экономику, скорее всего, удвоится до 17 % с 2010 по 2030 г. при расчете в постоянных ценах. Он, предположительно, даст около 1/4 общего реального прироста мирового ВВП. Будущий уровень жизни китайского населения может подняться до нынешнего уровня жизни в развитых странах. В рамках рассматриваемого сценария ВВП Китая на душу населения достигнет в 2020 г. 5 тыс. долл. в постоянных ценах 2000 г., что аналогично доходам населения Турции и Малайзии в 2009 г.

Благоприятные перспективы для Китая служат хорошим стимулом для дальнейшего расширения общемировой и региональной торговли. Хотя реструктуризация экономики вызовет изменения в структуре импорта Китая, эти сдвиги будут минимальными, и определяющим станет расширение общих объемов. Дальнейшее увеличение промышленного производства, а также притока капитала повысит общий спрос на сырьевые товары.

Китайская экономика растет достаточно устойчиво, чтобы сохранить или усилить свои позиции во многих глобальных или региональных производственно-сбытовых цепочках, которые, вероятно, подвергнутся дальнейшей консолидации. Это приведет к созданию в Китае более диверсифицированной производственной базы и возникновению крупных отечественных предприятий, обладающих квалифицированной рабочей силой и потенциалом в сфере НИОКР.

Ожидается постепенный перенос промышленного производства из мест его текущего размещения в прибрежных провинциях Китая в другие районы и страны. Движение вверх по цепочке создания стоимости и подъем экономики в целом, как и дальнейший рост реальной заработной платы на некоторых экспортно-ориентированных предприятиях, подталкивает их к переезду на новые места. К таким местам относятся страны региона с низким уровнем себестоимости продукции и внутренние районы Китая.

Значительные выгоды Китаю и региону в целом могло бы принести увеличение экспорта услуг. Расширение торговли услугами позволит КНР диверсифицировать свою экспортную базу и обеспечить ее производителей необходимыми услугами.

Китай и ряд других государств Азиатско-Тихоокеанского региона, Индия будут увеличивать свою долю в международных потоках капитала. В то же время китайский рынок сам покажет быстро растущий спрос на внутренние сбережения. Это может создать риски относительной нехватки ликвидности в США и других развитых странах. Существует огромный простор для дальнейшего увеличения прямых зарубежных инвестиций Китая (ПЗИ). Это, вероятно, стимулирует общий рост инвестиций в регионе и усиление региональной интеграции.

Ослабление текущего контроля со стороны государства в КНР позволило бы направить большую часть ее сбережений для финансирования развития в Восточной Азии и, возможно, повлиять на курсы ряда национальных валют. Однако открытие экономики для мировых финансовых потоков также увеличит риски в финансовой системе Китая.

5. Воздействие социальных и природных факторов на развитие региона

Источником быстрого роста экономик Восточной Азии во многом стало ее молодое трудоспособное население. Демографический дивиденд обеспечил в регионе почти треть экономического роста в течение последних нескольких десятилетий. Однако начавшееся снижение рождаемости и старение населения в ряде крупных стран региона означает исчерпание демографического дивиденда. Влияние данного фактора на экономический рост, видимо, будет асимметричным и гораздо меньшим, чем в течение предыдущего десятилетия. Это отрицательно повлияет на экономический рост, но лишь незначительно. В то время как старение населения приведет к увеличению фискальной нагрузки и затрат на здравоохранение в зависимости от роли правительства.

В ряде стран Восточной Азии, особенно в Китае, растет неравенство. Меры по расширению доступа к высшему образованию, повышению мобильности рабочей силы, расширению связей между ведущими и отстающими регионами помогут смягчить эту тенденцию и одновременно ускорить темпы экономического развития и сокращения бедности. Техническая модернизация и переход к экономике знаний будет иметь решающее значение для роста производительности труда.

Основными направлениями глобального инновационного роста будут:

- применения новых информационно-телекоммуникационных технологий для горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, услуг;
- постоянное развитие новых материалов на прорывных направлениях во многих отраслях промышленности;
- начало прорывов в отраслях, связанных со здоровьем человека;
- появление совершенно новых технологий для улучшения качества жизни.

Лидерство в инновационной экономике и, следовательно, в экономике в целом останется за странами, которые смогут развивать фундаментальные исследования в максимально широком спектре дисциплин, и в то же время смогут создать лучшие национальные инновационные системы, чтобы гарантировать непрерывный приток инноваций на рынки.

В Восточной Азии возникли принципиально новые задачи, связанные с экологической устойчивостью, энергетической безопасностью и изменением климата. Некоторые из крупнейших эмитентов парниковых газов на планете и в регионе должны будут принять политику по смягчению их воздействия на ход и характер изменения климата.

В то же время региону потребуется больше энергии, чем в прошлом веке. Поэтому востребованы меры по обеспечению прорыва в области энергетики. Относительная доля возобновляемых источников энергии в мировом потреблении энергии будет расти, но ее традиционные источники и ядерная энергетика по-прежнему сохраняют лидирующие позиции.

В таких условиях внедрение «зеленых» технологий стало одним из главных среднесрочных приоритетов в регионе для смягчения последствий изменения климата, в частности глобального потепления. Страны Восточной Азии должны активизировать свою защиту от природных катаклизмов, вызванных изменением климата, считая это важнейшей задачей.

Заключение

Выдающиеся успехи Восточной Азии в последние десятилетия, повысив ее глобальный экономический вес, заметно усилили и влияние в глобальных институтах. Дальнейший быстрый и стабильный экономический рост и международное признание будут зависеть от того, насколько страны региона используют новые возможности и справятся с многочисленными вызовами. Наиболее очевидна необходимость дальнейшей региональной интеграции, чтобы воспользоваться преимуществами китайской динамики и справиться с ростом неравенства и другими социальными проблемами. Перед странами региона также остро стоит задача создания инновационных и устойчивых к стихийным бедствиям городов, обеспечения экологической устойчивости, адаптации к последствиям изменения климата.

В то же время, учитывая повышение роли Восточной Азии в создании эффективной и стабильной глобальной системы хозяйства, странам региона придется увеличить свой вклад в создание глобальных общественных благ, в том числе в сохранение открытой торговой системы, борьбу с глобальными дисбалансами, построение стабильной и эффективной международной финансовой архитектуры, смягчение последствий изменения климата.

Г.М. Локшин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ США В РЕГИОНЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ УКРЕПЛЕНИЯ ИЛИ ОСЛАБЛЕНИЯ, КОНЦЕПЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЗИЮ»

Страны АСЕАН с населением 626 млн человек с более 3 тыс. различных компаний и общим объемом ВВП в 17,5 трлн долл., растущим быстрее, чем в среднем во всем мире, представляют собой 8-ю экономику мира с объемом товарооборота внешней торговли в 2013 г. 2,5 трлн долл. Азиатский банк развития констатировал среднегодовой прирост ВВП в АСЕАН в 2012 г. на 5,7 %, который в 2013 г. снизился до 5,3 %, а в 2014 г. прогнозировался в 5,4 %. Они уступают по темпам роста только Китаю и Индии¹.

За прошедший период XXI века США потеряли многие свои позиции в ЮВА. В 2004—2008 гг. США были главным торговым партнером АСЕАН с объемом товарооборота более 200 млрд долл. Но с 2010 г. вперед вышел Китай с объемом двусторонней торговли со странами АСЕАН в 293 млрд долл. и с тех пор остается их главным торговым партнером. В 2013 г. объем двусторонней торговли АСЕАН с Китаем достиг уже 350,5 млрд долл., а в октябре 2013 г. на саммите АСЕАН+Китай в Бандар Сери Бегаване (Бруней) стороны договорились довести его в 2015 г. до 500 млрд долл. и к 2020 г. — до 1 трлн долл.² На 2-е место вышел ЕС с объемом в 246,2 млрд долл. И Япония была третьей с объемом 240,2 млрд долл. США оказались уже на 4-м месте с объемом двусторонней торговли товарами 206,949 млрд долл.³ А страны АСЕАН — третий торговый партнер США после Китая и Японии.

АСЕАН в целом является крупнейшим получателем американских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Азии. В 2012 г. ПИИ США в АСЕАН составляли всего 190 млрд долл. По общему объему инвестиций они оставались на 1-м месте, опережая Японию (134 млрд) и Китай (51 млрд). Правда, в последние годы они значительно сократили ПИИ в ЮВА. По объему инвестиций в 2011—2013 гг. (23,9 млрд долл.) они также спустились на 4-е место, пропустив вперед ЕС (74,7 млрд долл.), Японию (51,4 млрд долл.) и Китай (вместе с Гонконгом 35,7 млрд долл., а отдельно 21,8 млрд). В 2014 г. ПИИ из США ожидаются в объеме 27,5 млрд долл.⁴

Главными объектами инвестиций США являются Сингапур, Индонезия, Вьетнам, Мьянма и Малайзия. Большинство американских компаний, работающих в ЮВА, являются многонациональными (МНК) с операциями и продажами по всему миру.

Игнорирование и относительное пренебрежение регионом со стороны США обошлось им потерей рабочих мест, снижением роста экономики и ослаблением влияния. В Вашингтоне с опозданием, но осознали, что поддержка АСЕАН в интеграционных процессах в ВА («асеаноцентричность»), углубление многостороннего сотрудничества с АСЕАН как с региональной организацией и перестройка отношений со странами ЮВА в торговле и инвестициях — наиболее эффективный способ противодействия возвышению Китая. Ставка с тех пор в Вашингтоне делается на так называемую умную силу (smart force) — стратегию максимального сочетания «жесткой» (военной и экономической мощи) с «мягкой» (публичная дипломатия) силой.

«Стратегический разворот» в АТР

С начала XXI века политика США в ЮВА все более определяется соперничеством с Китаем и во многом зависит от колебаний и меняющихся тенденций в американо-китайских отношениях. Стремление последнего к односторонним преимуществам в ЮКМ за счет ущемления интересов соседей вызвало опасения в США, поскольку их главные политические и экономические интересы, прежде всего обеспечение надежных морских коммуникаций через проливы, как и судьба всего их военного присутствия в Восточной Азии, сохране-

ние режима нераспространения ядерного оружия, защита экономических интересов и др., явно зависели от отношений с Китаем и могут быть реализованы, как считает один из самых компетентных российских китаистов, профессор Я.М. Бергер, только, если они не вступят в противоречие с предпочтениями Китая⁵.

США остаются крупнейшим политическим, экономическим и стратегическим игроком в Азии. С победой на выборах 2008 г. Б. Обамы по странам ЮВА, как и по многим другим, прокатилась волна ожиданий — так называемая «обамомания». Но выражалась она не столько в желании наращивания американского военного присутствия в регионе, сколько в надеждах на то, что США предложат им, наконец, такую программу сотрудничества, которая позволит пережить неумолимо надвигавшийся мировой экономический кризис и решить самые острые и болезненные проблемы региона, повысит качество жизни и поможет одолеть нищету, в которой там живут многие миллионы людей. Но после первого срока администрации Б. Обамы, как и на его втором сроке, эти ожидания в основном пока так и остаются ожиданиями.

С приходом к власти в 2008 г. Б. Обама приступил к постепенному пересмотру политики США в АТР. При этом отчетливо проявилось повышение роли АСЕАН в иерархии внешнеполитических приоритетов США. Б. Обама трижды встречался с лидерами АСЕАН. Он сделал ряд громких заявлений о том, что США «возвращаются» в АТР.

Контрнаступление через «Транстихоокеанское партнерство»

Изменение политики США в этой части АТР не в последнюю очередь связано и с их экономическими интересами. США, как и другие традиционные лидеры в торговле с АСЕАН (Япония и ЕС) вовсе не желают уступать Китаю подконтрольное им рыночное пространство, усиливают на него конкурентное давление, в частности путем формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) и создания торгового блока в виде так называемого Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

На саммите АТЭС в Гонолулу в октябре 2011 г. Обама повел экономическое контрнаступление на Китай именно на этом направлении, предложив подписать соглашение с 10 экономиками⁶ (Австралия, Бруней, Малайзия, Новая Зеландия, Перу, Чили, Сингапур, Вьетнам, Япония и США). К соглашению последнее время решили присоединиться Канада и Мексика. По разным причинам там отсутствуют Россия, Китай, Индонезия, Южная Корея и ряд других государств АТР, хотя формально ТТП открыто для присоединения других стран. По прогнозам, объем торговли в его рамках составит порядка 650 млрд долл. Лидирующие позиции в новом интеграционном объединении займут США и Япония. Китай приглашен, но согласия пока не дал. Продвижение ТТП столкнулось с большими трудностями, в том числе и в самих США, включая партию самого президента, многие влиятельные деятели которой придерживаются протекционистских позиций.

ТТП — крупнейший фритредерский договор, который называют «Договором XXI века». Он содержит высокие требования и стандарты во многих областях, которые раньше в торговых соглашениях не затрагивались, а именно: защита интеллектуальной собственности, конкуренция с государственными предприятиями, единые для всех нормы регулирования, облегчение торговли и инвестиций и многие другие, которые трудны для принятия развивающимися странами региона.

Цель состоит в том, чтобы предоставить больше преимуществ на рынках своим союзникам и партнерам и ослабить значение ЗСТ АСЕАН—Китай. ТТП призвано также расстроить механизм политических консультаций в рамках объединений АСЕАН+1 и АСЕАН+3, а с участием в ТТП таких стран, как Малайзия, Сингапур, Вьетнам и Бруней возникнет система не только экономических связей, но и политических консультаций, альтернативная АСЕАН и КАФТА. И все это должно было подтвердить, что США действительно вернулись в АТР в роли экономического лидера.

В ЮВА экономика и безопасность неразрывно связаны, и США не смогут сохранить лидерство, опираясь только на военную мощь. Вот почему важнейшим приоритетом остается заключение договора о ТТП. Для этого потребуются интенсивные переговоры за рубежом и на Капитолийском холме. Соглашение сразу принесет пользу эко-

номике США и создаст в Азии долговременную систему торговли, которая не будет тормозиться протекционизмом.

Ряд стран, вступивших в переговоры по ТТП, — процветающие рынки Юго-Восточной Азии, такие как Малайзия и Сингапур, что отражает растущее геополитическое значение этого субрегиона. В действительности, поворот США в Азию сопровождается поворотом внутри Азии. Вашингтон уравнивает исторический акцент на странах Северо-Восточной Азии повышенным вниманием к государствам Юго-Восточной Азии, таким как Индонезия, Филиппины и Вьетнам, стремясь активизировать двустороннюю торговлю и увеличить взаимные инвестиции с некоторыми из наиболее динамичных экономик. В 2010 г. Вашингтон и Джакарта договорились о «всеобъемлющем партнерстве» для углубления сотрудничества по самому широкому спектру вопросов, включая здравоохранение, науку, технологии и предпринимательство.

В 2013 г. в ходе визита в США президента СРВ Чыонг Тан Шанга отношения всеобъемлющего партнерства установлены с Вьетнамом.

Политические интересы США заключаются не только в укреплении собственных позиций в регионе, но и в препятствовании наращиванию доминирования Китая, чему, похоже, и должно способствовать создание Транстихоокеанской зоны свободной торговли. Концепция ТТП пока реализуется без участия Китая, в то время как в случае создания Восточноазиатской ЗСТ именно эта страна способна выступить лидером и главной движущей силой регионального экономического развития.

Конкурирующим проектом является создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), продвигаемого Китаем. Он основан на положениях действующего с 2010 г. Соглашения о ЗСТ Китай—АСЕАН (САФТА). В нем участвуют все страны группировки АСЕАН+6 (+Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия). Не участвуют и не приглашены США и Тайвань. Но Соглашение также позволяет другим странам присоединиться позднее и не препятствует участникам вступать в другие торговые договоры. В целом это возглавляемый АСЕАН торговый пакт 16 государств. Переговоры идут, и их планируется завершить в 2015 г., т. е. одновременно с созданием Экономического сообщества АСЕАН.

В отличие от ТТП ВРЭП имеет много ограничений и строится по образцу ЗСТ Китай—АСЕАН (САФТА). Он сохраняет много исключений из общего списка товаров, не облагаемых пошлинами, ряд обязывающих ограничений в отношении инвестиций, не обеспечивает защиту интеллектуальной собственности, охрану окружающей среды и пр. Зато эта группировка не включает ни США, ни Тайвань, а предусмотренные условия значительно более доступны для экономик развивающихся стран региона⁷.

При всей конкуренции двух проектов (ТТП и ВРЭП) не исключено и сближение двух конкурирующих интеграционных проектов. Многое зависит от переговоров, которые намечаются в кулуарах саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г.

Несмотря на критику концепции «поворота» в АТР и краткосрочные отступления США от заявленной политики, нет сомнений, что серьезный сдвиг в стратегических расчетах действительно происходит. Вопрос не в том, будут ли Соединенные Штаты уделять ЮВА больше внимания, а в том, смогут ли они выделить для этого необходимые ресурсы.

Примечания

¹ URL: www.thestar.com.my/business/Business-News/2014/04/05; [www.ASEANsecretariat/investing in ASEAN2013/2014](http://www.ASEANsecretariat/investing-in-ASEAN2013/2014)).

² Chairmen Statement of the 16th ASEAN — China Summit. 9 October 2013 Bandar Sery Begawan, Brunei, Darussalam.

³ ASEAN statistic. Table 19.

⁴ ASEAN statistic, Table 26 / Foreign Direct Investments Inflows in ASEAN from Selected Countries/regions.

⁵ Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1.

⁶ В АТЭС представлены не государства, а экономики.

⁷ См. подробнее: Локшин Г.М. АТЭС и саммит — 2012: горизонты надежд для России // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 17—32.

В.Я. Портяков

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ В РЕГИОНЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. В 2010 г. Китай по объему годового ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по текущему рыночному курсу, впервые опередил Японию, став, таким образом, экономическим лидером Восточной Азии в целом.

За период с 2000 по 2013 г. ВВП Китая в долларовом выражении (при пересчете по текущему курсу) вырос с 1,2 трлн долл. до 9,18 трлн долл., а его доля в мировом валовом продукте увеличилась с 3,66 % до 12,4 % в 2013 г. Важно констатировать, что при этом соотношение ВВП Китая и США выросло с 11,6 % в 2000 г. до 54,6 % в 2013 г.

2. Недавно было объявлено, что в текущем 2014 г. Китая превзойдет США по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности национальных валют. Ранее это событие прогнозировалось на 2019 г. «Ускорение» процесса выхода Китая на 1-е место в мировой таблице о рангах по масштабам экономики явилось результатом пересмотра Международным валютным фондом ряда своих прежних оценок. Так, были значительно повышены оценки ВВП Китая и Индии по паритету покупательной способности национальных валют. Например, оценка ВВП Китая по данному показателю на 2014 г. с 14,62 трлн долл. в начале года была в октябре 2014 г. увеличена сразу

на 3 трлн долл. — до 17,63 трлн долл. Соответственно, выросла и прогнозируемая доля Китая в мировом валовом продукте по паритету покупательной способности (ППС) — с 16,05 % до 16,48 %. Одновременно оценка соответствующих показателей США была даже несколько снижена — соответственно с 17,53 трлн долл. и 19,24 % до 17,41 трлн долл. и 16,45 % (данные World Economic Outlook Database, IMF, April and October, 2014) (табл. 1 и 2).

3. У Китая есть шансы в обозримой перспективе превзойти США по объему ВВП и по текущему курсу. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что пока это только прогноз, реализация которого отнюдь не является абсолютно predetermined. Разворачивающаяся в настоящее время переориентация модели экономического роста от накопления и экспорта к потреблению и научно-техниче-

Таблица 1. Прогноз Международного валютного фонда о динамике ВВП Китая и США в 2014—2019 гг. (апрель 2014 г.)

Наименование	Ед. изм.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Китай ВВП	трлн юаней	56,88	62,78	69,14	75,73	82,96	90,68	99,03
ВВП	трлн долл. (рын. курс)	9,18	10,03	10,94	11,88	12,91	13,99	14,84
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	13,39	14,62	15,97	17,40	18,95	20,66	22,40
Доля в мировом валовом продукте	%	15,34	16,05	16,59	17,08	17,55	18,01	18,47
США ВВП	трлн долл.	16,80	17,53	18,36	19,28	20,24	21,18	22,09
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	16,80	17,53	18,36	19,28	20,24	21,18	22,09
Доля в мировом валовом продукте	%	19,31	19,24	19,08	18,92	18,74	18,50	18,21

Источник: База данных World Economic Outlook, April 2014. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>. 26.04.2014.

Таблица 2. ВВП России, Индии, Китая и США в 2012—2016 гг. (данные и оценки МВФ, октябрь 2014 г.)

Страна	Ед. изм.	2012	2013	2014	2015	2016
Китай ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	8386	9469	10 355	11 285	12 235
ВВП по ППС	млрд долл.	14 774	16 149	17 632	19 230	20 933
Доля	%	15,18	15,84	16,48	17,00	17,46
Индия ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	1858	1876	2047	2247	2447
ВВП по ППС	млрд долл.	6257	6776	7277	7882	8550
Доля	%	6,53	6,65	6,80	6,97	7,13
Россия ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	2017	2696	2057	2098	2235
ВВП по ППС	млрд долл.	3396	3491	3558	3643	3767
Доля	%	3,49	3,42	3,32	3,22	3,14
США ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	16 163	16 768	17 416	18 286	19 196
ВВП по ППС	млрд долл.	16 163	16 768	17 416	18 286	19 196
Доля	%	16,61	16,45	16,28	16,16	16,02

Источник: IMF Economic Outlook Database. October 2014.

скому прогрессу требует огромных затрат и длительных неустанных усилий по подъему науки, созданию собственных технологий, ресурсосбережению, более равномерному распределению доходов в обществе, внедрению всеохватывающего социального обеспечения населения. Кроме того, одним из главных аспектов нынешней трансформации является постепенное снижение темпов экономического роста Китая в обозримой перспективе с 7,4—7,5 % в 2014 г. до 6,8 % в 2017 г., 6,3 % в 2020 г. и 5,5 % в 2023 г. (табл. 3). Так что в случае высокой динамики роста некоторые страны Азии смогут в десятилетней перспективе несколько сократить свое отставание от Китая, что, впрочем, вряд ли поколеблет его экономическое лидерство на континенте.

4. В последние годы Китай вышел в мировые и региональные лидеры и по внешнеторговому товарообороту. Он вырос с 509,6 млрд долл. в 2001 г., накануне вступления в ВТО, до 4,16 трлн

Таблица 3. Оценка экономического роста в КНР в 2014—2023 гг.

Наименование	Ед. изм.	2014	2017	2020	2023
Население	млн чел	1368	1384	1399	1408
ВВП	млрд юаней	64 052,3	87 697,7	11 8420,3	15 6159,6
ВВП	млрд долл.	10 500,4	14 864,0	20 775,5	28 392,7
Прирост ВВП	%	7,5	6,8	6,3	5,5

Источник. Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) / гл. ред. Лю Шицзинь (Чжунго цзинци шинянь чжаньван). Пекин, 2014. С. 41. В расчетах использованы нынешние курсы юаня и доллара.

долл. в 2013 г., когда КНР опередила США (3,91 трлн долл.) и стала крупнейшей торговой державой мира с долей в мировом экспорте 14,7 % и в мировом импорте 12,9 % (данные Пресс-релиза ВТО, 14 апреля 2014 г.).

При этом Китай стал выходить на ведущие позиции во внешней торговле не только своих географических соседей, но и многих стран и регионов мира. В 2010 г. журнал Economist даже ввел специальный термин «китаезависимость». Он рассчитывается в первую очередь применительно к транснациональным компаниям, сбывающим значительную долю своей продукции на китайском рынке. Однако применяется и к странам, показывая, какая доля их экспорта или ВВП в целом вывозится в КНР. Так, в 2009 г. Тайвань через экспорт «переместил» на континент 14,3 % своего ВВП, Республика Корея — 10,4 %. В последующие годы зависимость от торговли с Китаем у большинства государств имела тенденцию к усилению (табл. 4).

При этом в большинстве случаев наблюдается неодинаковый уровень зависимости стран от экспорта в Китай и импорта из Китая. Показателен пример США, у которых доля Китая в экспорте в 2012 г. составила, по расчетам ВТО, 7,2 % (4-е место вслед за Канадой, ЕС и Мексикой), тогда как в импорте США доля Китая достигла 19 % — 1-е место, выше, чем доля Евросоюза (16,7 %), Канады и Мексики.

Похожая картина складывается в торговле КНР с некоторыми соседними азиатскими государствами. В экспорте Вьетнама она на

Таблица 4. Доля Китая во внешней торговле некоторых стран мира (2012 г.)

Страна	Экспорт, млрд долл.	Доля Китая, %	Импорт, млрд долл.	Доля Китая, %
Австралия	256,4	29,6	260,9	18,4
Япония	798,6	18,1	885,8	21,3
Казахстан	86,4	17,9	46,4	16,8
Республика Корея	547,9	24,5	519,6	15,5
Европейский Союз (исключая внутрирегиональную торговлю)	2166,7	8,5	2301,1	16,2
Таиланд	229,2	11,7	250,0	14,9
США	1545,7	7,2	2335,5	19,0
Канада	455,3	4,3	474,9	11,0
Индия	296,8	5,1	488,6	11,1
Малайзия	227,5	12,6	196,4	15,1
Пакистан	24,6	10,6	44,1	15,3
Россия	529,3	6,8	335,4	16,4
Сингапур	408,4	10,8	379,7	10,3
Вьетнам	114,5	11,2	113,8	25,5

Источник: URL: <http://stat.wto.org/CountryProfile>

4-м месте с долей 11,2 %, зато в его импорте — на 1-м с долей 25,5 %. У Индии доля Китая в экспорте составляет 5,1 % (4-е место), а в импорте он делит 1-е место с Евросоюзом — по 11,1 %. Очень велика роль Китая в торговле Японии (18,1 % в экспорте и 21,3 % в импорте), Республики Корея (24,5 % в экспорте и 15,5 % в импорте) и Казахстана (17,9 % и 16,8 %). У Таиланда, Малайзии, Сингапура, Пакистана эти доли варьируются от 10 до 15 %.

В последние три года Китай вышел на 1-е место и во внешней торговле России. По данным российской статистики, объем торговли России с Китаем за январь—август 2014 г. составил 59,08 млрд долл., в том числе экспорт РФ в КНР — 25,75 млрд долл. и импорт РФ из КНР — 33,33 млрд долл. В этот период доля Китая во внеш-

ней торговле России достигла 11 %, в том числе 7,5 % в российском экспорте и 17,3 % в импорте РФ из КНР.

Высокие параметры обоюдной взаимозависимости Китая со странами Восточной и Юго-Восточной Азии и другими географическими соседями дают Пекину возможность широко использовать в своих интересах инструменты экономической дипломатии, активно пропагандировать тезис о нацеленности политики Китая в Азии и мире в целом на достижение «взаимного» или «общего» выигрыша. Хотя этот подход не всегда оказывается эффективным, тем не менее представляется, что большой объем торговли с Китаем побуждает его соседей в случае конфликтов с Пекином в целом стремиться избегать крайностей, не «сжигать мосты», искать компромиссные решения.

5. В последнее десятилетие Китай все более активно выступает в мировом хозяйстве не только как получатель зарубежных инвестиций, но и как крупный инвестор.

Достаточно активно дискутируется в Китае вопрос о сроках и темпах интернационализации китайского юаня. Со многими странами региона заключены соглашения о свопах в национальных валютах, на национальные валюты переводится часть взаимных торговых расчетов. Юань, судя по всему, будет постепенно укреплять свои позиции в качестве валюты международных расчетов и банковских накопительных счетов, однако этот процесс будет небыстрым. Явно не форсируют его и в самом Китае.

В целом Китай оказывает сильное и многообразное влияние на экономику и безопасность Восточной Азии. Растущие масштабы торговли и инвестиционного сотрудничества оказывают позитивное влияние на общий международно-политический климат в регионе. Основные «минусы» растущей экономической роли Китая видятся в вытеснении импортом из КНР с национального рынка отечественных товаров, стремлении Пекина сопровождать свои инвестиции связанным экспортом трудовых услуг, эгоистичным использованием водного стока в верховьях трансграничных рек.

Н.Г. Рогожина

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

Для стран Восточной Азии обращение к теме обеспечения экологической безопасности напрямую связано не столько с возникновением угрозы международных конфликтов, вызванных соперничеством за ограниченные природные ресурсы, хотя таковые имеют место быть, сколько с перспективами достижения экономического и социального прогресса, которые выглядят весьма туманными на фоне обострения экологических проблем, грозящих перерасти в полномасштабный экологический кризис.

При всем многообразии стран, входящих в состав Восточной Азии, и многовариантности их развития следует выделить общую причину обострения их экологических проблем, которая связана с развитием индустриального общества с присущими ему ценностными установками на наращивание темпов экономического роста, который обеспечивается экстенсивным путем за счет переэксплуатации природных ресурсов и загрязнения окружающей среды. Отсюда и неизбежное обострение экологической ситуации в регионе.

Страны Восточной Азии относятся к числу наиболее динамично развивающихся. Но за свой экономический рост они заплатили высокую экологическую цену, которая измеряется экономическими и

социальными потерями, эквивалентными 5—13 % ВВП. Экологический нигилизм в конечном счете оборачивается против общества: сокращается ресурсная база экономики, снижается производство товарной продукции как промышленной, так и сельскохозяйственной, ухудшаются условия жизни населения, зависящего в своем существовании от ресурсных видов деятельности, что ведет к обострению проблемы бедности и нарастанию социальных конфликтов, способных перерасти в политические, подрывается здоровье населения, что снижает качество трудовых ресурсов и вызывает рост социального недовольства в обществе действиями властей.

Этими соображениями и руководствуются многие страны Восточной Азии, выдвигая экологическую проблему в число приоритетов национальной безопасности. И выражая опасения по поводу продолжающегося ухудшения экологической ситуации, они сегодня открыто заявляют о необходимости изменения традиционного подхода к развитию, выражающегося в формуле «сначала надо стать грязным, а потом думать о чистоте окружающей среды», последствием чего и стало превращение региона Восточной Азии в один из самых экологически неустойчивых в мире.

Наличие серьезной экологической угрозы, способной подорвать стабильность существующих экономической и политической систем, сегодня открыто признает руководство Китая. Как и в начале 1980-х годов, когда государство приступило к осуществлению рыночных реформ, так и сейчас, когда оно планирует структурные преобразования экономики, интерес к экологической проблематике резко повышается.

Нехватка природных ресурсов ставит вопрос об их рациональном использовании, что, в свою очередь, отвечает интересам интенсификации экономического развития и перехода КНР на качественно новую ступень индустриального развития при опоре на новейшие достижения науки и техники. Последнее должно обеспечить Китаю и конкурентные преимущества на мировом рынке¹.

В КНР провозглашен курс на создание экокцивилизации. Эта концепция перспективного развития Китая была одобрена в 2013 г. Всекитайским собранием народных представителей и с тех пор стала политической программой развития страны. Построение экокци-

визации (чисто китайский феномен, не имеющий аналогов в мире), по словам президента КНР Си Цзиньпина, представляет собой «китайскую мечту» по модернизации страны в соответствии с идеями социализма, имеющими китайскую специфику². Меняется парадигма модернизации — совершается стратегический переход от экстенсивного, опирающегося на интенсивное использование природных ресурсов промышленного и сельскохозяйственного производства, к инновационному обществу на базе развития современных технологий.

Постановка этой задачи на высшем политическом уровне является ответом власти на обостряющийся в стране экологический кризис и знаменует собой новый этап в осуществлении мер, направленных на обеспечение экологической безопасности. По мнению руководителей страны, Китаю предстоит показать миру новый сценарий неоиндустриализации, основанный на развитии новых технологий, рациональном потреблении природных ресурсов, на снижении уровня загрязнения окружающей среды, полной реализации преимуществ огромного человеческого потенциала страны³.

И первые шаги в этом направлении уже осуществляются. При этом приоритет отдается тем мерам в сфере охраны окружающей среды, которые обладают высокой экономической отдачей: развитие возобновляемых источников энергии, повышение энергоэффективности производства, сокращение интенсивности выбросов парниковых газов на единицу ВВП.

С одной стороны, это снижает угрозу загрязнения атмосферы, что сегодня приобретает исключительно важное социальное значение, а следовательно и политическое, помогает продемонстрировать Китаю свою экологическую ответственность перед миром (Китай представляет главную угрозу для изменения климата), с другой — сократить потребление энергоресурсов, спрос на которые возрастает, снизить зависимость от импорта ископаемого топлива, укрепить свою научно-технологическую базу развития. Решение экологических проблем становится катализатором роста инвестиций в НИОКР.

А это способствует повышению конкурентоспособности китайской экономики. Китай намерен выделить 6 млн долл. на оказание

содействия развивающимся странам в решении проблемы климата с целью продвижения своих технологий и укрепления своих экономических позиций в мире. Это, безусловно, не крупный вклад в развитие международного экологического сотрудничества, но он позволит Китаю заявить о себе как о надежном партнере на развивающемся рынке экологических инвестиций, товаров и услуг.

Но обеспечение экологически безопасного развития зависит не только от политической воли руководства страны, которое сегодня сталкивается с немалыми трудностями в реализации нового курса: не хватает финансовых и технических ресурсов, поддержки со стороны местных органов власти, по-прежнему отдающих приоритет экономическим ценностям развития. Но главная трудность в другом — в необходимости перестройки всей экономики. Не идет руководство и на проведение политических реформ, связанных с расширением участия населения в процессе принятия решений. А без этого многие меры в экологической сфере обречены на провал. Поэтому строить иллюзии по поводу создания в стране уже сегодня действенной системы экологической безопасности пока не приходится.

В сопоставлении с Китаем экологическая ситуация в Южной Корее выглядит не столь драматичной. По индексу экологической деятельности страна занимала 43-е место в списке из 178 стран. Но так же, как и в Китае, обращение к проблеме охраны окружающей среды мотивировано прежде всего экономическими соображениями: придать импульс экономическому развитию, темпы роста которого стали снижаться. Решение этой задачи рассматривалось прежним президентом страны Ли Мен Баком в рамках проведения стратегии зеленого роста, основным средством реализации которой должны были стать достижения научно-технического прогресса. Как заявил в интервью Korea Herald бывший премьер-министр страны Ли Хонг-ку, «Корея, которая отставала в развитии экологической науки в мире, сегодня становится объектом всеобщего внимания благодаря провозглашению курса на зеленый рост»⁴.

Принятый в 2009 г. и рассчитанный до 2050 г. проект зеленого роста должен был привести к структурным сдвигам в экономике страны с преимущественным развитием наукоемких и технологич-

ных отраслей и повышению их конкурентоспособности путем создания экспортных возможностей для новой индустрии зеленых технологий, товаров и услуг. Это предоставит Южной Корее шанс для вхождения в постиндустриальный мир. На инвестиции в зеленые технологии выделялось 25 % от всего объема вложений НИОКР⁵.

Стратегия зеленого роста как в Южной Корее, так и в Китае является неотъемлемым компонентом их экспортно-ориентированного развития и основывается на амбициозных целях использования своих технологических ресурсов. Их создание оценивалось обеими странами как стратегически важная сфера производства, позволившая бы им занять лидирующие позиции в мире. Так, по оценкам Министерства наукоемкой технологии Южной Кореи, в случае выполнения планов по развитию возобновляемых источников энергии, доля этих технологий на мировом рынке составит 15 % к 2015 г., а доход от их продаж — 36,2 млрд долл.⁶

Аналогично ситуации, складывающейся в Китае, интерес к новой модели развития исходил прежде всего от руководителя страны. С его сменой в 2013 г. произошли изменения и в оценке зеленого роста как фактора обеспечения экологически безопасного развития. Преимущественно экономическая мотивация предлагаемой стратегии развития ослабляла ее экологическую значимость. Но страдала от недостатков не только экологическая составляющая стратегии зеленого роста, оказалась не просчитанной до конца и ее экономическая составляющая — те неизбежные затраты, которые вынуждены нести бизнес в случае своей перестройки на новые ориентиры развития.

Если Министерство наукоемкой экономики на развитие современных технологий планировало выделить 6,7 млрд долл. в течение первых пяти лет осуществления стратегии зеленого развития, то вклад частного бизнеса должен был составить 83,6 млрд долл.⁷ Большое недовольство бизнеса вызывает проект создания рынка продажи квот на выбросы двуоксида углерода, запланированного на 2015 г., реализация которого обойдется ему в 26,7—28,9 млрд долл. в течение трех лет⁸.

Новое правительство пока не имеет четкого представления о том, каким образом следует обеспечивать экологически безопасное

развитие. Означает ли это отказ от провозглашенной стратегии зеленого роста? Скорее, речь идет о замедлении курса и его корректировке с учетом существующих технологических возможностей и снижения угрозы потери конкурентоспособности ведущих отраслей экономики в краткосрочной перспективе.

Что касается стран Юго-Восточной Азии, то среди них можно выделить явных лидеров в реализации курса на экологически безопасное экономическое развитие, таких как Малайзия и Сингапур, которые так же, как КНР и Южная Корея, придерживаются курса на осуществление зеленой революции на базе развития зеленых технологий. В Таиланде концепция зеленого развития нашла отражение в стратегии «Экономики самообеспечения», которая вписана в общий контекст социально-экономического развития страны и нацелена на соблюдение паритета экологических и экономических ценностей развития.

Большинство же стран ЮВА, за исключением Вьетнама и Индонезии⁹, не разработало еще стратегий зеленого роста как условия обеспечения своей экологической безопасности и выражает лишь общее намерение трансформировать свою экономику с учетом экологических потребностей развития.

Вопрос о перспективах зеленого развития в странах ЮВА как условия и средства обеспечения их экологической безопасности остается открытым. То, что им требуется, как и всем остальным странам Восточной Азии, так это совершить экоиндустриальную революцию, предполагающую возможность обеспечить потребности общества в продовольствии, воде, жилье, энергии, используя при этом только 20 % ресурсов и производя 20 % выбросов на душу населения по сравнению с современной моделью производства и потребления. Но для того чтобы реализовать поставленную цель, им необходимо включить в модель догоняющего развития индустриального типа элементы развития постиндустриального общества. Это и даст им возможность минимизировать экологические риски своего бурного экономического развития.

Обеспечение экологической безопасности требует нахождения баланса между экономическими и экологическими интересами развития. Но этот баланс, как показывает опыт развития стран Восточ-

ной Азии, трудно соблюсти, если по-прежнему приоритетными остаются экономические интересы.

Концепция зеленого развития пока четкого ответа на экологические вызовы не дает. Но это не означает, что она по своей сути ошибочна. На сегодня это, скорее, эксперимент, успех которого зависит от многих факторов: экономических, технологических и, конечно, политических. И толчком к его проведению на национальном уровне служит политизация проблемы изменения климата на глобальном уровне, что накладывает на страны Восточной Азии обязательства по сокращению выбросов парниковых газов.

А это, в свою очередь, диктует и выбор средств решения данной задачи с преимущественной ориентацией на повышение эффективности использования природных ресурсов на базе развития чистых источников энергии и чистых технологий. Это дает двойной эффект — и экологический, и экономический. Решение экологических проблем и достижение устойчивого экономического роста имеет общую составляющую — научно-технический прогресс.

Обеспечение экологической безопасности в странах Восточной Азии предполагает экологизацию процесса экономического развития, который, бесспорно, растянется не на одно десятилетие. Поэтому сегодня можно лишь делать предположения относительно общих направлений поиска средств по минимизации экологического ущерба экономического развития стран региона.

Примечания

¹ В начале 2006 г. правительство Китая объявило об осуществлении рассчитанного на 15 лет плана инвестирования в развитие новых технологий, призванных обеспечить экономический рост и экологическую безопасность. Расходы на науку должны возрасти до 2 % ВВП с последующим увеличением до 2,5 % // The International Herald Tribune. 09. 02. 2006.

² Environment and Society for Green Development. 2013 Policy Research Report on Environment and Development Ed. by FANG Li, LI Yonghong, LI Haiying, Zhang. China Council for International Cooperation on Environment and Development. 2013. P. 15.

³ The People's Daily. 03.11.2004.

⁴ URL: <http://urbantimes.co/2012/06/south-korea%E2%80%99s-focus-on-green-growth-and-bold-methods-of-energy-conservation/>

⁵ Sang In Kang, Jin-gyu Oh and Hongseok Kim. Korea's Low-Carbon Green Growth Strategy. Research area: Southeast Asian Economic Outlook. A case study. OECD Development Centre. Working Paper No. 310. 12 March 2012. P. 20.

⁶ Promising Investment Opportunities: New and Renewable Energy. Invest KOREA. January 2013. P. 23.

⁷ Sang In Kang, Jin-gyu Oh and Hongseok Kim. Op. cit. P. 18.

⁸ URL: <http://af.reuters.com/article/commoditiesNews/idAFL6N0 PT3CZ20140718?sp=true>

⁹ Klaus Jacob, Philipp Kauppert & Rainer Quitzow. Green Growth Strategies In Asia. Drivers and Political Entry Points. Friedrich-Ebert-Stiftung Paper. December 2013.

Д.В. Гордиенко

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Экономическая безопасность государства (*national economic security, economic security of the State*) является неотъемлемой составной частью национальной безопасности.

При этом здесь и далее под *национальным хозяйством* понимается *экономика (хозяйство) государства*, то есть, если быть точным, *часть национального хозяйства, размещенная на экономической территории данного государства*. О состоянии защищенности *всего национального хозяйства*, очевидно, можно говорить в рамках *экономической безопасности общества*, а о состоянии защищенности *хозяйства резидентов каких-либо государств*, осуществляющих свою хозяйственную деятельность на экономической территории данного государства, — в рамках *экономической безопасности личности*.

В Концепции экономической безопасности Российской Федерации понятие «*экономическая безопасность <государства>*» определено как «*возможность и готовность экономики обеспечить достойные условия жизни и развития личности, социально-экономическую и военно-политическую стабильность общества и государства, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз*»¹.

В «*Новой экономической энциклопедии*» понятие «*экономическая безопасность <государства>*» определено как «*такое состояние экономики и готовность институтов власти, при которых обеспечи-*

ваются гарантированная защита национальных интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал»².

Справочно. *Национальная безопасность (national security) — это состояние защищенности общества, государства и личности от внутренних и внешних угроз.*

В Законе Российской Федерации «О безопасности» (в редакции Указа Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2288 и Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ) понятие «<национальная> безопасность» определяется как «состояние защищенности *жизненно важных интересов* личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». При этом «жизненно важные интересы» представляются как «*совокупность потребностей*, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства»³.

По нашему мнению, *интересы* — это только часть широкого спектра объектов национальной безопасности, причем субъективно выделяемая и динамично связанная с реализуемой политикой, которая, в свою очередь, во многом — результат влияния отдельных групп людей и партий. Формирование (или даже формулирование) какого-либо национального интереса (в частности, национального *экономического* интереса) представляет собой отдельную научную проблему, подходы к решению которой лежат за пределами данного труда.

Наряду с экономической безопасностью, национальная безопасность включает в себя такие виды безопасности, как *внешнеполитическая* и *внутриполитическая*, *военная*, *информационная*, *личная*, *социальная*, *духовная*, *экологическая* и др.

Таким образом, под *экономической безопасностью государства* понимается *состояние защищенности национального хозяйства* от внешних и внутренних угроз, при котором оно способно обеспечивать поступательное развитие общества, его экономическую и социально-политическую стабильность в условиях наличия неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

Экономическая безопасность государства — сложное социально-экономическое понятие, отражающее большую гамму постоянно меняющихся условий материального производства, внешних и внутренних угроз экономике страны.

Составными структурными элементами экономической безопасности государства являются: технологическая, технико-производственная, валютно-кредитная, сырьевая, энергетическая, экологическая, информационная и экологическая составляющие.

Факторы, влияющие на экономическую безопасность государства, могут быть разделены на внутренние и внешние.

Внутренние факторы, влияющие на материальные основы экономической безопасности, можно классифицировать следующим образом. *Во-первых*, экономические факторы — то есть факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве условиями ведения национального хозяйства. Это, прежде всего: структура национального хозяйства; уровень монополизации экономики; эффективность общественного производства; конкурентоспособность экономики; технологическая база промышленного производства; состояние финансовой системы; инвестиционная политика государства. *Во-вторых*, организационные факторы — то есть факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве условиями управления национальным хозяйством. Они включают в себя, как правило: состояние и эффективность системы управления национальным хозяйством (включая и военный сектор экономики); состояние объектов инфраструктуры (в том числе и в военном хозяйственном комплексе); уровень организации разведки минерально-сырьевой базы (особенно военно-стратегического назначения); эффективность вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот; организацию развития научно-технического прогресса (НТП) на перспективных направлениях; принятие оптимальных управленческих решений и пр. *В-третьих*, правовые факторы — то есть факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве нормативно-правовыми рамками ведения и управления национальным хозяйством. К ним могут быть отнесены: совершенство нормативно-правового законодательства; преодоление монополизма в экономике; правовая дисциплина и исполнительность; состояние борьбы

с коррупцией и преступностью в экономике; контроль за движением финансовых средств и др. *В четвертых*, социальные факторы — то есть факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве социальными и социально-экономическими условиями функционирования национального хозяйства, включают в себя: обеспечение приемлемых для большинства населения условий жизни и развития личности; предотвращение значительной дифференциации в доходах граждан; недопущение сокрытия доходов и уклонения от уплаты налогов; исключение потенциальных угроз возникновения социальных конфликтов; борьбу с терроризмом.

Среди *внешних факторов*, оказывающих влияние на состояние экономической безопасности государства, особого внимания заслуживают следующие факторы. *Во-первых*, торгово-экономические факторы — то есть факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в мире условиями взаимодействия национальных хозяйств различных государств в рамках торгово-экономических отношений. Основными факторами здесь выступают: структура импорта (доля продовольствия и высокотехнологичных товаров); степень зависимости страны от импорта продукции стратегического назначения; структура экспорта (доля конкурентоспособных товаров); контроль над рынками сбыта отечественной продукции (включая и военную); таможенный контроль над экспортно-импортными операциями. *Во-вторых*, валютно-финансовые факторы — то есть факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в мире условиями взаимодействия национальных хозяйств различных государств в рамках валютно-финансовых отношений. В числе основных следует назвать: состояние финансового рынка и рынка ценных бумаг; основные направления финансовых потоков и характер расчетных отношений; уровень дефицита государственного бюджета; конвертируемость национальной валюты; состояние банковской системы; уровень внешнего и внутреннего долга; золотовалютные запасы страны; валютный контроль таможенной границы государства. *В-третьих*, маркетинговые факторы — есть факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в мире условиями продвижения товаров и услуг, производимых и оказываемых в рамках национальных хозяйств различных государств, в условиях глобализации, учитывающие: про-

движение экспортных товаров на мировых рынках; конкурентоспособность этих товаров; возможности по завоеванию рынков сбыта отечественных товаров и услуг.

Анализ современного состояния обеспечения экономической безопасности ряда ведущих государств мира позволил выявить ряд тенденций, которые по характеру своего проявления можно разделить на *две группы*: группу тенденций развития форм и группу тенденций развития способов обеспечения экономической безопасности государства.

К числу *основных тенденций развития форм* обеспечения экономической безопасности государства следует отнести тенденции, связанные с увеличением приоритетности мероприятий и действий органов государственного управления по обеспечению экономической безопасности к другим мероприятиям и действиям.

Эти тенденции тесно связаны с группой *тенденций развития способов* обеспечения экономической безопасности государства. К числу этих основных тенденций могут быть отнесены тенденции, связанные с: увеличением зависимости эффективности реализации различных национальных проектов от эффективности функционирования экономики; увеличением степени ослабления экономики конкурентов и важностью комплексной защиты своих критически важных объектов национального хозяйства; с достижением экономической интеграции с различными государствами мира.

Рассмотрение перечисленных тенденций через механизм действия основных законов и закономерностей развития сложных нелинейных открытых экономических систем позволило выявить закономерности обеспечения экономической безопасности, которые в систематизированном виде представлены в следующей таблице.

Таблица. Закономерности обеспечения экономической безопасности государства

Содержание закономерностей
1. <i>Зависимость эффективности функционирования экономики от степени обеспеченности ресурсами.</i> В результате развития национального хозяйства, взаимодействия экономики государства с другими национальными хозяйствами государств мира происходит эволюция имеющихся и возникновение новых форм обеспечения их экономической безопасности

Окончание табл.

Содержание закономерностей
2. <i>Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от эффективности принятия специальных мер, применения специально выделенных сил и средств.</i> Происходящее преднамеренное воздействие конкурентов на национальное хозяйство страны, взаимодействие национального хозяйства с экономиками других государств и внешней средой, необратимые и направленные изменения форм обеспечения экономической безопасности государства приводят к развитию существующих и появлению перспективных способов обеспечения экономической безопасности , характеризующихся более высоким уровнем организации принятия специальных мер, применения специальных сил и средств
3. <i>Зависимость эффективности принятия специальных мер обеспечения экономической безопасности государства, применения специальных сил и средств в интересах обеспечения экономической безопасности от наличия специализированной организационной структуры государства.</i> Совершенствование форм и способов экономической безопасности государства обуславливает необходимость построения специализированной организационной структуры — системы обеспечения экономической безопасности государства , способной реализовать эти формы и способы
4. <i>Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от сосредоточения воздействия на экономику противостоящей в конкурентной борьбе стороны.</i> В ходе развития способов обеспечения экономической безопасности государства осуществляется упорядоченное и необратимое изменение направленности воздействия на элементы экономической инфраструктуры противостоящей стороны, выражающееся в последовательном переходе от преимущественного воздействия на элементы производства к воздействию на системы, обеспечивающие его функционирование
5. <i>Зависимость эффективности функционирования экономики от характера ее взаимодействия с национальными хозяйствами стран-союзников в конкурентной борьбе.</i> В процессе производства осуществляется направленное изменение характера взаимодействия экономики с внешней хозяйственной средой. Оно заключается в установлении оптимальных условий (рационального варианта) функционирования экономики, характеризующихся обеспечением внутрисистемной экономической безопасности — при взаимодействии с экономическими системами в порядке иерархической подчиненности, взаимовыгодной кооперацией — при взаимодействии с неподчиненными экономическими системами, дезорганизацией функционирования экономических систем противостоящей в конкурентной борьбе стороны

Выявленные закономерности позволили определить в качестве **основных форм** обеспечения экономической безопасности государства:

во-первых, *экономический патронат*, который обеспечивает внутрисистемную безопасность систем экономического назначения страны, если совокупность этих систем рассматривать как целостную систему.

В рамках экономического патроната обеспечивается безопасное (с экономической точки зрения) функционирование каждой системы управления, обеспечения, производства и т. п. *внутри* более глобальной управляющей системы;

во-вторых, *экономическую кооперацию*, которая обеспечивает экономическую безопасность государства при *взаимодействии* экономики страны с различными экономическими системами, несвязанными с этим сектором национального хозяйства отношениями подчиненности.

В рамках экономической кооперации обеспечивается совместное функционирование национальных хозяйств и обмен экономическими ресурсами между экономическими системами различных государств мира, иностранных и международных организаций;

а также, в третьих, *экономическое противоборство*, которое является основной формой обеспечения экономической безопасности государства *в конкурентной борьбе* противостоящих сторон.

Достижение и удержание превосходства в экономическом противоборстве обеспечивает безопасность функционирования систем экономического назначения государства при подготовке и в ходе конкурентной борьбы (разрешения экономического конфликта).

Анализ тенденций развития мирохозяйственных связей, научно-технических преобразований в экономике, мировых интеграционных процессов и воздействия этих факторов на экономические основы национальной безопасности государств мирового сообщества позволяет сделать ряд принципиальных выводов:

1. Укрепление экономических основ безопасности государства обуславливает необходимость глубоких структурных преобразований в хозяйственном комплексе страны, ускорение научно-технического прогресса, массового внедрения в производство новейших технологий.

2. Экономическая безопасность государства предполагает всестороннее совершенствование внутриэкономического и внешнеэкономического механизмов ее обеспечения.

3. Важнейшим рычагом укрепления национальной безопасности стран мирового сообщества являются экономическая и военно-экономическая интеграция, совершенствование системы коллективной безопасности.

Примечания

¹ См.: Концепция экономической безопасности Российской Федерации. Основные положения. М.: Научный совет при Совете безопасности Российской Федерации, 1994. В том же ключе это понятие трактуется и в Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения), одобренной Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 года, № 608.

² См.: Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М., 2006. VI. 810 с.

³ См.: Закон Российской Федерации «О безопасности». Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности». М.: Ось-89, 2004. 48 с. В настоящее время Федеральным законом от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ этот закон признан утратившим силу.

А.Н. Федоровский

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СТОЛКНОВЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ (КИТАЙ, США, ЯПОНИЯ И РОССИЯ)

Специфику ситуации в Восточной Азии определяет разнонаправленность региональных политических и экономических тенденций. Несмотря на рост политической напряженности в отношениях региональных держав и обострение территориальных споров, продолжает развиваться экономическое взаимодействие восточно-азиатских государств между собой, а также их торгово-инвестиционные связи с США. В частности, на США и Японию приходится пятая часть внешнеторгового товарооборота КНР, соответственно 12,5 % и 7,5 %, причем в китайском экспорте совокупная доля американского и японского рынков составляет 24 %. Кроме того, следует подчеркнуть стабильную заинтересованность во взаимных финансовых обменах (Китай в числе ведущих держателей американских ценных бумаг), а также в региональной промышленной кооперации.

Согласно материалам ЮНКТАД, в среднем в мире доля импорта в экспортируемой промышленной продукции составляет 28 %¹. При этом доля экспортной продукции, созданной в стране-экспортере, составляет в США 89 %, в Япония — 82 %, в Китая — на уровне среднемирового показателя (70 %)². В частности, экспортный по-

тенциал автомобилестроения Китая тесно связан с производственными процессами в Восточной Азии и США.

В целом индекс участия в глобальных цепочках добавленной стоимости (доля промежуточных товаров, которые завозят и вывозят из страны) в среднем в мире для развитых стран составляет 59 %, для развивающихся — 52 %, для Китая — 59 %, Японии — 51 %, США — 45 %³.

Таким образом, региональные державы включены в международные кооперационные отношения и сохраняют высокую взаимозависимость.

В то же время наряду с развитием финансовых, торгово-экономических и кооперационных связей отношения региональных держав характеризуются их конкуренцией и **столкновением интересов в Восточной Азии** за источники топлива и сырья, за качество привлекаемых инвестиций и контроль за научно-техническими обменами, за участие в развитии инфраструктурных проектов. Наконец, главное: за право влиять на формирование стратегии тихоокеанской интеграции.

Одним из выражений этой борьбы становится конкуренция институтов, действующих под влиянием той или иной державы. Так, в ноябре 2013 г. на саммите АТЭС на о. Бали (Индонезия) был выдвинут тезис о том, что Тихоокеанскому региону, в том числе Восточной Азии, в полной мере мешает реализовать свой потенциал неразвитость инфраструктуры. Решить эту проблему должно создание благоприятной нормативной базы и институциональной среды, способствующей вовлечению частного сектора в модернизацию инфраструктуры, что предусмотрено планом АТЭС на 2013—2016 гг. по инфраструктурному развитию и инвестированию.

В русле такого подхода лежит решение о создании в Индонезии пилотного Центра АТЭС по вопросам государственно-частного партнерства, который призван оценивать инфраструктурные проекты, получать финансирование из частных источников и отслеживать ход реализации поддержанных им проектов. Согласовано также учреждение Консультативно-экспертной группы АТЭС по вопросам государственно-частного партнерства, призванной оказывать содействие становлению этого Центра.

Помимо Международного банка реконструкции и развития (в значительной степени находящегося под контролем США) и Азиатского банка развития (в котором велико влияние Японии) в октябре 2014 г. было объявлено о формировании нового кредитного института — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (с капиталом до 100 млрд долл. и штаб-квартирой в Пекине), в котором ведущая роль будет принадлежать КНР. Хотя новый банк еще только создается и лишь контурно прочерчиваются масштабы его возможного финансового потенциала, становится очевидным, что конкуренция Китая с США и Японией выходит на новый уровень, на котором внешнеэкономическое влияние держав определяется не только долей в товарообороте тех или иных стран, но и путем участия в международных институтах, влияющих на формирование модернизационного потенциала, в том числе — в инфраструктуре.

На очереди перевод конкурентной борьбы на очередную, главную стадию — определение правовых и прочих «правил игры» в международных экономических отношениях. Прояснить нынешние реальные претензии в решении этих вопросов ведущих региональных держав, прежде всего Китая и США, должен саммит АТЭС 2014 г. в Пекине, на котором две страны представят свое видение перспектив региональной интеграции.

Экономические отношения **России** с тихоокеанскими соседями, включая ведущие державы Восточной Азии, носят традиционный формат «взаимодополняемого партнерства».

В этих условиях сохраняется схема торговли, характеризующая системным структурным дисбалансом российской внешней торговли со странами — членами АТЭС: в экспорте преобладают нефть, газ, уголь, минеральное сырье, рыба и морепродукты, а также продукция первичной переработки сырья (черные и цветные металлы, минеральные удобрения).

Дополнительные статьи вывоза — продажи вооружения, а также разовые контракты на поставку энергетического оборудования, аэрокосмической и некоторой другой техники носят спорадический и ограниченный характер. В свою очередь, в импорте сохраняется доминирование промышленного оборудования и потребительских из-

делий широкого ассортимента — от товаров длительного пользования до одежды и обуви.

В этих условиях функционирование отечественного промышленного комплекса ни в целом, ни в его дальневосточной части не встроено в основные экономические процессы, происходящие в странах Восточной Азии. Причем это относится как к уже развитой промышленной кооперации, так и к намечаемой инновационной интеграции. Поэтому ни приток капитала, ни участие в международных инновационных программах и тому подобных в их нынешнем виде не дают российскому бизнесу сколько-нибудь масштабные ответные системные креативные импульсы. Складывающийся в этих условиях дисбаланс в кооперационных связях носит деструктивный характер, препятствующий развитию экономических связей России с Китаем, Японией, как и с другими восточноазиатскими государствами (а также США).

Сложившееся положение вещей характеризует статистика участия страны в региональных экспортно-производственных связях. В России доля экспортной продукции, созданной в стране-экспортере, выше, чем в других региональных державах, — 91 %, так же, как выше и индекс участия в глобальных цепочках добавленной стоимости — 56 %. Однако эти цифры говорят не столько о состоянии собственного промышленного потенциала, сколько о топливно-сырьевом характере экспорта, который не нуждается в сколько-нибудь значительном импортном компоненте.

Если же оценить состав импортируемых Россией автомобилей (5 % из Северной Америки, 55 % — из Европы и 30 % — из Восточной Азии), то очевидна зависимость российского автомобилестроения преимущественно от Европейского союза.

Рассмотренные тенденции позволяют сделать вывод о сохранении тесных торгового-экономических связей между Китаем, США и Японией. Вместе с тем между этими государствами сохранится соперничество в формировании институциональных основ региональной интеграции.

Сложившаяся специализация участия в экономических отношениях в Восточной Азии, а также слабая включенность в региональные кооперационные связи ограничивают внешнеэкономические

возможности России. Потребность в реализации стратегического «поворота на Восток» требует существенной коррекции российской тихоокеанской экономической политики.

Примечания

¹ Отчет Конференции ООН по торговле. URL: www.finmarket.ru/main/article/3244103. 28.02.2013.

² Кондратьев В.Б. Глобальные цепочки добавленной стоимости в современной экономике // Перспективы. Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: www.perspectivy.info. 17.03.2014.

³ Отчет Конференции ООН по торговле (ЮНКТАД).

А.В. Островский

ИЗМЕНЕНИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КНР С РФ И АСЕАН В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В последние годы в результате мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. во внешнеэкономической деятельности происходит постепенная переориентация КНР со стран ЕС и США на страны АСЕАН и БРИКС из-за продолжающегося ухудшения международной экономической обстановки в связи с продолжающимся мировым финансовым кризисом. С конца нулевых годов XXI в. для Китая оказались ограничены возможности экспорта в США, Евросоюз и Японию, что заметно снизило экономический потенциал страны, ориентированный на внешние рынки. Поэтому Китай в связи с возникшими экономическими проблемами в странах, являющихся его основными торговыми партнерами — США, Японии и страны Евросоюза, — был вынужден ограничивать экспорт в эти страны и расширять его за счет стран БРИКС и АСЕАН.

В частности, в 2008 г. объем внешней торговли КНР с США составлял 333,7 млрд долл. (13 %), со странами ЕС — 425,8 млрд долл. (16,6 %), с Японией — 266,7 млрд долл. (10,4 %), т. е. всего 40 % объема внешней торговли КНР. В свою очередь, в 2013 г. хотя эти показатели и выросли [с США — 520,9 млрд долл. (12,5 %), со странами ЕС — 558,9 млрд долл. (13,4 %), с Японией — 312,4 млрд долл. (7,5 %)], но их удельный вес сократился как по вышеуказанным тор-

говым партнерам по отдельности, так и в совокупности: 33,4 % в 2013 г. по сравнению с 40 % в 2008 г.¹ В то же время, наряду с ростом объема внешней торговли со странами АСЕАН — 213,3 млрд долл. (9,0 %) в 2008 г. и 443,6 млрд долл. (10,7 %) в 2013 г.; Бразилией — 48,7 млрд долл. (1,9 %) в 2008 г. и 90,1 млрд долл. (2,2 %) в 2013 г.; Индией — 51,8 млрд долл. (2,0 %) в 2008 г. и 65,4 млрд долл. (1,6 %) в 2013 г.; Южной Африкой — 17,9 млрд долл. (0,7 %) в 2008 г. и 65,2 млрд долл. (1,6 %) в 2013 г.; Россией — 56,9 млрд долл. (2,1 %) в 2008 г. и 89,3 млрд долл. (2,1 %) в 2013 г., происходило увеличение доли стран БРИКС и АСЕАН в торговле с КНР **с 15,7 % в 2008 г. до 18,2 % в 2013 г.** Одновременно за этот период произошел взрывной рост товарооборота КНР с Гонконгом с 203,6 млрд долл. (7,9 % объема внешней торговли КНР) до 401 млрд долл. (9,6 %)².

Как мы видим, в сфере внешнеэкономических связей Китай заметно сократил объем внешней торговли с США и странами Евросоюза и в нынешних условиях активно развивает торговлю со странами АСЕАН, а также со странами Африки, Индией и Бразилией. В начале 2010 г. Китай обозначил свою ориентацию во внешней торговле на страны АСЕАН, где было объявлено о создании зоны свободной торговли АСЕАН + Китай. На наш взгляд, при определенных условиях Китай получает возможность избавиться от зависимости китайского юаня от американского доллара и после перехода к полной конвертируемости юаня и расширения экспорта в страны ЮВА со временем сможет превратить юань в резервную валюту в азиатской части мира — в странах Юго-Восточной и Восточной Азии.

По-прежнему продолжался рост прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику, который составил 117,6 млрд долл. в 2013 г. При этом Китай также продолжал реализовывать политику «выхода вовне» (*изоучуцзюй*) путем увеличения объемов прямых инвестиций за рубеж: 90,2 млрд долл., что превысило показатели 2008 г. — 55,9 млрд долл. и 2009 г. — 56,5 млрд долл. По данным китайской статистики, большая часть прямых инвестиций из КНР направлялась в страны Азии — 71,5 %, а также в страны Латинской Америки — 13,0 %. В целом в условиях возникших в результате мирового финансового кризиса проблем со сбытом экспортной продукции в наиболее пострадавшие от кризиса страны ЕС, США и

Японии Китаю удалось частично переориентировать экспорт своей продукции на страны АСЕАН и БРИКС, которые в меньшей степени пострадали от кризиса, а также направить часть предназначенных для экспорта поставок товаров на внутренний рынок.

В качестве экспортера капитала Китай уже вышел на 3-е место вслед за США и Японией. Быстрый рост инвестиционного потока за рубеж позволил Китаю усилить свои позиции на рынке прямых инвестиций как по доле в общемировом объеме инвестиций, так и по рейтингу. Крупнейшими рынками строительных проектов Китая являются Гонконг и Сингапур — соответственно 20 % и 10 % от всей суммы заключенных контрактов.

Китай активно развивает инвестиционные связи со странами ЕС и уже имеет 25 подписанных двусторонних соглашений. Основным препятствием для развития инвестиционных связей между КНР и ЕС является закрытость в Китае многих отраслей для европейских инвесторов, что выражается в разнице объемов инвестиций между ЕС и Китаем. В частности, в 2012 г. объем китайских прямых инвестиций в ЕС составил 6,12 млрд долл., а из ЕС в Китай — всего 2,6 млрд долл.³

Быстрое развитие торгово-экономических связей со странами АСЕАН в значительной мере связано с развитием зоны КАФТА, функционирующей с начала 2010 г. В результате создания зоны КАФТА летом 2010 г. в Чунцине было подписано рамочное соглашение между КНР и Тайванем, которое был вынужден подписать Тайвань, чтобы сохранить важный для себя рынок стран Юго-Восточной Азии, на который приходится значительная часть его внешней торговли. В настоящее время Китай уже является важнейшим торговым партнером для АСЕАН, а АСЕАН — третьим по величине торговым партнером Китая.

Важным резервом для развития внешнеэкономических связей является **Россия**. При всех положительных результатах развития российско-китайских отношений существуют и различные нерешенные проблемы, в первую очередь в торгово-экономических отношениях. Не случайно в китайской прессе дается такая оценка российско-китайским отношениям — «в политике горячо, в экономике — холодно».

На наш взгляд, это в полной мере отражает тенденцию развития внешнеэкономических связей России. Представляется, что Россия должна постепенно перемещать вектор торгово-экономического сотрудничества с Запада на Восток, развивать торгово-экономические отношения с динамично развивающимися странами АТР — КНР, Японией, Республикой Корея, странами Юго-Восточной Азии — для того, чтобы расширять там сферу своих экономических интересов. Это позволит минимизировать потери, которые российская экономика понесла в результате мирового финансового кризиса и до сих пор не восстановила. В настоящее время развитие торгово-экономического сотрудничества в восточном направлении становится более привлекательным для России в силу более быстрого развития экономики в странах АТР по сравнению с США и странами Европы.

В настоящее время Китай — крупнейший торговый партнер России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который превращается в один из ключевых центров формирующегося нового глобального сообщества. Как Россия, так и Китай решают задачи структурной перестройки своих экономик и в равной степени заинтересованы в активизации традиционных и поиске новых форм взаимодействия и сотрудничества.

Несмотря на заметный рост объема внешней торговли между РФ и КНР — 89 млрд долл. в 2013 г. по сравнению с 33,4 млрд долл. в 2006 г., — по-прежнему доля торговли РФ и КНР в объеме внешне-торгового оборота КНР остается крайне мала — чуть более 2 % и будет в лучшем случае оставаться на этом уровне, невзирая на абсолютный рост объемов товарооборота. По сути дела, Китай более заинтересован в российском экспорте, чем Россия в китайском импорте. Китаю необходимы такие товары, как нефть, природный газ, лес, рыба, цветные металлы — медь, никель, — потребление которых резко возросло в последние годы, а также военная техника по линии Рособоронэкспорта. В экспорте из КНР в Россию уже заметную долю составляет машинотехническая продукция, хотя по-прежнему сохраняется заметный объем поставок потребительских товаров и продуктов питания. Однако при нынешнем состоянии российской экономики районы Дальнего Востока и Сибири не могут без этого обойтись.

В целом структура российско-китайской торговли во многом соответствует структуре российской внешней торговли, где в 2008 г. в экспорте доля продукции машиностроения сократилась до 1 %, а доля нефтепродуктов и древесины выросла до 60 %. На государственном уровне Китай всегда будет более заинтересован в поддержке российско-китайской торговли, нежели Россия, поскольку в экспорте из России преобладают недостающие в КНР природные ресурсы, а в импорте из КНР в Россию — потребительские товары и продукция машиностроения. Безусловно, все это можно производить и на территории России, но в рамках действующего Налогового кодекса РФ и высоких банковских процентных ставок себестоимость этих видов продукции на российской территории будет всегда выше, равно как и цены на эти товары.

Объем внешней торговли между двумя странами во многом зависит от объема взаимных инвестиций в экономику, а эти объемы настолько малы, что не всегда попадают в сводные статистические показатели. Так что важная мера — увеличение объемов инвестиционного сотрудничества между странами, участие российского бизнеса в различных проектах на китайской территории, а китайского бизнеса — на российской. Другая мера — это развитие сотрудничества между регионами, участие в развитии проектов регионального сотрудничества, в частности Китая — в развитии районов Дальнего Востока и Сибири, а России — в развитии Северо-Востока Китая и программы развития западных районов Китая. В этом плане важно и китайское предложение — строительство «Экономического пояса Шелкового пути», затрагивающее развитие инфраструктуры и создание совместных бизнес-проектов на территории европейской части России. В частности, это строительство высокоскоростной железной дороги через Оренбург—Казань—Москву с двумя ответвлениями: на Минск и Центральную Европу и на Санкт-Петербург — в Северную Европу, а также участие Китая в строительстве моста через Керченский пролив в Крым и создание крупного торгового порта в Крыму — все на основе государственно-частного партнерства.

Опыт развития двусторонних торгово-экономических связей в последние годы наглядно показал, что перевод этих связей в новое качественное состояние, повышение их эффективности настоятель-

но требуют усиления координирующей роли государственных органов, в том числе через механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая, совершенствования платежно-расчетных отношений, создания современной информационной инфраструктуры, качественного повышения уровня транспортного обеспечения, создания действенного механизма урегулирования торговых споров, укрепления договорно-правовой базы. Именно в этих направлениях предполагается вести совместную работу в целях создания надлежащих условий для значительного роста масштаба торгово-экономического сотрудничества.

В 90-е годы XX века основным направлением двустороннего сотрудничества была военно-техническая сфера. Однако в нулевых годах XXI века главным направлением российско-китайского сотрудничества стала сфера энергетики. До недавнего времени, а точнее, до событий на Украине, основными чертами российской внешнеэкономической политики было развитие западного направления в ущерб восточному, увеличение в этом направлении экспорта энергоресурсов и импорта потребительских товаров, развитие банковских и финансовых связей; восточное направление торгово-экономических связей в основном ограничивалось предприятиями на территории азиатской части России.

В настоящее время действуют следующие проекты энергетического сотрудничества между РФ и КНР. **По поставкам нефти** — до завершения нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан» (ВСТО) объем поставок нефти был ограничен из-за отсутствия нефтепровода и составлял примерно 15 млн т в год. В настоящее время объем увеличен до 20 млн т нефти в год за счет ответвления Сковородино—Дацин. Также начал реализовываться проект Тяньцзиньского нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) за счет поставок нефти из России. Хотя, на взгляд автора, более целесообразно было бы построить НПЗ на территории России на трассе ВСТО.

Поставки газа пока невелики, в основном небольшие объемы сжиженного газа идут с Сахалина. С 2006 г. после подписания протокола о намерениях о строительстве двух газопроводов — с Западной Сибири в Сынцзын и с Дальнего Востока на Северо-Восток Китая — и поставках по ним 40 млрд куб. м газа в год до 2014 г. ни-

чего не было сделано, поскольку стороны не могли договориться о цене поставки газа из России. За это время Китай уже нашел альтернативные источники поставок газа — из Туркменистана, Бирмы, сжиженного газа — из Австралии и Катара. Однако потребности Китая в природном газе намного выше, и для России сохранились возможности поставок природного газа на китайский рынок с месторождений на Дальнем Востоке — Чаяндинского и Ковыктинского. Однако введение западных санкций в отношении России существенно ускорило вялотекущий переговорный процесс между Газпромом и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК) по поставкам природного газа. В мае 2014 г. во время государственного визита президента РФ В. Путина в Китай наконец был подписан договор о поставках природного газа из РФ в КНР по 30 млрд куб. м в год по строящемуся газопроводу «Сила Сибири». Пока «Газпром» обсуждал цену на газ с КННК, компания «Новатэк» уже подписала договор с «Синопек» о разработках природного газа на п-ове Ямал, создании там СП по производству сжиженного газа и его поставках в Китай.

Россия поставляет в Китай незначительные объемы сорта **коксуемого каменного угля**, однако объемы поставок невелики. Китай заинтересован в поставках из России коксуемого каменного угля из Тувы, однако пока себестоимость его доставки высока из-за отсутствия железной дороги Кызыл—Курагино, строительство которой постоянно откладывается.

На взгляд автора, одним из важнейших направлений сотрудничества могут стать **воспроизводимые источники энергии (ВИЭ)**: атомная энергия, электроэнергия, энергия ветра, солнца, приливов и отливов. К сожалению, Россия участвует в строительстве всего одной АЭС — Тяньваньской (пров. Цзянсу), в то время как Китай активно развивает АЭС, и к 2020 г. планируется построить свыше 10 АЭС в южных и юго-восточных районах страны. Однако все подряды на строительство АЭС получила либо американская компания «Вестингауз», либо французская «Энэл». Также из России в Китай поставляются энергоресурсы из Амурской области с Зейской ГЭС.

В свою очередь, Россия может получить у Китая ценный опыт создания **ветровых станций** (в зонах с постоянными сильными ветра-

ми), **производства солнечных батарей** для использования в районах с солнечными днями более 250 дней в году, в частности в Забайкалье и Амурской области, **переброску электроэнергии ультравысокого напряжения переменного тока 1000 кВт·ч и постоянного тока ±800 кВт·ч** на дальние расстояния, что очень важно для России с ее огромными территориями. В этих сферах есть большой простор для российско-китайского сотрудничества, где Россия может получить ценный опыт у Китая.

В целом в условиях возникших в результате мирового финансового кризиса проблем со сбытом экспортной продукции в наиболее пострадавшие от кризиса страны ЕС, США и Японию Китаю удалось частично переориентировать экспорт своей продукции на страны АСЕАН и БРИКС, которые в меньшей степени пострадали от кризиса. Предполагается, что в условиях введенных санкций США, ЕС, Японии и Канады в отношении России будет активно развиваться российско-китайское торгово-энергетическое сотрудничество по всем направлениям, включая инвестиционное, банковское, научно-образовательное и военно-техническое сотрудничество.

Примечания

¹ См. Чжунго тунцзи чжайяо — 2014. Пекин, 2014. С. 96.

² См. Чжунго тунцзи чжайяо — 2014. Пекин, 2014. С. 96.

³ См.: *Терентьева Т.Г.* 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) об основных направлениях дальнейшего развития стратегии «выхода за рубеж» // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ. Информационные материалы ИДВ РАН. М., 2014. Ч. 2. С. 156.

Н.В. Станран

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА ФОРУМА АТЭС — 2014: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Основанный в 1989 г. АТЭС охватывает почти все экономики Азиатско-Тихоокеанского региона. Важно, что тут за столом переговоров встречаются как развитые (США, Япония, Канада, Австралия, Сингапур и Южная Корея), так и развивающиеся экономики региона (Китай, Россия, Мексика, Перу, Чили, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и др.). Совокупный ВВП стран АТЭС составил 42 579 млрд долл. в 2013 г.¹, или 57 % общемирового ВВП. Очевидно, что данная группировка является важным двигателем мирового экономического роста, а своевременное и адекватное участие в ней России является залогом успешного продвижения ее стратегических интересов.

В 2000-е годы экономическая интеграция в АТР выходит за пределы, обозначенные повесткой форума АТЭС, в частности начинают стремительно развиваться интеграционные инициативы под эгидой АСЕАН и в формате двусторонних соглашений о свободной торговле между отдельными странами, в том числе и между странами «восточноазиатской тройки» (Китай, Южная Корея, Япония). В итоге, вместо трех соглашений, функционировавших в АТР на момент создания АТЭС, сейчас в регионе действует 56 соглашений, создавая запутанную сеть взаимных ограничений и обязательств, зачастую дублирующих, а порой, и противоречащих друг другу². В стремлении размотать этот запутанный клубок представители биз-

неса экономик АТЭС в 2004 г. выдвинули идею формирования единой Зоны свободной торговли (ЗСТ) [Free Trade Area of Asia Pacific (ФТААП)] под эгидой АТЭС³.

Однако почти сразу стало очевидно, что без специальной политической воли свести воедино интересы и возможности каждой из 21 экономик региона — задача трудновыполнимая. Поэтому в последующие годы в документах АТЭС ФТААП стала фигурировать скорее как некая абстрактная цель. Тем не менее для достижения этой цели было инициировано два альтернативных конкурирующих переговорных процесса по созданию мегаинтеграционных соглашений: один под эгидой США (Транстихоокеанское партнерство — ТРП)⁴ и другой на основе формата АСЕАН+6 под руководством Китая (Всестороннее региональное экономическое партнерство — РСЕР)⁵.

Все 12 нынешних участников переговорного процесса в рамках ТРП являются экономиками АТЭС, что дает полное право США утверждать, что именно ТРП единственно верный путь в создании ЗСТ в рамках АТЭС. Что касается РСЕР, то это Соглашение берет за основу формат АСЕАН+6 и совсем не задействует экономики западного полушария (Канада, Чили, Мексика, Перу), а четыре участника РСЕР (Камбоджа, Лаос, Мьянма и Индия) вовсе не являются участниками АТЭС. Все это формально лишает Китай права обсуждать данный формат на полях АТЭС. Одновременно, понимая, что игнорировать тему интеграции в год своего председательства нельзя, Китай с удивительным энтузиазмом агитирует всех вновь задуматься о реализации ФТААП. Более того, Китай продолжил разработку темы взаимосвязанности, интерпретация которой была скопирована в прошлом году Индонезией с повестки дня АСЕАН⁶. Вслед за Индонезией Китай предложил рассматривать взаимосвязанность в трех категориях: инфраструктурную (physical), институциональную (institutional) и межчеловеческую (people-to-people), каждую из которых нужно было наполнить практическим содержанием⁷.

В ситуации, когда в регионе наблюдается явная фрагментация интеграционных процессов, именно ФТААП, с точки зрения Китая, способен стать объединяющим механизмом⁸, который по сути своей

может включить в себя участников и TPP, и RCEP, и даже Евразийский интеграционный проект России (ЕАЭС).

В целом все участники АТЭС разделяют китайское видение ФТААР⁹, ни у кого не вызывает сомнений необходимость обмена информацией, поддержание транспарентности и наращивание потенциала для формирования ФТААР, однако попытка определить практические шаги по реализации ФТААР не принесла успеха. Большинство экономик, в том числе и Россия, пока не готовы обозначать конкретные сроки (Китай предложил 2025 г.) и согласовывать конкретный план действий. Основным оппонентом Китая в данном вопросе являются США, видимо опасаящиеся того, что переключение общего внимания на ФТААР затормозит переговорный процесс TPP, который и так после присоединения Японии (2013 г.) испытывает значительные затруднения. Россия имеет возможность занимать более гибкую позицию в данном вопросе, так как на сегодняшний день непосредственно не задействована ни в каких конкретных интеграционных объединениях, кроме Евразийского экономического союза. Для продвижения собственных интеграционных интересов и задач ЕАЭС Москва очень заинтересована в открытости, транспарентности и возможности обмена опытом, собственно, во всем том, что и предлагает делать Китай на пути к созданию ФТААР.

Что касается стран «восточноазиатской тройки», то в двустороннем формате каждая из них уже подписала соглашение о свободной торговле со странами АСЕАН, а вот попытки заключить трехстороннее соглашение или глобальное соглашение в формате АСЕАН+3 пока ни к чему не привели. Трехстороннее обсуждение перспектив экономической интеграции зашло в последние годы в тупик из-за политических разногласий сторон. ФТААР так же, как и RCEP, ввиду значительного количества участников представляют собой гибкие переговорные форматы, позволяющие сосредоточиться именно на обсуждении экономических вопросов и забыть о взаимных политических обидах, в то же время большое количество участников значительно снижает потенциальный эффект в контексте трехсторонних отношений.

Участие в ФТААР может обернуться для России весьма существенными выгодами, так как за счет обеспечения наилучших условий

для свободного движения товаров, услуг, инвестиций в перспективе должен значительно вырасти объем инвестиций и торговли со странами — участницами этого соглашения¹⁰. Однако пока открытым остается вопрос, нужно исключительно планировать участие России во ФТААР в 10—15 летней перспективе или сначала нужно по аналогии с большинством других экономик АТЭС пройти обязательный предварительный этап в виде TPP или RCEP. Очевидно, без этого предварительного этапа адекватное экономическое вовлечение в азиатский регион будет просто невозможно и пропустить все-таки не удастся, поэтому в ближайшей перспективе России все таки придется сделать выбор между TPP и RCEP. С учетом нынешней геополитической обстановки явного подъема российско-китайских отношений, выбор в пользу китайского проекта (RCEP) по сравнению с американским (TPP) очевиден. Важно, чтобы подобное стратегическое решение было принято не на волне политических эмоций, а по результатам тщательных расчетов и сравнения потенциального экономического эффекта от возможного подключения к тому или другому проекту.

Примечания

¹ StatsAPEC. APEC Key Indicators Database // Mode of access: URL: <http://statistics.apec.org>

² WTO Regional Trade Agreements Information System (RTA-IS) // Mode of Access: URL: <http://rtais.wto.org>

³ Report on the 3rd ABAC Meeting, Auckland, 18—20 August 2004 // Mode of access: URL: http://mddb.apec.org/Documents/2004/CTI/CTI3/04_cti3_040.pdf

⁴ TPP (Trans-Pacific Partnership) — переговорный процесс по созданию ЗСТ, в котором участвует 12 стран: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония.

⁵ RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership) — переговорный процесс по созданию ЗСТ, в котором участвует 16 стран: 10 стран АСЕАН, Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония.

⁶ Master Plan on ASEAN Connectivity // Mode of access: URL: <http://www.asean.org/resources/publications/asean-publications/item/master-plan-on-asean-connectivity-2>

⁷ APEC 2013 Tasking Statement (for 2014) // Mode of access: URL: http://mddb.apec.org/Documents/2014/CTI/CTI1/14_cti1_ref1.pdf

⁸ China Pushes its New Pacific Free-Trade Zone at APEC Meeting WSJ 18.05.2014 // Mode of access: URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702304422704579569691355930008>

⁹ 2014 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade, Qingdao Statement, 17—18 May, 2014 // Mode of access: URL: http://mddb.apec.org/Documents/2014/MM/MRT/14_mrt_jms.pdf

¹⁰ Улюкаев: Зоны свободной торговли — драйверы роста // Вести-экономика. 20.05.2014. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/42926>

А.А. Рогожин

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПРЕДИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Развитие региональных интеграционных процессов Восточной Азии в настоящее время происходит по двум то параллельным, но зачастую пересекающимся направлениям — **экономика** и **безопасность**. Усиление связи между двумя этими направлениями становится всё более очевидным. Лишь несколько примеров.

Растёт число соглашений о свободной торговле, заключаемых в регионе, которые, в дополнение к их роли как факторов ускорения экономического развития увеличению роста, рассматриваются также и как средства, преследующие геополитические и стратегические цели, и как меры по укреплению доверия, способствующего углублению региональной интеграции в Азии. Для Юго-Восточной Азии такого рода активность наиболее заметна, особенно в сфере экономики.

Так, страны ЮВА неспешно, но упорно стремятся к 2015 г. создать Экономическое сообщество АСЕАН на основе «единого рынка и производственной базы». Достигнутые успехи позволили, например, отменить самые крупные тарифы на импорт внутри торговой зоны АСЕАН, хотя темпы ликвидации этих тарифов отличаются в разных странах — членах Ассоциации в регионе. Решение, принятое на совещании министров экономики стран АСЕАН в Сиём-Риап в августе 2012 г., подтвердил факт создания Регионального комплексного экономического партнерства (RCEP) в рамках АСЕАН+6.

Следует признать, что прединтеграционные процессы и в области политики и безопасности в ЮВА протекают гораздо более медленными темпами. Несмотря на привилегированное положение, которое АСЕАН занимает в рамках Регионального форума АСЕАН (ARF) и саммита стран Восточной Азии (EAS), Ассоциация сталкивается с серьезными трудностями в попытке занять более активную лидирующую позицию и более полно реализовать свой потенциал.

В значительной мере этому препятствует борьба за влияние в регионе между Китаем, США и Россией. Появляются некоторые новые и довольно существенные негативные факторы, которые (не всегда преднамеренно) подрывают усилия стран ЮВА в рамках политической и военной безопасности, направленные на формирование собственного, согласованного «асеановского» курса.

Например, американские военные альянсы в регионе оказывают влияние на характер двусторонних отношений стран — членов Ассоциации с Китаем. Многие решения, принятые в последнее время в США (например, о расширении противоракетного щита в регионе), несут риск ускорения гонки вооружений и возникновения напряженности в отношениях между странами ЮВА и Китаем.

Направления региональной интеграции и последствия для отношений ЕС и США. Масштабные цели, которые преследуют ЕС и США в регионе, не означают, что они могут контролировать все сферы и вмешиваться в переговоры, которые ведут страны региона друг с другом. Однако очевидно, что имеются веские стратегические причины для их взаимодействия со странами Восточной Азии по целому ряду вопросов. В этом контексте *четыре области могут быть выделены как имеющие особое значение*: 1) стимулирование экономического роста; 2) укрепление безопасности; 3) поддержание стабильности; 4) построение отношений сотрудничества с Китаем.

Стимулирование роста. Переговоры по нескольким соглашениям о свободной торговле являются, в свою очередь, важным компонентом политики ЕС и США в Азии. США, например, преследуют свои интересы в двух направлениях: одновременно с проведением переговоров в рамках Транстихоокеанского партнерства (ТТП) они, по крайней мере на словах, поддерживают идею более широкой ре-

гиональной интеграции через активизацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

Наряду с участием США в саммитах стран Восточной Азии (EAS), усилия по продвижению идеи ТТП и, в частности, оказанию давления на Японию с целью побудить ее присоединиться к переговорам, также свидетельствуют о появляющейся склонности политики к многостороннему участию в восточноазиатских делах. В том же ключе ЕС преследует свои цели в регионе (пока преимущественно в экономической области) путем переговоров, которые, однако, опираются на существующие двусторонние соглашения с отдельными азиатскими странами (например, с Южной Кореей) и через развитие сети соглашений о свободной торговле со странами региона на двусторонней основе.

Хотя существует стремление к укреплению экономических связей США и ЕС со странами Восточной Азии, существует риск, что такой подход может быть подорван внутривнутриполитическими соображениями в США и ЕС. Оппозиция конгресса США разрабатываемым соглашениям о свободной торговле (в том числе ТТП) может привести к снижению авторитета США в регионе и подорвать доверие к ним.

В то же время соглашения о свободной торговле по схеме АСЕАН+6 могут еще больше отвлечь торговые потоки от американского рынка. В то время как такая переориентация торговли могла бы быть теоретически выгодной для ЕС за счет увеличения его экспорта в страны АСЕАН+6, в более широком плане она может нанести известный ущерб мировым договоренностям в области свободной торговли и общим стандартам.

Подобные риски существуют в рамках ЕС. Несмотря на то что вопросы торговой политики находятся в компетенции Европейской комиссии (ЕК), отдельные государства-члены по-прежнему пользуются свободой в проведении своей промышленной и финансовой политики. В сочетании с отсутствием солидарности между европейскими странами это подвергает некоторые относительно слабые государства-члены ЕС давлению со стороны крупных участников восточноазиатского рынка, например Китая.

Можно наблюдать рост своего рода *серой зоны*, где сталкиваются экономические и политические интересы в результате неопределен-

ной ситуации в области стабильности в регионе. В то время как существует общее предположение, что обширные торговые связи Китая с другими странами региона предотвратят военный конфликт между ними, есть также свидетельства и того, что эти связи могут быть использованы в политических целях.

Размытое различие между экономическими и политическими интересами может также иметь значительные последствия для планов ЕС и США в регионе.

Укрепление безопасности. Региональные рамки сотрудничества являются средством повышения стабильности и безопасности в регионе и тем самым снижают риски для европейских и американских интересов в регионе. Например, Региональный форум АСЕАН создал ряд Межсессионных групп поддержки (ISG) и межсессионных совещаний (ISM) по мерам укрепления доверия, координации сотрудничества в области поисково-спасательных работ, миротворческих операций и ликвидации последствий стихийных бедствий. Не следует забывать, что кроме военных конфликтов, существует множество вопросов безопасности (например, борьба с терроризмом, организованной преступностью и т. д.), которые лучше решать через международное сотрудничество, а не индивидуальные усилия.

Самой крупной проблемой в сфере безопасности является создание и укрепление отношений, в частности, на основе существующих военных обменов, и принятие мер по повышению прозрачности и облегчению обмена информацией (например, Симпозиумы по морским проблемам западной части Тихого океана, Пять договоренностей в области обороны).

Так, например, проводящиеся с 2010 г. встречи министров обороны АСЕАН+ для содействия конструктивному взаимодействию между АСЕАН и основными заинтересованными сторонами в регионе (при участии США) рассматриваются как возможность для продвижения регионального сотрудничества АСЕАН+ в области безопасности за пределы вопросов гуманитарной помощи и оказания содействия при бедствиях. Это позволит странам региона совместно решать возникающие проблемы в области обеспечения мира, стабильности и безопасности в ближайшие годы.

Другие инициативы по сотрудничеству в области безопасности включают соглашения Регионального форума АСЕАН о мерах по помощи при стихийных бедствиях между 20 странами (координируются Японией и Индонезией), Региональное соглашение о сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем в отношении судов в Азии и совместном патрулировании Малаккского пролива. Несмотря на то что декларируемый нейтралитет АСЕАН и его собственный подход к региональной интеграции позволяют объединить усилия крупных участников с целью преследовать общие интересы в атмосфере согласия и взаимного уважения, они также снижают возможности организации по продвижению вперед в решении ряда вопросов.

Остается проблема выработки согласованного подхода в рамках АСЕАН, с учетом того обстоятельства, что в настоящее время некоторые ее члены в той или иной мере поддерживают интересы Китая (например, Мьянма, Камбоджа, Таиланд и Лаос), в то время как Индонезия, Филиппины, Сингапур и Вьетнам стремятся дистанцироваться от КНР.

Поддержание стабильности. Одним из ярких проявлений растущего влияния Китая и восприятия угрозы, которую он представляет для других стран в регионе, является ужесточение подходов к территориальным претензиям и рост национализма. Территориальные споры в регионе вызывают наибольшую тревогу, так как их число увеличивается как в Южно-Китайском море, так и Восточно-Китайском море.

Их следствием является не только повышенная вероятность военной конфронтации между основными заинтересованными сторонами в результате, скорее, грубых ошибок, чем тайного сговора, но и негативные последствия, которые они уже оказывают на существующие совместные проекты в регионе. Например, недавнее противостояние между Японией и Южной Кореей по поводу островов Такэсима/Токто было одной из причин решения Южной Кореи выйти из соглашения о совместной военной разведке с Японией.

В этом контексте потенциальная роль, которую региональные форумы, и АСЕАН в частности, могли бы сыграть в урегулировании конфликтов и содействии диалогу, приобретает все большее значе-

ние. Учитывая глубину торговых отношений внутри региона, как Китай, так и АСЕАН заинтересованы в предотвращении обострения напряженности в регионе. В то время как Китай настаивает на двустороннем подходе к такой дискуссии, большинство стран региона предпочитают, чтобы любое потенциальное решение обсуждалось на прямых многосторонних переговорах между АСЕАН и Китаем.

Несмотря на политику неучастия в обсуждение территориальных претензий в регионе, США и ЕС выступили с совместным заявлением, в котором они призывают АСЕАН и Китай «разработать кодекс поведения и решения территориальных и морских споров путем мирных переговоров и совместных решений». Ранее (например, в 2010 г. на Региональном форуме АСЕАН в Ханое) США зашли слишком далеко, заявив, что результаты споров относительно Южно-Китайского моря оказывают влияние на национальные интересы США, вызвав этим открытые дипломатические разногласия с Китаем.

Мнение ЕС по поводу продолжающихся территориальных споров в регионе по-прежнему неопределенно. Этот вопрос, по-видимому, не обсуждался в ЕК официально (по крайней мере, в открытой форме), хотя интерес к нему в некоторых европейских странах явно растет. Евросоюз настроен на поддержку стран АСЕАН в противостоянии Китаю, в данном случае отдавая предпочтение, скорее, многосторонним решениям, в отличие США, более склонных к использованию двусторонних подходов.

Примечательно, что, в отличие от США, государства — члены ЕС подписали и ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву (КМП), которая обеспечивает необходимую основу для поиска долгосрочных решений морских споров. Опираясь на свой опыт в этой области, ЕС рассчитывает способствовать мирному урегулированию этих конфликтов.

Построение отношений сотрудничества с Китаем. За ростом Китая и проблемами, с которыми он сталкивается в настоящее время, тщательно следит остальной мир. С одной стороны, есть опасения, что если Китай будет доминировать в региональных политических институтах Восточной Азии, он сможет влиять на них таким образом, что может нанести ущерб интересам США и ЕС.

С другой стороны, все большим признанием пользуется совет, высказанный группой американских экспертов: лучшим вариантом для США в Восточной Азии будет отказаться от каких-либо претензий на господство и делить влияние в регионе с Китаем. Этот совет имеет большое значение, поскольку он, в частности, соответствует исторически сложившемуся выбору большинства малых и средних держав в регионе. Сегодня этот принцип можно наблюдать во внешней политике многих стран Восточной Азии: опираясь на Китай как экономического лидера, они в то же время зависят, прямо или косвенно, от США как гаранта безопасности, сохраняя при этом необходимую дистанцию от обоих.

Основным принципом политики крупных государств в Восточной Азии является тактика, которую можно обозначить, как «мягкое хеджирование». Ярким примером может служить региональная политика КНР в Восточной Азии. Китай проводит экономическую стратегию, в основе которой лежит метод «кнута и пряника».

Так, в частности, в 2012 г. в результате противостояния между Китаем и Филиппинами, Пекин запретил ввоз контейнеров с бананами из Филиппин в китайские порты. Ранее китайское таможенное ведомство также блокировало поставки редкоземельных оксидов, солей редких металлов или чистых редкоземельных металлов в Японию в отместку за задержание капитана китайского рыболовного траулера, участвовавшего в инциденте в районе Дяоюйдао/Сенкаку. Очевидно, что китайское руководство все более активно использует свое экономическое влияние для продвижения интересов страны, и в этом становится очевидной неразрывная связь военно-политического и экономического начал во внешней политике КНР.

Путь вперед: совместное восстановление равновесия. Практика «мягкого хеджирования» в отношениях малых и средних держав региона, свойственного и многим развитым странам, дает ЕС и США возможность играть роль стабилизирующего фактора. Однако на фоне нарастающих интеграционных тенденций в Восточной Азии, и в США, и в ЕС *все большую популярность приобретает точка зрения, согласно которой вместо того, чтобы преследовать свои интересы на двусторонней основе с отдельными странами в регионе, западные силы должны закреплять свое положение вхождением в состав многосторонних организаций региона.*

Основной задачей сотрудничества ЕС и США в регионе постепенно становится создание механизмов для дальнейшего укрепления региональных структур, способных обеспечивать и их собственные интересы. Чтобы достичь этого, ЕС и США приходят к выводу о том, чтобы продолжать оказывать поддержку в первую очередь укреплению потенциала АСЕАН. США стали понимать, что такого рода задачу в одиночку им не осилить.

Поэтому для них стала актуальной проблема улучшения координации внешнеполитических и внешнеэкономических усилий в рамках более тесного сотрудничества с ЕС. Однако успех такого рода координации возможен, на наш взгляд, только в случае готовности ЕС сделать встречные шаги в данном направлении, ибо не секрет, что в настоящее время практически вся политическая и экономическая активность стран — членов ЕС в Восточной Азии строится на основе *двусторонних* отношений с государствами региона, тогда как интерес их к процессам и институтам региональной интеграции (в отличие от США) весьма ограничен.

Ю.В. Тавровский

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА ШЕЛКОВОГО ПУТИ КАК ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

На пути к торжеству глобализации как установлению всемирной гегемонии США выдвинули и ускоренно реализуют два геостратегических и одновременно геоэкономических проекта — создания Трансатлантического торгового партнерства (ТАТП) и Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП). Эти проекты призваны поглотить как уже существующие экономические объединения под эгидой США, так и подключить к новым центрам интеграции страны и объединения, которые сохраняют определенную самостоятельность. Характерной особенностью проектов ТАТП и ТТП является то, что в них не предусмотрено членство Китая и России. Более того, именно против этих держав и их партнеров по БРИКС, ЕАЭС, ШОС и нацелены геоэкономические проекты США.

Ответом на грозящий Китаю экономической изоляцией проект ТТП, а также план военно-политического сдерживания Китая под названием «Поворот к Азии» (Pivot to Asia) стали концепции Экономической зоны Великого шелкового пути (ЭЗВШП) и Морского шелкового пути для XXI века (МШП-21). 7 сентября 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в столице Казахстана Астане, беседуя со студентами Назарбаев-Университета, предложил «объединить усилия и на основе инновационных методов взаимодействия создать Экономическую зону Великого шелкового пути, сделать поддерживаемые между евроазиатскими странами экономические связи более

тесными». За прошедшее время новая концепция так и не получила привычных на Западе четких очертаний геоэкономических образований — зон свободной торговли, экономических блоков, торговых пактов. Возможно, в этом проявляется инновационный метод внешней политики нового председателя КНР. Возможно — это продолжение традиции не имевшего четкой структуры Шелкового пути старинного.

По словам автора идеи, процитированным агентством Синьхуа, «новый коридор вдоль Шелкового пути отличается от традиционной модели регионального сотрудничества тем, что не будет подразумевать взаимодействия путем учреждения наднациональной управляющей структуры». Кроме того, у нового Шелкового пути нет четких географических рамок, отправных и конечных пунктов. На этот счет в Пекине пока ограничиваются статьями экспертов и комментаторов официальных СМИ. Так, агентство Синьхуа сообщало в конце 2013 г.: «Китай предложил создать вдоль древнего Шелкового пути новый экономический коридор — от Тихого океана до Балтийского моря — и сформировать экономическую зону с масштабным рынком и огромным потенциалом, охватывающую более 30 стран Евразии с населением свыше 3 млрд человек. По статистике, в настоящее время страны, расположенные на Шелковом пути, обеспечивают до 23 процентов мирового экспорта».

По мнению Ван Чэнцзя, руководителя отдела изучения внешней политики России Центра изучения проблем развития при Госсовете КНР, «географические границы нового Шелкового пути начинаются в Китае и распространяются через Центральную Азию и Закавказье в Россию. Зона может быть “растянута” на Западную и Южную Азию, а также на Центральную и Восточную Европу». Китайские представители более высокого уровня ведут разговоры о взаимодействии на маршруте Великого шелкового пути не только с естественными партнерами — странами Центральной Азии и Закавказья, с Турцией и другими государствами бассейна Средиземного моря, — но и с Украиной, другими государствами Восточной и Западной Европы.

Видное место в новой стратегической концепции Пекина занимает Россия. Сунь Чжуанчжи, эксперт Академии общественных

наук Китая, пишет: «Речь в первую очередь идет о сотрудничестве между Китаем, странами Центральной Азии и Российской Федерацией, которое мощно продвигается в последние годы. Сейчас в истории китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия наступил наилучший период. Отношения между Китаем и странами Центральной Азии также продвинулись к новому этапу: лидеры государств объявили о повышении их на уровень стратегического партнерства. Ресурсы и экономики стран Евразии характеризуются большой взаимодополняемостью и огромным пространством для сотрудничества. Поэтому эти страны горят огромным желанием углубить взаимодействие».

Новая концепция Пекина вызвала в России неоднозначную реакцию. Некоторые российские эксперты стали называть ее «рецидивом китайского гегемонизма», «противостоянием проекту Евразийского экономического союза» или даже «попыткой отторжения от Москвы ее сферы влияния в Центральной Азии». Ответом на эти заявления стали выступления китайских ученых. Заместитель директора лаборатории по изучению российской дипломатии Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая Цзян И в своем комментарии для агентства Синьхуа написал: «Самым большим вызовом для Китая является налаживание отношений с Россией. Нельзя допустить, чтобы тесные связи с Центральной Азией оказали влияние на китайско-российское взаимодействие. Вместе с тем также необходимо задуматься о координации связей между странами в регионе, поддерживать благоприятные отношения».

Тема ЭЗВШП впервые была официально затронута на переговорах руководителей Китая и России в феврале 2014 г. во время встречи Президента Путина и Председателя Си Цзиньпина в Сочи «на полях» Зимних Олимпийских игр. В мае того же года во время встречи в Шанхае российский лидер заявил о поддержке строительства экономической зоны Шелкового пути, транспортной интеграции, участия китайских компаний в освоении российского Дальнего Востока. Модернизация БАМа и Транссиба будет скоординирована с новым Шелковым путем, заявили лидеры двух стран в коммюнике по итогам переговоров.

Официальное одобрение Путиным китайской инициативы развеяло подозрения в двойной игре Пекина. Между тем об отсутствии антироссийских намерений и о подлинных причинах выдвижения стратегии ЭЗВШП может говорить еще одна стратегическая концепция — МШП-21 (Морской шелковый путь XXI века). Через месяц после выступления в Астане Си Цзиньпин с трибуны парламента Индонезии выдвинул стратегическую концепцию Сообщества общей судьбы Китай—АСЕАН и совместного построения Морского шелкового пути XXI века. Эта концепция тоже носит «инновационный» характер и не имеет четких организационных рамок. По сообщению агентства Синьхуа, Председатель Си Цзиньпин предложил основать эту концепцию на следующих пунктах: «Придерживаться принципа доверия и стремиться к добрососедству; придерживаться принципа “жить душа в душу”; придерживаться принципа открытости и толерантности».

Справочно: *Морской шелковый путь, который связывал Китай с рынками Азии, Европы и Африки через порты на побережье Индии, Персии и Аравийского полуострова, также возник не менее двух тысячелетий назад. В новых работах китайских историков предполагается даже, что он на 800 лет старше наземного торгового маршрута. Шелк, фарфор, нефрит доставлялись несколькими маршрутами в порты вдоль берегов нынешних Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Таиланда, Индии, Шри-Ланки, Пакистана, Ирана, стран Персидского залива, Аравийского полуострова, Восточной Африки. Евнух-флотоводец Чжэн Хэ в начале XV в. 9 раз водил маршрутами Морского шелкового пути эскадры торговых и военных кораблей до берегов Южной Индии и Аравии. В отличие от Колумба и других европейских путешественников-завоевателей, китайский флотоводец не навязывал свою веру, не грабил и не жег местные города, не убивал туземцев тысячами. Чжэн Хэ даже не принуждал местных правителей зачислять себя в число данников Поднебесной в обмен на превосходившие по ценности ответные дары. В наши дни позиции Китая в зоне МШП-21 заметно сильнее тех, что сохранились или были воссозданы за последние 20—30 лет в Центральной Азии. Если торговля Поднебесной со странами Центральной Азии достигла к 2013 г. примерно 40 млрд долл.,*

то со странами АСЕАН, входящими в МШП — 21, у Китая с 2010 действует зона свободной торговли с ежегодным объемом торговли более 400 млрд долл.

Одновременное выдвижение двух связанных с историческим Шелковым путем внешнеполитических инициатив после трех десятилетий следования завету Дэн Сяопина «тао гуан ян хуэй» (срывать способности и ждать своего часа, дорожить временем, никогда не претендовать на гегемонию) вызывает немало вопросов. Одни эксперты объясняют это достижением Китаем именно сейчас качественно нового уровня экономического и военного могущества, требующего внешней проекции. Другие указывают на быстрый рост национализма среди военных и молодежи, считающих, что Китай уже «дождался своего часа», и требующих активизации внешней политики. На взгляд автора две инновационные концепции председателя Си Цзиньпина говорят не о стратегическом наступлении Китая, а об активной стратегической обороне, призванной отвести от страны все более реальную угрозу экономической блокады и военно-политического сдерживания.

По мере нарастания экономических успехов Китая его западные партнеры, и в первую очередь США, стали требовать резкого повышения курса юаня. Эта мера уже была опробована в Японии в 80-х годах прошлого века, когда проведенная под сильнейшим давлением США ревальвация иены удорожила японский экспорт, сделала японские товары менее конкурентоспособными и обрекла Страну восходящего солнца на продолжавшуюся почти три десятилетия стагнацию. Китайские руководители отказались пойти по японскому пути. Реакцией на это и стала американская стратегия «поворот к Азии». Она оказалась вполне эффективной программой сдерживания КНР в первую очередь через создание угрозы заморским рынкам сбыта, источникам сырья и соединяющим их морским транспортным путям, по которым осуществляется около 90 % торговли КНР. «Стратегическим содержанием американской политики “поворот к Азии” является подавление и окружение Китая, — писал на страницах англоязычной газеты «Глобал таймс» под заголовком «Америка в состоянии перекрыть жизненно важные морские пути

Китая» аналитик Института военно-морских исследований КНР Ли Цзе. — Первоочередной задачей этой политики является окружение с моря».

Реакцией на стратегию «поворота к Азии» как раз и стали концепции Экономической зоны Великого шелкового пути и Морского шелкового пути для XXI века. Обе они явно нацелены на предотвращение окружения. Первая — с Запада, вторая — с Юга и Востока. Северный периметр китайских границ надежно прикрыт стратегическим партнерством с Россией. На Западе угроза тотальной войны нависла над Афганистаном, нестабильна ситуация в Киргизии и Таджикистане, предстоит смена руководства в пока довольно спокойных Казахстане и Узбекистане. На Юге сохраняется напряженность в отношениях с Индией. Непонятную роль в связи с волнениями уйгуров играет провозгласивший себя «другом в любую погоду» Пакистан. Недружественные слова и дела последовали от правителей Мьянмы (Бирмы). Сразу после провозглашения «поворота к Азии» резко обострились отношения с Филиппинами, Вьетнамом и некоторыми другими странами Юго-Восточной Азии из-за принадлежности островов Южно-Китайского моря. В Восточно-Китайском море вокруг островов Дяоюйдао (Сенкаку) в любой момент может начаться вооруженное столкновение с Японией.

Две инновационные инициативы Пекина выглядят как попытки за счет ускоренного роста торговли и капиталовложений предотвратить готовящееся окружение или облегчить его прорыв. Труднее всего будет этого добиться в зоне Морского шелкового пути. Несмотря на традиционное влияние китайской цивилизации, огромный объем торговли, наличие влиятельных общин «заморских китайцев», Вашингтону, скорее всего, удастся добиться своих целей, как военных, так и экономических. Признаки этого уже просматриваются в активизации военных связей стран региона с США, в ускоренном создании Транстихоокеанского торгового партнерства, в которое не собираются допускать Китай, вторую экономику мира.

Ситуация в Зоне Великого шелкового пути выглядит для Китая гораздо лучше. Нестабильность в бывших советских республиках Средней Азии сдерживается за счет активизации России, бросившей, было, этот регион на произвол судьбы. Создание Евразийского

экономического союза с участием «региональной сверхдержавы» Казахстана, перспектива присоединения к этому интеграционному объединению Киргизии и Таджикистана делает ситуацию в регионе более предсказуемой. Позитивную роль играет и сам Китай, наладивший тесные связи со странами региона на двусторонней основе и благодаря общему членству в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Справочно: *Сейчас уже почти забыты выдвинутые в начале 1990-х годов Евросоюзом планы строительства нового Шелкового пути, который соединял бы Европу, Кавказ и Центральную Азию. В 1999 г. Вашингтон разработал свой «Стратегический проект Шелкового пути», однако сенат США его не одобрил. В 2006 г. американская дипломатия попыталась продвигать обновленный проект, но он также не был принят. Теперь Брюссель и Вашингтон борются за сохранение остатков своего влияния в Центральной Азии на фоне фиаско в соседних Афганистане, Ираке и Иране, а также упрочения позиций России и Китая.*

События последних месяцев показали, что в Пекине стали отдавать приоритет продвижению стратегии ЭЗВШП. Так было и в старину: нарушение работы Морского шелкового пути вызывало активизацию Шелкового пути наземного, и наоборот. В Пекине, Сиане, Урумчи и других китайских городах прошли конференции, круглые столы, симпозиумы по этой проблематике. Тема Шелкового пути остается одной из главных в китайских СМИ, особенно работающих на внешний мир. Продвижение новой стратегии остается в центре внимания высшего руководства страны. В Пекине осенью 2013 г. прошла конференция по вопросам отношений с сопредельными странами. В ней участвовали все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, высшие руководители партийных и правительственных ведомств, дипломаты, военные, ученые и журналисты. В своей речи председатель Си Цзиньпин отметил, что «стратегической целью китайской внешней политики в отношении сопредельных стран является служение задаче национального возрождения Китая. Для этого необходимо консолидировать дружеские отношения с соседними странами и наилучшим образом использовать имеющиеся сейчас стратегические возможности».

Разрабатывая и осуществляя две параллельные стратегии Шелкового пути, Пекин своей главной целью считает обеспечение экспортного товаропотока в Западную Европу самым безопасным путем. Транзитные страны и регионы при этом имеют не меньшее значение как рынки и источники сырья. Это относится и к странам АСЕАН, и к государствам Центральной Азии. Емкость их рынков (400 млрд долл. и 40 млрд долл. соответственно) сравнима с рынками Европы или даже целой Африки. КНР стала крупнейшим поставщиком товаров для ЕС, а Европа — третьим экспортным рынком для китайских товаров. Товарооборот Китая со странами ЕС в 2013 г. составил 560 млрд долл., со странами Африки — 210 млрд долл. КНР остается для континента крупнейшим торговым партнером.

Россия сквозь призму концепции ЭЗВШП пока выглядит не как стратегический рынок, а, скорее, как важная транзитная территория. С учетом сохраняющейся нестабильности на Среднем Востоке и в Закавказье контролируемые Россией транспортные артерии приобретают первостепенное значение. Это не только планируемая главная контейнерная трасса, которая начинается от порта Ляньюньган на восточном побережье Китая, проходит через центральные провинции и Синьцзян, продолжается через Казахстан, сливается с магистралями Урала и Юга России и затем, согласно замыслу проектировщиков, по новому мосту через Керченский пролив пройдет к глубоководному порту в Крыму. Оттуда контейнеры будут грузиться на корабли и развозиться через Средиземное море, Гибралтарский пролив, Суэцкий канал по всей Европе, Среднему Востоку и Африке. Роль дублеров сыграют модернизированные с китайским участием Транссиб и БАМ, другие стальные магистрали, по которым в Восточную и Западную Европу уже идут контейнерные составы из Китая. Растущий интерес Пекина вызывает Северный морской путь. Россию не минуют новые шоссейные дороги, которые станут частью трассы Западный Китай — Западная Европа, которая уже действует в Китае и достраивается на территории Казахстана.

Что касается нашего рынка, то он в настоящее время вряд ли играет существенную роль для китайской внешней торговли, объем которой в 2013 г. превысил 4 трлн долл. Российско-китайский това-

рооборот вот уже несколько лет не достигает 90 млрд долл. Однако события последних месяцев позволяют по-новому взглянуть и на будущее российского рынка. На то есть как минимум две причины.

Во-первых, дисциплинированность, с которой страны ЕС присоединились к санкциям против России, показали Пекину, что Европа остается под политическим контролем США, которые способны заставлять ее действовать вопреки своим экономическим интересам. Постоянно жалуясь на превышение китайского экспорта в торговле с Евросоюзом над импортом, страны ЕС отказываются продавать Китаю военную технику и двойные технологии в рамках санкций, наложенных по инициативе Вашингтона еще в 1989 г. после событий на пл. Тяньаньмэнь. Нетрудно себе представить угрозы для китайской торговли в случае создания Трансатлантического торгового партнерства, которое вместе с Транстихоокеанским торговым партнерством призвано создать глобальную сферу торговли, свободной от присутствия нежелательных Вашингтону экономик.

Во-вторых, санкции, наложенные на Россию под предлогом событий на Украине, открывают перед китайскими товарами обширные ниши, до этого занятые европейскими и американскими товарами. В скором будущем можно ожидать также рост товарообмена в результате решения Пекина разрешить крупные инвестиции в России и решения Москвы снять гриф секретности с некоторых российских технологий, допустить китайские компании в крупные инфраструктурные проекты. Соответствующие договоренности Путина и Си Цзиньпина в Шанхае в случае претворения в жизнь увеличат число совместных проектов в высокотехнологичных отраслях науки и промышленности с самыми благотворными последствиями для торговой статистики. Нарастающее политическое, военное и экономическое сдерживание Западом как России, так и Китая вполне может привести к тому, что Россия станет одним из главных китайских рынков.

С.С. Суслина

РЯД ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. Повышение роли региона в мировой экономике и создание нового полюса роста

Регион Восточной Азии (ВА) **разнообразен как в культурном, так и в экономическом и политическом планах.**

Экономика стран ВА развивается динамично высокими темпами, а сам регион становится мировым финансово-экономическим центром. Это не регион в традиционном понимании, а объединение субрегионов на основе взаимных интересов, которое приобрело форму «сети» **интеграционных союзов и форматов.** Для России, особенно в нынешней ситуации, экономическая интеграция на евразийском экономическом пространстве имеет жизненно важное значение.

Возникновение ЕАЭС — это ответ на чрезмерную моноцентричность современной модели мировой экономики, чему сопротивляются появляющиеся в последние десятилетия новые центры экономической силы.

Южнокорейский президент считает, что создание зоны свободной торговли в Евразии позволило бы снять многие противоречия между странами, в том числе могло бы ускорить процесс экономиче-

ского объединения стран Корейского полуострова и создать колоссальный по емкости единый рынок, подобный Евросоюзу.

До недавнего времени наиболее отстающим звеном в региональной интеграции в Восточной Азии оставалось формирование интеграционной группировки внутри стран СВА.

Интеграционные платформы с участием АСЕАН, КНР, Японии и Республики Корея являются наиболее «здоровыми» форматами сотрудничества, так как обеспечивают сдерживание соперничества между тремя странами за влияние на АСЕАН.

Суммируя, можно отметить, что региональная многосторонняя интеграция еще находится на стадии разработки и поиска подходящего формата. Помимо больших проектов с участием целого ряда стран региона, существуют и более узкие формы взаимодействия, как, например, сотрудничество Китая, Японии и Республики Корея по заключению соглашения о свободной торговле в трехстороннем формате.

2. Процессы и факторы, определяющие экономическую безопасность в регионе ВА

За последние десятилетия степень взаимозависимости и взаимосвязанности экономик ключевых стран СВА — КНР, Японии и РК — значительно возросла.

Начавшиеся в 2013 г. переговоры о заключении такого соглашения между КНР, Японией и РК привлекли особое внимание, так как экономический блок трех стран способен стать крупнейшим экономическим блоком мира, опередив США и ЕС (в 2012 г. объем ВВП этих трех стран составил 21,8 % мирового)¹.

У экономической интеграции в СВА существует и политическое измерение: по мнению южнокорейских исследователей из Корейского института экономической политики, заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле может стать фактором снижения политической напряженности в отношениях между КНР, РК и Японией, которые омрачаются то территориальными спорами, то историческими разногласиями.

В числе главных факторов, затрудняющих переговорный процесс по зоне свободной торговли между этими странами следует все же признать конфликт экономических интересов трех стран.

Заключение соглашений о свободной торговле стало бы для трех стран не только способом расширения торгового взаимодействия со странами мира, но и инструментом внутренней и внешней политики.

Многочисленные экспертизы по изучению перспектив как трехстороннего соглашения о свободной торговле, так и двусторонних соглашений (Китай—РК, РК—Япония, Япония—Китай) породили немало исследований, в которых на основе прикладных моделей общего равновесия произведена оценка влияния трехстороннего соглашения о свободной торговле на экономический рост и товарооборот стран-участниц. Так, потенциальный прирост ВВП РК оценивается в диапазоне от 0,95 до 5,15 %, Китая — от 0,03 до 1,54 %, Японии — от 0,03 до 1,24 %².

3. Пути укрепления экономического сотрудничества в регионе

Позиции и заинтересованность в восточноазиатской интеграции Кореи

Торговое сотрудничество КНР, Японии и РК

За период с 2008 по 2013 г. объемы внешней торговли Китая выросли на 62 %, у Республики Корея — на 25 %, а Япония осталась на том же уровне. Доля региональной торговли в общем объеме внешней торговли трех стран увеличилась в этот период на 9,4 проц. пункта (с 10,2 до 19,6 %) ³.

Стоит рассмотреть уровень экономической зависимости от региона в сфере обрабатывающей промышленности отдельно по странам. Для Японии и Республики Корея эта зависимость увеличилась с 2000 по 2012 г. с 12,9 и 2,8 % до 18,3 и 8,8 % соответственно, в то время как Китай, чьи общие объемы торговли увеличились больше, чем в полтора раза, снизил свою промышленную зависимость от региона, которая и так была невелика, на 2 проц. пункта (с 7,4 до 5,4 %).

Если посмотреть на динамику развития регионального сотрудничества по отраслям обрабатывающей промышленности, то наиболее гармонично оно развивается у Республики Корея; Япония особенно усилила его в сфере текстильной и электрооптической отраслей, а Китай интенсифицировал взаимодействие с соседними странами лишь в области электрооптического приборостроения и нефтехимии⁴.

Как тенденции можно отметить, что зависимость Японии и особенно Республики Корея от сотрудничества в сфере промышленности с Китаем увеличивается, а их прибыль снижается.

Китай планомерно усиливает свою конкурентоспособность в регионе, при этом все больше активизируясь на других рынках, вне региона. *Наблюдается нарастание конкуренции между тремя странами в областях обрабатывающей промышленности, в частности в сталелитейной, автомобильной и судостроительной сферах на фоне сходной структуры экономики*⁵.

Ведутся дискуссии о необходимости гармонизации отраслевой структуры в регионе, что прежде всего изменило бы положение вещей для Японии и Южной Кореи.

Структура внешней торговли у всех трех стран схожа, причем экспортируется и импортируется продукция практически одних и тех же отраслей промышленности. Все три страны экспортируют и импортируют электрооборудование и электронику и продукцию тяжелого машиностроения; значительную роль в экспорте трех стран играет продукция точного приборостроения. Япония и Республика Корея также активно экспортируют продукцию автомобилестроения, причем если говорить об экспорте этих товаров в Китай, то Япония поставляет в два раза большие объемы, чем Республика Корея (12,5 млрд и 6,9 млрд долл. соответственно).

«Толчок» к развитию необходим и в сфере *торговли услугами*. В Японии и Республике Корея торговля услугами занимает соответственно 80 и 60 % ВВП, в Китае ее доля равна 40 %⁶. Но все страны испытывают трудности с балансом торговли услугами: в Китае наблюдается растущий дефицит, который в 2013 г. составил 122 млрд долл.; в Японии дефицит несколько снизился, но сохранился, остановившись в этом же году на уровне 16 млрд; с 2012 г. в Южной Ко-

рее — небольшой профицит, достигший в 2013 г. 5,9 млрд долл. Среди торговых партнеров Китая в сфере торговли услугами Япония уступает позиции США и АСЕАН, а Республика Корея находится на шестой позиции. В список основных партнеров Японии по торговле услугами не входят ни Республика Корея, ни Китай. Япония входит в тройку крупнейших партнеров Южной Кореи в сфере торговли услугами⁷. Таким образом, можно увидеть, что реализация потенциала сотрудничества в этой области между тремя странами находится на очень низком уровне. Хотя, по оценкам специалистов, Япония, Китай и Республика Корея могли бы эффективно дополнить друг друга, так как каждая страна имеет свои преимущества.

Китай сконцентрирован в первую очередь на развитии торговли услугами в сферах туризма и коммуникаций; **Япония** — в сфере роялти и лицензионных платежей; **Республика Корея** — в сферах строительства, финансов и транспортных услуг. Либерализация торговли услугами между тремя странами привела бы не только к ее интенсификации, но и к расширению торговли товарами и взаимных инвестиций.

Если говорить об основных проблемах, которые затрудняют заключение соглашения, то следует упомянуть следующие моменты. Япония выступает против либерализации сельского хозяйства, лесной и рыболовной промышленности, причем японское сельское хозяйство особенно опасается открытия торговых границ с Китаем. **Республика Корея** не хотела бы либерализации рынка автомобильных запасных частей, автомобилей и другой продукции машиностроения, особенно в отношении Японии; касательно Китая южнокорейцы также обеспокоены перспективой притока его сельскохозяйственной продукции, а также продукции легкой промышленности. В **Китае** озабочены защитой своей автомобильной отрасли и рынка услуг⁸. Таким образом, можно ожидать большого пакета изъятий в ходе обсуждения проекта соглашения.

Если говорить об общих тенденциях в сфере инвестиционного сотрудничества между тремя странами, то стоит отметить, что *объем внутрирегиональных инвестиций находится на довольно низком уровне, а ежегодные показатели сильно колеблются. Основной поток инвестиций*

направлен из Японии и Республики Корея в Китай, в то время как для Китая два ближайших соседа по региону Северо-Восточной Азии пока не стали объектами крупных инвестиций, несмотря на общий рост инвестиционной деятельности КНР⁹. Япония активно наращивает долю инвестиций в сферу услуг Китая и Республики Корея, которые также повышают долю прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в сферу услуг Японии¹⁰ [хотя в общем импорте прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) в Японию до сих пор преобладают ПЗИ в обрабатывающую промышленность¹¹]. Инвестиционная деятельность Республики Корея, за исключением японского направления, сконцентрирована в области обрабатывающей промышленности¹², в том числе и в экспорте ПИИ в Китай. Таким образом, Республика Корея сильно отстает от Японии по инвестициям в Китай.

Примечания

¹ Официальный веб-сайт Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org>

² Cui, Yuming. Ntw Evidence of Asian Economic Integration: Prospects and Challenges of a Trilateral FTA between China, Japan and South Korea // Perspectives on federalism. Vol. 5, issue 1, 2013.

³ [Расчеты автора] Trade Map: Trade statistics for international business development // International Trade Centre. Mode of access: URL: <http://www.trademap.org/SelectionMenu.aspx>

⁴ *한중일의 협력과 경쟁 심화*: [Углубление сотрудничества и экономического взаимодействия между Республикой Корея, Китаем и Японией] // IT news. 28 января 2014. URL: <http://www.itnews.or.kr/2014/01/한중일의-협력과-경쟁-심화/>

⁵ Там же.

⁶ Joint Study Report for an FTA among China, Japan and Korea // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. December 16, 2011. Mode of access: URL: http://www.meti.go.jp/press/2011/03/20120330027/20120330_027-3.pdf

⁷ [Расчеты автора] Trade Map: Trade statistics...

⁸ *동아시아 경제공동체 구축을 위한 한중일의 전략 및 협력방안*: Стратегия и план сотрудничества Республики Корея, Китая и Японии для формирования экономического блока в Восточной Азии / Чон Сын Ён // KJCF Korea-Japan

Cooperation Foundation for Industry and Technology. 26 марта 2010. URL: <http://kjc.or.kr/jpinfo/research.html?bid=issuebrief&qry=read&no=30352&page=8&no=31063>

⁹ Joint Study Report...

¹⁰ Ibid.

¹¹ Japanese Trade and Investment Statistics // JETRO Japan External Trade Organization. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

¹² Foreign Investment Statistics // Korea Eximbank. Mode of access: URL: <http://www.koreaexim.go.kr/en/>

Краткое содержание статей

---

*Академик РАН М.Л. Титаренко,
директор Института Дальнего Востока РАН*
**Участие России в решении проблем безопасности
и сотрудничества в Восточной Азии**

Аннотация

Автор раскрывает основные задачи России в Восточной Азии и шире — в АТР — не допустить развития опасных тенденций и его превращения в еще один центр противоречий и конфликтов, продолжить совместно с союзниками усилия по строительству здесь новой архитектуры, основанной на сотрудничестве, взаимном доверии и равной безопасности всех стран.

Обосновано, что интересы России определяют Северо-Восточную Азию в ряду наиболее значимых и перспективных регионов мира. Конкретно показано, как российское руководство рассчитывает привлечь страны этого региона к решению застарелой проблемы преодоления отсталости Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Как центральное звено упрочения национальной безопасности и позиций России в АТР рассматривается российско-китайское стратегическое взаимодействие и доверительное партнерство. Выделена роль крепнущих форматов многостороннего взаимодействия России со странами Восточной Азии и других регионов — ШОС, РИК, БРИКС в деле выработки стратегии совместного развития.

Ключевые слова

Россия, Китай, АТР, Восточная Азия, Северо-Восточная Азия, Восточная Сибирь, Дальний Восток РФ, диалог по проблемам и архитектура безопасности, экономическое сотрудничество, интересы держав, региональные организации.

Чан Кхань

Тенденции перебалансировки американских вооруженных сил в Юго-Восточной Азии

Аннотация

Доктор Чан Кхань анализирует период с конца 90-х годов XX в., т. е. после окончания холодной войны. Он рассматривает политику США как реакцию на подъем Китая в качестве мировой державы, на его воздействие на положение в АТР, прежде всего в ЮВА. По оценке автора, в основу этой политики на настоящем этапе положены стратегическая концепция «перебалансировки» президента США Б. Обамы, а также принципы, содержащиеся в выступлении госсекретаря США Х. Клинтон под названием «Тихоокеанский век Америки», изложенные ими на форуме АТЭС на Гавайях в ноябре 2011 г. Эти программы носят прежде всего экономический характер и направлены на обеспечение государственных интересов и безопасности США и их партнеров в АТР.

Автор в целом показывает военную стратегию США. Констатируется, что политика «поворота», «возвращения в Азию» и стратегия «перебалансировки вооруженных сил» усилились в последние годы с целью частичного контроля за возрождением Китая и расширения геополитического пространства США. Для реализации данной стратегии США используют синтез сил — дипломатических, военных, экономических, — а также распространяют так называемые демократические ценности. Эта политика учитывает «мягкую силу» Китая в преобразовании мира, его «наступление очарованием», а именно путем создания механизмов стимулирования дружественного двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами АСЕАН.

Ключевые слова

США, АТР, ЮВА, АСЕАН, проблемы безопасности, возвращение в Азию, перебалансировка вооруженных сил, военная стратегия, соглашения, совместные военные учения, экспорт вооружений, военная помощь, Китай, «мягкая сила», жесткие меры, суверенитет над островами, Россия, кризис на Украине.

Г.М. Локшин

Вьетнам и восточноазиатское турне президента США

Аннотация

Статья посвящена анализу летнего кризиса 2014 г. в Южно-Китайском море. В ней рассматриваются некоторые итоги второго турне президента США в страны Восточной Азии, реакция на него в Китае, новый раунд напряженности

в китайско-вьетнамских отношениях после ввода китайской буровой платформы в исключительную экономическую зону (ИЭЗ) Вьетнама и политика СРВ в создавшихся условиях.

Ключевые слова

Южно-Китайское море, АСЕАН, буровая установка, визит, Б. Обама. Си Цзиньпин, военные союзники, протест.

Е.В. Кобелев

Диалоговое партнерство «Россия—АСЕАН»: состояние, проблемы, перспективы развития

Аннотация

Автор анализирует разнообразные вехи партнерского сотрудничества между Россией и влиятельной региональной группировкой АСЕАН за минувшие 20 лет. Показаны ведущая роль АСЕАН в строительстве основ мира и безопасности в Юго-Восточной Азии и в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также стратегическая, политико-экономическая значимость для России укрепления по всем азимутам партнерства с этой организацией.

Ключевые слова

Россия, АСЕАН, Вьетнам, ЮВА, АТР, диалоговое партнерство, саммиты «Россия—АСЕАН», Деловой совет.

До Минь Као

Влияние политических и региональных изменений на безопасность Вьетнама

Аннотация

Ряд крупных политических событий и мер безопасности в XXI веке наряду с глобальным финансово-экономическим кризисом привели к существенному изменению мировой и региональной геополитической обстановки. Роль Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Восточной Азии, включая АСЕАН и Южно-Китайском море, стала центральной и с каждым днем приобретает все большее значение. Некоторые мощные и сверхдержавы вынуждены корректировать политику и стратегию безопасности, переориентируясь главным образом в сторону Азии. Происходят подъем Китая, стратегическое регулирование политики США, Индии, России. Эти геополитические

литические и региональные изменения оказывают влияние на многие страны, в том числе и на Вьетнам. Вьетнам использует благоприятные обстоятельства и противостоит исходящим из названных перемен вызовам в целях поиска нового пути развития и обеспечения своего суверенитета и территориальной целостности.

Ключевые слова

Геополитика, безопасность, Китай, Америка, Вьетнам.

С.С. Суслина

Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество в свете «Евразийской инициативы» Республики Корея

Аннотация

В статье рассматриваются новые подходы к расширению форм и направлений экономического взаимодействия России с Южной Кореей и другими странами Северо-Восточной Азии; дается анализ современного уровня и состояния двустороннего экономического сотрудничества РФ и РК; очерчены его основные проблемы и перспективы; дана оценка наиболее эффективных проектов, которые могут сообщить синергетический импульс интеграционным процессам в СВА. Показано, что расширение процессов интеграции и появление евразийского экономического пространства приведет к более плюралистической структуре мировой экономики, что придаст ей более устойчивый, сбалансированный и равноправный характер.

Ключевые слова

Экономические проекты РК и РФ, Дальний Восток, Северо-Восточная Азия, интеграция.

В.М. Мазырин

Новые формы экономической интеграции между РФ и СРВ

Аннотация

В статье дан анализ современных экономических отношений России с Вьетнамом с точки зрения их объективной заинтересованности в расширении партнерства. Выявлены ключевые направления, факторы и тенденции этого процесса. Подробно рассмотрено положение в сфере торговли и инвестиций, транспорта. Особое внимание уделено проблемам, мешающим росту объемов и

эффективности взаимодействия, и путям их решения. Автор прогнозирует серьезные испытания двусторонних отношений на прочность в новых международных условиях.

Ключевые слова

Вьетнам, Россия, тенденции экономических отношений, состояние и структура внешней торговли, встречные прямые инвестиции, транспортные проекты, расчеты в национальных валютах, совместные предприятия, проблемы и перспективы развития сотрудничества, ориентация на Россию, зависимость от США.

Н.Г. Рогожина

Экологическая безопасность как неотъемлемый компонент безопасности экономической

Аннотация

В статье рассматриваются причины обострения экологической ситуации в странах ЮВА и перспективы обеспечения их экологической безопасности, которые связаны с переходом к новой модели развития — зеленому развитию. Последнее означает осуществление экоиндустриальной революции в странах ЮВА, которая направлена на повышение эффективности использования природных ресурсов и снижение угрозы загрязнения окружающей среды. Но для того чтобы реализовать поставленную цель, им необходимо включить в модель догоняющего развития индустриального типа элементы развития постиндустриального общества. Это и даст возможность обеспечить экологическую безопасность ускоренного экономического развития.

Ключевые слова

ЮВА, зеленое развитие, экологическая безопасность, экологические проблемы, экоиндустриальная революция.

В.Я. Портяков

Контуры внешней политики пятого поколения лидеров Китайской Народной Республики

Аннотация

Проанализированы первые итоги реализации внешнеполитического курса нового руководства Китая во главе с Си Цзиньпином. Выделены черты преемственности и новизны в международной деятельности КНР последних лет. Показано, что в Пекине всемерно подчеркивают инновационный характер современной китайской дипломатии.

Ключевые слова

КНР, пятое поколение лидеров, внешняя политика, итоги первых полутора лет, контуры на перспективу.

С.В. Уянаев

**Политика Индии в Восточной Азии:
курсом безопасности и интеграции****Аннотация**

В статье рассматриваются основные направления политики Индии по вопросам обеспечению безопасности в Восточной Азии. Проанализировано место проблем безопасности в общем комплексе индийской региональной политики — принятого в начале 1990 гг. курса «Взгляд на Восток». Автор исследует практические действия Индии в сфере безопасности в регионе — активность в АСЕАН и других региональных структурах, а также развитие двустороннего сотрудничества со странами региона.

Ключевые слова

Индия, Восточная Азия, безопасность, политика «Взгляд на Восток», АСЕАН, экономическая интеграция, двусторонние отношения.

Summary of core papers

Academician M.L. Titarenko,

director of Institute for Far Eastern Studies RAS

**Russian contribution into security and cooperation dialog
in East Asia****Summary**

The author displays main objectives of Russia in East Asia and more widely in Asia Pacific that are not to allow development of dangerous tendencies and region transformation into one more center of contradictions and the conflicts, to continue together with the allies to build here a new architecture based on cooperation, mutual trust and equal security for all countries.

Russia's interests in regard to Northeast Asia are defined as one of the most significant and perspective regions of the world. It is concretely analyzed the Russian government intention to attract regional countries to the solution of an old problem, i.e. how the backwardness of Eastern Siberia and Russian Far East could be overcome.

The author considers Russian-Chinese strategic interaction and confidential partnership as the core for consolidation of national security and Russian positions in Asia Pacific. He stresses the growing role of multilateral formats of interaction between Russia and the countries of East Asia and other regions like SCO, RIC and BRICS in erecting a strategy of joint development.

Keywords

Russia, China, AP, East Asia, Northeast Asia, Eastern Siberia, Far East of the Russian Federation, dialogue on problems and architecture of security, economic cooperation, interests of powers, regional organizations.

Tran Khanh

Tendencies to rebalance American armed forces in Southeast Asia**Abstract**

Doctor Tran Khanh analysis the period since the end of the 90's in the twentieth century, i.e. after the end of the Cold war. He accesses policy of the USA as a reaction to China's rise as new global power, regarding its impact on situation in Asia Pacific, first of all in SEA. The strategic concept of «rebalancing» presented by the U.S.

President Barack Obama, and also the principles exposed in the speech of late U.S. Secretary of State Hillary Clinton under the name «America's Pacific Century» at the APEC forum on Hawaii in November 2011 are the basis for this policy at the current period. These programs have first of all economic character and are aimed at providing the state interests and safety of the USA and their partners in Asia Pacific.

The author examines in general military strategy of the USA. He supposes that the policy of «a pivot», of «returning to Asia» and strategy of «rebalancing of armed forces» has been amplified with the aim to partially control China's revival in recent years and expand geopolitical space for the USA. For realization of this strategy the USA use a complex of forces — diplomatic, military, economic, and also disseminate so called democratic values. This policy considers of China's Soft power in transformation of the world, of its «Charm Offensive» realized through stimulating mechanisms for friendly bilateral and multilateral cooperation with the ASEAN countries.

Keywords

USA, Asia Pacific, SEA, ASEAN, security problems, pivot to Asia, rebalancing of armed forces, military strategy, agreements, joint military exercises, arms export, military assistance, China, Soft power, drastic measures, sovereignty over islands, Russia, crisis in Ukraine

Grigory M. Lokshin

Vietnam and East Asian tour of US President

Abstract

The article presents an analysis of the crisis in South China Sea in summer of 2014th. It shows some results of the second visit of the US President to four countries of the Eastern Asia, the reaction to it from the China, a new round of tension in the relationship of China and Vietnam after the installation of Chinese platform in the exclusive economic zone of Vietnam and the policy of the SRV in this situation.

Keywords

South China Sea, drilling rig, ASEAN, Obama 's visit, Si Jinping, military allies, protest.

Evgeny V. Kobelev

Dialogue partnership «ASEAN—Russia»: status, problems and prospects of development

Abstract

The author analyses different landmarks in the partnership between Russia and the ASEAN power regional group during the past 20 years. The author has shown the

ASEAN leading role in building the foundations of the world and security in the Southeast Asia and in the Asian-Pacific region in general as well as the strategic, political and economic importance for Russia of the strengthening of the partnership with this organization in all possible directions.

Keywords

Russia, ASEAN, Vietnam, Southeast Asia, APR, dialogue partnership, Russia—ASEAN summits, Business Council.

Do Minh Cao

The impact of political and regional changes on Vietnam security

Abstract

A number of major political and security events in the twenty-first century along with the global financial and economic crisis has led to significant changes in global and regional geopolitical situation. The role of the Asia-Pacific region, primarily of East Asia, including ASEAN and the South China sea has become the central, and every day is becoming increasingly important. Some powerful countries and superpowers have to adjust the policy and security strategy, while reorienting mainly to Asia. It occurred the rise of China, the strategic regulation of U.S. policy, India, and Russia. These geopolitical and regional changes have an impact on many countries, including Vietnam. Vietnam uses favorable circumstances and resists unfavorable tendencies that proceeds from these changes, calls to find new ways of development and ensure its sovereignty and territorial integrity.

Keywords

Geopolitics, security, China, USA, Vietnam.

Svetlana S. Suslina

Russia-Korea Relationship: achievements and new directions

Abstract

The article presents the Russian view upon the achievements and new directions of mutual Russia-Korean economic cooperation. It contains a comprehensive analysis of the main problems and prospects in the mutual relationship as far as some proposals and evolutions of the real efficiency of the recently announced economic projects which influence can provoke some synergy effect on the situation in North East Asia. It states that one of the main impacts of Eurasia economic integration can be creation of more balanced plural structure of world economy.

Keywords

Russia-Korean economic cooperation, Far East, North East Asia, economic integration.

Vladimir M. Mazyrin

**Russia-Vietnam economic relations in the first half of 2010's:
core trends of development**

Abstract

The paper presents analysis of contemporary economic relations between Russia and Vietnam from the point of view of their objective interest in the partnership expansion. Key directions, trends and factors of this process are identified. The situation in the sphere of trade and investment, transport is detailed. Special attention is paid to the problems impeding the growth and effectiveness of the interaction, and the ways of their solution. The author predicts a serious test of bilateral relations on the strength in the new international environment.

Keywords

Vietnam, Russia, trends of economic relations, state and structure of foreign trade, bilateral direct investment, transport projects, payments in national currencies, joint ventures, problems and prospects of cooperation development, orientation towards Russia, dependence on the U.S.

Nataliya G. Rogozhina

**Green development — the mean of achieving environmental security
in South East Asia**

Abstract

The article outlines the causes of environmental deterioration in the countries of South East Asia and the prospects of sustaining environmental security that is achieved by shifting to the new model of development — green development what envisages the providing of ecoindustrial revolution. It is oriented towards increasing resource efficiency and decreasing the risk of pollution the environment. To achieve this task the South East Asian countries have to include to the catch up model of industrial development the elements of post industrial development. This will open the prospects for environmental secure accelerated economic development.

Keywords

South East Asia, green development, environmental security, environmental problems, ecoindustrial revolution.

V. Portyakov

**The outlines of the foreign policy of the fifth generation
of the PRC' leaders**

Abstract

The first results of the foreign policy course implemented by the fifth generation of the PRC leadership are analyzed. The features of «continuity and novelty» in the international activities of Xi Jinping and his team are highlighted. It is shown that Beijing especially stresses the innovative nature of contemporary Chinese diplomacy.

Keywords

China, the fifth generation of leadership, foreign policy, results of the first one and half year, the contours of the future policy.

S. Uyanaev

Policy of India in East Asia: Security and Integration

Abstract

The article addresses the basic policy of India to ensure security in East Asia. The author analyzes the role of security interests in the overall complex of Indian regional policy adopted in early 1990 and named «Look East Policy». The specific practical measures undertaken by India in providing security for East Asia — namely activity in ASEAN and other regional structures, as well as pushing forward bilateral security cooperation with the countries of the region.

Keywords

India, East Asia, the security, the policy of «Look East policy», ASEAN, economic integration, bilateral relations.

Краткие данные об авторах

---

1. Виноградов Андрей Владимирович — доктор политологических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.

2. Гордиенко Дмитрий Владимирович — доктор военных наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

3. До Минь Као — кандидат наук, консультант Института китаеведения Академии общественных наук Вьетнама.

4. Жебин Александр Захарович — кандидат политологических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН.

5. Кистанов Валерий Олегович — доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН.

6. Кобелев Евгений Васильевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

7. Ларин Вадим Петрович — старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

8. Локшин Григорий Михайлович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

9. Мазырин Владимир Моисеевич — доктор экономических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, проф. Института стран Азии и Африки МГУ.

10. Островский Андрей Владимирович — доктор экономических наук, зам. директора по научной работе ИДВ РАН.

11. Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, зам. директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

12. Рогожин Александр Александрович — кандидат экономических наук, зав. сектором социально-экономических проблем ИМЭМО РАН.

13. Рогожина Наталия Григорьевна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

14. Стапран Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент МГИМО, директор Российского центра исследований АТЭС.

15. Суслина Светлана Серафимовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

16. Тавровский Юрий Вадимович — главный редактор журнала «Дипломат», профессор РУДН.

17. Титаренко Михаил Леонтьевич — академик РАН, директор ИДВ РАН.

18. Уянаев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, зам. руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

19. Федоровский Александр Николаевич — доктор экономических наук, зав. сектором общих проблем АТР ИМЭМО РАН.

20. Чан Кхань — доктор наук, главный редактор журнала «Изучение Юго-Восточной Азии» (Вьетнам).

Научное издание

**Пути укрепления безопасности
и сотрудничества в Восточной Азии**

**Материалы совместного
российско-вьетнамского исследования**

Препринт

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*
Корректоры *Н.Б. Потапова, Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 15.11.2014.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 21,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (Препринт — 100 экз.).
Заказ № 25